

ЛЕГЕНДЫ
И ПРЕДАНИЯ
ВОЛГИ-РЕКИ

НИЖЕГОРОДСКИЕ БЫЛИ

Несколько десятилетий,
путешествуя по деревням и селам
Поволжья, работая в архивах и библиотеках,
нижегородский фольклорист, профессор

Владимир Николаевич

МОРОХИН,

собирал эту антологию
легенд и преданий.

ЛЕГЕНДЫ И ПРЕДАНИЯ ВОЛГИ-РЕКИ

КНИГИ
2002

ББК 82.3Р-6
Л38

Составитель серии
«Нижегородские были»
О. Рябов

Подготовку текста книги к публикации
осуществили доктор филологических наук
Н. В. Морохин и Д. Г. Павлов

Л38 Легенды и предания Волги-реки: Сборник / Сост.
В. Н. Морохин. 2-е изд., испр. и доп. — Нижний Новго-
род: издательство «Книги», 2002. — 544 с., ил.

ISBN 5-94706-005-1

ББК 82.3Р-6

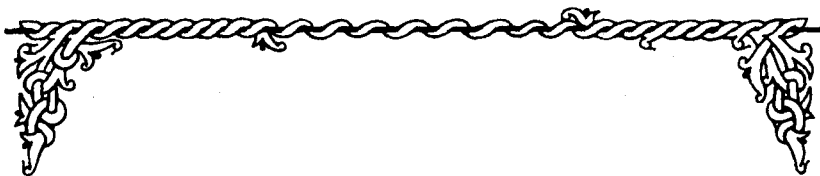
«Легенды и предания Волги-реки» — наиболее полная антология фольклорных произведений этих жанров, записанных в Поволжье. Их тематика разнообразна — происхождение народов, живущих в регионе, история основания городов и сел, военное прошлое, чудеса и тайны природы, таланты народных мастеров, жития святых. В основу книги легли материалы, собранные во время экспедиций 1960—90-х годов нижегородским фольклористом профессором В. Н. Морохиным и его учениками, редкие архивные находки, малоизвестные публикации.

Книга адресована студентам, школьникам, журналистам, краеведам, историкам, широкому кругу читателей, интересующихся прошлым Поволжья и его фольклором.

ISBN 5-94706-005-1

© В. Н. Морохин, 1998
© Издательство «Книги», 2002

*Галине Николаевне Морохиной —
давнему другу, жене и неизменному
помощнику посвящается*

Предисловие

Человеку, который работал над материалами этой книги больше тридцати лет, не суждено было увидеть свой труд законченным.

18 сентября 1996 года, в теплый осенний полдень он, 75-летний профессор, ушел на работу — на филологический факультет университета, с которым были связаны полвека его жизни. Спустя два часа он умер за рабочим столом в созданном им фольклорном фонде.

В шкафу до сих пор висит его серый плащ. А над рабочим столом, который достался по наследству мне, новому руководителю фонда, студенты установили мемориальную доску и портрет.

...Владимир Николаевич Морохин. Это имя знают горьковские-нижегородские краеведы. Убеждался — оно многое говорит и специалистам в разных городах страны, и студентам. По четырем его учебным пособиям для студентов вузов, выпущенным в Москве, изучают русский фольклор все филологи. Два издания были повторены. Семь фольклорных сборников, изданных за четверть века — практически это настоящая антология народного творчества нашего края второй половины XX века. Книги, которые будут нужны и любопытны людям еще долго.

Писать о Владимире Николаевиче Морохине мне очень непросто. Он мой отец, его лекции по фольклористике я слушал будучи студентом университета. Еще школьником в середине семидесятых я отправился с ним в первую свою экспедицию, маршрут которой был выбран настолько удачно, что я тут же заболел народным творчеством — мы собирали материал о граде Китеже вблизи загадочного озера Светлояр. Тот самый материал, который спустя несколько лет стал книгой «Град Китеж».

Мой отец принадлежит к поколению, вероятно, с самой трагической в истории судьбой. Родившимся в 1921 году обещали грядущую встречу с зарей счастья для всех людей земли. Ждали же их суровые тридцатые годы, а потом — есть такая статистика — только троим из каждых ста ушедших на войну юношей было суждено вернуться домой. И спустя годы люди

эти увидели не славу и счастье Отечества, для которого они жили, а убожество существования миллионов людей, слышали несправедливые упреки...

«Легенды и предания Волги-реки». Путь к этой масштабной антологии фольклора Поволжья был сложным. И мечты о такой книге не могло не появиться.

В роду моего отца — мастеровые люди, водники и бурлаки, словом — речники, трудившиеся на Унже, Клязьме, Оке и Волге. Механиком на пароходе, а позднее — инженером водного транспорта работал и мой дед, который жил в тридцатых годах в приокском поселке Шиморское неподалеку от Выксы. Спустя три десятилетия с легкой руки моего отца экспедиции фольклористов получили очень непривычное для большинства собирателей задание: они прошли по волжским и окским затонам, чтобы записать предания, легенды, песни, устные рассказы речников. Материал оказался необыкновенно богатым и интересным, потому что руководитель экспедиции и его подопечные хорошо понимали своих собеседников. Между прочим, Владимир Николаевич успел перед войной поучиться в институте водного транспорта, откуда и был взят в армию.

Имена погибших однокашников моего отца, товарищей по школе и институту — на памятнике в центре Шиморского и на мемориальной доске в вестибюле ГИИВТа.

Тех, кого война пощадил, она заставила многое пересмотреть и изменить в своей жизни.

Именно на фронте мой отец, по его собственному признанию, сделал первые фольклорные записи, они сохранились в его блокнотах. Я хорошо понимаю это состояние: кажется жизненно необходимым что-то зафиксировать для памяти, для себя, а может, и для всех людей, а потом совершенно непонятно, что делать с этими собственными торопливыми заметками, где их хранить, как приспособить, чтобы кто-то еще мог прочесть схваченное на лету слово, удивиться ему, разделить восхищение с тем, кто его первым услышал и сохранил, запечатлев на бумаге. Наверное, именно с этого начиналась фольклористика вообще.

И когда он вернулся в сорок шестом году после боев с японцами на Дальнем Востоке, выбрана была уже другая специальность: Владимир Николаевич стал студентом самого первого курса только что открытого историко-филологического факультета Горьковского университета.

Я слушал его рассказы об этом необыкновенном курсе, на который приняли молодых людей не с золотыми и серебряны-

ми медалями за вызубренные правила и гладенькие сочинения, а с медалями и орденами — совсем другими. Рассказы о том, как студенты приходили на занятия в солдатских и офицерских шинелях, как случалось зарабатывать в газете, как уважительно обращались к своим ученикам профессора.

Занятия фольклором посеяли в душу сомнения и, в общем-то, тяжелое чувство. О чем ни заходила речь, кончался разговор одинаково грустно: а теперь былина как жанр исчезла, песни исторической тематики уходят из быта деревни, сегодня легенду записать трудно... Так ли все это — ведь приходилось же слышать много раз такие произведения? Если дни фольклора сочтены, значит надо срочно что-то делать — записывать, хранить и издавать...

Темой кандидатской диссертации Владимира Николаевича стало горьковедение — односторонне, тенденциозно разработанная в те годы отрасль истории отечественной литературы. Тем интереснее было прикоснуться к тогда еще немногим, выдаваемым из архива подлинным документам, которые оказывались в распоряжении исследователя.

Не верю в то, что в жизни ученого бывают какие-то посторонние, абсолютно не нужные повороты, исследовательские темы. Все наработанное отзывается потом так или иначе. Годы жизни М. Горького, о которых шла речь в диссертации, — сложное время раздумий о судьбе народа, о его великом культурном наследии.

После защиты диссертации были годы работы в Муромском пединституте. Потом — в 1962 году — возвращение в Горький. Много времени и сил требовала административная работа — тяжелая и достаточно неблагодарная. Проректором в Муроме, деканом историко-филологического факультета в Горьковском университете.

С начала шестидесятых годов фольклористика стала главным в преподавательской и научной работе Владимира Николаевича, хотя он продолжал заниматься и горьковедением, долгое время работал секретарем Горьковской комиссии при облисполкоме — той самой, на плечи которой ложится проведение Горьковских чтений, подготовка к изданию их тезисов и невероятное множество дел, связанных с именем великого писателя в его родном городе, с памятью о нем.

В первых числах июля 1963 года в Урень, на только что впервые пущенной в эту сторону электричке, уехала самая первая фольклорная экспедиция Владимира Николаевича Морохина в Горьковском университете. Сейчас, разбирая пожелтевшие уже за-

писи того времени, мы не перестаем удивляться их богатству. Еще жив Михаил Ананьевич Сказкин — глубокий старик, мудрый, спокойный и лукавый собеседник. Его не станет через три с половиной года. Но его изумительными сказками, рассказами о жизни, о войне, о плотничьем ремесле исписаны несколько тетрадей. Записи рассказов и песен о войнах и событиях, которые были в начале века, старинные предания, биографии людей, зафиксированные с живого голоса — людей, родившихся в семидесятых—восьмидесятых годах прошлого века, легенды о скитах в семеновских лесах, сказы ковернинских мастеров хохломы. Вот с этого и начинался фольклорный фонд, собранный — теперь об этом можно говорить безо всякого преувеличения — поколениями студентов, самим Владимиром Николаевичем. Потом были Волжские и Окские экспедиции и принесенный ими материал — древнейшие, еще бурлацкие сказки и песни (многие полагают, что кроме «Дубинушки» не пелось ничего!), рассказы о работе на флоте, о самых трудных временах — о гражданской войне, о стalingрадской переправе в Отечественную... Состоялись большие экспедиции по тем местам, где бывали в Поволжье Пушкин и М. Горький, Языков и Мельников-Печерский, где именно ими первыми сделаны фольклорные записи; велась эта работа совместно с Институтом Русской Литературы АН СССР (Пушкинский Дом). А вскоре уже появилась целая программа исследований в соседних республиках Поволжья и Ульяновской области, изучались межэтнические связи, особенно ощутимые в таких пестрых по национальному составу регионах. И бесконечные поездки по районам области — казалось бы, ничем не примечательным — что стоит для большинства из нас за написанным на карте словом «Вача» или «Гагино»? Надо лишь прикоснуться к народной памяти, и иной увидится привычная земля, изъезженная машинами, истерзанная мелиораторами, вдоль и поперек обжитая — привидятся тени сметливых и работающих первопоселенцев, распахавших поляну среди дремучих лесов, услышатся гул древних битв, голоса людей, разбойничий посвист, звон кандалов... Это надо любить, бесконечно любить, потому что иначе древность, живущая в предании, в песне, в сказке не подпустит и близко, не станет миром, куда можно войти, а будет чем-то вроде запыленной провинциальной музейной витрины под заученный рассказ экскурсовода, адаптированный для шестиклассников.

Именно это ощущение живой древности стало духом «Нижегородских легенд и преданий» и «Града Китежа». Это не просто

фольклорные сборники, это книги, волнующие, заставляющие думать о древних, неразрешенных до сих пор загадках, искать потерянные много веков назад дороги, печальные курганы, ждать встречи с чудом — стерляжьим царем или медленно поднимающимся с озерного дна городом. При этом — удивительное дело — книги эти остаются научными. А подготовленные Владимиром Николаевичем сборники фольклора нашего края для школьников не просто, так сказать, тешат их, не просто воспитывают — они их просвещают. Это и рассказ о народном искусстве, популярный, простой, без трагической патетики, и попытка обращения к древнейшим корням сказки, легенды, и слово о мастерах, несущих сквозь века чудо народно-поэтического творчества. Особняком стоят «Сказки бабушки Марковой». Они для самых маленьких. Изумительны цветные иллюстрации Софьи Закржевской — заяц, петушок, ежик с гармонью, воробей — герои сказок Марковой. Составительская работа незаметна. Кажется, произведения скажут за себя все. И только анализируя их, понимаешь — они искусно отобраны и расставлены. И само начало книги — словно сказка, сложенная о непростой и счастливой жизни: «Жила-была в Богородске бабушка Маркова. Старенькая-престаренькая...» Как относятся дети к своим первым книжкам, вряд ли нужно объяснять. Но недавно я познакомился с человеком, который бережет «Сказки бабушки Марковой» третье десятилетие своей жизни — самую любимую книжку детства.

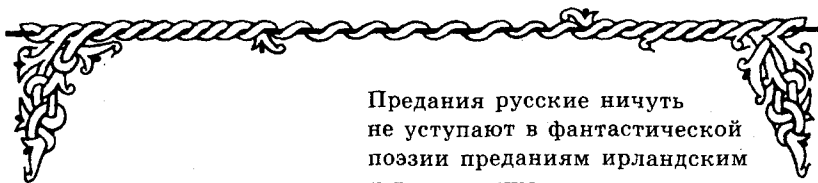
Важно собрать фольклор, чтобы вернуть его людям — это одна из любимых мыслей Владимира Николаевича. И именно подобные книги видятся мне конечной целью труда нескольких десятков фольклорных экспедиций, в которых участвовал и он сам, и его ученики — студенты и выпускники университета. Фонд, который был собран на кафедре советской литературы университета — труд сотен людей, которых надо было на него вдохновить, надо было объединить общей идеей. Даже те, для кого фольклор не стал сферой личных глубоких интересов, как правило, трудились не за зачет, а по убеждению, что делают прекрасную работу, которой суждена долгая жизнь. Другие мысли как-то и не появлялись после курса лекций Владимира Николаевича — интересного, с иллюстрациями, с магнитофонными записями, после того, как ознакомишься с учебными пособиями, которые он выпустил в московском издательстве «Высшая школа» и в издательстве Горьковского университета. Случай редкий — ему было присвоено звание про-

фессора, хотя он в свое время решил не заниматься хлопотами по защите докторской диссертации. Работа такого класса у него написана — это монографическое исследование о современных судьбах русской сказки, но оно остается пока (уже второй десяток лет) лишь в рукописи.

Труден и драматичен был путь к читателю и этой книги. Но она пришла к нам, потому что нужна, потому что труду, берегающему духовное наследие десятков поколений, нельзя позволить оборваться.

...И продолжает свою вечную работу над манускриптом летописец, высеченный на камне памятника моему отцу. А над столом летописца взмыла вещая птица.

*Николай Морохин,
доктор филологических наук,
лауреат премии Нижнего Новгорода*

Предания русские ничуть
не уступают в фантастической
поэзии преданиям ирландским
и германским.

А. С. Пушкин

Легенды и предания Волги-реки

Всем нам с детских лет хорошо знакомо крылатое пушкинское выражение «Преданья старины глубокой». И едва обратившись к нему, каждый безусловно вспомнит и другие широко известные слова великого поэта: «Дела давно минувших дней», предшествовавшие, как известно, этой знаменитой строке, давно уже ставшей афоризмом.

Именно им — делам давно минувших дней — посвящены многочисленные произведения так называемой несказочной прозы русского устного народно-поэтического творчества*, имеющие и теперь еще немалое распространение во многих селениях Поволжья. Среди них важное место занимают предания и легенды. В этих ярких произведениях, возникших в далеком прошлом, мудрая и честная людская память навеки запечатлела былые события, дав глубокое и надолго запоминающееся, а вместе с тем и своеобразное отражение фактов истории Руси и рельефно осветив различные стороны жизни и быта целого ряда поколений.

Названным жанрам русского фольклора присуще не только определенное сходство сюжетов и образов, но и известное стремление к достоверности. В отличие от сказок, четко ориентирующих читателя и слушателя на волшебное содержание, легенды и предания, даже будучи насыщенными фантастическими ситуациями и образами, обычно содержат немало фактов, щедро почерпнутых народом из окружающей действительности.

При некоторой близости сюжетов и отдельных персонажей, что нередко бывает причиной смещения легенд и преданий не только любителями фольклора, но и специалистами, эти соседние жанры русского народного творчества надлежит разграничивать.

* Наряду с этим термином в науке и общем обиходе широко используется международный термин фольклор (от англ. folk — народ, lore — мудрость, знание).

К легендам относятся эпические произведения несказочной фольклорной прозы поучительного характера, в которых исполнители широко используют фантастические, в том числе и религиозные (христианские и языческие), мотивы, а героями их выступают не только люди, но и сверхъестественные существа, часто — святые, Бог. Название этого жанра происходит от латинского слова *legenda*, что в буквальном переводе означает текст, который следует прочесть. Термин появился в эпоху средневековья как общее название произведений житийной литературы. Позднее он был использован для обозначения жанра в устном народном творчестве. Знакомясь с текстами легенд, можно заметить, что некоторые из них книжного, а точнее библейского происхождения. Однако преобладающее большинство событий, изображаемых в легендах, является плодом народной фантазии, причем и рассказчик, и слушатель, как правило, верят в достоверность того, что сообщается в произведении.

Отдельные легенды связаны своим содержанием с различными библейскими сюжетами, почерпнутыми из Ветхого и Нового Заветов. Вместе с тем, как отмечал в середине прошлого века один из первых издателей сборника русских народных легенд А. Н. Афанасьев, «обильным материалом для народной поэзии» и, в частности, для легенд служила «языческая старина»*.

Перекликаясь с древними мифами, наиболее архаичные произведения этого популярного в прошлом жанра с определенных позиций давали объяснения отдельным явлениям природы и рассказывали о происхождении некоторых видов растений и животных. Более новые легенды много места отводили повествованию о различного рода чудесах. Это способствовало существенному обогащению содержания произведений данного жанра.

Большой и разносторонний по тематике репертуар народных легенд, которым мы располагаем сегодня, исследователи фольклора обычно классифицируют по группам. В качестве основы для подобной систематизации берется содержание тех или иных произведений. Классифицируя легенды, можно выделить ряд тематических групп.

В группе наиболее древних, возникших еще до появления христианства, — так называемые космогонические легенды, которые знакомят читателя и слушателя с историей миротворения, сообщаемой самим народом. Такие произведения содержат бесхитро-

* Народные русские легенды, собранные А. Н. Афанасьевым. — М., 1859, с. V.

стные толкования языческо-христианских повествований о возникновении Вселенной. Сюда включаются легенды о происхождении земли, неба, солнца и звезд. Примечательно то, что в этих произведениях вопреки библейским суждениям нередко подмечается, что в создании земли, например, участвовали Бог и сатана. Такова публикуемая в книге легенда «Как земля сотворена была». Однако даже в создании светил, по мнению народа, главенствующая роль принадлежала человеку. Такая мысль довольно четко выражена в легенде «Про то, откуда солнце взялось».

К первой тематической группе близки легенды о происхождении животного и растительного мира. В них, как правило, речь идет о возникновении тех или иных зверей, птиц, пресмыкающихся, рыб, насекомых и растений, а вместе с тем и дается разъяснение их определенных качеств. Об этом рассказывается в легендах «Про человека и собаку», «Про рожь» и в других произведениях.

Определенное место среди русских легенд занимают произведения, содержание которых тесно связано с религиозно-апокрифическими* сюжетами. В числе легенд этой группы тексты, повествующие о святых, Иисусе Христе и Боге, об их пребывании в раю, аду и на земле, а также о том, как они помогают простому человеку решить трудную задачу, как одаривают тех, кто беден и нуждается. Такими предстают перед читателем публикуемые в книге легенды «Чудо на мельнице», «Микола и Касьян» и другие.

Наряду с этим в прошлом были распространены и легенды о наказании недобрых людей, а также о вознаграждении тех, кто трудолюбив, отзывчив и кроток. Героями произведений подобного содержания выступают обездоленные крестьяне, которым в легендах приходится на выручку не только силы природы (как это нередко бывает в волшебных сказках), но и святые и даже сам бог. В подобных легендах особенно четко проступает народное мировоззрение, отношение простых людей к власти имущим. Среди произведений этой тематической группы включенная в сборник легенда «Микола-угодник и охотники».

Отдельную группу выделяют легенды, рассказывающие о человеческой судьбе и смерти. Причем к столь многократно освещавшейся в религиозных сочинениях и духовных стихах теме легенда подходит с глубоко народных позиций. В этих произ-

* Апокрифические — от греч. слова «апокриф» (скрытый, тайный) — религиозные книги, отличающиеся по своей трактовке библейских сюжетов от канонической, то есть официально утвержденной христианской церковью литературы.

ведениях говорится о том, что крестьянин и солдат отнюдь не спешат ни в ад, ни в рай. Попав же в царство небесное, герои таких легенд не воспринимают «благодать неизреченную» и по собственному желанию уходят в ад. Таковой, например, складывается ситуация, изображенная в легенде «Солдат и Смерть».

Известный интерес у читателей вызывают легенды социально-утопического содержания. К ним относятся устно-поэтические повествования этого жанра о столь желаемом «золотом веке», о манящих к себе несметным богатством «далеких землях», о бескорыстных народных защитниках и избавителях людей от тягот жизни.

Не менее привлекательна и группа легенд об исторических событиях и лицах. В них вымышленные и, более того, сверхъестественные мотивы сочетаются с действительными фактами. Эти произведения нередко бывают связаны с именами Разина, Пугачева, Суворова, а содержание в известной мере отражает и такие исторические события, как нашествия на Русь полчищ завоевателей, Смутное время, военные походы Ивана Грозного и Петра Первого.

Среди тематических групп русских легенд следует отметить и те, которые касаются вопросов жизни и быта людей разных сословий. На суеверно-мистической основе в них раскрываются темы, связанные с родственными отношениями. Сюда же относятся и легенды социально-нравственной проблематики, и одна из них («Рах-разбойник») печатается на страницах нашего сборника.

Таковы основные тематические группы народных легенд, издавна и прочно занявших достойное место среди ведущих жанров русского фольклора. Даже краткий перечень тематики произведений этого жанра позволяет говорить о богатстве репертуара и определенной жанровой специфике этих интереснейших творений народа-труженика. И здесь уместно отметить, что своеобразие легенд проявляется, прежде всего, в умении создателей такого рода повествований наполнить в своей основе языческие и христианские сюжеты демократическим содержанием, а также незаурядную способность искусно обращать связанную с религиозными верованиями людей фантастику против общечеловеческих пороков.

По мнению народа, выраженному в каждой из легенд, отдельные персонажи из числа святых (например, Касьян) не всегда поступают так, как предписано действовать им религиозными правилами. Люди рассказывают в своих легендах про то, что во время странствий по земле святые кое-когда и не выступают как истинные носители добра и справедливости. Если в легенде «Чудо на мель-

нице» Христос, выведенный в начале повествования в образе нищего, наделяет бедного крестьянина за щедрость и человечность большим количеством муки, то в ряде других произведений показана нерадивость святых. В таких легендах говорится о наказании тех служителей Христа, которые неуважительно относятся к человеку труда, не выполняют требований, повседневно предъявляемых к простым людям. «Неправильных» святых в народных легендах наказывают не только крестьяне, но и сам Бог. Так, в одной из них («Микола и Касьян») всевышний своей властью карает Касьяна-угодника за пренебрежение к мужику и желание помочь ему вытащить застрявший на дороге воз.

На острой сатирической основе построены сюжеты легенд, в которых рассказывается о разного рода пороках, а также о прощении согрешившего человека. Произведения такого содержания развивали жившую в народе мысль о том, что грех может быть искуплен не только продолжительным и тяжелым трудом, а и решительной расправой над теми, кто угнетает и бесчестно обирает человека труда, будь то местный барин или плывущий по Волге торговец.

Как справедливо утверждают легенды, грешат не только эти паразитирующие слои общества, но и «выбившиеся» из бедноты разбогатевшие на обмане простых людей мужики.

Осмеивая святых и господ, легенды вместе с тем рисуют правдивые картины жизни, быта, тяжелейшей крестьянской работы и солдатской службы рядовых тружеников. Во многих легендах ярким образом представителей народа — крестьянам и солдатам — отводится весьма почетное место. Мужик — носитель лучших человеческих качеств. Ему под силу любое дело, он, как правило, прекрасный и честный работник, заботливый и верный семьянин, чуткий и предельно добрый спутник. Все эти качества далеко не всегда даются в легендах скупому и заносчивому барину.

В социальной антитезе — противопоставлении человека труда знатному господину, а иногда и кому-то из святых — огромный идейно-эстетический смысл русских народных легенд.

Представляя собой небольшие по объему и сравнительно несложные по построению повествования, легенды имеют, как справедливо пишут исследователи, довольно простую, а вместе с тем «свободную, изменчивую композицию»*.

По сути дела легенды не имеют постоянного текста, что яв-

* Гусев В. Е. Эстетика фольклора. — Л., 1967, с. 123.

ляется следствием импровизационного происхождения многих из произведений этого жанра.

Художественная форма легенд не ограничивается строго регламентированной структурой: отдельные приемы изложения в них взяты из близких им фольклорных и письменных жанров. Так, для легенд нередки случаи использования таких же зачинов, которые обычно используются в народной сказке. Среди них особенно часты зачины типа: «Жили-были...» или «В некотором царстве, в некотором государстве...» По своему композиционно-структурному построению и стилю изложения материала отдельные легенды близки к социально-бытовым сказкам, а также к произведениям письменной житейной литературы.

На наличие в них «атрибутов чисто сказочного эпоса» указывал в свое время большой знаток этого жанра А. Н. Афанасьев. Он отмечал данное явление в своем предисловии к сборнику «Народные русские легенды».

Действительно, в ряде легенд можно встретить наряду с присутними народным сказкам зачинами и традиционные трехкратные повторения и даже характерные концовки. Но вместе с тем следует иметь в виду, что многие исполнители легенд почти не обращаются к столь часто встречающимся в сказках «общим местам».

Определенная идейная направленность народных легенд, поучительность их содержания обеспечили произведениям данного жанра немалую популярность в прошлом. Живы они в памяти людей разных возрастов и в наши дни, о чем свидетельствуют записи легенд, сделанные во многих селениях Поволжья. Успеху легенд способствует и доступность ее художественной формы. В устах умелых исполнителей легенды, подобно другим прозаическим произведениям народно-поэтического творчества, звучали и продолжают еще звучать как замечательные памятники словесного искусства. Они привлекают внимание читателей и слушателей чистотой и прелестью их сюжетов, спецификой образной системы, формой художественного построения и тем «особенным, отличительным характером»*, который во все времена высоко ценится почитателями русского фольклора.

К *преданиям* относятся сюжетные устно-поэтические эпические повествования в прозе, которые, нередко с известной долей вымысла, рассказывают о давно минувших, но реальных

* Народные русские легенды, собранные А. Н. Афанасьевым. — М., 1859, с. V.

делах и исторических лицах или объясняют происхождение географических названий.

Истоки преданий уходят в глубь минувших столетий, а в основе их часто лежат рассказы свидетелей тех или иных событий, а также лиц, якобы слышавших о сообщаемом непосредственно от очевидцев. Поэтому-то факты, приводимые в преданиях, несмотря на явный художественный вымысел, встречающийся в отдельных произведениях, истолковываются рассказчиками как достоверные. Отмеченное обстоятельство, очевидно, и стало одной из причин того, что некоторые исследователи считают определяющей для преданий познавательную функцию. Акцентируя внимание на этой особенности произведений рассматриваемого жанра, они недооценивают художественную сторону преданий, относясь к ней как к явлению второстепенному. Между тем эстетическая функция представляет собой одну из жанровых особенностей произведений данной фольклорной разновидности.

Вместе с тем следует отметить и постоянное обращение преданий к историческому материалу (указание на факты и известных лиц, живших в прошлом), определенное тяготение их к объяснению событий. Этим по сути дела и продиктовано появление произведений рассматриваемого жанра, содержащих разъяснение какого-то факта, приключившегося с кем-либо из исторических лиц, или знакомящих с происхождением какого-то названия.

Непосредственное обращение преданий к социально-общественным и семейно-бытовым проблемам минувшего сближает их с такими жанрами народно-поэтического творчества, как легенды, былички, сказки, сказы, устные рассказы и исторические песни. Но в преданиях, как уже говорилось, всегда четко выражена ориентация на историзм и реальность изложения материала.

Русские народные предания неоднородны как по тематике, так и по осмыслению основных событий и фактов прошлого. Поэтому в науке принято группировать предания по их содержанию.

Первую группу преданий составляют произведения о памятных событиях истории и исторических лицах. Подобно отдельным топонимическим преданиям, многие из них возникли еще до появления на Руси письменности и непосредственно связаны с действительностью далекого прошлого. Именно поэтому на них, как на авторитетный и вполне надежный материал, нередко ссылались народные рассказчики и составители ранних русских летописей. В своих произведениях они широко использовали варианты устных преданий о былых событиях и деятельности ряда исторических лиц. Так, например, летописцы обращались к древним

рассказам-преданиям о наиболее памятных фактах из жизни славянских и других племен, о возникновении и расселении их родов (предания о радимичах и вятичах), об основных занятиях людей и их взаимоотношениях с соседями (предания о полянах и обрах). Особый интерес представляют исторические повествования, включенные в «Повесть временных лет». Это были предания восточнославянских племен, «бережно сохраненные на протяжении почти полутысячелетия и записанные летописцем»*.

Исторические предания последующих эпох рассказали об укреплении Московского централизованного государства. Особое место здесь принадлежит циклу преданий, связанных с именем Ивана IV. Эти предания, при известном тематическом многообразии их, заостряют внимание на образе русского царя. Причем в одних преданиях (например, в таких как «Дудин монастырь» и др.) действия Ивана Грозного не одобряются, а сам он выступает в роли деспота, который не щадит никого. В других же, как писал М. Горький, «Грозный царь является царем мудрым, а главное — справедливым». Объясняя причину подобной оценки Ивана IV в фольклоре, писатель замечал далее: «Жестокая кровавая борьба Грозного с боярами была воспринята народом как борьба героическая со стороны царя»**.

Немалую роль в укреплении авторитета Ивана IV сыграли также мероприятия, направленные на дальнейшую централизацию Российского государства. Исторические предания уделяют большое внимание таким событиям, как походы на Волгу и завоевание Казанского царства («Предание о походе Ивана Грозного», «Наказание Волги»). Они рассказывают также и об отношении к царю жителей селений, через которые шло его войско («Арзамас», «Ардатов»). Примечательны и живописные предания о ратных делах и героизме простых воинов.

Значительное место среди произведений этого жанра, распространенных в прошлом и бытующих ныне в городах и сельской местности Поволжья, принадлежит преданиям о движении народных масс под предводительством Степана Разина и Емельяна Пугачева («Разинцы на Нижегородской земле», «Атаман Волги», «Переправа Пугачева», «Пугачев в Саратове» и др.).

Первые предания разинского цикла возникли уже в ходе крестьянской войны и, несмотря на гонения со стороны царских властей и церкви, активно бытовали в народной среде. В этих фольклор-

* Повесть временных лет. — М.—Л., 1950, ч. 2, с. 11.

** Горький М. История русской литературы. — М., 1939, с. 108.

ных произведениях отражена деятельность «волжского атамана» Степана Разина, описаны события, связанные с широким народным движением второй половины XVII в. на Волге и Дону. Так, в одном из преданий рассказывается, как Разин «наотрез отказался грабить бедноту», поссорился с атаманом Ураком и, убив его, «ушел со своей шайкой на новое место». Став во главе поднявшихся на борьбу угнетенных масс, Разин не жалеет сил для того, чтобы помочь обездоленным. В ряде преданий данного цикла приводятся многочисленные факты защиты обиженных, «беглых и бесправных». В предании о волжском атамане рассказывается о том, что Разин, встречая людей на дороге, «расспрашивает об их житье-бытье», внимательно выслушивает «жалобы на господ и начальников и обещает явиться грозным мстителем за народ». Такие обещания обычно приводятся им в исполнение: вождь волжской вольницы не дает спуска «ни царским судам, ни купеческим», ни «астраханским воеводам», ни «самому митрополиту» («О Степане Разине»). Он лишь «взмахнет кистенем — и от обидчиков, лихих кровопивцев мигом не останется и следа» («Бугор Степана Разина»). Во многих преданиях показано, с каким уважением относились к атаману казачья беднота, беглые крестьяне, «работные» люди, солдаты и бурлаки, «сбросившие с плеч опостылевшую ляжку». В преданиях отмечается, что «вольный народ ходил к нему нарочи», люди труда, нередко на глазах своих хозяев, бросали работу и шли к разинцам.

Содержание многих преданий разинского цикла перекликается с такими историческими песнями, как «Разиц_и казачий круг», «Разинцы в Персидском походе», «Наезд разинцев на Астрахань», «Сынок Степана Разина», «Расправа с астраханским воеводой» и другие. Это объясняется тем, что в основу и того и другого жанров положены одни и те же героические события, которые настолько всколыхнули широкие народные массы, что не могли не отразиться в таких активно бытовавших в пору разинского движения видах фольклора, какими были песни и предания.

Весьма примечательным для преданий разинского цикла является также и то, что, несмотря на реалистические тенденции в показе основных событий, во многих из них четко ощущается стремление к сказочной форме. Сказочно-фантастические элементы проявляются прежде всего в изображении главного персонажа повествований. Так, в преданиях нередко сообщается о том, что Разин «отводит глаза» врагам, обладает сверхъестественной силой, способной защищать от вражеского оружия («Про Степана Разина»), что ему удастся свободно «перелетать с Дона

на Волгу, а с Волги на Дон», а когда его посадили в тюрьму, он дотронулся до кандалов разрыв-травой — кандалы спали, потом нашел уголек, «нарисовал на стене лодку и весла, и воду... сел в эту лодку и очутился на Волге» («О Степане Разине»). В легендарно-утопических преданиях о волжском атамане Разин не умер, а «бродит по городам и лесам» и еще придет, когда «час настанет», и сполна воздаст угнетателям трудового люда.

Несмотря на то, что в преданиях о Пугачеве нередко ставится знак равенства между образами Разина и Пугачева, произведения пугачевского цикла отразили совершенно другую эпоху в 70-е годы XVIII столетия. По справедливому замечанию В. Г. Короленко, часть преданий «ушла в глубь народной памяти, подальше от начальства и господ, облекаясь постепенно мглой суеверия и невежества»*, тем не менее устные повествования о той примечательной поре донесли до наших дней яркие картины разных периодов Крестьянской войны под предводительством не «благородного» разбойника, каким часто изображался Разин, а близкого и верного народу «мужицкого» царя. Пугачеву — «справедливому царю» — посвящен ряд произведений рассматриваемого цикла («Емельян Пугачев в Ядрине», «Пугачев в Арзамасе», «Пугач и Салтычиха» и другие). Пугачев предстает перед читателями преданий как ярый противник крепостничества, настойчиво и активно борющийся за права народа; и народные массы ничего не жалеют для того, чтобы помочь своему вождю. Именно поэтому в пугачевских отрядах рука об руку сражаются волжские бурлаки и крестьяне поволжских сел и деревень. Предания сообщают о том, что жители всех селений, через которые проходят войска Пугачева, снабжают восставших провиантом и одеждой («Рельское озеро» и другие).

Определенное место в преданиях отводится рассказу о том, как Пугачев и его сподвижники сурово, но справедливо наказывали угнетателей-помещиков и управляющих за то, что они «крайне обижают и разоряют» народные массы. Сообщение о расправе восставших крестьян со своими хозяевами, предания обычно поясняют, что репрессиям подвергались не все без исключения, а лишь те, на которых укажет народ. Примечательно предание «Пугач и Салтычиха». Схваченный царскими наймитами, закованный в кандалы и посаженный в железную клетку, Пугачев по-прежнему остается грозой для господ, поэтому-то Салтычиха, пожелавшая посмотреть на своего врага, оказалась так напугана, что ее «насилу успели живую домой довести», где она «душу грешную

* Короленко В. Г. Собр. соч. — М., 1955, т. 8, с. 431.

богу отдала...». Несмотря на поражение Крестьянской войны 1773—1775 гг. и преследование властями всего, что было связано с именем Пугачева, после казни предводителя народного движения появились прозаические произведения, утверждавшие, что Пугачев жив, что настанет день, когда он снова выступит против эксплуататоров.

Так, исторические предания о Разине и Пугачеве отразили явления, связанные с событиями большой общественной значимости, пронесли через века народные повествования о фактах борьбы трудящихся против произвола и насилия.

К преданиям разинского и пугачевского циклов примыкают по тематике и идейному настрою произведения несказочной фольклорной прозы, связанные с именем местного борца за справедливость выксунского рабочего Василия Рощина. В преданиях о нем подробно рассказывается о бесправном положении труженников завода, о создании Рощиным шайки разбойников, которая выступала против богатых и помогала бедным.

Предания об исторических лицах и событиях нередко близко соприкасаются с топонимическими преданиями и даже переходят в них. Более того, как отмечает член-корреспондент АН СССР К. В. Чистов, «исторические предания часто одновременно являются и топонимическими»*, то есть такими, которые содержат объяснение того, откуда произошли названия отдельных географических мест и селений. Немало подобных повествований уходит своими корнями в те далекие времена, когда еще были живы остатки мифологических представлений людей и многие явления действительности олицетворялись. Эпоха первобытного общества нашла свое отражение в топонимических преданиях, в которых реки представлялись в виде живых существ («Волга и Кама», «Самара», «Вазуза и Волга»). Рассказчики ведут речь о них как о существах, способных проявлять «свои характеры», определенные «родственные отношения». Они «спорят», «уговариваются», «решаются» на какие-то дела и т. п. В одном из названных преданий читаем: «Волга с Вазузой долго спорили, кто из них умнее, сильнее и достойнее большего почета. Спорили, спорили, друг друга не переспорили...».

Много общего у данных повествований с преданиями, которые объясняли не только истоки названий, но и происхождение некоторых физико-географических компонентов рельефа той или иной местности (горы, овраги, урочища и т. п.).

* Чистов К. В. Прозаические жанры в системе фольклора. — В кн.: Прозаические жанры фольклора народов СССР. — М., 1974, с. 23.

К моменту укрепления Российского централизованного государства относятся предания о курганах, которые якобы были насыпаны по приказанию царя или того, кто возглавлял войска. Таковы повествования о курганах, появлявшихся на пути движения воинов Ивана Грозного во время его походов на Казань («О Девичьих Горах» и др.), а также на волжских берегах, где активно действовали отряды Степана Разина и Емельяна Пугачева («Трубка Стеньки Разина», «Дуб Пугачева» и другие).

В XVIII в. репертуар топонимических преданий пополнился новыми произведениями, рассказывавшими о происхождении названий географических объектов и населенных пунктов, которые имели непосредственное отношение к Крестьянской войне под руководством Емельяна Пугачева («Рельское озеро» и другие). В них говорится о местах пребывания Пугачева и его боевых соратников и о неуязвимой славе, которой суждено было остаться в памяти людей на долгие века.

Наряду с рассмотренной группой топонимических преданий большой интерес представляют появлявшиеся в различные исторические периоды устно-поэтические повествования, связанные с именами первопроходцев, осваивавших те или иные места, основывавших селения. Это предания о древних поволжских поселениях, об основании Нижнего Новгорода, Казани, Чебоксар, Павлова и многих других населенных пунктов.

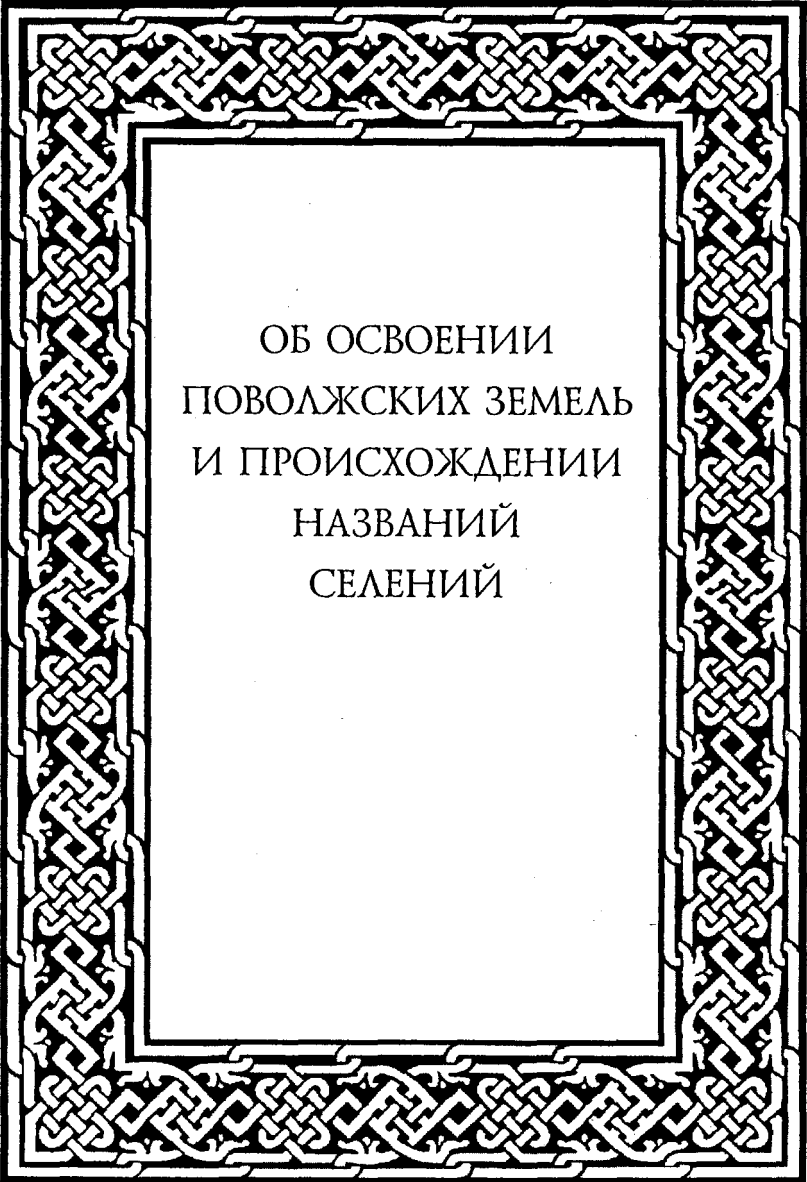
Повествуя о людях, давших название тому или иному месту, нередко объясняя происхождение какого-нибудь события, топонимические предания, как и исторические, используют элементы фантастики. Истоками этого явления исследователи считают не только господство мифологических представлений и олицетворение неживой природы в древнюю пору, но и давнюю и довольно тесную связь преданий с произведениями сказочного жанра. Данное обстоятельство не могло не способствовать проникновению в предания отдельных мотивов и даже целых сказочных сюжетов. Именно поэтому в некоторых преданиях можно встретить изображение сверхъестественных фантастических образов, подобных чудесным персонажам из русских волшебных сказок. Наряду с отмеченным сказочным вымыслом многим преданиям, при всей их исторической основе и неизменном стремлении к правдивому изображению событий и лиц, присущи анахронизмы и смешения реальных фактов. Искаженный показ социально-бытовых и историко-хронологических явлений объясняется не только временной удаленностью от событий, но и характерным для фольклорных произведений устным бытованием, а также отсутстви-

ем в преданиях таких строго определенных композиционных рамок, как, например, в сказках. Для преданий, как и для произведений ряда других фольклорных жанров, вполне естественно, что один и тот же сюжет в устах представителей разных социальных групп может звучать по-разному. Однако сугубо народная оценка явлений прошлого, о которой в свое время очень хорошо сказал М. Горький, является для фольклора вообще, а для преданий в частности, доминирующей. Она с неизменной полнотой выражает мировоззрение широких трудящихся масс, их взгляды на события, происходящие в разные исторические периоды.

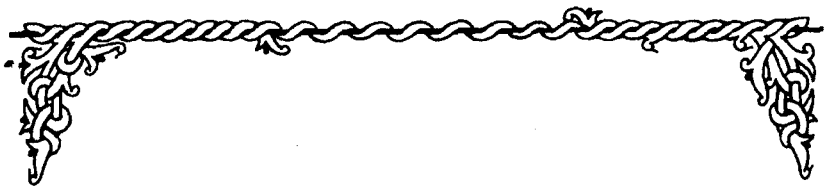
Чрезвычайно богатое и исключительно разнообразное содержание преданий не могло не сказаться на их художественном своеобразии. Главное в художественной структуре произведений данного жанра — свободная композиция, которая отнюдь не свидетельствует об отсутствии органической связи отдельных частей произведения. Прочному соединению их способствуют прежде всего характерные для преданий одноэпизодичность и концентрация фактов вокруг образа, стоящего в центре повествования, завершаемые обобщающим суждением. Герои преданий, несмотря на ограниченный объем произведений, обычно изображаются довольно рельефно. Рассказчики нередко весьма подробно останавливаются на главных особенностях своих образов, тонко подмечают отдельные детали, обращают внимание слушателя на их внешность, самобытность одежды и т. п. Это особенно присуще преданиям об исторических лицах и событиях. Еще менее стеснены формой топонимические предания, свободно излагающие происхождение определенного названия, неизменно связывающие его с какими-либо памятными событиями или природно-географическими явлениями. Для стилистической формы преданий свойственна постоянная ориентация на достоверность сообщаемого материала, что усиливает конкретность, безапелляционность, четкость изложения и не позволяет рассказчику предания, подобно сказочнику, широко использовать традиционные формулы, «общие места», образные выражения.

Таковыми предстают перед современным читателем дошедшие из глубины веков «преданья старины глубокой» — примечательные произведения несказочной прозы русского фольклора. Рожденные в далеком прошлом и чутко впитавшие в себя многие явления своих эпох, они и теперь поражают каждого, кто к ним обращается, целомудренностью и простотой, яркостью и глубиной, величием и живописностью своих сюжетов и образов.

Профессор В. Н. Морохин

ОБ ОСВОЕНИИ
ПОВОЛЖСКИХ ЗЕМЕЛЬ
И ПРОИСХОЖДЕНИИ
НАЗВАНИЙ
СЕЛЕНИЙ

1. Как зачинался Нижний Новгород

В одной мордовской песне основание Нижнего передается следующим образом:

«Ехал русский князь-мурза по Волге; на ту пору, на горе, мордва, в белых своих балахонах, молилась богу. Спросил мурза своих воинов: «Что это за березник мотается-шатается, к земле-матушке на восток приклоняется?»

Посланные донесли, что это не березник мотается-шатается, а мордва своему богу молится; в бадьях у них стоит пиво сладкое, на рычагах висит яичница, в котлах янбеда (жрецы) говядину варят...

Старики из мордвы, узнав о прибытии русского князя-мурзы, послали ему с молодыми людьми говядины и пива. Молодые же люди дорогой говядину съели, пиво выпили, а русскому князю принесли земли да воды.

Князь-мурза обрадовался этому дару, принял его в знак покорности мордовского племени и поплыл далее по Волге-реке. Где кинет на берег горсть поднесенной ему недוגадливой мордовской молодежи земли — там быть городу, где бросит щепотку — там быть селу...

Так и покорилась русским земля Мордовская».

2. О царе Тюштяне

В старину не было у мордвы верховных правителей. У других народов — короли, цари, ханы. А мордва все дела решала на сходках. Хорошо-то оно хорошо, да не очень. Каждому двору хозяин нужен, всякому делу — своя голова. А царь — он народу всему голова, земле своей хозяин.

Обижали мордву чужеземцы: села разоряли, скот угоняли, данью непосильной обкладывали, молодых парней

и девушек в рабство уводили. Вот и порешили старики избрать мордовского царя. Чтобы он, значит, народ свой оберегал и судил-рядил по справедливости.

Собрались старики на сходку, бросили жребий — кому царем быть. Пал жребий на крестьянина по имени Тюштянь. Он в это время землю пахал и знать ничего не знал — забыли его позвать на сходку. Пришли старики к нему в поле и говорят: «Мы тебя своим царем выбрали!»

Тюштянь отвечает: «Не по силам мне народом править. Лучше я крестьянствовать по-прежнему буду. А вы другого изберите».

«На тебя жребий показал, — говорят старики. — Значит сам Шкай того хочет. Он накажет тебя, если волю его не исполнишь».

Достал Тюштянь из-за пояса кнут, которым лошадь погонял, и старикам показывает: «Смотрите, какое кнутовище — старое и сухое, как кость. Если сам Шкай хочет, чтобы я был царем, то пусть это кнутовище покроется листьями и расцветет яблонькой, пока я кург опашу».

Воткнул Тюштянь кнутовище в землю и тронул лошадь. Обошел загон, вернулся на старое место, глядь-поглядь — цветет молодая яблонька.

Вот так Тюштянь и стал народным царем.

Жил царь Тюштянь между двух гор на реке Суре. Палаты у него дубовые о двух этажах. Сидел он на золотой скамейке, а под ногами у него серебряный мукорь. Мудро правил Тюштянь своим народом — не обижал никого. Только вот за воровство казнил сурово — на сухой осине воришек вешал. Бесплезное, говорит, дерево — бесплезный и человек. Мордва нарадоваться не могла на своего царя и молилась главному богу: «Пошли ему, великий Шкай, долгих лет жизни. Добрый у нас царь: лишь десять алтын податей с нас собирает, в семь лет один раз в солдатчину берет. Мы теперь хорошо живем!»

В саду у Тюштяня рос высокий дуб, а в том дубу борть была, и сидела в ней пчелиная матка. Однажды влетела пчелиная матка во дворец через открытое окно, на плечо царю села и шепотком ему шепчет, говорком говорит: «Всем-то ты, царь, хорош, а ничего не знаешь!..»

«Чего же я не знаю? — Тюштянь спрашивает. — «На твое царство враги походом идут, видимо их невидимо. Скоро сюда пожалуют, тебе голову отрубят».

Опечалился Тюштянь, взял медный рог, вышел на крыльцо и протрубил в три стороны. Сбежались к нему эрзяне и мокшане. Стал царь совет держать. С врагами в бой вступать — сил мало, не выдюжить. Хлебом-солью недругов встретить — рабами быть. Тайно уйти на иные свободные земли, чтобы жить без опаски, да никто не знает, где они, земли эти. «Пойдем на закат солнца, — сказал Тюштянь. — Там поищем».

Не все пошли. Которые богато жили, на прежнем места остались — жалко было добро бросать...

Дошли они до великой Рав. Решили отдохнуть, кашу сварить и пообедать. Не успела каша свариться, откуда ни возьмись прилетела пчелиная матка, над Тюштяном кружится, шепчет ему в самое ухо: «Вражеская рать близко. За тобой гонятся, тебя в реке хотят утопить. Уходи скорее».

Затрубил мордовский царь в медный рог, народ созывая. Потом подошел к самому берегу великой Рав, взмахнул платком — расступилась вода в обе стороны. Открылось сухое дно. Тюштянь вперед пошел, за ним мордва повалила — эрзяне и мокшане. Не все, однако, за царем последовали. Многие остались кашу доедать. Жалко им было оставлять кашу. «Вот доедим, тогда пойдем», — говорят. Перешел Тюштянь по сухому дну на другой берег, сомкнулась за ним вода. Кто с царем был, тот спасся, а кто кашу доедал, тот в неволю попал.

Вот так-то!

Как было дальше, по-разному рассказывают. Одни говорят: дошел Тюштянь до синего моря. Другие говорят: помер он в пути-дороге, а его верная мордва разбрелась кто куда.

Один старик рассказывал вот что. Сосед его, однодворец, тоже старик древний, перед смертью признался: был он в мордовском царстве, но на Святом Писании поклялся никому не говорить, где то царство находится.

В молодости он матросом на корабле служил. Поднялась в недобрый час сильная буря, корабль перевернул-

ся и потонул. Все погибли. А этот матрос уцелел, уцепился за какую-то доску, что под руку попалась и выплыл. Три дня его по морю носило, пока не прибило к берегу. Выбрался он на сухое и свалился без памяти. А когда в себя пришел, слышит — рядом какие-то люди по-мордовски говорят.

Он месяц или больше у них жил. Потом ему помогли на чужой корабль устроиться, чтоб на родину вернуться. Хорошо, сказывал, наши-то земляки живут. Податей никаких. Все у них есть, всем довольны. И земли там богатые. Пшеница родит сам-сорок.

3. Дятловы горы

Возник Нижний Новгород на месте большого дремучего леса. Высокие холмы по правому берегу реки Оки, прорезанные глубокими оврагами, назывались Дятловы горы. А название, говорят, вот откуда пошло.

Во времена стародавние на том месте проживал мордвин Скворец, друг и помощник Соловья-разбойника, победенного и связанного Ильей Муромцем.

Здесь он женился на восемнадцати женах, и было у Скворца семьдесят сыновей. Все они жили вместе, занимались скотоводством, пасли стада на горах, а по вечерам гоняли их оврагами на водопой к Оке-реке.

Тут же, в ущельях горы, обитал чародей Дятел, бывший также некогда в ладах с Соловьем-разбойником.

Вот раз пришел Скворец к Дятлу и спросил его о будущей судьбе своих детей.

И отвечал Дятел:

— Если дети твои будут жить мирно и согласно друг с другом, то долго им владеть здешними местами, а если поссорятся, то будут покорены русскими, которые построят на устье Оки град каменн и крепок зело-зело, и не одолеют его силы вражеские...

Долго толковали они. Под конец разговора Дятел просил Скворца о честном ему погребении.

Тот обещал.

Время шло.

Умер чародей Дятел, и похоронил его Скворец на горе при устье Оки-реки. И прозвалось то место «Дятловы горы».

Умер за ним и Скворец.

Перед смертью он завещал детям своим взаимное согласие и единодушие, но потомки их, перессорившись, стали враждовать между собой, и тогда Андрей Боголюбский изгнал их с устья Оки, а племянник его Юрий Всеволодович, построив здесь Нов-Град Нижний, исполнил предсказание Дятла.

4. Ибрагимов городок

Мордвин Абрам, или Ибрагим, гышедший из-за реки Кудьмы, поселился при впадении Оки в Волгу, на Дятловых горах, покрытых тогда дремучим лесом. У него было четырнадцать сыновей и три дочери; для них построил он семнадцать домов...

Колония эта названа была Абрамовым, или Ибрагимовым, городком, а сам Ибрагим будто бы был выбран от всех мордовских племен чем-то вроде правителя.

Когда Абрам слышал о движении войск суздальских, муромских и рязанских под водительством Мстислава, то принялся укреплять свой город, в котором всех жителей было тогда до пятисот человек. Он обнес город тыном, оградил валами да рвами. Укрепление это охватывало с севера к югу все пространство от Коровьего ввоза до Лыковского съезда, а с востока на запад — от Ковалихинского ручья до речки Почайны.

В этом укреплении Абрам устроил двои ворота: одни с южной стороны вала, широкие, с дубовыми створами, которые завалил землей, другие тайные, на север, у самого Коровьего ввоза; а где должно было проходить воинство княжеское, поставил караулы.

И вот Мстислав подошел со своим войском под Ибрагимов городок. Он не хотел проливать напрасно людскую кровь, а желал лишь покорности мордвы и приобретения земель

их. Мстислав вступил с правителем в переговоры, предлагая ему удалиться с Дятловых гор и признать над племенами мордовскими владычество князя суздальского.

Абрам отвечал, что так как он не прирожденный владыка народа мордовского, а только выбранный правитель, то и не может принять на себя никаких условий без согласия всего народа, почему просил дать ему четыре года для сношений со всеми племенами мордовскими.

Князь Мстислав дал ему срок для объявления окончательного ответа, но вместо четырех лет — четыре дня.

Хитрый старик сумел воспользоваться и этим коротким временем: через тайные ворота своего укрепления он немедленно послал гонцов в ближайшие мордовские сельбища, требуя скорейшей помощи.

В две следующие затем ночи вошло в укрепление через те же тайные ворота более пяти тысяч человек мордвы, и прежде истечения срока, данного Мстиславом для ответа, Абрам велел открыть южные ворота и внезапно ударить на войска великокняжеские.

Но и эта отчаянная решимость не принесла мордве никакой пользы: Абрам пал в битве вместе со всеми своими сподвижниками, городок был разграблен и сожжен, а оставшиеся в нем люди перебиты.

Мстислав здесь оставил тысячу человек конных ратников и приказал им жить около Абрамова городища, а отнюдь не в самом городке.

Между тем мордва, узнав о погибели Абрама и его сподвижников, заволновалась и замыслила мщение: суздальцы, поселившиеся у Абрамова городища, были обречены ею на смерть; шесть тысяч человек мордвы двинулись на них с тем, чтобы совершить внезапное нападение.

Но суздальцы, жившие у Абрамова городка уже около года, имели также и друзей между ближайшей мордвы, и эти друзья уведомили суздальцев о грозящей опасности.

Воины княжеские, видя, что одна отчаянная храбрость может спасти их от гибели, решились предупредить мордву, сели на коней и бросились навстречу неприятелю, вшестеро сильнейшему.

Верстах в семи от Нижнего, на нынешнем Арзамаском тракте, около того места, где теперь стоит деревня

Новая, они, встретя пешую мордву, ударили по ней, пробились через смятенные массы неприятеля без потери и ускакали Березопольем к Боголюбову.

Мордва преследовала их далеко, но, будучи плохо вооруженной и без коней, не посмела напасть на них.

5. Тверь

Как рассказывали когда-то старые люди, селение на месте теперешней Твери возникло очень давно. Люди в ту давнюю пору выбирали для своего жительства места поближе к реке, а еще лучше там, где находили слияние одной реки с другой. Ведь это давало человеку далекого прошлого большую возможность для широкого общения с соседними селениями, а вместе с тем способствовало богатому рыболовному промыслу и, бесспорно, обеспечивало лучшую защищенность от разного рода непрошенных гостей.

Именно таким местом и предстала перед изумленным взором первопоселенцев Твери земля при впадении небольшой, но довольно быстрой реки Тверцы в величественно несущую свои воды спокойную Волгу-матушку.

В отличие от многих селений тех давних времен, городок, что возник на устье Тверцы, имел оборонительное значение, а сооруженная вскоре крепость его надежно охраняла речные подступы к новгородским землям.

Название того первоначально воздвигнутого на устье реки селения до нас не дошло, а вот то, что поселенцы, появившиеся позже, именовали его Тверью — это в памяти людской запечатлелось. И произошло это потому, что в переводе с их языка — а были они финнами — название то означало «быстро текущая речка».

6. Ярославль

На месте Ярославля в древности находилось селение Медвежий Угол. Жили в нем язычники. Они поклоня-

лись священному зверю медведю. Занимались ремеслом, торговали, охотились, разбойничали тоже.

Русский князь Ярослав Мудрый отправился в эти места из-под Ростова. И когда с дружиной вышел к Волге, увидел: местные жители напали на купеческое судно; купцы обороняются из последних сил, но дела их плохи. Тогда князь с дружиной двинулся защитить купцов и спас их.

Само же место Ярославу Мудрому приглянулось.

Он опять приехал сюда с дружиной и строителями, чтобы построить город и обратить язычников в христианство.

Но жители Медвежьего Угла выпустили на князя медведя — они не желали покоряться пришельцам. Князь не побоялся зверя и зарубил его секирой. При виде смерти священного зверя жители селения обьял ужас, и они решили покориться Ярославу Мудрому.

А князь основал в устье Которосли город и назвал его своим именем.

7. Казань

Наши деды рассказывали, что город Казань получил свое название по имени речки Казанки, на которой с незапамятных времен ставились его первые постройки. А название самой реки будто бы вот откуда пошло.

В очень далекую пору, когда не только Казанка, но и многие другие притоки матушки-Волги еще не знали имен, на берег этой речки вышел отряд одного из сыновей последнего болгарского хана Алтынбека. Воины Алтынбека уже несколько дней мчались на своих резвых скакунах сквозь перелески, спасаясь от преследования назойливых кочевников. Золотоордынцы давно не давали спокойно жить волжским болгарам. Вот и теперь, разгромив не одно их мирное поселение, они неотступно шли по пятам отряда Алтынбека.

Но случилось так, что болгарскому отряду удалось наконец оторваться от преследователей, а потом скрыться от ворогов в лесную чащу. Здесь, с минуты на минуту ожидая нападения кочевников, отряд в страхе, не слезая с коней, простоял до утра.

С рассветом, когда воины Алтынбека убедились, что противника поблизости нет, хан решил искать любую речку с тем, чтобы по ней выйти к Волге, а там уж и вернуться в родные места.

Весь день отряд искал такую речку, и лишь к вечеру, усталые и голодные, выехали они на крутой берег совсем незнакомой речки. Воины стреножили коней и еще засветло начали готовить себе пищу. И вот тут-то и случилось событие, которое положило начало названию. Слуга хана пошел к речке за водой и случайно уронил в нее золотой котел. В поисках его слуга залез в воду, обшарил дно речки, но котла нигде не было. Не нашли котла и утром следующего дня. Котел, а по-татарски он называется казан, как говорят, как в воду канул! Воины Алтынбека, сожалея об утрате, хвалили котел и часто повторяли татарское его название. Тем временем посланные на поиски устья реки вернулись и сообщили, что Волга близко. И тогда, оставив место своей стоянки, а с ним и котел на дне неведомой реки, болгары отправились домой.

С той поры и стали называть все болгары, а позднее и татары, приток Волги речкой Казан, а потом — Казанка.

Вскоре на берегу речки появилось селение, которое получило по ней свое название и стало именоваться Казанью.

8. О Казани

Болгарский князь жил в городе на берегу Волги, где теперь расположен Верхний Услон. Старуха-болгарка, идучи по воду, поскользнулась, упала на камень и ушибла ногу. При этом она сказала: «Какой он князь! Не нашел для столицы места! Дурак он! На неровном месте выстроил город!» Эти слова дошли до князя, и он вызвал старуху к себе. Старуха извинилась, но сказала, что лучшее место для столицы имеется на луговой стороне, где ныне стоит город Казань. Князь считал это место неудобным: болотистое, лесистое и там много страшных змей, так что люди боялись туда за ягодами ходить. Старуха посове-

товала навозить туда зимой много соломы, весной в со-
лому соберутся змеи, а летом, в жаркое время, солому
поджечь. Так и сделали. На это место перевели город,
дав ему имя Хузан.

9. Про Казань

Два сына старого богатого чуваша Хузана, охотясь, по-
гнались за оленем далеко в глубь леса и вышли на реку и
красивую поляну. Вокруг — бортовые деревья, в реке много
рыбы, в лесу полно дичи. А земля пуста. Возвратившись,
сыновья рассказали отцу о прекрасной поляне. Старик
Хузан через некоторое время сам осмотрел местность. Она
ему понравилась, но в реке лежал огромный змей-дракон
с крыльями и тремя — змеиной, орлиной и львиной —
головами. Одной головой ловит птиц в воздухе, другой —
рыб и других обитающих в воде, третьей — наземных жи-
вотных. Вокруг дракона кишели разные мелкие змеи. Ник-
то не мог сюда подойти, никто не мог пройти, проплыть,
пролететь мимо чудовища. Но старику захотелось непре-
менно поселиться здесь, основать здесь город. Однако как
избавиться от дракона? Стодесятилетний знахарь подска-
зал: «Заготовьте сорок один воз сухого хвороста. Меня
посадите на лучшего аргамака, залепите мне уши вос-
ком и отправьте на поляну. Привезите следом за мной
хворост». Почувствовав приближение знахаря, дракон
начал страшно свистеть, но знахарь не услышал его и
остался жив. Он змеиным языком собрал всех змей во-
круг дракона, окружил их железной оградой, после чего
на змеиную кучу навалили сорок один воз хворосту и по-
дожгли с четырех сторон. Сорок один день горели змеи.
Лишь один змей остался в живых. Дракон дал ему кры-
лья, и он улетел. Старик Хузан основал на Змеиной горе
город Хузан и реку назвал Хузаном же. Однако недолго
пришлось жить чувашам в Хузане — спасшийся змей
привел сюда монголо-татарское войско, которое подожгло
город. Правитель Хузана превратился в лебедя и улетел.
Монголо-татары на месте Хузана построили Казань.

10. Йошкар-Ола

В былые времена город Йошкар-Ола Царевококшайском назывался. А это старинное имя будто бы издавна, от времен царя Алексея идет. Люди рассказывают, что он якобы, прежде чем заступить на престол, упросил своего батюшку — русского царя — отпустить его поехать по государству да посмотреть, что оно собой представляет, каков народ, чем он живет, каковы его нравы-обычаи. И поехал Алексей-царевич по разным местам матушки-России.

Ездил он, ездил, да и оказался в глуши лесов марийских, на берегу реки Кокшаги. Здесь он под видом чиновника остановился на временное жительство и даже доброе для себя дело на лесопильне нашел. На работе будущий царь проявил себя человеком честным, там он защитил от посягательств негодяя безродную девушку, которая позднее стала его женой.

Жизнь царевича в этом селении, его венчание в местной церкви якобы и послужили причиной того, что оно получило название Царев. Ну, а поскольку стояло оно на берегу Кокшаги, то, по мере превращения его в город, будто бы и появилось имя Царевококшайск. Это название просуществовало до Октябрьской революции, а с того времени город стал именоваться Краснококшайск. С 1936 года город называется Йошкар-Ола, что в переводе с марийского означает «красный город».

11. Чебоксары

Шупашкар (Чебоксары) вообще-то в переводе с чувашского означает «поселение чувашей», но есть об этом городе и такое вот предание.

Когда-то, очень давно, в небольшом селении на берегу Волги жили парень по имени Чубук и девушка, которую звали Сара*. Они любили друг друга, но Чубук был

* С. Монастырский пишет: «Название города производят от имен живших здесь в давние времена двух чувашских йомз Чебака и Сара». Монастырский С. «Иллюстрированный спутник по Волге». — Казань, 1884, с. 87.

беден, и родители Сары, которые были богаты, воспротивились их браку. Они хотели насильно выдать Сару замуж за богатого жениха.

Но Чубук и Сара решили, что лучше вместе умереть, чем жить порознь. И, обнявшись, они бросились с высокого мыса над Волгой в волны реки.

С тех пор селение это стали называть Чубуксары, а мыс, с которого бросились в воду влюбленные, — мысом Любви.

Говорят, что поцелуй при утренней заре на мысе Любви — самый чистый, он является залогом верности любимому человеку.

12. Симбирск

В далеком прошлом, когда на средней Волге немалая роль принадлежала Булгарскому государству, один из князей его, которого звали Синбиром, облюбывал на левом берегу великой реки место, где задумал построить город. Расположенный недалеко от села Крестовое Городище, он был удобным и для общения с соседними селениями, и для обороны от набегов разного рода недругов.

Город, что был возведен на левом берегу Волги, получил тогда в честь булгарского князя название Синбирск.

Однако простоял тот город не так-то долго. Монголо-татарские орды, нахлынувшие на Русь с востока, смели с лица земли немало селений и уничтожили многих жителей Поволжья. Не обошла стороной злая участь и города Синбирска. Войска Тамерлана разрушили и сожгли и его наряду с другими городами и деревнями.

С тех пор прошло немало времени. И вот в середине XVII века на высоком правом берегу, теперь уже вверх по реке от села Крестовое Городище, была сооружена русская крепость. Она сохранила былое название города, уничтоженного монголо-татарами, и стала называться Синбирском.

Это название закрепилось и за выросшим позднее на

возвышенной части волжского берега городом, который с конца XVIII столетия стали именовать не Синбирском, а Симбирском.

13. Ардатов

Местное предание вот что рассказывает о начале Ардатова. Когда царь Иоанн Васильевич Грозный в 1552 году шел на Казань через эти места, тогда мордвины, жившие на речке Лемети, вызвались быть его проводниками. Три брата, Ардатка, Кужендей и Таторша, провели войско русское через знакомые им леса и после, с милостью царскою, возвратились на Леметь. Ардатка поселился на месте Ардатова, а братья его — на месте села Кужендева (верстах в четырех от города).

С той поры мордва охотно селилась вместе с проводниками царскими, и вскоре на этом месте выросла деревня, ставшая впоследствии дворцовым селом, а с 1779 года — городом Нижегородского наместничества.

14. Арзамас

Предание говорит, что на месте Арзамаса жили два мордовских князя: на горе Арза, а под горою Маза; но когда это было, арзамасцы не припомнят, хотя и готовы горой стать за истинность этого предания, напоминающего сказание о Мосохе и Кве [...] При царе Иоанне Васильевиче Грозном в нем была деревянная крепость, устроенная на валу, и особенный воевода (Шетнев). Во время смутных обстоятельств царствования Василия Иоанновича Шуйского Арзамас был разорен мордвою и толпами бродяг, а жители его ушли в тушинский стан. Вскоре, однако, воевода Пушкин привел город в подданство Василию. Крепость арзамасская сгорела в 1726 году, когда уже Арзамас был провинциальным городом Нижегородской губернии.

15. Балахна

Балахну основали братья Плесянычи, жители заштатного города Костромской губернии Плеса [...]

В очень давние времена жили в этом городе два брата. Плесянычи занимались судовым промыслом, плавали на своих судах в низовья Волги. Так, раз они плыли на своем судне, и судно у них поломалось. Это обстоятельство и заставило их пристать к правому берегу Волги, около устья реки Железницы, или Истечи. Меньшой брат из Плесянычей пошел отыскивать для срубки дерево, годное для починки судна, и увидел яму с водой, окраины которой побелели и искрились на солнце. Это явление его заинтересовало, и он попробовал воду. Она оказалась соленою. Отправился он на судно, взял котелок, зачерпнул потом из загадочной для него ямы воды и стал кипятить ее. Вода, выпариваясь, становилась все солонее и солонее.

— Эй, смотри, братец, лиха какого бы не было, живота бы тебе не положить здесь, — говорил старший брат младшему.

Но младший брат не обращал внимания на слова старшего, продолжал кипятить воду и пробовать ее, пока она не превратилась в соль.

Обрадовались братья — старший и трусить перестал, — принялись думу думать: что им теперь-делать? Наконец порешили: держать свое открытие в секрете, а после путины перебраться из Плеса к соли.

Так они и сделали, перебрались сюда тем же летом с женами и домочадцами, построили себе дома и варницы и таким образом положили основание «Балахнинскому усолью». И разбогатели они, говорит легенда, и разбогатели бы еще больше, но их поселение не могло укрыться от окрестных жителей, для которых и самый промысел Плесянычей стал не тайной. Народ стал стекаться в эти места со всех концов. Братья Плесянычи сперва встречали было новых пришельцев дубьем, но наконец должны были уступить численности пришельцев, войти с ними в переговоры и из единственных владельцев соли сделаться пайщиками.

Балахнинское усолье стало и людно и шумно, как торговое место.

16. Дивеево

Мордва в нашем краю жила раньше родами.

Старейшину здешнего рода звали Вичкинз, и жил этот род вдоль той самой речки, на которой сейчас стоят села Дивеево и Череватово.

Сюда пришли русские — люди мирные, работающие — из владимирских земель и поселились по соседству с мордвой. А речку они назвали по имени здешнего мордовского рода — Вичкинзой...

У русских и у мордвы был в ту пору один общий враг — Казань. Во время набегов на наши края татары опустошали деревни, грабили, убивали, уводили пленных.

И когда Иван Грозный отправился воевать против татар, то здешняя мордва решила ему помочь. Землями в ту пору тут владел потомок Вичкинза Дивей.

Был он хорошим воином, отважным и верным, за это Иван Грозный сохранил ему в Российском государстве княжеский титул и дал во владение всю здешнюю округу.

Вот и назвали соседи самое крупное село на Вичкинзе, где жил Дивей — Дивеево.

17. Кстово

Сказывают старые люди, что бурлаки, идя вверх по Волге, с большим трудом проходили быстрый участок кстовской излучины.

Они делали здесь привал, разжигали костры, варили уху и крестились, молились, чтобы Бог помог пройти им тяжелый участок. И от слова кститься пошло название — Кстово.

Второй вариант легенды говорит, что здесь было место, где крестили язычников — мордву. И отсюда название — Кстово.

По третьей версии, село Кстово получило свое имя от мордовского слова «кеты» — земляника, так как эти места были обильны земляникой.

18. Кулебаки

По-разному объясняют в народе происхождение названия города.

Одни говорят, что лет четыреста тому назад в окрестностях наших, в лесах дремучих, деготь гнали. Это значит, что прежде всего заготавливали в лесу дрова, потом сжигали их в ямах и таким образом получали и деготь, и уголь.

И вот будто бы заготовленный так уголь и деготь свозили в то место, где сейчас город находится. Говорят, что уголь везли в кулях, а для дегтя были сделаны особые баки.

И вот, мол, собиралась вся эта продукция в кулях и баках, а отсюда и пошло название — Куле-баки.

А другие говорят, что были и кули, и баки, но в баках был не деготь, а мед. Медом, рассказывают, наши предки давно промышляли. Бортничеством это называется. В лесах диких пчел много водилось. Вот люди обирали ульи да мед в баки и сливали, а потом сюда везли.

Интересен факт, что рядом с Кулебаками есть деревня Ульищи. В ней тоже бортники жили, так что, наверное, второе объяснение больше на правду похоже.

19. Лукоянов

Лукоянов раньше был селом, до этого — деревней, а начался он всего-навсего с мельницы на речке Теше. Здесь омут был глубокий. И лет, может быть, четыреста назад на это место пришел мордвин, которого звали Ивашка Лукоянов. Вот он тут и построил водяную мельницу, муку к нему молотье приезжали из окрестных мест — из Иванцева, из Ульянова. И так получилось, мельница эта вроде бы в самом центре оказалась между старинными селами.

Стали вокруг нее другие крестьяне строиться — и мордва, и русские.

«Чья деревня?»

«Лукоянова!»

Вот и название родилось.

20. Лысково

Напротив Макарьева впадает в Волгу река Сундовик, ее русло — в ложбине гор, сопровождающих правый берег Волги.

Гора, что выше по течению реки, называется Оленья, другая — Лыска. От нее-то и получило свое название Лысково, расположенное частью в ложбине, частью на этой горе.

21. Мариинский Посад

Раньше Мариинский Посад не так назывался. Говорят, что однажды проезжала по тем местам, где сейчас город, жена царя Александра — Мария Федоровна. Остановилась она у селения, что на берегу Волги на самом высоком месте было. Встретили ее жители селения того хлебом-солью, накормили, напоили, да так, что она опьянела.

А кулакам местным нужны были луга. Вот и решили они попросить царицу об этом и пришли к ней с поклоном. Она же, находясь на возвышенном месте и будучи во хмелю, махнула рукой и сказала:

— Все, что отсюда видно, — это ваши луга.

Кулаки обрадовались; после здесь быстро стал расти город, который якобы в честь посещения царицы стал называться Мариинским Посадом.

22. Павлово

О возникновении Павлова имеется немало легенд и преданий. В одной из них рассказывается, что в начале XVI столетия, когда оба берега Оки были покрыты дремучим лесом, служившим в то время притоном ворами и разбойникам, в глухом месте, где ныне стоит Павлово, в скромной землянке поселился человек. Звали его Павел. Он занимался перевозом через Оку.

Со временем возле его жилища начали постепенно се-

литься выходцы из разных ближних да и дальних мест. Так образовалось селение, которому Павел передал свое имя.

Другая легенда сообщает о том, что в начале второй половины XVI столетия — скорее всего, для ограждения судоходства и торгового тракта — на месте теперешнего Павлова был устроен правительством стрелецкий острог.

Назван он по имени первого поселенца Павлов Перевоз.

Под защиту этого острога и стали прибывать переселенцы. Они были привлечены сюда выгодами, которые представляла местным обитателям судоходная река и пролегавший здесь большой торговый тракт из соседней Владимирской губернии в южные районы Нижегородской губернии. Таким образом с течением времени образовалось село. В деловых бумагах той далекой поры называлось оно «Павловским Перевозом».

23. Пильна

Наш поселок именуют Пильной, а название, говорят, вот откуда взялось. При Екатерине II в Казани строился русский флот, и на него пошел дуб из наших мест. Дубравы тут были в те времена старые и очень богатые. Будто бы собрали арестантов в устье Пьяны пилить и сплавлять лес по Суре до самой Волги, а потом уж по Волге прямо в Казань.

Бабушка мне рассказывала, что ее прадед был сюда прислан за что-то и пилил тут деревья. Места здесь были дикие — болота, леса с медведями. И люди жили только вот тут, и называлось все это Пиловальный Завод. А уж потом такое длинное название сократилось, и из него вышло слово Пильна.

24. Сергач

Начало Сергачу дала деревня Сергеевка, которая появилась в давнюю пору на берегу небольшой речки Сер-

гачки, что впадала в извилистую реку Пьяну. Деревню Сергеевку когда-то основали селившиеся по берегам Сергачки ссыльные люди, что прибывали из разных мест России для различных работ на казенных поташных заводах. Окрестности Сергеевки были мало обитаемы, о чем можно заключить из предания, что деревня эта была прихожа в село Покров Княгининского уезда, верстах около двадцати пяти... В начале XVII столетия деревня эта стала уже селом. И из Сергеевки переименовалась в село Сергач. Село Сергач будто бы принадлежало боярину Морозову.

25. Сокольское

Рассказывают такую историю. Вдоль Волги шли Минин и Пожарский освобождать Москву от поляков, было с ними войско. И вот они остановились в том месте, где теперь стоит поселок Сокольское, решили отдохнуть. Залюбовались простором, Волгой. И увидели — прямо над водой сокола играют. Так и пошло с тех пор — Сокольское место. А уж потом тут, на берегу, деревня появилась, поселок стал расти.

Есть и другие объяснения названия.

Тут лес к самой воде подходил, деревья стояли большие, толстые. И вот у местных жителей сложился такой промысел — делали легкие долбленные из цельного ствола лодки. Лодки эти особенные — таких больше нигде не было. С острым килем и вытянутым носом. За это звали их соколами — чем-то они были похожи на птиц.

Вот отсюда и Сокольское.

26. Тейково

Городок наш маленький, а название его, как легко заметить, не совсем обычное. Откуда же оно произошло?

Старые люди рассказывают про то, что название свое город по случайности получил. Будто бы когда-то, а было это давным-давно, шел по дороге, что в наше селение вела, человек нездешний. Миновал он поле и вошел в улицу. Народу на улице никого не было, и лишь одна бабка у избы на завалинке подремывала.

Человек подошел к ней и спросил:

— Как село называется?..

А старуха та совсем глухая была, ну и не расслышала того, про что прохожий-то спрашивает. Не поняла она его вопроса, да и сама осведомилась:

— Те ково?

Услышав это, человек подумал, что это и есть название селения, а был он составителем карты волости. Ну и записал он на чертеже-то: «Теково», а потом уже из этого слова «Тейково» стало да так и осталось за нашим городом с тех давних времен.

27. Тонкино

Нашему поселку, говорят, более трехсот лет. Люди рассказывают, что основали его будто бы марийцы. И название свое это поселение якобы получило от первого жителя здешних мест марийца по прозвищу Тонко.

Другие говорят, что название поселка пошло от русских первопоселенцев его, которые вроде бы и носили фамилию Тонкиных. Отсюда, мол, и Тонкино. Кстати, эта фамилия часто встречалась в поселке нашем и раньше, есть она у нас и теперь.

Объясняют происхождение названия нашего поселка еще и так. Говорят, что будто бы когда-то, давным-давно, в эти еще совсем необжитые места из деревни Вая переехала одна женщина по имени Антонина, или Тонька. От нее, мол, все и пошло. Сначала якобы говорили о деревне как о Тонькине, а потом уже закрепилось здесь теперешнее название Тонкино.

28. Чутеево

В Янтиковском районе Чувашской республики есть село Чутеево. Старые люди говорят, что название его вот откуда пошло.

Давным-давно в этих местах появился некрещеный татарин. Побродил он по окрестности, посмотрел все вокруг, видно, понравились ему здешние луга, и, значит, решил остаться тут навсегда.

Построил этот человек себе жилище небольшое, коней стал пасти, собаку завел. А потом ускакал куда-то и привез в дом жену.

Так и остались на этом месте первые жители, а к ним и другие стали подселяться, и все больше чувашаи.

Название же свое село по первому жителю получило. Чутеево от слова «чутей», что по-чувашски «некрещеный татарин» обозначает. Ведь первый-то поселенец как раз чутеем и был.

29. Шахунья

С давних пор течет в этих местах откуда-то из лесов дальних маленькая речка. И везде, где на нее ни взглянешь, такой крохотной да узенькой она кажется, что через нее легко перешагнуть можно.

За это, говорят, ее исстари так и называли люди: «Шагунья да Шагунья».

А потом приехали на те места жители Харьковской губернии. Ну, а украинцы-то, как известно, вместо «г» — «х» говорят. Так вот и речку ту они стали звать не Шагуньей, а Шахуньей. От украинцев и пошло название Шахунья. Здешним людям слово это новое по душе пришлось, и они вслед за украинцами тоже начали называть свою речку Шахуньей.

Потом тут, на этой речке, небольшое селение появилось. И получило оно свое название по имени речки. Так Шахуньей позднее и поселок стали звать, а теперь так город называют.

30. Ядрин

Город Ядрин получил название не от литья в нем ядер пушечных, как говорят некоторые, ибо тут негде было брать металл для этого, да и от литейного завода нигде не сохранилось никакого следа. А вот от первопоселенцев, как считают многие, отпечаток остался. Люди говорят, что в старину жили на месте сем черемисы, чувашаи, а после них и татары. Из черемис первым был богач витязь Чебак, а из чувашей — богач Ядрый. От Чебака гора близ города Ядрина получила название Чебаковской, а город сам получил название от чувашина Ядрыя и в былое время писался «Ядрин».

Когда русские вытеснили инородцев за Суру, то Ядрый-чувашанин поселился уже в верстах двадцати пяти от города на большой дороге, ведущей в город Козьмодемьянск. И это место слывет доньше как село Ядрино.

Чебак же поселился за Сурой, и на этом месте теперь село Чебаково.

В Ядрине есть Мартынова гора. Народное предание сохранило объяснение этого названия. На этой горе был некогда убит миссионер Мартын.

31. Анненка

Теперешний поселок Красный Яр, что на реке Ветлуге находится, в былые времена деревней Анненкой называли.

А название это, говорят, вот откуда пошло: в давнюю пору деревня та принадлежала помещику. А вот он-то один раз и проиграл ее в карты. Потом приплыл в ту деревню новый хозяин и своих людей с собой привез. И тут, когда переселенцы выгружаться стали, первой на берег выпрыгнула женщина, которую Анной звали. С того времени будто бы и стали деревню Анненкой называть. Долго так именовали, а уж потом, когда тут поселок стал, то начали звать его Красным Яром.

32. Арабоси

Чуваши поднялись вверх со средней Волги. Затем попали на речку Аря. Телеги их были запряжены не лошадьми, а быками. Доехав до верховья речки, они остановились на отдых. Быки легли отдыхать у ключа. Говорят, бык где ложится, там урожаи хлебов бывают хорошие. Поэтому чувашаи решили поселиться здесь. Вначале их было трое или четверо. За ними прибыли и другие. Они поставили здесь дома. Так возникла деревня Арабоси.

33. Ашкельдино

Первым зачинателем жизни в этих краях считается мариец Ашкельда. Он занимался бортничеством.

Когда он приехал сюда, русских поселений здесь было мало. Жили тут больше марийцы, а кругом стояли леса.

Вот этот мариец провел грань по деревьям (то есть сделал на деревьях зарубки) — сколько ему надо земли в той местности и потом сказал:

— Это все мое!..

Позднее, во времена столыпинской реакции эти села стали заселяться русскими. Откуда здесь появились русские? Они большей частью были из Яранска Вятской губернии. Там ведь места были безлесые, угодий было мало.

И вот они, люди с этих мест, стали переезжать в район поселения марийцев. Появилось несколько русских домиков. Этого Ашкельду потеснили, потому что места здесь были хорошие: река Уста, а в ней было много рыбы; к тому же — удобная для селения гора, лесные и земельные угодья рядом.

А название деревни так и осталось от имени первого поселенца — Ашкельдино.

34. Байглычево

Село Байглычево было основано служилыми чувашами и свое название получило от двух чувашских языческих имен: Бай и Клась...

Два служилых чуваша, Бай и Клась, переехали из деревни Айбеси, или Айбеч, Новочурашевского прихода Цивильского уезда и поселились на берегу реки Большая Була, на том самом месте, где ныне находится село Байглычево, в Тетюшском уезде... По смерти они оба похоронены были в полуверсте от села, на пригорке. Могилы их сверху широко выложены крупными камнями, которые видны издали.

35. Батырево

Монголо-татары, вторгшись на Чувашскую землю, уничтожили много городов и селений. Весною отряд захватчиков появился на Буле, у деревни Батырево (ныне село Батыревского района). Жители деревни вступили в бой с врагом, но ни одна сторона не победила. Ночью к захватчикам прибыло пополнение. «Теперь победим», — радовались они. Однако радость была преждевременной. Утром на реке Купе тронулся лед, и татары не сумели переправиться через нее. С тех пор деревне присвоили название Батырево, а реке — Купа (Кольчуга).

36. Безводное

Встарь в народе говорили, что места, где стоят теперь Безводное и другие селения, в давние времена принадлежали самому Борису Годунову.

Тяжело жилось тогда годуновским крестьянам. Нужда и голод гнали их из бедных деревень в дремучие леса да на матушку-Волгу. Много беглых людей было в те годы

в здешних местах. Бывали случаи, когда бежавшие от хозяев крестьяне беспокоили жителей приволжских деревень.

Особенно доставалось от них деревне Гремячке, что стояла выше нынешнего села Безводного.

Гремяченские жители терпели-терпели все это, да и решили всей деревней покинуть насиженный край.

Долго искали они подходящее место и вот один раз вышли из леса на открытую поляну над Волгой. Понравилась гремячинцам та поляна, и задумали они на ней обосноваться. Поставили свои избушки немудрячие и стали колодезь копать. До пятнадцати сажен докопали, а воды-то нет и нет. Вот тогда и назвали они свое селение Безводным.

Ну, а расселяться-то люди стали по горе, ближе к Волге. Здесь, в горе, много ключей с хорошей водой было, да и река совсем рядом. Так что в селе воды стало хоть отбавляй, а название так Безводным и осталось.

37. Бельшево

Село Бельшево возникло в Поветлужье в те времена, когда была Крестьянская война под руководством Степана Разина.

Дорог было в этом краю мало — все тайга, болота. И деревень было немного.

К разинцам на помощь пришли ветлужане — спустились с верховья реки Волги и в битву включились. А как восстание подавлено было, они стали назад пробираться.

И вот тут при пересечении дороги с речкой Нужной была поставлена застава, чтобы ловить мятежников на перевозе. Посажен был туда со стрельцами воевода по имени Бельш. Он должен был проверять всех, кто переезжает через речку Нужну.

Так и стало место называться Бельшево Сидение. А уж потом слово «сидение» из названия отпало. Ну а деревня на перевозе так постепенно и выстроилась. Это и есть Бельшево.

38. Большое и Малое Непряхино

Есть в Уренском районе две деревни: одна называется Большое Непряхино, а другая — Малое Непряхино. Откуда такие названия?

В народе эти названия с Петром Первым связывают. Говорят, что был он царь строгий. Чуть что-нибудь не так, чуть человек плохо работает — казнь устроит или в два счета в самую глушь сошлет. Один раз перед ним в чем-то провинились корабельные мастера, и Петр Первый, недолго думая, сослал их в Заветлужье с семьями вместе.

Мужикам, да к тому же плотникам, и горя мало: начали избы ставить, землю пахать. Все это дело привычное, а вот жены их, не знаю уж, откуда они были... В наших местах лен растет лучше всего. Вот и решили поселенцы Петра его растить. И тут оказалось, что жены корабельных мастеров никогда в жизни лен-то и не выращивали, ну и, конечно, никогда не прями.

«Экие непряхи!..» — ругались мужики.

Так и пошло: непряхи да непряхи. Этим и прославили свои деревни, которые сохранили слово в своих названиях.

39. Бурнаковка

На берегу Волги, недалеко от хорошо известного всем Сормова, с давних пор стоит небольшая деревенька, которую называют Бурнаковкой.

Старые люди говорили, что появилась она еще до царствования Ивана Грозного и будто бы именно он подарил эту деревню, а в прибавку к ней и какие-то приречные угодья татарскому мурзе по имени Бурнак. Такой дар был пожалован ему Иваном Грозным за прилежную да ретивую службу Русскому государству.

И еще рассказывают про то, что когда-то прежде Бурнаковка именовалась вовсе и не Бурнаковкой, а Бурлаковкой. Ну, а это название понятно что пошло от бурлацкого промысла, который был в старину развит как на Волге, так и на ее притоках.

Говорят, что на месте деревни в те времена бурлаки, тянувшие по Волге баржи, всегда останавливались на отдых и варили тут себе обед. Вот, мол, от стоянки бурлаков и пошло здесь потом само поселение, да и название его.

40. Варез

Старые люди рассказывают, что село Варез, которое стоит на правом берегу Оки, получило свое название во времена бурлачества. И волжские и окские бурлаки, которые в былые столетия тянули бечевой баржи, выбирали для своих остановок удобные места. Для них было очень важно подвести баржу ближе к берегу и поставить в тихой заводи. Да и самим хотелось разместиться для передышки за горой в овражке. Это чтобы и солнышко не слишком их пекло в жаркую пору, а осенью холодный ветер не пробирал до костей. Учитывали бурлаки и то, чтобы на месте их стоянки и костер горел бы ладно, а в случае дождя чтобы можно было укрыться в пещерке, наскоро вырытой в близком к воде яру.

Так вот, место, где сейчас раскинулось село Варез, бурлаки издавна облюбовали. Еще тогда пришлось им по мысли и излучина Оки, и берег высокий, и расщелина оврага. Старики прежде вспоминали, что как дойдут бурлаки до этого места, так и кричат: «Стой, варёж!». Это значило, что дошли до остановки для варежа, варки еды бурлацкой. Так, говорят, с той поры и пошло: Варёж да Варёж, а уж много позднее вместо Варёжа Варезем стали называть. Вот это слово и сохранилось за тем местом, где была стоянка бурлаков, ну, а потом тут люди стали селиться и образовали здесь целое село.

41. Васильсурск

В народе говорят, что Васильсурск начал строиться четыре века тому назад. А название свое он будто бы по-

лучил в честь великого князя московского Василия Третьего Ивановича и реки Суры, в устье которой и было решено его поставить.

Место, которое по приказу властителя княжества стали застраивать, было очень удобное: тут тебе и гора высокая да неприступная над самым устьем Суры, и широкий да быстрый волжский плес, и большая луговина за рекой. Все это становилось сильной преградой во время незваных набегов татарских орд на русские земли. К тому же в те далекие времена Васильсурск не просто принимал на себя вражеские удары, а и обеспечивал зоркий пригляд за тем, что происходило на двух больших реках, следил за движением судов по ним.

С тех давних пор Васильсурск четыреста лет был городом, а потом больше, чем полстолетия, да и теперь тоже, почему-то поселком числится.

42. Волчья Долина

Волчьей Долиной в Ядринском районе село называют. Давным-давно оно тут стоит, а название ему, как рассказывают старики, вот как пришло. В старину стародавнюю в этих местах лес непроходимый был, и жили в той долине одни только волки. А рядом с лесом, в Жадовке, барин, хозяин здешних мест, в имении проживал. И вот один раз обозлился он что-то на четырех своих крепостных да, значит, и выселил этих мужиков со дворами и семьями в тот лес, прямо в долину к волкам.

Крестьянам делать-то нечего, обосновали они в той долине хозяйства свои немудрящие и стали жить тут Дербневы, Братановы, Рыбаковы и еще чьи-то в новой деревне о четыре двора. Ну, а потом в этой деревне стали жить их дети, а у детей — тоже дети; так и расширилось селение-то. А название прежнее за деревушкой осталось, так и теперь ее Волчьей Долиной зовут.

43. Гибловка

Один барин проиграл своих крепостных в карты. Достались они другому помещику, а тот решил всех перевезти в другие края, новые места осваивать. А эти новые места — наш глухой выксунский лес, непроходимые болота.

Приехали крестьяне, осмотрелись:

— О, да мы тут погибнем все, всем тут конец будет среди болот, среди комарья — гибловка!

Так Гибловкой в старые времена наше село и назвали.

И уж потом, после революции стало у нас село Верхняя Верея — в верховьях речки Вереи живем.

44. Горбатов

Горбатов потому так называется, что раньше, еще до Ивана Грозного, тут была вотчина князя Шуйского-Горбатова.

А князь этот, как говорят, был очень строг и деспотичен. Будто бы один раз вернулся он сюда из похода и кто-то сказал ему, что, пока он ездил, жена ему изменила. Князь этот и спрашивать никого не стал. Жена ему навстречу, а он вынул саблю и снес ей тут же голову. И покатилась якобы ее головка прямо в*овраг.

На том месте, между Горбатовом и Избыльцом, часовенка до революции стояла — я ее еще помню, а после двадцатых годов от нее ничего не осталось.

Ну, а самого Горбатова Иван Грозный имения лишил и не то казнил, не то в монастырь упрятал. Все это потому, что Горбатов будущего царя в детстве опекал, да часто обижал и жестоко с ним обращался.

45. Горушка

На возвышенном левом берегу реки Ухра, что протекает по северу Ярославской области и впадает в Рыбинское водохранилище, километрах в шестнадцати от

города Данилова есть деревня Горушка. Появилась она еще во времена крепостного права. Первыми жителями этой деревни были две семьи крестьян с Вологодчины, которых их хозяин проиграл в карты помещику из Ярославской губернии.

Новый владелец переслал крестьян в Даниловский уезд и поселил среди непроходимых болот на землях, которые сплошь заросли кустарником. Вселял их помещик туда и думал, что не выживут. Да не на тех напал! Плохо он знал русских людей. Вручную раскорчевали крестьяне землю под пашни и покосы, построили избы, мало-помалу скотиной обзавелись. В самом начале всего два дома было, а потом их стало шесть...

Название своей деревни проигранные в карты поселенцы сразу же определили по возвышенному месту, на котором постройки первые ставили: ведь в народе возвышение исстари горушкой зовется. А деревня-то на взгорье ставилась.

46. Желнино

Поселок, что под городом Дзержинском находится, носит название Желнино. А почему его так назвали — люди говорят по-разному.

Слышала я, что называли так Желнино за то, что вокруг поселка дубов много. И когда осенью желуди на дубах созревают, то, мол, вся земля бывает ими усыпана. Вот будто бы потому первые жители этих мест так свое селение и назвали.

А еще говорят, что так называли свою деревню люди, которые первыми в эти леса пришли. Поселиться-то они поселились здесь, а как назвать — понятия не имеют. А в тех местах тогда дятлов много водилось. Ну, а дятел сам черный, а голова у него словно в шапочке — красная. В народе черных дятлов желнами зовут. Вот и порешили первые поселенцы, которые в этих местах обоживались, деревню свою Желнино назвать.

Так с тех времен название и осталось.

47. Журелейка

Село наше называется Журелейка, а название его, как говорят в народе, от журавлей пошло. Знающие люди рассказывают, что раньше в здешних местах глухомань непроходимых лесов была. В них росли большие лиственные деревья, особенно много было липы да ольхи. Среди лесных дебрей встречалось немало болот, а на них селилось множество журавлей. Кстати сказать, они и до сих пор наши края не забывают: каждую весну целыми стаями летят.

И вот в эту необитаемую глушь какой-то из русских царей стал высылать неугодных ему людей. Поселенцы стали обживать глухие места, построили себе в лесу жильё по соседству с вольными птицами журавлями. И стала их деревенька Журавлейкой называться.

Прошло какое-то время, и слово Журавлейка почему-то на Журелейку поменялось. Так это название и сохранилось в памяти людей до наших дней.

48. Дудин монастырь

Когда-то давным-давно на месте между теперешними Дудневым и Горбатовом поселилось несколько отшельников. Среди них был молодой послушник — бывший пастух, хороший игрок на дуде, то есть пастушечьей свирели. Этого послушника все время тянуло к любимой музыке. В свободные часы он взбирался на один из береговых обрывов и оглашал широкие окские просторы и луговые поймы звуками своей замечательной дуды.

Проезжал как-то по Оке великий князь со своей дружиной и неожиданно услышал звуки свирели. По распоряжению князя его дружинники отыскали на берегу искусного игрока из отшельников и доставили его к стоянке княжеских стругов.

Князь посетил их обитель и, налюбовавшись прекрасными окскими просторами, приказал основать на этом

месте монастырь. А назвать его было велено Дудиным в память о пастушеской дуде, усладившей слух князя.

Вскоре на этом месте была построена церковь, монастырские обитель и службы.

49. Золотово

От Нижнего Новгорода шла дорога на Вятку через густые леса, через болота. И вот уже сразу за Волгой начинались опасные места. Через топь настил был проложен — мост. Но не сам настил пугал проезжающих. Здесь, недалеко от Нижнего, орудовали разбойники. Как-то раз из Москвы в Сибирь шел обоз с золотом, с деньгами — Монетный двор казну вез. И вот даже на такой обоз решились те разбойники напасть — пропал он!

Так что участок дороги стали тут называть Золотовским Мостом.

Орудовала в этих местах шайка Бугрова.

Потом Бугровы разбогатели, приехали в Нижний, стали именитыми купцами. Но был на них такой грех. И другой был грех, говорят: когда Бугров делил добро с сообщниками, он двоих убил. Вот этот грех тяготил его очень. Церковь Бугров поставил потом, чтобы душу спасти.

Сейчас о Бугровых многие уже и не помнят. А вот название деревни Золотово при дороге так и осталось.

50. Ичалки

Люди рассказывают, что село Ичалки появилось во времена Ивана Грозного. Говорят про то, что в одном из своих походов на Казань русский царь зазимовал на берегу реки Пьяны как раз в том месте, где теперь стоит это село. Там, мол, с наступлением холодов, воины Ивана Грозного стали рубить избы для жилья, а когда построили, то в них и коротали зиму. Ну, а с наступлением весны войско двинулось от Пьяны к Суре, и проводником у

царя был Иван Чалов. Провел он рать Грозного благополучно. За труды царь будто бы и пожаловал Чалову то место, где стоял со своим войском. На дарственной грамоте якобы было коротко написано: «И. Чалову» и царская подпись поставлена.

С тех пор пожалованное проводнику место и называлось Ичалово или Ичалково, а потом стали просто говорить Ичалки.

51. Кавказ

Среди лесов по дороге из Арзамаса на Первомайск стоит маленький поселок под названием Кавказ. И все обычно удивляются — откуда оно? Гор тут никаких нет. И народ русский, не приезжий.

А история тут вот такая.

Эти места принадлежали в середине прошлого века помещику Александру Николаевичу Карамзину, кстати, сыну знаменитого историка. Жил он сам в имении Рогожка неподалеку отсюда, и у него было несколько сел — русских и мордовских, да небольшой металлургический завод.

Карамзин слыл барином добрым, справедливым, для крестьян он больницу построил и школу — каждый ли помещик мог такое сделать? Крестьян у Карамзина никогда не пороли, не били. Но ведь где обходится без греха, без нерадивых работников?!

Чтобы наказать их, Карамзин придумал особый скотный двор, на который посылали провинившихся.

Вот так и получилось — царь ссылал неблагонадежных на Кавказ, а Карамзин — сюда. И кто-то в шутку эту ферму стал называть Кавказом. А имя и прижилось.

52. Кадницы

В народной памяти живет несколько преданий, объясняющих название села Кадницы.

Одни люди говорят, что в том месте, где теперь раскинулось это село, в далекой древности находился главный пункт, на котором татары производили обмен пленными. Рассказывают, что татары тут не только меняли, но и казнили многих русских, попавших в плен. От этого, мол, и пошло название места, которое именовалось прежде казницами. Ну, а слово Казницы со временем превратилось в слово Кадницы.

Другие сообщают иное предание. В нем действительно утверждается, что название Кадницы пошло от того, что здесь якобы очень давно, еще до XVII века, располагалось селение бондарей, делавших деревянные кадки. А мастеров, которые занимались бондарным ремеслом, называли еще кадушечниками или кадниками. Так вот село получило себе имя по основному промыслу его жителей — Кадники, а позднее слово Кадники изменилось в слово Кадницы.

Известно в народе и третье предание. Говорят, что будто бы название села произошло от имени разбойников, которых в здешних местах называли «кадами».

Жили эти разбойники в лесах, которые сплошь покрывали горы над Волгой. Кады бесчинствовали на больших дорогах да на реке, где никому от них отбоя не было. Главная стоянка их находилась в глухом месте на берегу Волги. По имени разбойников она называлась Кадницами. Атаманом шайки был Сутырь, а казначеем — Спех. От имен атамана и казначея пошли фамилии кадницких старожиллов Сутыриных и Спеховых. Эти фамилии и сейчас очень часто встречаются у жителей села Кадницы и поселка Ленинская Слобода.

53. Камаево поле

Большое пространство земли называется Камаевым полем. Камай происходил из знатного рода. У чувашского богатыря Кабана был сын Юман. Камай же является старшим сыном Юмана, внуком Кабана. Как и его предки, Камай был сильным и бесстрашным. У Камая было чет-

веро сыновей: старший Кукшум, второй — Хум (Хом), третий — Патр (Батыр), четвертый — Киреметь. Жили они где-то в Присурье. Двое старших были женаты. Как Патру исполнилось пятнадцать лет, Камай его женил. И вот Камай решил переселиться со всем семейством на юг. Надо получить позволение и благословение отца. Юман говорит Камаю: «Переезжай. Простись с дедом Кабаном и поклонись дубу». Камай взял небольшой бочонок пива, шыртан из медвежьего мяса, сушеную птицу и уехал к деду. Но деда в живых он не застал, а священный дуб рода был срублен приехавшими из-за Суры русскими.

Вернувшись из деревни деда, Камай с помощью отца изготовил около десяти телег. А лошадей у Камая было много своих да еще были лошади снох, полученные ими в приданое. Образовалось целое стадо скота. Как только сошел снег, по первому пути Камай с семейством тронулся в дорогу. При прощании отец дал Камаю жеребую кобылу, сказав: «Где эта кобыла ожеребится, там ты останешься жить навсегда».

Рабочих рук у Камая было десять человек: сам с женой, три сына с женами, сын и дочь. Едут несколько дней. По пути строят дорогу, мосты. Одну речку называли «Черная вода».

И вот отцовская кобыла ожеребилась, принесла кобылку. Камай говорит: «Прими, земля, мой хлеб, который я даю тебе в дар. Я приехал сюда жить, прими меня. И до тех пор не откушу куска твоего хлеба, пока ты не попробуешь сама».

Построили карду для скота. Со второго дня началась корчевка и сев яровых. Выбирались лучшие места для легкой корчевки. Закончив яровой сев, принялись за устройство домов.

Камай сказал сыновьям: «Пока земля свободна, выбирайте места и стройте дома отдельно. По нашему следу могут приехать другие». С отцом остались старший сын Кукшум и младший Киреметь. Хом построил двор в двух верстах вверх по реке, Патр отошел две версты на север от отцовской стоянки.

Прошло немного лет, а переселенцы зажили хорошо. У каждого из них было по стаду скота. Жили дружно, вместе пили пиво, с Присурьем связь поддерживали.

Но стали пропадать у них лошади. Поехали по следам —

целые сутки ехали. Крали юго-восточные люди. Камай решил поселить южнее себя чувашей, пригласив их с При-сурья. Так и сделали.

Сам Камай с сыновьями занял очень много земли: в несколько лет невозможно было обработать. А новые жители все прибывали. Они стали завидовать Камаю с сыновьями и сговорились отнять у них лишнюю землю. Камай схитрил, сказал: «Спросим у земли». В четырех углах Камаева поля, вырыв ямы, Камай спрятал своих сыновей. С соседними чувашами Камай ходил по углам своей земли и спрашивал у нее: «Земля, кому ты должна принадлежать?» Земля отвечала: «Камаю».

Так земля и осталась за Камаем. Но младший сын Киреметь задохнулся в яме и умер. Киреметь похоронили [...] Кто чем бы ни заболел, стал ходить на могилу Киреметья и просить избавления от хвори, бросая на нее монеты и куски хлеба.

Умер Камай, но имя его осталось: до сих пор земля, которую он занимал, называется Камаевым полем [...]

Кукшум жил со своей семьей, был богат и скуп. Хлеба у него было много, скота тоже. Кроме того, он имел большой пчельник. Деревня, которую он основал вместе с отцом, была названа Камайпольским Кукшумом, и до сих пор в народе известна под этим именем (ныне деревня Малый Кукшум Ибресинского района).

Хом тоже жил хорошо. Так как он жил в верховье речки, ее назвали Хум шыв (речка Хома), на которой и теперь работает двенадцать водяных мельниц. Патр жил восточнее Хома. Их селение назвали Хумпус Патарьел — «Деревня батыра в верховье Хома» — Хомбусь-Батырево.

Прошло около трехсот пятидесяти лет, а имена Камай, Кукшум, Хом и Патр не пропали, только имя Киреметья осталось само по себе...

54. Карпуниха и Петряево

По дороге, что с давних пор соединяла Урень с городом Ветлугой, в былые времена шалила разбойничья

шайка, или, как еще тогда говорили, ватага. Возглавлял ее атаман по прозвищу Карпун. Надоели разбойники и их набеги ветлужским купцам. И решили они расправиться с шайкой. Для этого были вызваны войска. Рота солдат, а может, и больше, долго следила за шайкой и выследила-таки разбойников. Завязался нелегкий бой. После сражения, которое продолжалось целые два дня, шайка была разгромлена. Отбиваясь от солдат, в битве погиб брат разбойничьего атамана Карпуна — Петр.

И вот на месте, где разгорелась битва, власти решили основать поселения и оставить солдат для порядка. Эти, как говорили в наших местах, «починки» стали люди называть по имени братьев-разбойников: один именовали Карпунихой, а другой — Петряевом. Так с тех времен и пошло: Петряево да Карпуниха.

55. Катунки

Рассказывают, поселок на берегу Волги возле современного Чкаловска основали когда-то давно татары.

Есть в татарском языке слово «катун», оно означает «женщина, наложница». Катунями, наложницами в гаремах татарская знать делала русских пленниц.

Так вот рассказывали в Катунках мне старики эту историю.

Татарский хан, сподвижник Батыя, шел по Волге, остановился на этом месте и основал здесь поселение. Тут он оставил свой большой гарем, а сам двинулся разорять Городец.

Все катунки у хана были покорные, только одна русская девушка все никак не хотела мириться с судьбой, не желала становиться одной из жен ненавистного хана.

И вот как-то раз за ней не уследили, и она сбежала. Погоня за ней помчалась. Что делать? Не спасешься... И бросилась она с высокого берега в Волгу.

С тех пор и зовут это место Катунками.

56. Клин

Про наше село Клин вот какую историю рассказывают. Пришли сюда в старое время по берегу Оки три бобыля. Они издалека шли. Откуда — неизвестно. Хотели место себе найти, деревню построить. Давно уж, видно, в дороге были. Где ни останоятся, все им что-то не то. Ну, и устали. Вот один и говорит: «Хватит нам ходить-то. Нечего искать. Куда ни кинь, всюду клин! Давайте тут строиться будем. И поляна тут большая, и лес рядом, и река и родники есть».

Так поставили свои дома на мысу, а деревню то ли в шутку, то ли всерьез назвали Клин.

Клин так он и вышел. Мыс тут вперед к реке выступает, по бокам от него овраги. Выходит, мы вроде как на клину над самой рекой живем тут.

57. Костино

Знаменитая дорога Владимирка проходила через многие селения Павловского уезда. Рассказывают, что когда-то в прошлом около одного из сел, что стоит недалеко от Горбатова, нашли у самой дороги человеческие кости.

Задумались люди над тем, откуда здесь столько костей, а старики подсказали им:

— Видите, тут Владимирка пролежала, а по ней гнали в Сибирь тысячи каторжных. Путь этот страшно тяжелый, и немногие были в силах выдержать его. Сотнями гибли каторжане, так и не дойдя до места...

Да, костями людей усеяна знаменитая Владимирка, и село Костино, говорят, получило свое имя в память о тех, кто сложил свои головы по пути на каторгу...

58. Кодочиги

Есть в Тоншаевском районе Горьковской области деревня, которую называют Кодочиги. В народе говорят, что

ее первые жители были выходцами из Котельничского уезда соседней Вятской губернии. Будто бы было их восемь человек, и носили они фамилии Кодочиговых да Машкиных, но Кодочиговых среди первопоселенцев-то было больше, а потому и тот починок по их фамилии стал называться.

На первых порах в починке было всего несколько домов, потом деревня разрослась. Теперь же очень много жителей из деревни переехало в другие села.

59. Колотуха

У деревни Колотуха возле Большого Мурашкина в прошлые времена было другое название — Ильинка.

Но уж так получилось — владела этой деревней взбалмошная помещица, фамилии которой сейчас уже никто не помнит.

Поехала она в эти места впервые посмотреть на свою деревню Ильинку в карете. А дорога там плохая всю жизнь была. Вот уж ее в этой карете и трясло, и било, и кололо об потолок, об стенки. Обозлилась она и велела в сердцах:

— Пусть эта деревня впредь называется Колотухой, другого названия знать не хочу.

60. Крапивки

У нас рядом три села стоят — Крапивки, Пичингуши и Новоселки. Живет здесь мордва. Давно живет, говорят, с четырнадцатого века.

Самым первым построилось село Пичингуши. Сейчас в этих местах одни поля, а раньше стоял непроходимый лес. И название Пичингуши переводится с мордовского «сосновая поляна» — вырубили наши предки делянку и поставили первые избы.

Но нынешние Пичингуши — не настоящие!

Получилось так, что из тех, самых первых Пичингуш, выселились семьи за околицу и появились Новые Пичингуши, а потом и из Новых Пичингуш народ поехал жить на другое место — возникли Новоселки. А те, первые Пичингуши, стали называться Старые Пичингуши.

Народ в них был хитрый и строптивый.

Как едет какое начальство переписывать жителей, начислять налоги, входят в село — а там почти никого и нет! — Куда люди делись?

Ему несколько стариков отвечают: мало тут народу.

Народу мало, а домов много — это как?

Оказалось, люди прятались в овраг. Крапива там была высоченная — никого не найдешь, и тропок никаких не видно.

В середине прошлого века Старые Пичингуши принадлежали графу Горчакову. Вот уж он сполна испытал, каково тамошних жителей искать и считать, каково пробовать с них что-то получить. Словом, прогневили его. И он велел в наказание переименовать Старые Пичингуши в Крапивки.

«В крапиве, — говорит, — вы все отсиживаетесь, так что по справедливости пусть село ваше так и называется».

А Новые Пичингуши для краткости стали именовать просто Пичингушами.

61. Кубня

Деревня Кубня вначале была основана не там, где она расположена теперь. Шесть семей — род Шаймановых — поселились на речке Сут Сырма — притоке Кубни. Деревню называли Сут Сармас. Однако здесь водилось много диких зверей, что было небезопасно, да и питьевая вода была невкусной. Однажды у одного из жителей деревни пропал бык. Хозяин нашел его на речке Аутле около родника. По поверьям, место, где остановился бык, считается счастливым. Все жители и переселились к этому роднику. Деревню стали называть Чаваш Сармас (такое название закрепилось, наверное, после образования мордовского села Малые Кармалы, которое по-чувашки называется Ирсе Сармас).

62. Кугеево, Айдарово, Пичурино

В старину чуваши как ныне — на одном месте, устраивая постоянные поселения с жилищами и надворными постройками, — не жили. Они выбирали удобные места с лесами, лугами и ровными полями, пригодными для возделывания хлебов. На таких местах они прокармливали себя, занимаясь земледелием и скотоводством. Как земля становилась неплодородной, они переезжали на другое место. Так, кочуя с места на место, они коротали свой век... На левобережье Волги жили три родных брата: старший Пичура, средний Айдар и младший Чинкей (по другому Кугей). Они жили в местности, называвшейся Каркан-карк. Обитавшее здесь племя язычников называлось крапляк. Братья из этого племени происходили. Эти три брата содержали большого быка, который пасся свободно, уходил с их стойбища на две-три недели и опять возвращался к хозяевам. Однажды бык не показывался более месяца. Хозяева забеспокоились и пошли на поиски. Долго-долго искали быка и обнаружили его в волжской долине, на лугах. Братья решили жить там, где остановился бык. Отсюда бык не уходил. Пичура, Айдар и Чинкей выкорчевали лес и начали обрабатывать землю. Здесь бык пробыл три года и в один прекрасный день переправился на правый берег, отошел верст на десять и остановился близ реки Большой Аниш, у возвышенности, откуда били два ключа. На возвышенности — лес, внизу — обширные луга. Братьям местность понравилась. Здесь бык задержался на несколько лет, но затем тронулся в западном направлении. Братья посоветались и решили: не уходить всем за быком, одному из них остаться здесь же. Согласился остаться младший брат Чинкей. Он основал деревню Кугеево... Бык, отойдя верст на семь, остановился у мощного ключа. Здесь обосновался Айдар и возникла деревня Айдарово. Затем бык перешел на две с половиной версты на северо-запад к другому ключу, где уже Пичура основал деревню Пичурино.

63. Кудеярово

С городом Лукояновом соединилось большое село Кудеярово. Сейчас уже и не поймешь, где оно начинается.

А называется оно по имени легендарного человека, которого и в документах, говорят, нет — одни только слухи о нем. И песня живет с прошлого века: «Жили двенадцать разбойников, был Кудеяр-атаман...» Так вот говорят, Кудеяр этот приходился родным братом самому царю Ивану Грозному. Он будто бы был близнецом Ивана и был на него похож. Только родился Кудеяр минут на двадцать попозже. Ну, а по закону в России править должен был старший. И Кудеяра сдали куда-то на воспитание. Так и жил он не во дворце, а в глуши. И только потом ему все-таки сказали: «Ты ведь вот кто — царский сын!»

Он вырос, стал разбойничать. Нрав у него был суровый. И все леса вплоть до самого Мурома были, считай, его. Глухо тут было, непроходимо, только несколько дорог на всю пушу. А еще были тропки протоптаны, чтобы на дороги эти в разных местах выходить неожиданно. Вот их, говорят, проторили люди разбойника Кудеяра.

64. Лобачи

В десяти километрах от села Владимирского, что стоит почти у самого Светлояра, есть деревня, которую называют Лобачи. А назвали ее так потому, что когда-то пришли в это безлюдное место три брата Лобановых. Очень понравилось им тут и решили обосноваться на приглянувшейся поляне. Построили братья для себя три избы, семьями обзавелись и стали здесь жить. Вот с того времени и начали это место по их фамилии Лобачами называть.

С годами к Лобановым другие поселенцы добавились. Деревня разрослась, а название за ней так по первым жителям и осталось.

Другие люди говорят про название деревни совсем иное. Они рассказывают про то, что первым жителем стал один человек. Был тот мужик велик телом. Голова у него была

с корчагу, а лоб — с пастушьей доску, которую в наших местах еще барабанкой называют. Из-за большого лба его Лобачом прозвали. Вот, мол, от этого человека и пошли дети лобачи, ну, а потому, вроде бы, и деревню Лобача-ми называть начали.

65. Малое и Большое Маресево

Когда-то давно шла война, и русскому князю никак не удавалось взять вражескую крепость, обнесенную длинной, высокой и толстой стеной и огромным валом. Много людей погибло при взятии этой крепости.

И вот к князю пришел рослый красивый эрзянин. Звали парня Маризем. Он стал говорить с князем о том, как можно взять крепость, и князь поверил словам Маризя.

Маризь со своими помощниками начал делать подкоп под ров. Этот подкоп должен был выйти прямо под крепостную стену. Когда подкоп был готов, под стену заложили бочку с порохом, а наружу от нее протянули шнур. После этого Маризь доложил, что через пять минут стена будет разрушена взрывом, и можно будет войти в крепость.

Прошло пять минут, а крепостная стена стоит невредимая. Князь приказал повесить Маризя за обман. Но только подвели Маризя к виселице, как стена рухнула от взрыва. Все обрадовались и двинулись на крепость. Вскоре она была взята.

Князь спросил Маризя, что он хочет за эту победу. Но Маризь не хотел ничего просить. Тогда князь дал ему лошадей, запряженных в коляску, и сказал, чтобы тот ехал, куда захочет, а где ему понравится — там пусть поселится и живет.

Едет Маризь в коляске и думает: «Где останутся лошади, там и останусь жить». Вдруг слетело колесо. Маризь ступил на землю и сказал: «Буду жить здесь».

Женился. Родились два сына. После смерти отца сыновья разделились и стали жить в разных местах. Где остался меньшой брат — появилось село Малое Маресево, которое и поныне так называется, где старшой — Большое Маресево.

66. Мухоедово

За Дальним Константиновом есть село с забавным названием Мухоедово. Про него рассказывают вот какую историю.

Много лет назад кто-то из этого села был в гостях в соседней деревне. И уж до того был этот человек разговорчивый. Разинет рот, начнет махать руками — пошел рассказывать! Вот посадили его за стол. А он есть не ест, все говорит и говорит. Так за этим делом ему в рот муха и влетела. А он не заметил — проглотил.

Все вокруг смеются над ним, над болтуном.

— Ну силен болтать! Мухоед!

И когда, бывало, земляки его приезжали в эту деревню, им случай напоминали. И уж не дай бог кому что лишнее начать говорить, за столом ли, как ли. Сразу:

— Э! Все вы, мухоеды, болтливые!

Вот за селом такое название и пошло.

67. Невадьего

Старые люди рассказывают, что это село получило свое название давно. А было дело так.

Десятки изможденных и изнывающих от ран русских пленников дальше идти не могли. Враги отвели их в глубь дремучего леса и зарубили кривыми саблями, оставив непогребенными. Вечером пришли скрывавшиеся от иноземцев жители (жили они в землянках на месте теперешней деревни Степаново), похоронили убитых в общей могиле. И долго — из поколения в поколение — завещали помнить о погибших.

Решили местные жители в их память построить храм. Место для строительства выбрали возле деревни. Да будто бы чудо явилось — икона на месте братской могилы. Решили тогда люди перенести стройку. Кто был автором «чуда», предание умалчивает, но церковь на том месте построили. А вскоре построили рядом дом для попа,

звашегося Невадием. Потом стали селиться в этом месте и степановцы, назвав поселение Невадьевским Погостом. Теперь это село Невадьево.

68. Нестиары

Давным-давно отсюда до самой Волги километров на пятьдесят пять—шестьдесят стоял лес непроходимый. И была в этом лесу тропочка, которую знал один человек. Это был старец Нестер. Кто он был? Одни говорили что он разбойник, от властей скрывался, другие считали его крепостным крестьянином, бежавшим от помещика.

Но как бы о Нестере ни судили, был он в здешних лесных местах самым первым жителем. Потому и деревню назвали по его имени, только добавили к названию ее еще и озеро, что находилось рядом с селением. Озеро то — яр, который получился от того, что земля тут провалилась.

Вот так и получилось название деревни нашей: от первого поселенца и озера оно у нас.

69. Никитин Завод

Западнее Малого Содомова раскинулась деревенька с громким названием Никитин Завод. Стоит она на высоком берегу речки Усты и, кажется, ничем не отличается от тысячи селений Нижегородской земли. Но откуда же у деревни такое название?

Местное предание гласит, что название ей дано не случайно.

Много столетий тому назад житель здешних мест по имени Никита случайно наткнулся на ручеек с соленой водой. Смекалистый крестьянин решил, что источник можно использовать для добычи соли. А соль-то в ту далекую пору была в большой цене!

Вскоре у найденного Никитой источника появились первые строения. Обитатели этих лачуг сразу же заня-

лись вывариванием соли, которая шла и для своих хозяйственных нужд, и на продажу.

Все крестьяне занимались этим промыслом. Но особенно отличился в этом деле сам Никита. Он сделал простое, но очень удачное сооружение для выпаривания соли и превзошел на этом всех своих земляков.

Земляки оценили приспособление Никиты, и кто-то из побывавших в городе назвал это сооружение заводом.

Вот отсюда и пошло — Никитин Завод, и закрепилось название за той деревней, в которой жили солевары с Никитой во главе.

70. Пилесево

Наше село возникло давно. На месте его когда-то был густой лес. Неподалеку — село. Нападали на село ногайцы, убивали старух, угоняли в неволю молодых. Тогда два брата со своими женами решили убежать. Взяли они большую котомку с едой и ночью тайно ушли в лес. Там нашли подходящее место, соорудили шалаш.

Недолго пробыли они на новом месте. Их поймали и за побег отрезали уши. Но люди не смирились со своей участью и продолжали убегать в лес строить там дома. А село называли Пилевтеме, то есть «без ушей». Стали появляться по соседству и другие села, их жители называли наше село Пилевеле (пиле — ухо, веле — село).

Появились в селе как-то русские люди, спросили, как называется село. Эрзяне назвали.

— Значит, Пилесево.

С тех пор село так и называется — Пилесево.

А лес вокруг села и сейчас сохранился.

71. Полевые Бургасы

По рассказам прадедов, наши места в старину были очень красивы. На огромном светлом озере водились дикие

гуси, утки, по его берегам разгуливали журавли, в воде играли разные рыбы. С трех сторон озера вырос лес, к юго-востоку от него расстилались покрытые разнотравьем степи. Когда-то и они плодоносили, но во времена Золотой Орды запустели.

В эти привлекательные места триста с лишнем лет назад прибыли три чуваша — Эмер, Аюк и Калмык из деревни Буртасы Свияжского уезда. Место им понравилось: чернозем, от северных ветров защищает лес, есть вода, луга. «Если переселимся сюда, избавимся и от помещиков», — заключил Калмык. Через некоторое время они приехали сюда на трех подводах с орудиями труда: агабусем (деревянным плугом), косами, топорами, лопатами и прочим. Устроили шалаши. Заготовили сена, начали поднимать целину. Без усталости поработали недели две-три. Осенью опять приехали, посеяли рожь. На следующий год они прибыли с семьями: косили сено, пахали поля, заготавливали лес, убрали хлеб, посеяли озимые. Жили в землянках, изготавливали срубы. На третий год поставили избы, построили хлевы, конюшни. Переехали окончательно, получив у властей земельную грамоту — крепь. Через несколько лет переехали сюда из Буртасы же Салмака и другие крестьяне. Земли чувашской деревни Буртасы были захвачены помещиком. На ее месте возникло русское поселение.

72. Про быка

В чувашскую деревню Буртасы, существовавшую в прошлом на территории Урмарского района, как-то прибыл помещик из рода Арцыбашевых или Верцелиусов. Он подпоил коштанов и выпросил отрезок земли такого размера, чтобы мог полежать бык. Когда получил согласие общества и соответствующий документ, произвели обмер отводимой земли таким способом: зарезали быка, мясо пошло на общественный обед крестьянам, конечно, не без нескольких ведер вина, а шкуру барин

приказал разрезать на узенькую непрерывную ленту. Ленту растянули по границам будущего владения помещика. Какой круг был обведен этой бесконечной лентой из бычьей шкуры, такая площадь была отведена помещику. Он переселил из другого имения крестьян и образовал село Буртасы (на месте чувашской деревни под таким же названием). Управляющий имением Чирков на принудительно собранные от чувашских крестьян-полуязычников деньги построил в Буртасах церковь, положив и себе в карман немалую сумму из собранных денег. Потомки помещика помнили о быке: ежегодно отпускали Орнар-Буртасинскому земельному обществу на общественное моление чук одного упитанного быка. Его съедали всем обществом.

73. Полупочинки

Барин в селе Смирново, что недалеко от Дивеева, был заядлым картежником и один раз проигрался в пух и прах. Ничего не осталось, как отдавать соседу карточный долг крепостными.

Вот крестьян из Смирнова стали перевозить на новое место, к новому барину. Не больно далеко, однако, полсотни верст.

Часть крестьян были переселены в Вертьяново (сейчас оно стало частью Дивеева), а нескольким семьям земли там не хватило, отправили их на новое место, на край леса. И тут велели починок основывать.

Починок получился больно уж маленький — не поймешь что, какая-то половина настоящего починка. Так и пошло название — Полупочинки.

74. Работки

Старые люди рассказывают, что село Работки очень древнее, а название свое оно будто бы во времена борь-

бы с татарами получило. И было все это, говорят, вот как.

Один раз, когда татары стали уж очень назойливы, русские не вытерпели. Собрали они свои силы разрозненные и вместе ополчились на врага. Ополчились да и ударили по татарам так, что те не выдержали натиска русских. И стали удирать татары, а наши — за ними. Татары быстрее поскакали, да русские не отстают!..

Так и гнали ворогов до самого леса, который вплотную подходил к волжским кручам. А татары как добежали до Волги, сразу и переправились на левый берег.

Ну, а русским не удалось реку преодолеть, не на чем было. Тут и решили они деревьями, что росли на берегу, воспользоваться. Стали они рубить лес да строить из него плоты для переправы.

Много нужно было повалить деревьев, и делать все это надо быстро. И русские воины, как говорят, не подкачали. Тут и закипела работа да еще какая! Резво стучали топоры, проворно бегали с бревнами добрые молодцы, все плоты сооружали. А когда работа была закончена, русские воины переправились в заволжскую часть и опять погналы татар.

За местом же, где хорошо поработали наши ратники, с тех далеких пор прочно закрепилось в народной памяти название Работки.

75. Радушино

Около Вада есть деревня небольшая с необычным названием Радушино. Откуда оно?

Говорят, раньше да и теперь жителей деревни отличало гостеприимство. Зайдет незнакомый человек в эти места, а ему говорят: «Заходи, отдохни, гостем будешь!» И накормят, и ночлег предложат. Щедрые там люди жили, радушные. Вот и пошло за деревней такое название.

76. Раскаты

Раскаты — это деревня в Воскресенском районе, на Ветлуге. Было тут всегда сыро, глинисто. Но река рядом. Это, наверно, и привлекло сюда людей, стали строиться.

Только получилось так, что от дома к дому не пройдешь — грязь. И вот в центре деревни по главной улице проложили деревянный настил из бревен.

Едут, бывало, по нему на телеге, а грохот по всей округе слышен — страшные такие раскаты, словно гром.

Так вот по этой причине жители округи стали называть эту деревню — Раскаты.

77. Разнежье

Отец мой — коренной бурлак да плотогон — сказывал, что взять Казань-город Ивану Грозному мариец один помог. А дело было будто бы так. Когда царь русский пошел на Казань, чтобы освободить ее от татар, то войско его забрело в леса марийские и заблудилось.

Остановились они где-то в чаще лесной и не могут ни к Казани, ни к Волге-матушке дорогу найти.

Вот тогда и послал Иван Грозный своих людей в одну деревню марийскую. Нашли его люди в той деревне мужика по прозвищу Рознега. Он-то и согласился провести войско до самой Казани.

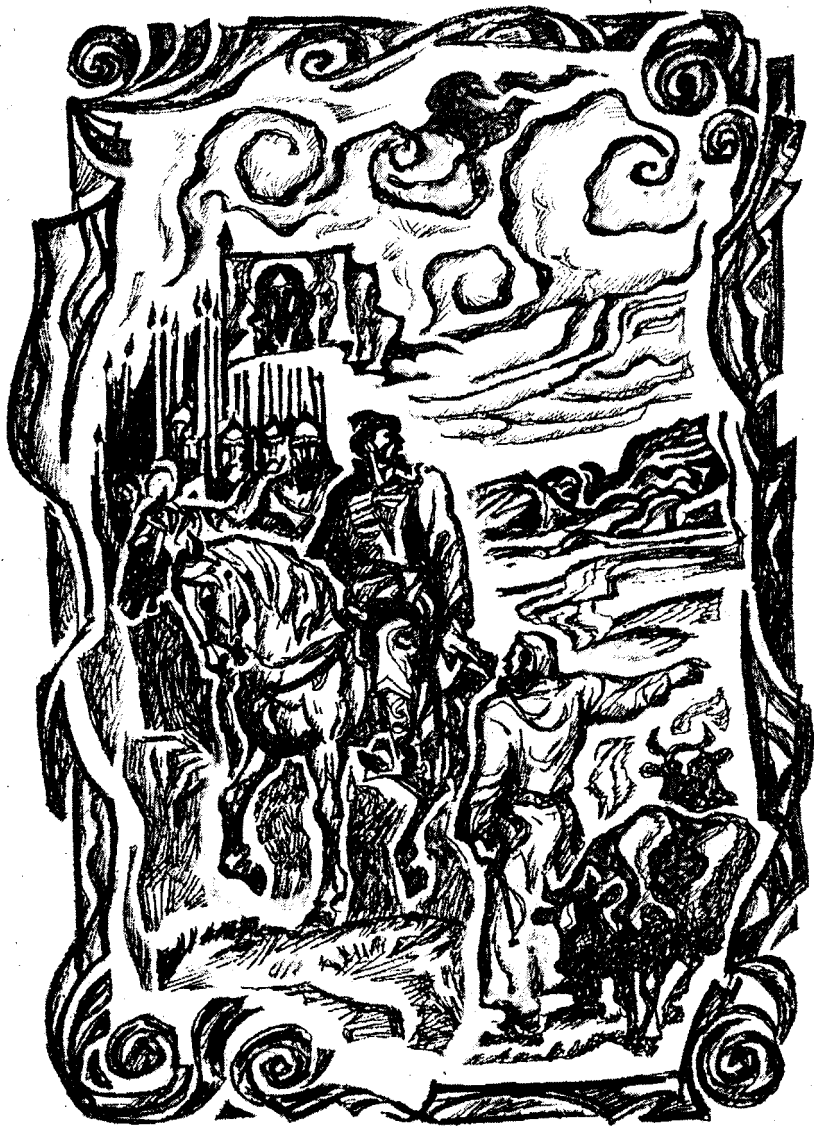
Провел Рознега царя с войском к Казань-городу да еще и научил Грозного, как крепость взять.

Когда русские татар разбили и взяли Казань, Иван Грозный на радостях и наградил Рознегу казной, а тот вернулся в деревню, забрал семью свою и уехал с ней на Волгу.

Где-то на берегу Волги выбрал Рознега местечко поудобнее, срубил избу на царские денежки и обосновался тут на жительство.

Вскоре к нему родственники перебрались — уж больно там места, слышь, добрые были!

С той поры и пошло село под названием Разнежье.

78. Ржавка

Говорят, что на месте деревни Ржавка были болота, и вода в них имела ржавый оттенок. Постепенно эти места стали заселяться, болота же начали высыхать, а иные осушались поселившимися здесь людьми. Высыхая, болота обнажали дно цвета ржавчины. Вот и пошло название деревни — Ржавка. Сейчас этих болот уже нет, и вряд ли кто в деревне может сказать, где они были.

79. Переволоки

Раньше по Волге суда ходили только до Жигулей. Оттуда до реки Усы (это пять верст будет) их волочили по суше.

Судовая команда была большая — из сорока человек, а то и больше. Они и тащили судно. Остановится судно на месте нынешнего села Переволоки, зарядят пушку камнями, да и стрельнут по Жигулям — это чтобы разбойников отпугнуть. Потом остаются переночевать — ведь устают люди.

Да все равно разбои были. Бывало, четыре вооруженных разбойника встанут над люком ночью, остальные продовольствие грабят, хоть рядом и бекеты* были. Возьмут разбойники, что им надо, и были таковы.

...И стоит с тех пор там село Переволоки.

80. Селки

Марийцы пришли сюда давно, издалека откуда-то. Один старик сюда их привел. Пришел с ними то место смотреть, где Селки теперь стоят. Смотрел-смотрел — что-то ему все не нравилось. И решил он тут уснуть. И сон ему приснился, будто говорит ему кто-то:

«Мужик! Зря ты тут не хочешь селиться. Место очень хорошее, земля будет хлеб хорошо родить. Зря тебе тут не нравится».

Ну, он так и решил — поселился.
И не пожалел — все вышло у него по этому самому сну.
Вот Селки с тех пор тут и стоят. А название у них от того пошло, что люди в этом месте селиться начали.

81. Семь братьев

Село Штанашево Курмышского уезда получило название свое от имени одного из семи братьев, родоначальников присурских чувашей, — Штанаша... Семь братьев из чувашей пришли от берегов Волги к сурскому лесу. Одного из них звали Четай, другого — Хоршеваш, третьего — Атай, четвертого — Штанаш, пятого — Роскильд, шестого — Ходар, седьмого — Торай. Все они были женатые и семейные. Так как всем семерым вместе жить было неудобно, они начали рассуждать, как бы им разделиться и каждому иметь свою землю, свою собственность. Думали-думали и наконец решили: «Ты, Четай, имеешь сужеребую кобылу, — погоняй ее и иди за ней с семейством. Где она ожеребится, там ты построишь себе избу, пюрть, и будешь жить с семейством; а земля, которую пройдет твоя кобыла, будет твоей землей». Таким образом обрели себе земли и поселились Хоршеваш, идя за козой с прибылью, Атай — за суюгной овцой, Штанаш — за стельной коровой... От этих братьев, по преданию, возникли селения Красные Четаи (у Четая волосы были рыжие, почему его селение назвали Красным), Хоршеваши, Штанашаи, Атай, Раскильдино, Ходары, Тораево.

82. Сермянангер

В древности на месте этой деревни стоял большой лес. А в лесу кто только ни жил. Только на месте Кожламары Пичы («изгородь лесных марийцев») была свободная земля, незанятое место. Около этой местности

протекала речка. Стали сюда переселяться и чуваши. В настоящее время на этих лугах стоит часовенка. А на месте нашей деревни не было жилищ. Сюда сначала из Кожласир, то есть из Заволжья, переселились шесть семей. Когда переселялись, решили: «На берегу какой реки наш бык ляжет отдыхать, там и поставим село, остановимся и начнем жить». Они, шесть семей, шли-шли, и вот бык остановился и лег отдыхать у протекающей по низине реки, которая называется Кожламары Пичы. Марийцы остановились, посоветовались и решили: «Как договорились, так и остановимся тут и будем жить!» Так они на этой низине поставили шесть изб.

Проходило время, та низина стала углубляться, превращаться в овраг. Поэтому свои избы сняли и вновь построили за оврагом. А посреди своей старой деревни оставили одну огромную сосну. Через какое-то время хутора стали объединяться в одно селение. Сосна та стояла долго. Она стояла еще до начала организации колхозов. Жители селения эту сосну называли Цеклыми («место жертвоприношений»). Говорят еще, что на сосне были какие-то знаки. Вот, видимо, и название места произошло отсюда — Сермян Ангер («река, где приносят жертву»). С тех пор и селение начали называть Сермянангер.

83. Сиянье

В двадцатые годы в Заветлужье, в Нижней Сарафанихе, несколько семей надумали на новое место переехать, соседи надоели, земли мало. А куда ехать, сами не решили толком. Вот односельчане спрашивают их:

«Куда собрались-то?»

«Был там такой Кочнев, озорной мужик.

«К северному сиянию двинемся!» — говорит. Оно и правда, поселенцы на север поехали. А слово им приглянулось. Устроили сход и назвали деревню Сиянье. Верили, что новая жизнь будет хорошая, светлая...

84. Слепые

Деревня с таким необычным названием стоит неподалеку от дороги из Арзамаса на Дивеево.

И рассказывают про нее вот такую историю.

Когда-то давно, лет двести назад была она селом, но название его в народе сейчас забылось. Настоящим селом, большим, с церковью. Правда, церковь там была маленькая, бревенчатая.

И вот надо же было случиться такому позору: в одну летнюю ночь уснули жители этого села, а какие-то безвестные люди приехали на лошадях и быстренько разобрали церковку.

Просыпаются люди в селе наутро, выходят на улицу, а на месте церкви только плешь одна осталась да следы от тележных колес.

Так и не нашли церковь. И село уже не смогло построить новую, стало захолустьем, деревней.

И вся округа дразнила жителей:

— Слепые! Церковь у них украли — никто не увидел!

85. Содомово

В Тонкинском районе есть два селенья со старинным названием — Большое Содомово и Малое Содомово. Тонкинские старожилы по поводу этих названий говорят, что приходилось им слышать от своих дедов и прадедов про Содомово такое предание.

Давным-давно это было, наверное, еще во времена татарского владычества [...] Так вот, в ту пору началось переселение племен, живших на Руси, из южных земель в восточные да северные. По этой причине коренное население заволжских лесов — марийцы — под натиском пришлых племен уходило на восток, в лесные чащи.

Но уходили с насиженных мест далеко не все. Многие оставались в тех селениях, куда пришли племена из Южной Руси. Стали жить вместе. И тут, конечно, полу-

чилось смешение разных языков, верований и обрядов. Другими словами, как выражались прибывшие сюда поселенцы, в отношениях между людьми была полная неразбериха, или, короче говоря, настоящий содом.

Это слово, сказанное когда-то пришельцами, было подхвачено местными жителями и, видно, понравилось им. Слово «содом» стало повторяться все чаще и чаще, а потом закрепилось как название одного селения, а вслед за ним и другого. То, в котором побольше дворов, стало Большим Содомовом, а в котором поменьше — Малым.

86. Соткино

Есть в нижегородском Заволжье деревня с несколько необычным названием Соткино.

В народе говорят, что называть ее так стали в давние времена. Рассказывают, что будто бы было это в ту пору, когда в заволжских лесах монастыри да скиты старообрядческие закрывать начали.

Так вот, якобы незадолго до того, как закрыли хорошо известный в тех местах Красноярский скит, оттуда сбежал главный фальшивомонетчик, что здорово умел бумажные деньги делать. Сбежал он от наказания, которое его ожидало, да и не куда-нибудь в далекую губернию, а тут же, не так-то уж и далеко, в одном дремучем лесу обосновался. Вырыл он там землянку и поселился вроде бы на самое настоящее жительство. Даже фальшивые деньги — сотенные бумажки, или, как тогда говорили, сотки, стал на новом-то месте делать.

Ну власти, конечно, выследили его, когда он с фальшивыми деньгами из леса выходил. Выследили и арестовали прямо с сотками на руках.

С того времени место, где жил человек, делавший «сотенные бумажки», Соткином называть начали.

А вскоре там, где стояла его землянка, люди селиться стали, место-то, видишь ли, удобным им показалось. Так и появилась там целая деревня, а название за ней в народе старое осталось да и до сей поры живет.

87. Спор

Старожилы рассказывают, что основателями деревень Рунга, Альшихово и Тингаш были три брата — чуваша Рунг, Алшик и Тиньгаш. Выселились они из деревни Рунга Цивильского уезда Казанской губернии. Рунг поселился на правой стороне реки Карлы, а другие два брата — на левой стороне. Первому, как старшему, отдана была вся земля, находящаяся по правую сторону реки, а остальные получили землю по левую сторону реки. Они пользовались ею сначала совместно, но потом вздумали разделить ее.

При дележе между ними возник спор относительно участка земли, находящегося теперь между деревнями Альшихово и Тингаш. Чтобы положить конец этому спору, они сделали между собой такой уговор: выпить вдвоем четверть вина, и кто после этого сможет залезть на дерево, того и будет спорная земля.

И вот они сели под одной большой сосной и стали пить вино из двух ковшей. Тиньгаш исполнил уговор в точности и по доброй совести, но Алшик был хитер и, когда Тиньгаш угощался по всем правилам, он незаметно выливал вино в рукав кафтана. В результате оказалось то, что Алшик свободно залез на сосну, а Тиньгаш не мог и с земли подняться. Таким образом спорный участок остался в пользу Алшика.

После этого все три брата стали жить отдельно и их потомки образовали три селения: Рунгу, Альшихово и Тингаш. Через сколько-то времени в этих деревнях поселились новые выходцы — чуваша из деревни Кошлауши Цивильского же уезда.

Чуваша и теперь еще различают, какие семьи произошли от первоначальных основателей этих селений и какие от кошлаушских выходцев...

88. Стексово

Километрах в пяти от нашего села Писарево, на самой дороге из Арзамаса в Ардатов есть село с каким-то

вроде бы совсем непонятым названием. Его называют Стексово.

Бывалые старики объясняют это название вот как. Будто бы когда-то на месте, где стоит теперь село Стéксово, поселился богатый человек со своей семьей. Имени и фамилии того богача народ не упомянул, а то, что сына его звали Стексом, в памяти своей крепко сохранил. И получилось это, сказывают, потому, что, когда хозяин умер, вокруг дома его наследника Стекса стали селиться люди: ведь место жительства на торговом тракте всегда считалось удобным и выгодным.

Ну, а название за ним, как было Стексово, так и осталось с той давней поры.

89. Степанкино

К осени тысяча шестьсот семидеятого года все Поволжье от Астрахани до Симбирска было охвачено войной под предводительством Степана Тимофеевича Разина. Город Козьмодемьянск в Марийском крае был центром народов Поволжья в этой войне. Отсюда направлялись против богачей отряды в соседние уезды России. Здесь находился тогда повстанческий отряд численностью в пятнадцать тысяч человек. Среди них было много марийцев, старшиной был у них выходец из бедной семьи Мирон Федорович Мумарин.

В начале октября под руководством атамана Ильи Долгополова были посланы отряды в сторону Ветлуги и Унжи, старшиной и здесь был тот же Мумарин.

Отряд взял Унжу, осадил Кокшайск. Такое быстрое распространение войны сильно напугало царское правительство. Оно спешно направило на территорию Марийского края карательный отряд...

Посланный Степаном Разиным отряд остановился на месте, где сейчас деревня Степанкино. Тогда деревни еще не было. Отряд Разина построил свои укрепления, чтобы защититься от царского карательного отряда. Было выстроено много заборов, крепких деревянных стен,

складов. Укрепление это сохранялось долго и после разгрома расинцев.

Через некоторое время сюда стали приходить мари́цы и заселяться на постоянное жительство. Образовалась деревня, год от года она расширялась, и стали деревню называть Степанкино.

90. Стрелецкое

Старые люди говорили, что название деревни Стрелецкое издавна идет. Будто бы в былую пору проезжала через здешние места царица Екатерина. А при ней, как это водилось прежде, стрельцы были. И тут, мол, отряд тот вооруженный из-за чего-то задержался и лагерем стал.

Вот потому сначала место это Стрелецким стали называть, а потом и деревню так начали звать.

91. Тарасиха

На левом берегу реки Линды еще в старое время расположена была деревня Попово. Так вот, против этой деревушки, на высоких буграх находилась заброшенная избушка.

И вот в этой-то избушке и поселился беглый человек. Синий дымок вился над лесом, показывая, что «хозяин» дома. Но иногда пришелец исчезал из своего логова, обретаясь где-то на стороне. Имущество в избушке у него — стол да скамейка. Крестьяне смотрели на него как на несостоящего человека. И вдруг этот человек удивил поповских мужичков: купил в их деревне избу, причем купил, совсем не торгуясь. В скором времени он переселился из своего лесного логова в Попово.

В настоящее время на равном расстоянии от деревень Ситниково, Попово и Зуево, в лесу, около реки Линды, на месте исчезнувшей избы стоят две маленькие избуш-

ки. Место это раньше и теперь называют «Усадьба» или «Бугры».

Переселившись в деревню, «мужик с бугров», как его стали называть крестьяне, занялся легкой работой — торговлей. Скупал щепной товар и голянщину у кустарей и сдавал его в Нижний. Характер мужик имел твердый, жалости — никакой. Одним словом, настоящий купец. Дела торговые завел не только в Нижнем, но и в Москве. Семей обзавелся. Но дома бывал недолго, больше на стороне. И вот этот «мужик с бугров» привез из Нижнего бабу и ее поместил в скит раскольничий. Хитрый купец был: веры придерживался старой, но рыло скобленое имел. У монахов первым гостем числился. Вокруг скита леса дремучие, а в них глушицы да трясина. Самое подходящее это место «для спасенья». Частенько стал наведывать он бабу. Когда приезжал, всегда в крайней келье останавливался. Ночью, когда яркий свет виднелся из маленьких окон, тенью носился купец по горнице. На шестке русской печи, на таганке состав варился.

Здесь купец «монету мягку» фабриковал. Уезжая из скита, вклад заведению делал немалый, звонкой настоящей монетой, а увозил «мягку монету» да Иван-чародей-подмеси к китайским чаям прихватывал.

Весь скит частоколом высоким был окружен. Монахи, что в чугунное било ударяли, словно дозбрные, день и ночь стерегли бабу молодую. Не красно было ее житье — как в тюрьме. Однажды чуть не убежала из скита, но была поймана. Посадили ее на старое место, а дверь для верности на засов закрыли. Заболела после этого молодая. Привели к ней старуху-знахарку. Когда остались вдвоем, поведала ей баба о своем житье-бытье. Злобой дышали ее слова на притеснителей. Хоть и сильно жалела ее старуха, но ничем помочь не смогла. И только когда уходила, быстро на ухо сказала несколько слов.

Ушла знахарка, а ее больная лежит и еще сильнее охает. Надзор за ней ослабили. И вот когда унылые звуки чугунного била известили о том, что наступила полночь, яркое пламя взметнулось и осветило весь скит. А утром на месте келий осталась груда углей и пепла. Воспользовавшись суматохой, молодая баба убежала и пришла, как было сгово-

рено, к знахарке, которая жила недалеко от тракта Нижний—Семенов. Стали они обе травы и корни разные собирать да народ лечить. Одно плохо: избушка их в ветхость приходила. Задумали хозяйки поправить ее. Старуха в Дрюково сходила к знакомому столяру. Пришел столяр — Тарасом его звали, — посмотрел и работать начал. А знахарка молодая из лесу возвращалась. Увидел ее столяр — и устали как не бывало, проворней его руки стали. Заходил еще прытче топор с рубанком. Так она ему по сердцу пришлась, что и после работы захаживать стал. Пьет Тарас чай, хоть и не любил его, дома к холодной воде привык, а сам исподлобья на молодую глядит. Ловкий и смелый со всеми, с нею — дар слова терял. А купец в это время по Линде разъезжает да высматривает, где бы мельницу водяную поставить. Случайно в одном месте на постоялом дворе услышал, что женщина его молодая объявилась у знахарки, около Дрюкова.

Приезжал. Сначала ласково, подарки сулил и просил, чтобы вернулась к нему, потом полицией припугнул. Натрез молодая отказалась. Тогда озверелый купчина набросился на беззащитную. Тарас рядом в горнице сидел и слушал, чем дело кончится.

Крикнула испуганно любимая, когда купец набросился. Тарас птицей, весь дрожа, выскочил из горницы и сбил кулаком, как обухом, негодяя.

После этого купец не являлся.

Шли годы. Около избы, где жил Тарас со своей женой-знахаркой, понастроились другие избы. И стал этот поселок называться Тарасихой по имени знахарки, к которой ходили лечиться крестьяне соседних сел и деревень...

92. Ташино

Раньше у города Первомайска было красивое название — Ташино.

Основал Ташино Александр Николаевич Карамзин, сын известного историка и писателя.

Он женился на богатой княжне, фрейлине царского двора Наталии Васильевне Оболенской. Вот ей и даны были наши земли в приданое.

А земли оказались богатыми — здесь и лес был, и железная руда. Потому новый хозяин решил построить тут металлургический завод. Назвали его Ташин завод.

Ташей ласково называли дома жену Карамзина. И он дал ее имя и заводу, и новому поселку, но не только потому что любил и уважал жену: не будь ее приданого, Карамзину не удалось бы открыть здесь дело.

93. Тольский Майдан

Село Тольский Майдан под Лукояновом — знаменитое. В нем жил дед Николая Александровича Добролюбова, священником служил. И было оно в ту пору мордовским.

Говорят, когда мордва пришла сюда селиться, тут был глухой лес. И среди леса — большая гарь.

Майданом у нас называли площадку, пустое место. А «тол» — по-мордовски огонь.

В селе два конца. Один — Маскалейка, другой Ермензенка. Вот Маскалейка, как говорят, переводится «медвежий ручей». Трудно, конечно, поверить, что тут медведи водились, теперь-то уж одни поля. Но, видимо, так оно когда-то и было.

94. Третье Поле

Наша деревня называется Третье Поле. Необычное название. А произошло оно, говорят, вот как.

Сперва деревня была совсем маленькая — ну, несколько домиков. А земля нехорошая была — плохо все в поле росло. Порешили мужики — надо сниматься и переезжать, не жизнь это. И вот на другое место свои дома перетасили, другое поле распахали.

Что ты будешь делать! Опять не родит земля — то ли

почва плохая, то ли воды нет. Так хозяйство не заладилось. Решили искать третье место, третье поле, чтобы хорошие урожаи давало.

Вот переехали во второй раз, распахали — и урожай у них на первый же год, глядят, хороший.

Так на этом месте и остались жить. А потом деревня разрослась, ни о каком новом переезде народ уж и не думал. А название осталось за деревней — Третье Поле.

95. Троица

В десяти километрах от города Богородска Горьковской области расположено село Троица.

Когда-то очень давно на месте, где раскинулось это село, не было ни одного дома. Кругом были только леса да богатые заливные луга. Произошло это в то время, о котором русская народная пословица говорит: «Когда дуб листочком укрывается, скотинушка досыта наедается».

Пас на лугу пастух стадо и душа у него радовалась, как скотинушка гуляет по густой траве.

В стороне на лугу стоял кудрявый ракивов куст. Загляделся пастух на то, как красиво кругом, и вдруг видит: над ракивовым кустом появилось сияние неземное кругом, а в этом сиянии — Пресвятая Троица.

Прибежал пастух к людям и рассказал им о виденном. Собрались люди, посоветовались и решили построить на том месте, где стоял ракивов куст, церковь, а вокруг церкви стали жилье себе строить. Так и появилось новое село, которое назвали Троицей.

До сих пор стоит в селе церковь и доныне, говорят, растет и зеленеет подле нее ракивов куст.

96. Убеево и Кожары

Село Убеево (Упи) и деревня Кожары, расположенные в бассейне реки Большой Цивиль в Красноармейском

районе, основаны еще в XIV веке чувашами, покинувшими Закамье из-за монголо-татарских разорений. В здешние места, где шумели дремучие леса, вначале прибыл чуваш Кужар со своими родственниками и облюбовал под поселение поляну у Большого Цивиля. Переселенцы возвели дома да надворные постройки и принялись за обработку земли. Вскоре перенесли деревню на речку Пинер.

Вслед за Кужаром сюда прибыл отважный предводитель Уби со своим воинским отрядом. Вначале были споры между Кужаром и Уби. Но монголо-татарская угроза примирила их. Уби со своими людьми также занял поляну, обустроился. Он был влиятельным человеком, заботился о своих людях, защищал их.

Чувашское войско во главе с Уби при участии отряда Кужара дало отпор монголо-татарскому налету. Позже татарские главари предложили Уби звание мурзы, но он не согласился. И Кужар не дал согласия. Когда захватчики повторно прибыли к Уби, он вынужден был примириться с назначением мурзой его старшего сына Яна.

Этот стал грозным, беспощадным мурзой, многих чувашей мучил. Чтобы сохранить свое имя и власть, он всем четверем сыновьям дал имя Ян и завещал им быть мурзами. Их деревни называли Янмурзинами. И деревня Кужара стала называться Янмурзино.

97. Урца

У нас в муромских лесах места глухие.

В моем обходе — я лесник тут — есть урочище Урца. Вот интересное место. Там пруд, вручную вырытый лет, наверное, двести назад. На нем мельница стояла.

Мельник на Урце был не так-то прост: днем-то он муку мелет, а ночами разбойничает.

Мимо нас шла дорога знаменитая — Татарская, из Касимова на Казань. Знаете, песня даже такая есть: «Едут с товарами из-под Касимова муромским лесом купцы». В наших местах эту дорогу еще Воровской звали.

Мельник-то этот как раз в Урце купцов татарских подкарауливал и грабил, особенно тех, кто побогаче.

Один раз купца уложил. А чтобы следов не осталось, тарантас его в самый омут сбросил.

По слухам, и богатства тут у него были кое-какие затоплены.

Мы с мужиками все хотели узнать, правда это или нет. Один раз здоровенный шест вырезали — метров под десять, пробовали дно достать хотя бы, да куда там — глубина страшная!

98. Черепово

Возле Городца есть деревня со страшным названием Черепово. Начинается деревня прямо недалеко от старого городского вала.

Рассказывают, когда пришли татары и взяли Городец штурмом, у всех погибших защитников города, у пленных они отрубили головы. И сложили целую гору из голов как раз на этом месте.

В Городце до сих пор помнят об этом страшном событии. А в Черепове в самом нет-нет да и откапают на грядке человеческие кости.

99. Чиганары

В Ядринском районе Чувашии есть село Чиганары. Название этого села здешние старожилы так объясняют.

Будто бы давным давно пришли сюда пятеро беженцев из каких-то очень далеких мест. Пришли и обосновались тут на жительство: видишь ли, понравилось им очень это место. Ну так вот, построили они жилье, стали обзаводиться хозяйством да семьями. За старшего у них был старик по имени Чига. По его имени и селение стали звать Чиганары. И еще старики говорят, что по-

томки Чиги и его товарищей жили тут не так уж и долго. Будто бы коренные жители этих мест — чуваша — за что-то невзлюбили пришельцев и один раз ночью подожгли селение. Коренные жители отсюда ушли, а на это место стали переселяться другие русские семьи. Ну, а название села так и сохранилось прежнее.

100. Чугуны

Село Чугуны названо так по реке Чугунке, а название реки Чугунки связано с чугунолитейным производством.

В конце реки Чугунки, где сейчас поселок Сосенки, стоял чугунолитейный завод братьев Демидовых. Этот завод выпускал цепи, якоря и другие предметы. Руду завозили с Урала. Для отопления завода заготавливали дрова по берегам реки Чугунки. На этой реке были чугунные ворота. Во время вешнего паводка эти ворота закрывали для накопления воды и задержки плывущих бревен. Дрова скапливались у ворот, а потом их вылавливали и везли на завод.

Так вот, по этим чугунным воротам реку и называли Чугункой, а затем уж возникло и село с названием Чугуны.

101. Чудка

В Узолу, что течет по Городецкому району, с правой стороны впадает маленькая речка Чудка. Она то появится, то на иное лето совсем исчезнет, пересохнет.

Говорят, это у нее от проклятия.

На берегу реки когда-то жил поп с попадьей. И сынишка у них был. А река была большая, полноводная.

И вот сынишка этот как-то пошел купаться на эту речку и утонул.

Мать плакала-плакала да эту речку и прокляла в сердцах.

И тут случилось чудо — в верховьях реки закрылись ключи и она стала пересыхать.

С тех пор стали ее звать Чудкой. А ведь было у нее какое-то старое название, которое ныне забыто. И она теперь совсем маленькая — никто уж в ней больше не утонет.

Но, говорят, у этого проклятия есть срок. Пройдет несколько веков, и ключи снова откроются, будет Чудка большой и все в округе зальет.

102. Черновское

Рассказывают, что в былую пору село наше Покровским называлось. Проезжала будто бы здесь императрица Екатерина Вторая на Талызино.

Грязь здесь была, и завязла она.

«Фу, какая здесь грязь черная, — сказала она, — не Покровское это, а настоящее Черновское...»

Запомнили люди и с тех пор стали называть это село Черновским.

103. Чулково

Говорят, что в давние времена через наши места, то ли вдоль Оки, то ли еще где, шел с войском татарский князь, не то Чуй, не то Чуйко.

И в этих краях его дочь Дина заболела и умерла. Князь так любил свою дочь и уж очень печалился по ней.

И велел он похоронить ее над Окой, на высокой горе, а воинам шлемами натаскать земли на ее могилу. Такое у него было войско, что когда каждый принес по шлему, то вырос огромный круглый холм. Холм этот стали называть в память о дочери князя горой Диной. Оба эти слова как-то слились и слышится «Городина». И до сих пор этот курган стоит на высоком берегу Оки возле Чулково.

А само село Чулково, как рассказывают здесь, в честь этого же князя названо. Будто бы после смерти дочери князь оставил войско и остался жить у могилы своей дочери. Рядом с князем стали селиться пришлые люди, и так появилось тут поселение. А назвали его будто бы Чуйковым, а уж потом со временем оно из Чуйкова в Чулково превратилось — так для всех понятней было.

И рядом есть деревня, которая называется Застава. Ее, говорят, тоже князь Чуйко основал. Там у него наблюдение стояло.

104. Чукалы, Алово, Кученяево

Жили три брата: Чукал, Алов и Кученяй. Жили они хорошо. И была у них одна-единственная сестра Нуяль, красивая-красивая.

Однажды услышал Чукал крик сестры:

— Украли меня ногайцы!

Он быстро поднял Алова и Кученяя, все сели верхом на коней и поскакали за ногайцами в погоню. И настичь ногайцев не могут, и не отстают от них. День скачут, второй, третий, никак не могут настичь. Лишь на пятый день достигли речушки, на берегу которой было с десяток домишек. Братья ненадолго приостановились, ногайцы же тем временем скрылись в лесу, окружавшем поселок.

Через некоторое время из леса появилось уже человек пятьдесят ногайцев, и стали они Чукала с братьями окружать.

— Плохи дела, братцы, неумно будет, если ввяжемся с ними в драку. — И братья стремительно скрылись в лесу.

Ногайцы посмотрели-посмотрели да и повернули назад. Чукал с братьями спрятался в лесу. Отдохнуть расположились на возвышенности. Осмотревшись, они увидели, какая красота открылась перед их взором.

— Какое прекрасное место! — воскликнул Чукал. — А что, братцы, прогоним отсюда ногайцев и сами будем жить здесь?

Вернулись они в свое село, собрали народ и отправились вновь на ногайцев. Ногайцы не ожидали такого поворота дела: все они гуляли на свадьбе богатого ногайца, для которого украли Нуяль. Чукал со своими людьми ногайцев разогнал, сестру Нуяль из плена вызволил.

Потом это прекрасное место поделили на три части. Чукалу выделили самое хорошее, Алов выбрал себе место на берегу речки, и Кученяй нашел себе место по душе.

Так возникли три села: Чукалы, Алово, которое еще называют Низовка (от слова «ало», что переводится как «внизу») и Кученяево.

105. Чухово

Рядом с большим селом Пурех есть совсем маленькая деревенька, именуемая Чухово. Деревенька неприметная, а название ее очень интересное.

Говорят, что в Пурехе издавна жили русские люди, а в соседних деревнях жители говорили не по-русски. В народе их называли «чухонцы» или кратко «чухи». И шло это с той поры, когда на Руси чухонцами звали наших северных соседей — финнов. Между прочим, именно так в старину называли не только финнов, но и всех их родичей, а прежде всего — марийцев и мордву.

Вот потому и деревню под селом Пурехом, заселенную инородцами, и стали называть Чухово.

106. Шутилово

Давным-давно в том месте, где сейчас раскинулось село Шутилово, был дремучий лес. А через лес тот непроходимый шла одна-единственная дорога. Вела она путника из северных краев к мордовскому городку Темникову. В былые годы двигались по тому тракту Темниковскому и пешие и конные, езживали тут господа знатные да купцы богатые.

На полупути своей неблизкой дороги на Темников путники делали остановку; коней поили у ключика лесного да и сами отдыхали.

Со временем на том месте появились три дома. Но в них даже в зимнюю стужу мало кто осмеливался зайти. Люди считали дома те пристанищем разбойников и старались проходить и проезжать мимо них побыстрее.

Даже о ключике студеном перестали путники поминать.

А в домах на дороге будто бы на самом деле кое-когда появлялся какой-то шумный народ. И вот тогда по вечерам в окнах горел свет, а в холодную пору из труб, что чернели на крышах, как пни, шел дымок. В народе с той поры все чаще стали поговаривать, что тут, у этих домов да ключика ледяного шутят разбойнички. По-простому же это означало, что в месте этом глухом грабят людей, особенно богачей проезжих.

Отсюда его стали звать Шутиловом.

Прошло какое-то время, и приехали в эту местность двое богатых людей из дворян — Русинов да Ламов. Они получили эти места для поместья. И стали заселять всю местность привезенными откуда-то крепостными людьми. А там, где стояли три разбойничьих дома, вырубку сделали и село основали. Ну, а название за местом да и за селом так прежнее и осталось.

107. Яманово

Давным-давно на том месте, где раскинулась сейчас деревня Яманово, был большой непроходимый лес.

И вот пришли откуда-то издалека на это место неизвестные переселенцы. Было их трое, и первого из них звали Яман, имя второго было Аксар, а третий прозывался Чура.

Они-то, как гласит молва, и обосновались тут на постоянное жительство. Раскорчевали они на берегу речки делянку, посеяли хлеб, а из срубленных деревьев построили жилище.

Жили дружно, вместе трудились на поле и в лесу. Вы-

рацивали они на делянке хлеб, в лесу собирали мед диких пчел, сушили грибы и ягоды, рубили деревья на дрова и на новые жилища. Все шло у них хорошо, но вот в одно время не поделили что-то эти люди и крепко поссорились. И тогда один из них по имени Чура собрал свои пожитки, сел на коня и уехал.

И остались в селении Аксар да Яман со своими семьями. Шло время, новые семьи появились в деревне, она стала больше, а называли ее по имени двух первых поселенцев, которые оставили после себя многих наследников: Аксарино-Яманово именовалась тогда эта деревня.

Но вот произошла размолвка и между стариками Аксаром и Яманом. Уехал тогда Аксар со своими родственниками из деревни, а в ней остались только Ямановы наследники. А было их уже ни мало, ни много, а целая улица, которую называли Яман-кассы (кассы — по-чувашски улица).

Потом Яман-кассы стала такой большой, что стали называть ее деревней Яман или Яманово.

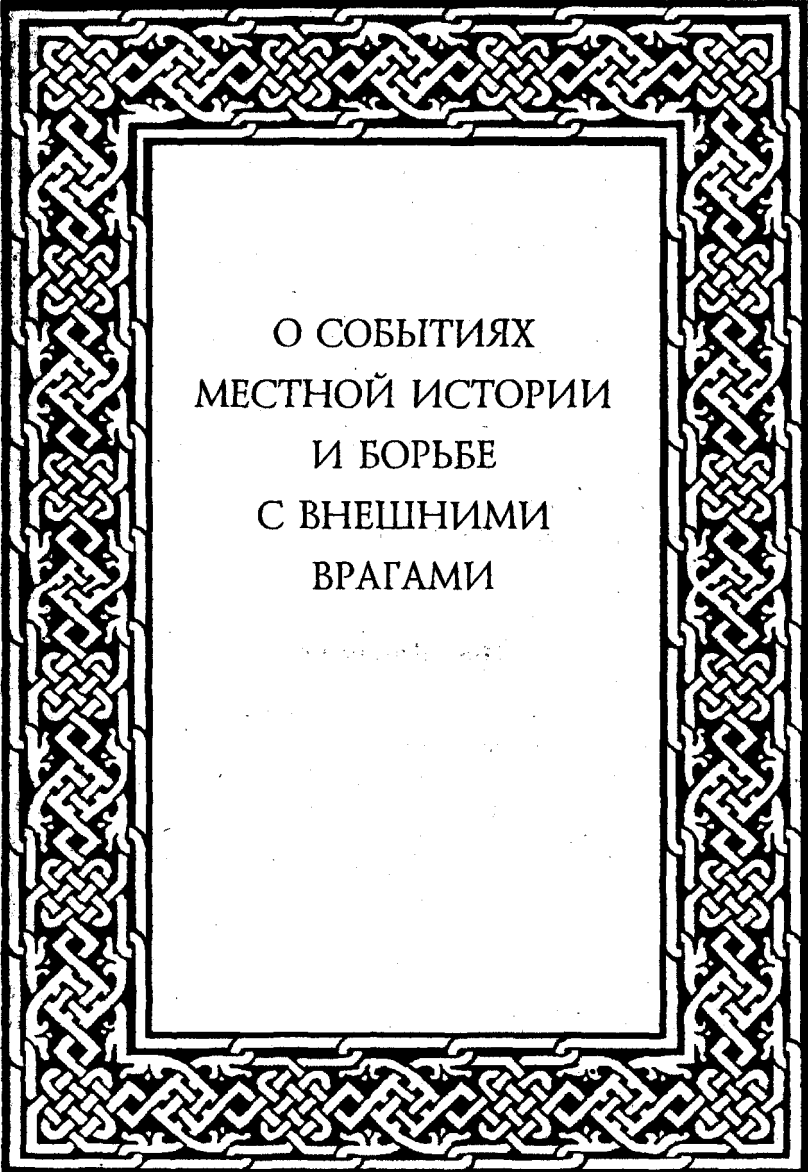
108. Ящерино

Историю названия нашей деревни я сам точно не знаю, но люди рассказывают вот что.

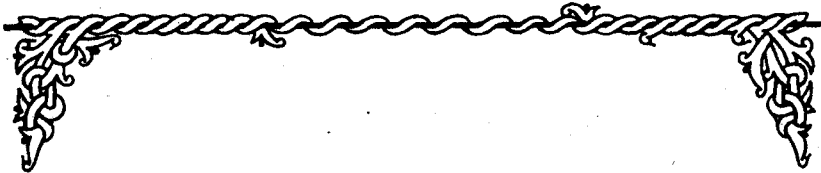
Давно вроде бы это было, очень давно.

Посадила будто бы девочка там, под горой, сосну. И вот однажды увидели жители этого места под той самой сосной ящерицу. И назвали они это место «Печченхыр», что в переводе с чувашского означает «ящерица». С тех пор и деревня наша стала называться Ящерино.

А сосну ту я сам хорошо помню. Да и сейчас это место можно еще увидеть. Только там вместо одной уже три сосны растут. Высокие такие, и стволы у них руками не обхватишь...

О СОБЫТИЯХ
МЕСТНОЙ ИСТОРИИ
И БОРЬБЕ
С ВНЕШНИМИ
ВРАГАМИ

109. Про Темир-хана

Монголо-татарский Темир-хан, поселившись в Казани, вызвал к себе чувашского торхана и болгарского князя и потребовал, чтобы они со всем своим народом приняли магометанскую веру. По возвращении к своему народу князь болгарский собрал старейшин и передал им приказ хана. Болгарские старейшины ответили: «Мы недавно видели, как татары беспощадно жгли наши города и селения; можно предвидеть, что хорошего от них ждать нельзя».

И решили они от лютых татар уехать подальше.

Торхан же собрал старейшин чувашского и черемисского народов — старейшины постановили отвергнуть ханское требование.

Узнав о том, Темир-хан выступил против чувашей с войском. Сеча была жестокая, но чувашаи и черемисы не выстояли — побежали в лес, а торхан был убит в этой битве.

Это был последний торхан... После смерти последнего торхана чувашаи не имели покоя. Татары беспрестанно нападали на их селения, которые чувашаи с умыслом строили небольшими, потому что большие селения подвергались двум, а то и трем набегам в год. Забрав в селении все ценное, татары собирали народ в кучу, каждый татарский воин выбирал себе девиц, остальных же или заготавливали в какой-нибудь амбар и сжигали, или бросали в воду.

110. Тимур

Аксак Тимур долго осаждал Биляр. Билярский правитель улетел, превратившись в лебедя. Аксак Тимур перебил множество горожан.

Взяв Биляр, Тимур переоделся в одежду нищего и ходил по городу, чтобы узнать, что говорят люди о нем. На другой же день он уничтожил семьями тех людей, которые ругали его за поджог города. Однажды, прохаживаясь по городу, Тимур встретил хитрую женщину. Она заявила ему, что город поджег не Аксак Тимур, а колдунья. На другой же день Тимур выдал этой женщине много золота и серебра и разрешил ей выехать из города вместе с сыновьями.

С одним из сыновей, идя за быком, она переправилась через Волгу и прибыла в урмарские пределы. Много селений основано здесь ее потомками.

Другой ее сын, по имени Хузан, основал город Казань. В старину наши деды ездили в Заказанье. Теперь не ездят.

111. Падение Биляра

Когда Аксак Тимур поджег Биляр и огонь приближался к царскому дворцу, три дочери царя взобрались на мечеть, обратились в лебедей и улетели, говорят, за семь морей. Перед тем как улететь, они сказали: «Из-за того, что сюда нагрянул враг, мы улетаем за семь морей. А в здешней стране все наши города и селения погибнут, а некоторые поселения поглотит земля. Когда наступит иное время, они опять появятся. Одно время их места покроются лесом. С наступлением иного времени мы вернемся в свою страну и станем правителями. Свою страну возьмем в свои руки».

112. Мордовские кости

Верстах в восьми от Нижнего Новгорода, в сторону от Арзамасского шоссе между деревней Щербинки (она же Новая), стоящей на самом тракте, и деревней Ляхово в настоящее время пролегает сухой дол — когда-то пойма, теперь пересохшая в этом месте, у бывшего истока речки Рахмы, впадающей в Волгу около села Великий Враг.

На этом месте, по преданию, в 1171 году происходило побоище войск князя Боголюбского Мстислава Андреевича с мордвой. Место этого боя и в настоящее время известно старым жителям Щербинок под названием Мордовские кости.

О речке Рахме говорят, что в старые годы она началась от самой деревни Щербинки, протекала мимо деревни Ляхово, и их жители всегда пользовались ее водой. Но между ляховскими крестьянами в ту пору был один знахарь, который, поссорившись со своими односельчанами, в отместку им пошел и заговорил исток Рахмы, после чего она совсем пересохла в этом месте и теперь начинает свое течение лишь ниже села Константинова. Ляховцы очутились у сухого дола без воды, что причинило им большие осложнения в жизни и бедствия.

Для добывания воды стали рыть колодцы, в которых воды было мало, а к тому же деревня часто страдала от пожаров.

Тогда ляховские крестьяне видят: дело плохо. Дознались, чьих рук это дело, и пошли к знахарю на поклон, а хитрый колдун отвечает им: так и так, говорит, жаль мне вас теперь и самому, да ничего не поделаешь, больно заговор силен положил я — на веки вечные, сам снять не могу, и не течь здесь Рахме до второго пришествия. Пустить снова Рахму теперь я не властен, а вот что могу сделать: положу заговор великий на вашу деревню, чтоб не гореть ей вовеки.

И действительно, с 1881 года, когда в Ляхове случилось два пожара — один в деревне, другой в барской усадьбе, старики не помнят, чтобы когда-нибудь горело оно.

113. Батыева дорога

В наших заволжских местах люди издавна рассказывают про то, что шел этими землями нечестивый хан Батый со своим войском бессчетным. На пути своем незваные пришельцы не останавливались ни перед чем. Им были нипочем и дремучие леса, и топкие непролаз-

ные болота, и быстрые холодные реки. Не могли остановить движение его полчищ ни лютые звери, ни могучие птицы, что, говорят, во множестве обитали в здешних местах.

Батый безжалостно расправлялся с теми, кто жил в то время в редких лесных селениях нашей глухой стороны. Он не щадил ни старого, ни малого, а особенно жестоко карал тех, кто не хотел подчиняться ему или оказывал какое-либо сопротивление Батыевым тиранам. От рук его несметного войска гибли беспомощные обитатели нашего мирного края. Недруги, пришедшие на Русь, безжалостно уничтожали всех, те же, кто как-то смог спастись, были обречены на голодную смерть.

Ну, а дорога, по которой шли постылые вороги, на целые версты начисто вымирала. До конца разоренные и полностью выжженные деревни, вырубленные леса да в пыль избитая лошадиными копытами земля многие годы не могли возродиться.

И теперь еще старые люди могут без труда показать памятный след того жуткого времени, когда на нашей земле бесчинствовал Батый.

Присмотришься с пригорка к лесу и сразу же заметишь, что макушки у деревьев не совсем одинаковые: широкая полоса низкорослых стволов так и тянется из самой чащи в сторону Волги.

Да и в лесу этот путь татар увидеть можно: дорога та давняя и по сию пору зарастает как-то по особому, да и зверь с птицей эти места горестные и ныне стремится миновать.

Страшное Батыево нашествие и теперь наводит на всех опасение.

114. Малый Китеж и Катунки

...**Н**еся большие потери, продвигались несметные орды Батыев по лесному среднему и верхнему Поволжью. В 1238 году они подошли к городу Городцу и начали штурмовать его укрепления.

Долго бились с кочевниками здешние жители, отважно сражались с вражескими войсками. Особенно отличились при этом иноки городецкой обители. Но силы были неравными, и врагам удалось взять город.

Все разорили вороги, никого не пощадили, пали в бою и многие монахи. А вот их монастырь, как и легендарный град Китеж, не покоровшись, ушел под землю у Светлоозера — впоследствии городского пруда, — за что и сам Городец стали называть еще Малым Китежем.

Кочевники же пошли дальше, захватили Владимир, Суздаль и другие русские города. На прибрежных землях Волги — там, где ныне северная часть Чкаловского района Нижегородской области, расположился тогда Батыев наместник со своим гаремом, где мыкали горе красавицы-поволжанки. И каждую из них хан называл «катунь» («хатунь»), что означает «жена». Как раз на этом месте со временем выросло село Катунки.

115. Нарчатка

Дед мой прожил больше ста лет, наш род Фудиных крепкий, долго живут. Мне сейчас восемьдесят семь лет, а я еще плотничаю. Так вот, дед мой много рассказывал мне, когда я был мальчонкой, о старых обычаях, о старинной мордовской вере, о том, как жили наши прадеды.

Жила мордва, и правила ею вдовая княгиня Нарчатка. Мордва охотилась, землю обрабатывала, в лесах борти с пчелами водила помногу. Но пришла лихая година — монголо-татары пришли воевать Мордовскую землю. Не сробела княгиня, собрала свое войско и вышла воевать. Сильно и долго бились-сражались. Дело было зимой, сражались на льду, на реке Мокше. Одолели враги мордву — почти все наши полегли. Как увидела Нарчатка, что побито ее войско, не смогла стерпеть и бросилась с конем в прорубь.

И утонула.

На том месте, где сейчас Светлояр, город стоял, Китежем назывался. Очень уж богомольны были жители Китежа. Десятки церквей стояли в небольшом сравнительно городе. Звон колоколов сзывал людей в церкви.

И вот однажды пришли на Русь татары. Один из отрядов хана Батыя подошел совсем близко к городу. Они хотели завоевать град Китеж и покорить его жителей. Но не таковы были жители, чтобы покориться татарам. На борьбу с татарами вышли все мужчины города. Прощальный звон колоколов провожал их. Остались в городе только старики немощные, женщины да дети малые.

Храбро сражались мужчины города, да слишком неравны были силы. Погибли мужчины на поле боя. Опять рвутся татары к городу. Тогда решили выйти на бой с татарами женщины. Уходя, долго слышали они печальный звон всех колоколов. Ушли женщины и все пали на поле боя. Ни одна не захотела пойти в рабство к татарам.

Обрадовались татары, бросились к Китежу. «Некому теперь защищать город», — думали они, предчувствуя победу. Но ни старики, ни дети не захотели стать рабами татар. Возвели они руки к небу, и обратились к Богу с просьбой не отдавать их в рабство к татарам.

И тогда случилось чудо. В тот момент, когда татары подошли к стенам града, вдруг зазвонили все колокола города.

Татары уж подумали, что колокольным звоном встречают их оставшиеся жители города. Но они просчитались. На их глазах под колокольный звон город стал опускаться под землю. Он опускался все ниже и ниже. Удивленные татары стояли перед ямой как громом пораженные.

Опустился город, и всю огромную яму заполнила вода. Она совсем скрыла город от татар.

В ужасе бросились татары от города, проклиная непокорный дух русских людей и все чудеса, которые происходят на их земле.

До сих пор на рассвете можно услышать колокольный звон, который раздается со дна озера. Он напоминает людям о непокоренных жителях града Китежа.

117. Про град Китеж

Давно это было, люди даже не помнят когда. Наверное, с той поры много сотен лет прошло. Так вот, в те далекие времена и был построен в дремучих лесах на невысоких горах, что стояли над красивым тихим озером, город Большой Китеж. Строился он князем Юрием Всеволодовичем после того, как был уже воздвигнут на Волге Малый Китеж.

И едва только закончили каменщики да плотники строить терема и храмы белостенные, как пошел на Русь нечестивый хан Батый со своими злыми соплеменниками.

Докатилось войско татарское до волжского Китежа и осадило город тот со всех сторон. Стойко сражались русские воины, но силы было у них маловато. Одолели враги защитников города.

Взял Батый Малый Китеж и к Большому устремился.

Юрий обороняться стал, хотел преградить ворогам путь к Большому Китежу, да не устояли против недругов княжьи войска, и стали они отходить в глубь заволжских лесов. Так и шли татары по следам русских воинов вплоть до самого лесного озера Светлояра. А когда вражья сила близко подступила, русские встали стеной. Но сил было мало.

И тут Китеж весь как есть съехал с горы прямо в озеро и на глазах татар утонул.

С той поры и стоят в этом дивном местечке, над зеркально чистым Светлояром, горы, ничем не застроенные. И только выросли тут высокие, как мачты, сосны да большие кудрявые березы. Деревья да низкорослые кусты с травой веками отражаются в спокойной воде тихого лесного озера.

118. О граде Китеже

Про то, как образовалось наше озеро, много есть легенд, но эта, думаю, самая древняя, и сложили ее еще в те языческие времена племени, которые жили в здешних лесах за много веков до нас.

Немало богов и лесных духов окружало древнего человека. И всех-то он боялся, стремился задобрить, поклонялся им, приносил жертвы. Больше всех боялись люди далекого прошлого богиню леса и лесного зверья Девку-Турку. Где конь ее огромный ударял копытом, там проваливалась земля, оставалась яма.

В наших заволжских лесах, в глухих местах жило в селении гордое, непокорное племя, которое забыло про Девку-Турку. И та, разгневавшись, напустила на жителей селения своего коня. Конь бил землю копытом, все провалилось и заполнилось подземной водой. Так и возник на месте, где жило это племя, Светлояр.

А название его, я думаю, тоже очень древнее. Соединились два слова: «светлый», что значит «добрый», и «яр» — от Ярилы, языческого бога.

* * *

Это событие относится к тринадцатому веку. Князь Георгий Всеволодович очень любил путешествовать. Однажды, путешествуя, он задумал на Волге строить город — ныне Городец — и построил. Его назвали Малым Китежем. Путешествуя дальше по заволжским лесам, на реке Люнде он нашел более красивое место и решил здесь тоже строить город. Этот он назвал Большим Китежем.

В это время началось монголо-татарское нашествие. В сражении против врагов участвовал и князь Георгий Всеволодович. Первая битва с недругами произошла у Малого Китежа. Она для Георгия Всеволодовича была неудачной: его дружина потерпела поражение и он бежал в лесистую часть своего удельного княжества — в Большой Китеж, чтобы собрать там новые войска и опять вступить в бой.

Во время битвы татары взяли в плен одного дружинника князя, Гришку Кутерьму, и начали его пытать, мучить, чтобы он показал дорогу в Большой Китеж, где прячется князь.

И он показал им дорогу.

В городе скоро узнали о приближении вражеских войск, все ценности припрятали в церквах и монастырях.

Князь Георгий Всеволодович вновь вступил в бой, но в этот раз враги убили и самого князя.

Победив дружину князя, враги устремились к Большому Китежу.

Но тут перед их глазами произошло чудо: город провалился в землю, постепенно исчез с глаз, и глубокий провал наполнился водой. А церкви и монастыри скрылись под земляными холмами. Так враги и не смогли в город войти.

* * *

Это было в пятнадцатом веке.

Город Большой Китеж участвовал в борьбе удельных князей в период соединения княжеств.

Нижегородский князь Юрий Васильевич Кирдяпа решил встретить дружину московского князя далеко от территории Нижнего Новгорода и для борьбы выбрал место за Ветлугой. Но дружина Юрия Васильевича была уничтожена московским князем, а город Большой Китеж разрушен. И уже потом город оказался под водой.

После поражения дружины князя Юрия Васильевича Кирдяпы у нижегородских князей не было надежды на восстановление княжества, и вынуждены они были соединиться в Московское княжество.

119. Городецкие предания

1. Радилон — Малый Китеж

Основанный в 1164 году псковским князем Георгием Всеволодовичем, Городец в те далекие времена был известен под именем Радилова.

Но было у Городца и другое название — Малый Китеж. Предание говорит, что Городец получил такое имя в отличие от Великого Китежа, который стоит теперь на дне Светлого озера, что находится близ села Владимирского. Верующие люди рассказывают, что и теперь можно видеть в глубине этого озера и церкви, и монас-

тыри, и жилища, а некоторые будто бы явственно слышат звон колоколов... В народе говорят, что как Великий Китеж, так и Малый связаны с именем Георгия Всеволодовича. Он был якобы основателем того и другого Китежа.

После несчастной битвы с Батыем Георгий Всеволодович скрылся с остатком войска в стенах Малого Китежа. Но немного спустя Батый со своими полчищами, преследуя князя, появился у стен города. Город был осажден, а Георгия Всеволодовича и его войско ждала неминуемая смерть. И вот тогда, выбрав темную ночь, князь тайно вышел из Малого Китежа и направился в Великий Китеж.

Когда Батый взял Малый Китеж, то среди своих жертв из числа русских он не нашел Георгия Всеволодовича. Батый стал пытаться жителей города с целью узнать, куда скрылся князь. Некто Гришка Кутерьма не вынес пыток и открыл Батыю местопребывание Георгия Всеволодовича. Батый ринулся по следам князя. Он разорил Великий Китеж и убил Георгия Всеволодовича. С тех пор Великий Китеж стал невидимым...

Другой была судьба Малого Китежа. На месте разрушенной столицы Городецкого княжества враг, согнав покоренных жителей, оставил в память по себе громадный — версты на три — вал, который получил название Соп*. Жители же Городца убеждены, что вал этот «воины шапками наносили».

В предании городчан сохранилось имя какого-то древнего народа — паны, представлявшегося им весьма воинственным племенем.

С панами воевали жители Городецкого княжества; паны оставили в воспоминание о себе Пановы горы с тайными пещерами, в которых и по сие время чудесное творится, — с пропастями, обрывами и рвами, на дне которых теперь только таинственно позванивают ручейки...

Но покорила панов русский народ, разбил их капища и молельни. Воздвиг в знак победы монастырь... и только сказки сохранили о воинственных панах.

* Вероятно, от слова «сопка» — гора.

2. Святой монастырь

Шли века...

Великое благочестие монастыря славилось на всю Русь. Как к святому месту приходили толпы паломников. Даже инородцы из мордвы и черемис из ближних лесов приходили сюда на поклонение.

И когда начало падать это благочестие, слава о нем все еще наполняла Русскую землю.

Но сменилось монастырское благочестие разгульной жизнью.

А люди все приходили поклоняться, не видя перемены, и поклонялись до тех пор, пока сам бог в наказание за монашеские грехи не повелел провалиться монастырю сквозь землю и на его месте образовал озеро, которое теперь называется Рязановским.

...И стали тогда люди называть ушедший в землю монастырь Святым.

3. Царевна-кровопийца

Жутко в темную ночь на Пановых горах. Острые иглы непонятного ужаса вонзаются в душу запоздавшего путника, пробирающегося тут на ночлег в Городец.

Тихо и страшно в этих горах; чуются какие-то существа. Ходят, движутся они где-то близко-близко, ощущается их дыхание, слышится непонятный говор тишины и тьмы, и тянутся из них невидимые костлявые руки...

Жутко одному в этом царстве незримых существ тьмы, страх тисками сжимает дрожащие члены.

Наверное, в этом хороводе незримых существ живут души погибших тут иноземцев, — и кто знает — может быть, они еще мстят за свою жизнь?

В глубоком обрыве тихонько позванивает ручей, холодный и блестящий, как острая сталь. У ручья обнялись две крутые скалы и шепчутся — уж сколько веков?

Под одной из скал есть ход в пещеру.

В этой пещере живет неземная красавица, прикованная семью цепями.

Острые железные кольца впились в упругое тело, чер-

ви ползают по красивому стану, но не смеют причинить вреда.

Красавица заморожена.

Прикована она за то, что не захотела отдаться иноземному пану, и теперь стонет, наказанная, терпит великие муки.

Красавица — царица, волшебница.

Стоит дать ей испить горячей крови двенадцати невинных девических сердец — и спадут с нее цепи и она станет супругой того, кто принесет ей эти сердца, и подарит ему такое счастье, какого еще не знал человек...

Но нет такого смельчака, и царица-красавица мучается, прикованная в своей пещере, и только ровно в полночь дух освобождает ее от цепей и она вылетает на горы; горе тогда невинной девушке, которую застигает полночь в страшных Пановых горах. Вся кровь ее сердца — все сердце — выпьет красавица-царица, и только холодный труп девушки найдут утром поселяне.

А у царицы убавится целый век неизбывных мучений.

4. Клад

В мрачной низине, под корнями столетнего дуба, хранится заколдованный клад, зарытый древними панами.

Многие видели белую собаку, бегающую вокруг, белую телку, белую птицу... Надо бросить в них камень, убить — и зазвонит, рассыплется клад. Но не так-то легко это сделать. Многие бросали, многие подстерегали по целым неделям — и никого нет. А покажется — трудно попасть: собака — увертлива, телка — поскокаша, птица в поднебесье улетает.

Только душу расстроишь...

5. Крестовая сосна

На Сопе стоит древняя сосна. В народе ее «крестовой» именуют. И никто ее младенцем-сосенкой не видал. Стоит она сотни лет, как старая, но еще крепкая мать среди детей, странная, суровая и загадочная. Каждый корень ее обнажен, но еще крепко они прижимают ее к земле. Разветвилась сосна, образовала собою мрачный, черный крест, накренилась, готовая свалиться с Сопа.

Каждую Пасху, бывало, стекались сюда на богомолье простые люди. Придут, прочитают все молитвы, какие знают, помянут усопших родителей, помолются о здравии живых, положат старинный грошик, крашеное яичко — и уходят, умиrotворенные, со спокойной душой...

121. Русланушка

Давно это было. Еще в ту пору, когда злой Батый на Руси бесчинствовал. Налетели татары один раз на селение русское. Разграбили его, зажгли. Многих жителей села тут же убили, а других в полон увезли.

Только один остался живой: Русланушка, храбрый молодец. Пахал он в то время полюшко далекое, потому и жив остался. Увидел он черный дым над селом, и почувяло его сердце беду. Побежал туда он, прибег, а там только пепел да дым, да мертвые кругом лежат. Стал Русланушка искать среди них родимых батюшку и матушку, и не мог найти. В полон их увели татары. Залился он горючими слезами, а потом и думает: «Слезами горю не поможешь. Выручать надо отца с матушкой». И пошел Русланушка по свежему следу. Солнце закатилось уж за лес, как увидел он впереди огни: это татары на берегу Волги остановились, костры жгли, отдыхали да добычу свою разбойничью делили.

Подкрался он поближе, обмотал себя сеном, зажег да бросился к татарам. Татары перепугались — никогда такого чудища не видали — и разбежались кто куда. А Русланушка нырнул в реку и вышел из нее невредимым. А потом разыскал подземелье, открыл его да и выпустил оттоль весь народ. Тут и увидел он отца с матушкой, обнял их, и пошли они со всем миром назад.

121. Ветлуга

Когда-то давным-давно, в стародавнюю пору на берегу тихой лесной реки около нынешнего города Ветлуги стояло

большое селение. В те далекие времена проживали в нем вместе и татары, и русские, а правил селением татарский князь.

В одном из домов на окраине селения жили отец с дочерью. Дочь звали Лугой. Среди русских девушек не было краше и милее ее ни в этом селении, ни в соседних.

Вот раз шла Луга с ведрами на реку и повстречала татарского князя. Тот приметил девушку, остановился, посмотрел на нее взглядом коршуна, а она, то ли от хорошего настроения, то ли еще почему-то, возьми да и улыбнись князю. И понравилась ему сразу, да так, что захотел этот татарский князь взять ее в жены.

Но Луга давно уже любила русского парня, и, когда князь прислал сватов, отец отказал им. Он знал о любви Луги и был не против ее брака с молодым парнем, который умел не только хорошо работать в лесу и в поле, но и весело играть на рожке.

...Князь не отказался от задуманного, да и времена были тогда не те, чтобы возражать наместнику грозного татарского хана.

Как ни сопротивлялась девушка, князь от своей затеи не отстал.

И вот уже назначил он день своей свадьбы. В строго указанное время в дом князя были вызваны музыканты, а среди них и суженый Луги. Никогда не видели парня таким печальным, как в тот день! Грустные думы одолевали его буйную голову... Не легче было и его любимой: проплакав всю долгую ночь напролет? Луга сидела теперь рядом с князем как подстреленная горлинка и о чем-то упорно думала.

Между тем свадебное пиршество шло своим чередом: музыканты играли что-то веселое, гости громко разговаривали, пели песни, плясали... Князь не сводил глаз с невесты. Он настойчиво угощал Лугу заморскими винами, показывал ей вещицы дорогие, подарочки свадебные, но девушка от всего отказывалась, все молчала и молчала...

Князь нагнулся к уху девушки и тихо, заискивающе спросил:

— Что ты хочешь, дорогая?

— Покататься на лодке, — ответила девушка и добавила: — С музыкой...

— Твое желание будет исполнено! — заверил князь.

Не прошло и получаса, как молодые, вместе с гостями и музыкантами, сели в лодку и отчалили от берега. Плавно покачиваясь, она не спеша поплыла по реке, направляясь к высокому обрывистому берегу, на котором возвышались зеленые развесистые ветлы. Их тонкие ветви низко свешивались к воде, бурлившей на глубоком месте как кипящий котел. Луга была необычно весела: она оживленно разговаривала с князем, шутила с гостями, подпевала музыкантам, командовала гребцам, куда плыть.

Когда лодка доплыла до самого глубокого места, Луга быстро поднялась и бросилась к любимому парню. Отбросив рожок, тот ринулся к ней, и они на мгновение застыли в крепком объятии, а потом, как сговорившись, кинулись в бурливший омут. И тотчас же темные воды лесной реки навеки укрыли их от взоров татарского князя и его притихших гостей.

С той далекой поры и пошло название реки: Вет-Луга.

...Спокойным сном спит в мягкой речной колыбели под старыми ветлами красавица Луга. Тихо кругом и безмятежно, лазурной, блестящей как зеркало гладью покрыты речные просторы. Даже глубокие омуты перестают кипеть, и лишь только небольшие воронки, напоминающие собой точенные в Семенове затейливые чашки, указывают едущему по реке опасные места.

Но вот вдруг вспомнится девушке ненавистный татарский князь. Вспомнит она — и испуганно вздрогнет. И тут застучит, затрепещет ее молодое сердце, заклокочет ее горячая кровь. Взмахнет она давно застывшими руками и выплеснет из бурных омутов да тихих соминых ям на всю ширь необозримых заречных лугов неумные воды свои. Разольется, разметается, как богатырь, по земле русской молчаливая в зимней спячке река, заплещутся, как на море, буйные волны ее...

Однако ласки любимого парня, его крепкие и горячие объятия, успокоят красавицу Лугу, вернут ей покой. И затихнет тогда Ветлуга, не спеша войдет в свои берега, и станет доброй да милой. И обсохнут, зазеленеют тогда вековые ветлы, выбросят они свои молодые ветви к самой воде, будто желая поскорее увидеть красавицу Лугу, чье имя навеки сохранилось в названии реки.

122. При татарском иге

Рассказывают, что было это давно. В то время у нас тут татары хозяйничали. И вот в нашем селе татары украли девушку, увезли в полон.

Долго ничего о ней не было слышать.

Потом мать ее собралась и пошла искать свою дочку. Переоделась нищенкой и отправилась в путь.

Вот нищенкой и пришла она к татарам.

Там и увидала мать, что дочку ее держат плохо, заставляют тяжело работать, бьют.

Дочка при встрече не узнала матери. Тогда мать зачала ей, когда они вдвоем-то остались:

*Ты роду-то русского,
А природа татарская...*

Тут дочка и поняла.

— Да не мама ли? — говорит она ей. — Мама, да ты ли это?

— Я, дочка, твоя мать родная...

— Ой, как же, мама, нам отсюда убежать?

Погоревали они, а потом подкупили одного татарина. Он устроил им побег, вывез их из татарского стана да и домой доставил.

124. О девушке Ирге

Если ехать на поезде от станции Тоншаево до Столбова, то на пути встретится местечко Ирга. Здесь, недалеко от железнодорожного пути, на краю поляны, окруженной с трех сторон лесом, до 1943 года стояла одинокая старая сосна.

Под этой сосной, рассказывают местные старожилы, когда-то была похоронена марийская девушка по имени Ирга, а погибла она от рук разбойников.

...Давно это было, даже деды и прадеды не помнят, когда, а идет предание из поколения в поколение. Од-

нажды со стороны реки Ветлуги вышел в эти таежные места отряд разбойников.

Попал он в первое марийское поселение, которое находилось в глухом лесу. Теперь там уже никто не живет.

Мариец-охотник заметил отряд и по тайной тропе быстро добежал до селения. Рассказал жителям об отряде. Взрослые мужчины похватали оружие и решили бежать в лес, а оттуда подать весть соседям о разбойниках и просить о помощи. В поселении должны были оставаться стар да мал.

А жила в этом селении девушка по имени Ирга. Была она рослой, красивой, к тому же сильной и смелой. Девушка работала за мужчин в поле. В стрельбе из лука она не уступала молодым охотникам. Был у Ирги друг, молодой парень по имени Одош, сильный и смелый — один с рогатиной на медведя ходил. Крепко любили друг друга они. Давно бы им пора жениться, да время было тревожное.

Перед тем как уйти в лес, мужчины решили оставить в деревне Иргу, сказав ей, где будут находиться. Проводила Ирга Одоша до леса, здесь и простились. Не успела она добежать до дома, как показались разбойники. Хотела было девушка спрятаться, да уже поздно — заметили ее. Поймали и привели к атаману.

Стал он расспрашивать: сколько в поселении мужчин, где они скрываются?

Та одно твердит: «Не знаю».

Ни угрозы, ни посулы не могли сломить упорства девушки. Наутро ее повесили на небольшой сосне.

К тому времени марийцы, что скрывались в лесу, получили подкрепление. Узнали они о смерти Ирги и тотчас отправились в поселение. Впереди был Одош с товарищами. Разбойники не ожидали нападения и побежали, но немногим удалось спастись.

Вернулись марийцы в свое селение и с почестями похоронили Иргу: положили ее под сосной, на которой она была повешена. Горько плакал Одош над любимой. Вскоре марийцы покинули поселение, боясь, что разбойники вновь появятся в этих местах.

С тех пор место, где погибла девушка, и носит название Ирга.

124. Пьянское поражение

Один раз во время татарского владычества по Нижнему разнесся слух, что на землю Низовскую идет главный подручник Мамай — Арапша. Великий князь нижегородский снова соединился со своим зятем. Дмитрий Московский в Нижний явился сам, во главе огромного ополчения, но слухи о приближении Арапши вскоре замолкли, и через несколько времени, оставивши в Нижнем свои войска, он снова вернулся в Москву. Между тем до Нижнего опять стали доходить тревожные вести о появлении татар уже у самой границы русских владений, в Засурье.

Русские дружины выступили из Нижнего Новгорода к берегам Пьяны и остановились у Пьянского перевоза. Прождавши здесь дня два, уверенные окрестной мордвой, что Арапша еще далеко и что татары, появившиеся по побережьям Суры, не что иное как отдельные ничтожные шайки грабителей, считая себя в безопасности, русские ратники предались бражничеству, сняли с себя доспехи и побросали оружие, многие разбрелись по окрестным селениям. Между тем Арапша был близко и только дожидался удобного момента напасть. Второго августа у самой Пьяны появились несчетные полчища татар; русские, изменнически введенные в обман мордвой, были внезапно окружены со всех сторон, и только немногие успели спастись бегством, остальные погибли.

При Пьянском поражении погибли, между прочим, брат великого князя нижегородского Дмитрий-Ноготь и племянник Иван Дмитриевич по прозванию Брюхатый.

Арапша двинулся к Нижнему, нижегородцы бежали, опустевший город был предан разорению. Это случилось в 1377 году. Вскоре Арапша снова явился в пределах Нижегородского княжества и опустошил Засурье. Одновременно с этим взбунтовалась окрестная мордва, которая грозила Нижнему новым погромом.

125. Помощь пленным литовцев в обороне Нижего Новгорода

В 1505 году Махмет-Аминь, данник Иоанна, попытался возвратить себе и царству своему полную независимость, и начал с того, что 24 июня ограбил и перерезал русских купцов, бывших в Казани на ярмарке. А потом двинулся на Нижний. Иоанн, узнав об измене хана казанского, послал против него сто тысяч ратников; но воеводы, предводительствовавшие ими, рассудили не идти далее Мурома.

Между тем Махмет-Аминь, опустошив области нижегородские, явился под Нижним Новгородом 4 сентября с 40 000 татар и 20 000 ногайцев, приведенных к нему на помощь шурином его, мирзой ногайским.

В то время воеводой в Нижнем Новгороде был прославившийся впоследствии Хабар Симский, молодой и отважный, готовый встретить опасности всякого рода лицом к лицу, с тем вместе военачальник благоразумный, вполне знавший военную науку своего времени; но у него не было средств отразить полчища Махмет-Аминя.

Имея пушки и порох, которые с пользой можно бы употребить против осаждающих, Хабар Симский не имел людей, умевших действовать ими: русские тогда еще не знали, как надо управляться с артиллерией. Ратников у него было мало; горожане, «страшливые люди», как говорит летописец, доказали на неудачных вылазках против татар свою неспособность к ратному делу; о войске же, посланном Иоанном, не было слуху, и Хабар Симский терял уже надежду спасти Нижний. Сентября 7-го Махмет-Аминь предположил сделать решительное нападение на Нижний, — и в это-то время кому-то из русских пришло на мысль, что в городских темницах сидят «огненные стрельцы литовские, глаголемые жолнырями».

В пять лет плена и заключения в тюрьме много уже погибло литовцев — в 1506 году их было уже только 300 человек, в том числе двенадцать воевод. Симский приказал выпустить их из душных ям, где заживо они были погребены, и обещал им свободу, если они помогут спасти Нижний.

Измученные всеми страданиями тяжкого плена и еще тягчайшего заточения, литовцы согласились за цену свободы защитить врагов своих и немедленно принялись за дело: они втащили на стены Тверской* цитадели пушки — пушки эти были им родные, литовские, также отбитые русскими при Ведроше, — и навели их на стан неприятельский.

В это самое время Махмет-Аминь и шурин его, стоя с своим войском за рекой Почайной, на противоположной возвышенности Тверской цитадели, окончательно распоржались приступом и старались вдохнуть в своих ратников мужество, обещая им богатую добычу в городе... И еще час-два — и Нижний испытал бы то же, что испытал в 1377, 1379, 1408 и 1445 годах.

Но раздался первый пушечный выстрел, направленный искусной рукою Феде Литвича на стан Махмет-Аминя, — и мирза ногайский, пораженный ядром в самую грудь, упал мертвый. Ужас объял осаждающих, особенно ногайцев: они, по слову летописца, «возмутились аки птичьи стада», не хотели биться с русскими; казанцы восстали на них, и между ними закипела резня, а Федя Литвич и его товарищи выстрел за выстрелом метали в толпы беснующихся татар и ногаев и поражали их.

Смущенный Махмет-Аминь отступил от Нижнего Новгорода [...]

Хабар Симский, со свойственным ему великодушием и щедростью, сверх возвращения литовцам свободы богато одарил их. Некоторые из них ушли на родину, но многие остались в Нижнем, разумеется, по собственному желанию, и впоследствии, смешавшись с русскими, так сказать, обрусели.

В память огненного стреляния, спасшего Нижний от татар и ногаев, отчасти сходного с молнией и громом, нижегородцы соорудили церковь на том самом месте, где пал шурин Махмет-Аминя, и посвятили ее святому проку Илье как властителю грома и молнии.

* Ныне это Ивановская башня Нижегородского кремля.

126. Няга

Чуваш Няга — отличный кузнец и превосходный наездник, был забран в плен русскими и, живя в Воротынце, что ныне в Нижегородской области, сделался переводчиком. Ему удалось уйти из плена и вернуться в свою деревню Шумерлю.

Повсюду веяло запустением и заброшенностью. Население страдало от податей. В Шумерле жил баскак со свитой. Он собирал дань, судил, мучил, наказывал чувашей. Когда прибыл новый баскак, «он тотчас призвал к себе знатных из чувашей и приказал каждому вырыть могилу и поставить кленовый кол. Он сказал, что теперь каждый из них знает свое место в случае неповиновения». Когда к баскаку пожаловал проездом визирь, чувашские крестьяне попросили Нягу пойти к нему и пожаловаться на баскака. К визирю и баскаку ему удалось пробраться в сопровождении охраны. По приказанию охраны Няга упал перед ним на колени и в едином порыве выложил о своеволии баскака. А визирь толкнул его прочь ногой и сказал баскаку:

— Продолжай так, как тебе угодно, а его, — указал он на Нягу, — на кол.

Няга моментально поразил ножом одного, другого — и сбежал. Он собрал недовольных крестьян и ушел с ними.

127. Анчик

Чрез несколько лет после смерти ненавистного чувашам правителя и сборщика податей Уразмедя казанский хан поставил на его место Анчика. Это был кроткий правитель. Он собирал подати со всех народов поровну, к хану ездил редко. Народ был так расположен к нему, что решился восстать против казанского Абдул-хана. Татарский хан, узнав об этом, послал людей взять Анчика и привезти в Казань. Но Анчик велел запереть послов

в пустой амбар и сжечь. Абдул-хан приехал сам с войском туда, где жил Анчик, но уже не застал его. Анчик со своими соучастниками ушел к русскому царю. Когда чувашаи дошли до реки Москвы, часовые приняли их за неприятелей и не пускали в Москву. Чувашаи, чтоб доказать свою покорность, сели на колени и, сняв шапки, кланялись каждому русскому человеку. Дали знать царю о пришельцах, и царь вышел к ним и увидел, как они с покорностью кланялись. Царь спросил Анчика, можно ли на них положиться. Анчик ответил, что они не только не изменят русским, но сами будут участвовать в походе против татар и укажут дорогу. Он даже уверил царя, что и татары будут рады русским, потому что и между ними есть много недовольных ханом за то, что его слуги, богатыри-воины, разбойничают над всеми. Тогда русский царь Иван Васильевич велел чувашам помогать, показывать дороги, через реки класть мосты.

128. Сарый

Жил чувашин Сарый, слывший между своими соплеменниками храбрым богатырем. Деревня названа его именем.

Татарские феодалы задумали увезти дочь Сарыя. Приехав к нему, они затеяли пировать. Но Сарый был не простак, знал, в чем дело. Хотя и согласился он пировать с ними, но тогда же распорядился выслать на дорогу и скрыть в лесу свою дружину, состоявшую из подобных ему наездников, предупредив их, что-де когда он заиграет в дудку, они бы приготовились, когда заиграет в другой раз, садились бы на коня, а когда заиграет в третий раз, то чтобы мгновенно нападали на татар.

Как сказано, так и сделано. Когда татары отправились с дочерью Сарыя, то он, выехав провожать ее, испросил позволения на разлуку с дочерью сыграть печальные песни на дудке. И когда он заиграл в третий раз, то бывшая в засаде дружина его, ожидавшая по

условию этой решительной минуты, тотчас выскочила из лесу с копытами и, напав на татар, положила их всех на месте.

После такого поступка не оставалось Сарыю ждать хорошего от казанского хана, и потому он обратился к русскому царю, дав обещание быть вожаком, чтобы указывать войскам все дороги и укрепления, какие тогда находились у татар.

129. Озеро Эль-Кюль

На всей Чувашской земле было семь озер-братьев, которые, образуя сильную грозу, поднимали вихрем воду в тучи и, низвергая сильные ливни, ходили друг к другу в гости. Одним из таких озер было Эль-Кюль. Однажды началась засуха, и в ту пору пробралось в район озера Эль-Кюль татарское войско, разоряя и выжигая селения, захватывая имущество, угоняя скот, забирая женщин и девушек и убивая сельчан. Некоторые жители спасались, убегая в леса. И вот старик Суваш, собрав в лесу людей, привел их к Эль-Кюлю. Они принесли в жертву жеребенка и стали молить у Эль-Кюля послать дождь и оградить от нашествия злых врагов. И вдруг откуда ни возьмись ударил гром, завертела, зашумела буря, взвилась вихрем вода из озера в черные тучи, хлынул страшный, небывалый ливень, и он, затопляя дороги и болота, шел день и ночь трое суток. В это время татарское войско с награбленным добром, со стадами пробиралось к своим становищам сквозь дремучие леса. Настигнутое страшной бурей с ливнем, оно, увязнув в болотах, погибло. После этого случая старик Суваш завещал своим потомкам беречь и охранять леса, каждую весну приносить жертву озеру Эль-Кюль, прося изобилия земных плодов и всякого благополучия людям.

С тех пор озеро Эль-Кюль стало священным местом для чувашей, местом Асла чук — «Главного жертвоприношения».

130. Ляхово

В 1608 году Алатырь, Курмыш, Ядрин, Арзамас, Темников и Касимов приняли сторону Тушинского вора, и тотчас же поднялись все инородцы: мордва-эрзяне, мордва-мокшане, черемисы, чуваша, вотяки. Боярин Федор Иванович Шереметев из Казани двинулся с понизовою ратью на возмутившихся. Мордва-мокшане с своими князьками Еникеевым, Шугуровым и Смиленевым пошли навстречу Шереметеву, а эрзяне и терюхане под начальством изменившего царю Василию арзамасского воеводы Тимофея Лазарева пристали к тушинскому воеводе князю Семену Вяземскому, шедшему с тушинцами и ляхами на Нижний. Вяземский послал к Шугурову и Смиленеву приказ, чтоб они отнюдь не вступали с Шереметевым в решительный бой, но чтобы мордва разделилась на малые отряды и чаще беспокоила набегами понизовую рать. Расчет был тот, чтобы замедлить поход Шереметева и, пока он поднимается к Нижнему, овладеть городом. Нижний был осажден, но в январе 1609 года нижегородцы выступили навстречу тушинцам и мордве, в стах в десяти от города напали на них и совершенно рассеяли. Обоих воевод, князей Вяземского и Лазарева, захватили в плен и повесили на Нижнем базаре, не считая нужным не только испрашивать на то дозволение московского царя, но даже и уведомлять его о совершенной народом казни. По местному преданию, нижегородцы побили ляхов и их сообщников там, где теперь находится сельцо Ляхово, названное этим именем, потому что стоит на костях ляхов. В прежнее время, сказывают, здесь на пашнях выпаживали человеческие кости; теперь об этом давно не слышно.

131. Лысковский царевич

Еще с семнадцатого столетия Лысково сделалось вотчиной грузинского царевича. Там, в Лыскове, он имел свою постоянную резиденцию. Это был чистокровный, ярый рабовладелец и неукротимый деспот. Обладая большими свя-

зьями и огромным состоянием, он ни во что не ставил местные власти и действовал как древний персидский сатрап — его дебоши и безобразия сделались достоянием народных преданий. Ежедневное времяпрепровождение этого старинного барина заключалось в собственноручной расправе над мужиками. Не давал он потачки и купцам (в его время ярмарка была насупротив Лыскова, в городе Макарьеве). Переправится, бывало, грузинский царевич через Волгу и станет по ярмарочным рядам ходить — все купцы ему в пояс. На одного покричит, другому, кто в торгу поперечит или просто невзначай налетит на князя, плюнет в лицо, а то и плюхой угостит. Так петухом и ходит.

Был такой случай [...] Один купец, должно быть, из новеньких, не согласился уступить князю вещь по предложенной им цене. Князь вспылал, закричал, кинулся на купца; а тот из лавки — бежать. Князь за ним. Купец в переулочек — князь за ним. Добежал до озера; купец бросился в воду и залез по горло. Князь в ярости — тоже в воду.

— Выйди, — кричит он, — сделай мне милость, выйди! Раз ударю, верь слову, сорву только сердце!..

Купец не выходит.

Оба стоят по горло в воде.

От продолжительного созерцания своего противника, а больше, вероятно, от воды, князь остыл. Выйдя на берег, он простил купца.

Горячая восточная кровь князя не остывала до самой его смерти, которая приключилась на девяностом году от рождения.

132. Как Булат Батр и Пугачев Казань взяли

Воевал тут Булат Батр. «Батр» — борец значит. Он вместе с Пугачевым Казань занял. А было это вот как. Есть у нас, татар, праздник — сабантуй называется. Все его праздновали. Однажды все взрослые на сабантуй ушли, а в деревне только дети остались. Остались и дети Булат Батра (их у него много было). А в то время как раз рус-

ские татар силком крестили. Так вот, никого из взрослых в деревне не было. Тогда из Казани монахи приехали и утащили детей. Сына Булат Батра, Асфанта, тоже унесли. Привезли в Казань, воспитывали, кончил он гимназию. Стал офицером. Там он с дочерью казанского губернатора познакомился. И вот послали его Булат Батра забрать. А Булат Батр к этому времени уже с Пугачевым встретился, и решили они Казань взять. С Булат Батром еще один его сын был. Он взял да и сообщил об этом решении и о том, где Пугачев и Булат Батр находятся.

Окружили тут казаки Булат Батра и сдаваться велели, а он много деревьев подпилит, навалил их со всех сторон, они и не смогли из леса выйти.

А сестра Асфанта между ним и отцом связь держала. Раз дочь губернатора и увидела, как она куда-то ездил. Она и рассказала отцу, что Асфант имеет связь с врагами. Схватили его и начали мучить у кремлевских стен, нагайками бить. В это время со стороны нижней части кремля зашел Пугачев, а с Арского поля — Булат Батр.

Увидел Асфант, что Пугачев подходит, вырвался из рук мучителей и убежал. Казаки испугались и разбежались кто куда.

Зашел тогда Асфант в кремль и открыл ворота для Пугачева. А в кремле много было разных купцов, богачей, и среди них — брат Асфанта. Тут и хотел Асфант отрубить голову брату-изменнику, но Пугачев не дал, так как не знал, что он изменник, а без вины людей казнить Пугачев никогда не велел.

Так Булат Батр и Пугачев Казань заняли.

133. Дело Осокиной

Купец Осокин во второй половине позапрошлого столетия был одним из богатейших людей в Нижнем, где жил на Панской улице (около нынешних пароходных конторок) в собственном большом доме. Семейство его состояло из жены и красавицы дочери, в которой он души не чаял. По своим понятиям о счастье своей дочери он час-

тенько спроваживал орду засылаемых к нему по временам свах, рассчитывая дожидаться свахи от такого же богача, как он сам. Но как часто бывает, что понятие о счастье, составляемое родителями, не сходится с такими же понятиями, составляемыми их детьми, так и на этот раз дочь склонилась на любовь какого-то бедняги, богатого всем, кроме казны.

«Вечно юная история» разрослась в тайные свидания молодых, устраивавшиеся при помощи нянюшки молодой девушки во время частых выездов родителей в гости в подгородное их имение.

Однажды влюбленные заболтались долее обыкновенного, а старая няня, задремавши, прозевала приезд стариков-большаков. Дело было к ночи. Деваться доброму молодцу было некуда: ход из светелки молодой Осокиной был один, а старик-отец имел обыкновение заходить к дочери благословить ее на сон грядущий. Нянюшка придумала спрятать молодого человека под пуховик. Так растерявшиеся женщины и сделали. Спрятали молодца, а тут вошел в светелку Осокин.

Ничего не заметив, он почему-то особенно долго проговорил с дочерью. По уходе его трепетавшие от страха дочь и воспитательница ее облегченно перевели дух и кинулись к кровати... Когда они подняли пуховик, то увидели труп: молодой человек задохнулся под ним. Что делать?

Старая няня нашлась и тут: она уговорила молодого батрака, жившего у Осокина, стащить труп в Волгу, за двадцать рублей, сумму по тогдашнему времени, особенно для батрака-голяка, весьма внушительную. Деньги эти нашлись у молодой Осокиной очень легко, потому что отец ее часто дарил большими подарками...

Затем случилось то, что нередко в таких обстоятельствах случается. Такие дела на юридическом языке именуются ни чем иным, как шантажом. Батрак, которому никогда, может быть, не снилось такое богатство, как двадцать рублей, изрядно закутил. Прогуляв полученные деньги, он попросил прибавки. Осокина-младшая не имела силы отказать. Батрак закутил еще пуще и снова явился за деньгами. Он требовал их уже настойчиво и грозил оглаской ночной тайны.

Так продолжалось, пожалуй, с год. Осокина передала своему учителю не только все свои деньги, но и все имевшиеся у нее перстни, жемчуга и другие драгоценности. Всего этого было мало увлекшемуся «самопомощью» батраку. Он потребовал, чтобы Осокина воровала деньги у отца и, наконец, предложил ей себя взамен погибшего милого...

Девушка, боясь отца, суда, казни, публичного мирского позора, и тут не устояла...

Между тем старик Осокин, заметив разгульную жизнь батрака, прогнал его из своего дома.

Один раз случилось, что разгулявшийся батрак вздумал угостить своих деревенских земляков, приехавших в город на базар. Снова вымучив денег у своей жертвы, он закатился с земляками в «Облупу» — кабак на выезде из города, не доходя до Покровской дамбы, где тогда находилась застава.

Когда парень шибко раскрутился и стал погромыхивать серебряными рублями, как медными полushками, товарищи его начали над ним подтрунивать.

— Уж не сам ли ты целковые мастеришь? — осаждали они его.

Крепко подвыпивши, он стал «куражиться» и брякнул, что живет с дочерью своего бывшего хозяина. Земляки не верили и этим еще более его подзадоривали. Парень горячился и начал бахвалиться:

— Коли прикажу я этой Осокиной, так она сама сюда приволочется и угощать нас тут станет...

Земляки расхохотались еще пуще, и взбешенный ловелас послал кабачного мальчика-подносчика к Осокиной со своей рукавицей, которую та очень хорошо знала как несомненного «предъявителя».

И вот Осокина, дочь гордого и знатного нижегородского богача, явилась в кабак, смутив немало целовальника и всю пьяную компанию.

— Угощай меня!.. Целуй меня!.. Целуй мою руку!.. Целуй ногу!.. Угощай приятелей!.. Кланяйся всем в ножки!.. Пляши!.. — ломаясь, сыпал одно приказание за другим герой затаившейся попойки.

И когда дело дошло до грубого требования плясать, Осокина отчаянно крикнула:

— Выпить сперва надо! — и, осушив не сморгнув ко-
сушку, пустилась в пляс под веселый звон балалайки,
на которой бойко «наяривал» мальчик-подносчик.

Понатешивши своей пляской пьяную компанию, Осо-
кина подседа к своему «милому», обняла его и стала крепко
целовать, подливая ему и его землякам шкалик за шка-
ликом вина. К полуночи она споила не только самого
«заводчика» и его приятелей, но и целовальника с маль-
чиком-подносчиком. Сама же она была, как говорят, «ни
в одном глазе», хотя тоже выпила немало... Но она была
пьяна накипевшей жаждой мщения, злобной страстью
доведенной до отчаяния жертвы.

Когда все свалились и захрапели, в руках молодой Осо-
киной заиграли нож и пламя... «Облупа» вспыхнула как
факел!..

На зарево сбежался народ. Люди стали гасить пожар,
охвативший кабак, и, конечно, никто и не подозревал,
что в огне горят семь трупов, уложенных Осокиной...

Все, как говорится, было бы «шито и крыто», если бы
Осокина смогла быстро уйти от пылавшей «Облупы». Но
силы покинули ее. Страдания от ужасной драмы, проис-
шедшей под пуховиком, затем грубое унижение и позор
и, наконец, убийство этой страшной ночи окончательно
надломил нервы молодого организма. Осокина помеша-
лась и сама раскрыла тайну происходящих событий
собранным на пожар людям...

Начался суд, который затянулся надолго. Ее пригово-
рили к кнуту и каторге.

Но помешательство Осокиной было таким, что она
временами приходила в себя, и в ее сознании наступало
просветление. Сидя в остроге, в ожидании исполнения
приговора, замедлявшегося ее болезненным состоянием,
Осокина бывала и в состоянии полного рассудка.

Будучи в 1767 году в Нижнем Новгороде, императри-
ца Екатерина II, по-видимому, от принимавшего участие
в судьбе Осокиной губернатора Аршеневского услыша-
ла эту печальную повесть и пожелала видеть несчастную.

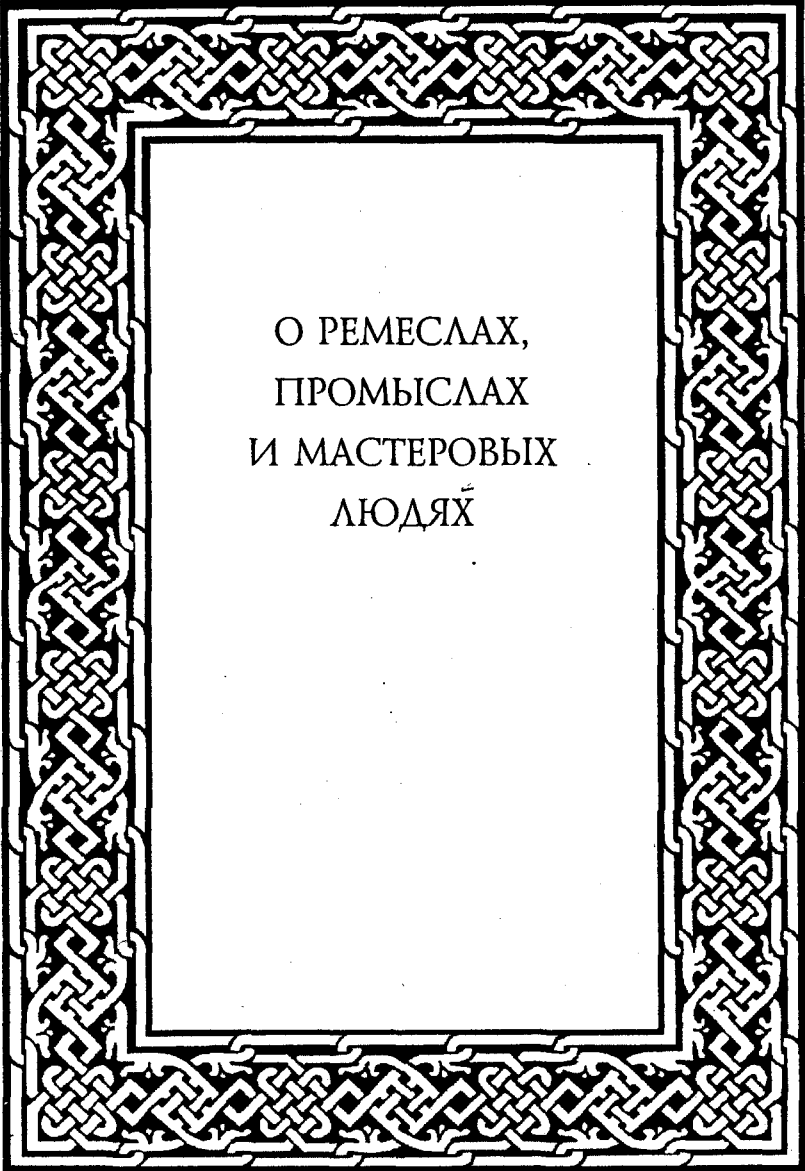
Осокина была приведена к царице в незадолго до это-
го отстроенный архиерейский дом, в котором тогда
остановилась Екатерина II. К счастью Осокиной, она на

этот раз была в полном рассудке. Императрица приказала снять с нее кандалы и выйти всем бывшим в зале. Наедине, ободренная лаской царицы, Осокина откровенно рассказала ей всю подноготную о себе... Человек в Екатерине II понял человека, женщина — женщину, и Осокина была освобождена от всякого наказания. По совету царицы она поступила в Нижнем в женский монастырь, где, вероятно, и померла.

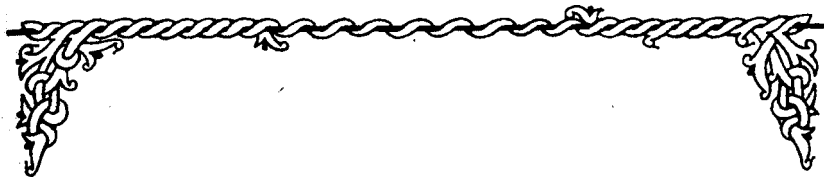
134. Дарьино

А откуда пошло название Дарьино? Сормовские старожилы рассказывали так. У красавицы Марьи (Сормово в прошлом называли именно в память о ней — Марьино!), что в стародавние времена жила на самом берегу Волги, были три красавицы дочери: Даша, Варюша и Параша. Златокудрой была Даша, черновкой Варюша, беляночкой Параша. От женихов не было отбоя, но все получали отказ. А дело было в том, что полюбили три сестрички трех удальцов, добрых молодцев: Иванушку, Алешу да Дмитрия — разудалых бортничков, охотничков. Сыграли три свадьбы — пир горой был, зажили счастливо, весело, с большой любовью.

Да недолго счастье то длилось. Напали на Русь вороги тучами несметными. Мрак опустился на землю русскую. Воронье покрывало опустевшие поля и веси. Плач и стон пронесся по родной земле. В сече злой пали смертью геройской все три молодца — Иванушка, Алешенька и Дмитрий. Узнав об этом, умерла от горя и тоски Дашенька, бросилась в речку Парашенька, приняла отраву горькую Варюшка. Так погибли все три сестрички. В память о том горе великом, о любви вечной народ назвал одну деревушку Горюшкино, другую — Дарьино, третью — Варя, а речку, где утонула Парашенька, — Парашею. Долго об этом судили-рядили, жалели добрых молодцев и сестричек-красавиц. Да и сейчас еще ведут разговоры об этом, то есть, «бают», и деревню потому называли Бавка.

О РЕМЕСЛАХ,
ПРОМЫСЛАХ
И МАСТЕРОВЫХ
ЛЮДЯХ

135. Каменные караван

Давно это было. Раскинулось на высоком берегу Оки село Береговое, а за ним густой лес стеной встал. Мирно, ни богато, ни бедно жили в нем люди. Славилась деревня пекарями, умели они пышные, с хрустящей поджаристой корочкой высокие караван хлеба печь. Со всех концов приезжали сюда люди, чтобы отведать окского хлеба, да и родичам в подарок целые телеги везли, покрыв чистыми холстинами.

Но вот как-то стало на том, на левом берегу войско татарское. Послали в село гонцов с приказом, чтобы пекли хлеба да калачи и везли через реку в татарский стан.

Не хотели русские люди захватчикам, грабителям помогать, заартачились: «Нет у нас муки да дров, чтоб печи топить».

Тогда нагнали в село татар видимо-невидимо, пошли они по дворам, по сусекам шарить, а мужиков и мальцов в лес погнали, чтоб деревья рубили, дрова заготавливали. Задымилась во всех домах, раскалились печи. А татары все подгоняют: «Давай, давай, пеки еще — вон у нас войско какое, все есть просят». Уж целые горы караванов да калачей напекли, и все мало. Не выдержали печи в одном, в другом доме, запылали избы, а тут еще ветер страшный поднялся, перекинулся огонь на все село, да и лес загорелся. Бросились все с откоса к реке, хлеба растеряли да раскидали по берегу, вскочили в лодки, а на реке волны ходят, молнии сверкают, гром гремит, село пылает, лес горит, искры в небо летят — ад крошечный. Завыли татары со страху, вскочили на коней и прочь бросились. А село и лес за селом выгорели, и ничего не осталось. Только головешки да обгорелые караван и калачи кругом валялись.

136. Как в Павлове ремесло завелось

Давно дело-то это было. Задумал как-то черт устроить ад на земле, стало быть, на сём свете. Обернулся немцем и подсыпался к графу, который проживал за границей.

Что, дескать, людишки у тебя все одною землей занимаются? Устрой да устрой себя в имении завод. И доход пойдет, да и почетнее тоже. Послушался помещик, сам остался за границей, а немца послал в имение заводы строить. И построил немец первый завод в Павлове, на Семенье горе, — железо делать.

Вот живет помещик за границей, получает доход хороший.

И вздумалось ему как-то раз проведать свои имения и посмотреть, как работают на заводах. А был он доброй души человек. Вот приехал он в Павлово и пришел на завод как раз в ту пору, когда из сварочной печи вынимали раскаленную «сварку»*. Глядит помещик: печь пламенем пышет так, что и подойти невозможно, люди в дыму и в копоти. А сварка красная вся, шипит, трещит, окалиной во все стороны так и брызжет. Подтащили ее крючьями к наковальне. Как грохнет по ней стопудовый молот, как пыхнет от нее пламя да искры... С нами крестная сила! И людишек-то из-за огня не видно.

Испугался добрый граф...

«Подать немца сюда! Не знал я, откуда у меня доходы...»

Глядь, а немец точно сквозь землю провалился.

Завод уничтожили, горно потушили, да искры из-под заводского горна уже разлетелись кругом с Семеновой горы по всему Павлову. Застучали в избушках молоты, завизжали пилы, зашипели паяльники, закипело мастерство и разлилось, как пожар, по всей округе. По деревьям-то хоть землю не бросили, а павловцы совсем забыли про пашню.

* Железные остатки, лом, которые сплавляются под молотом в одну массу, опять годную в дело.

137. Павловские умельцы

Вот люди говорят про то, что, мол, тульские мастера аглицких за пояс заткнули. Они сумели подковать ту механическую блоху, которую заморские мастера в русские земли доставили. Все это так. Но ведь туляки-то наверняка со своим хитрым делом не справились, если бы им павловские умельцы не помогли. Да-да! Эта заводная блоха не раз куда-нибудь ускакала бы, если бы не павловцы. Наши мастера для аглицкой блохи ошейник сделали, заперли его на замок собственного изготовления и, как полагается, посадили ту блоху на цепь. Вот тогда-то туляки и смогли ее подковать.

Да что для наших павловских умельцев ошейник и цепочка для заморской блохи! В народе ходит предание про павловского кустика Завьялова. Он, говорят, сделал такую цепочку, которая из двухсот сорока замочков с ключиками состояла. А вес этой цепочки всего три золотника.

Рассказывают и про другого мастерового, по фамилии Хворов. Он всю жизнь замки работал и все норовил поменьше да поаккуратнее их сделать, а когда закончит — украшение к замочку-то приладит из меди там или из серебра.

Один раз он задался целью сделать самые крохотные замочки. Долго корпел он над ними, а все-таки сделал, да не сколько-нибудь там, а целых двадцать четыре штуки. И весили они у него всего один золотник!

Но не только замки да ножички умели мастерить павловцы. Бывало, что и позамысловатее вещицы работали.

Жил в глухой деревушке Малое Гагарино кустика Бирюков. Этот самый Бирюков нигде не бывал и за всю свою жизнь только три раза паровоз видел. И этого ему хватило для того, чтобы понять, как он действует, а потом самоходную модель сделать.

Жители деревни, узнав про это, только ахнули, а когда весть про модель Бирюкова до начальства дошла, оно приехало, осмотрело, а потом в Москву на выставку направило.

138. Пурешане

Село Пурех неподалеку от современного Чкаловска — одно из самых древних. Стоит оно больше восьми веков.

Когда произошла церковная реформа Никона, в Нижнем появился грозный архиепископ Питирим. Он принялся преследовать всех раскольников, которые не хотели переходить в новую веру. А Пурех всю жизнь на традициях держался — так повелось.

И побежали пурешане из этих мест за Волгу, в леса.

Унесли они с собой самое дорогое, что могли взять — свое ремесло и родные здешние названия.

Поселились пурешане неподалеку от деревни Семеново...

Сколько веков прошло. Семенов уже давно стал городом, а о пурешанах там память живет.

Окраина Семенова до сих пор Пурехом зовется. Хотите попасть в Пурех из центра города — надо переходить речку Санихту. Правда, пишется она не так, как возле нашего Пуреха, тут Санахта, но похоже.

Пурешане были промысловыми людьми. Самый главный промысел в Пурехе — ложкарный. Ложки тут и резали, и красили. И когда пурехские ложкари бежали на Керженец от Питирима, промысел привился и там, Семенов стал столицей русских ложкарей.

А в Пурехе этот промысел заглох: леса осталось мало. И тогда пурешане взялись за другое дело — стали лить медные колокольчики для ямщиков. И колокольчики эти в прошлом веке соперничали с валдайскими красотой и звонкими голосами.

139. Хохлома

Было это давным-давно, еще при царе Алексее, отце Петра Первого. Тогда нижегородец наш, патриарх Никон, нарушил веру стародавнюю и уничтожил книги, переписанные руками старательных монахов. С тяжелой руки Никона новая вера была на Русь напущена. Взволновалась Русь, усмиряемая «тихим» царем Алексеем,

застенками да колодками. Побежал люд подальше от пер-вопрестольной Москвы, от глаз царских да патриарших в леса, на Керженец да на Узолу. Только тайные сторонники старого благочестия остались в Москве. Среди них первойшей руки живописец, богомаз по прозванию Лоскут Андрей. Днем работал, вечерами двуперстия творил.

Пришло время, и ему стало невмочь. Собрал он кисти свои да краски-мази и уехал в семеновские леса, подальше от царя. В каком-то починке избу срубил, точить-писать начал. Дни и ночи работал, а что работал — не знали люди, не пускал их к себе в избу Лоскут. Да и люди, больше беглые, беспоповцы, не привыкли бывать друг у друга. Больше сами с собой да с тайгой кержененской беседовали-советовались.

Нашлись, однако, завистники, донесли царю про Андрея. Тот послов направил, строго наказал явить мастера пред его царские очи и заставить в столице малевать.

Лоскут — ни в какую, послов из избы прогнал.

И тут вскипела царская кровь, затуманила глаза. Кому, по правде, из правящих такой отказ понравится. Новый наказ целой роте солдат: доставить ослушника, но уже не для работы, а для казни. И зашагали в семеновские земли солдатики, путь тяжелый да и не близкий — все песками да через леса.

Солдаты шли походкой медвежьей. А молва народная бежала впереди бегом заячьим.

Услышал Лоскут о вести страшной. Думал день. Думал два. На третий клик кликнул, собрал народ лесной. Молвил Андрей слова свои первые:

— Смерть идет за мной, берите припас мой и рукоделье, краски и мази да расходитесь по деревням и починкам, учитесь точить-малевать да детям и внукам внушайте; дерево, с корня снятое, живым делайте. Оно любое подобие принять может...

Взволновался народ, краски да и «струмент» Андрей разобрал, по лесам-домам разбрелся и как следует его припрятал.

Солдаты пришли к кострищу огненному: догорал дом Андрея-живописца, зажженный им самим. Не достался царю на расправу и мастер: сгорел в той избе своей заживо.

Ушли солдаты.

А краски да «струмент» Андрея в дело пошли.

Искрами изошел, рассыпался Андрей. Искры те осели в тайге керженской — приузольской, и запалили они пламя красок хохломских по лесным деревьям да починкам.

С той поры и горят алым пламенем, искрятся золотыми самородками яркие краски старой Хохломы.

140. Наше ремесло

Наше ремесло токарное испокон веку по наследству передается. Зачинателем его здесь, как рассказывают старожилы, был брат моей бабушки по отцу. Его считали самым знаменитым токарем по дереву.

Хохломская посуда вся из наших мест пошла: ковернинские да семеновские токари и художники это ремесло начинали.

Мне рассказывали, что был среди моих предков знатный мастер — токарь и художник в одном лице. Его все в церкви звали — точить и расписывать. Так он, «когда работает, весь выложится и уж такую неопишемую красоту сделает, что глаз не оторвешь. Наградѹ получит. А потом якобы возьмет и ограбит церкву, унесет им сделанное, потому что жаль с работой расставаться. Его, конечно, найдут, посадят, а он каким-то путем из-под замков сбежит. Люди говорили, что, мол, он какое-то слово заветное знал, потому перед ним и открывались все двери.

Но вернемся, однако, к токарному ремеслу. Точить что-либо из дерева — работа не из простых. Она души требует и большой силы. Надо как можно повыше взять да поглубже загнать кряж, особенно когда, к примеру, вазу точишь. Укрепляешь тот кряж на станке только снизу, это ведь не железная заготовка, чтобы ее с двух сторон держать. Ну а вгонишь кряж дакрепишь — тут уж бери инструмент поострее да подлиннее и точи. Подлиннее — это когда, например, кувшин с длинным горлышком вытачиваешь и поэтому из кряжа поглубже вынуть надо.

Как заработал станок, так и начинается искусство. Тут и сноровка и смекалка требуется. Всему этому у нас в Хрящах из поколения в поколение обучают.

141. Мастер-чародей

Рассказывали в былое время, что церковь Рождества Богородицы, которая на Нижнем базаре находится и по-другому еще Строгановской называется, строил не простой человек, а чародей. Будто бы богатей Григорий Строганов где-то встретил человека, разговорился с ним и сказал ему о своем желании построить в Нижнем Новгороде необыкновенный храм. Он хотел иметь его таким, чтобы нигде в России не было церкви, подобной Строгановской.

Человек этот обещал помочь Строганову.

И вот один раз к нему явился невзрачный мужичок и заявил, что он и есть тот самый строитель, которого ищет Григорий Строганов. Договорились они о цене, о материале и месте, где строить церковь. Начал тот мужичок строить, и, говорят, дело у него очень споро пошло...

Вскоре храм был выстроен, и оказался он таким удачным, что все залюбовались им. И действительно, уж очень хорошей да нарядной получилась эта церковь, не только в Нижнем, но и в других городах, казалось, не было такой.

Довольный постройкой, Строганов позвал к себе мастера и, похвалив за работу, поинтересовался, сумеет ли тот сделать храм лучше только что возведенного.

Мужичок подумал, хитро подмигнул богачу и сказал, что сумеет построить и получше.

Ответ взбесил Строганова, и он немедленно приказал слугам схватить мастера и тут же выколоть ему глаза.

Услышав это, мастер побежал. Он решил спрятаться от преследовавших его людей в храме. Те бросились за ним. Он быстро стал карабкаться на колокольню. Слуги не отставали от него и готовы были схватить. Тогда мастер залез под самый крест. Прихожане заметили его. У церкви собралась большая толпа. В это время слуги уже подбирались к нему...

И здесь случилось чудо: мастер-чародей превратился в ворона, взмахнул крыльями, полетел за Волгу и скрылся из глаз.

142. О строителе Строгановской церкви

Когда строительство Рождественской, или, как ее еще называют, Строгановской, церкви было закончено, заказавший ее Григорий Строганов, один из богатейших и влиятельных вельмож, крепко поспорил с мастером-итальянцем, возводившим святой храм.

Желая показать свое всеилие, Строганов вгорячах приказал запереть мастера под крепкий караул в своем гордеевском имении. Сам же с того дня заболел и находился несколько дней без памяти. Когда же по выздоровлении Строганов вспомнил об арестованном итальянце, то оказалось, что тот за это время сошел с ума.

Чтобы скрыть это дело, Строганов тайно отправил заболевшего итальянца на один из своих заводов на Урале, где тот впоследствии и умер.

143. Городецкие мастера

Наш старый город издавна хорошими мастерами славится. Особенно много было у нас добрых кораблестроителей да баржеви́ков. И грамоты не знали, и чертежей не понимали, а суда строили по памяти и собственному разумению. Рассказывают, что хоть баржи, хоть шхуны получались у наших городецких умельцев всем на диво.

Был в прежнее время у нас в Городце мастер один; как он работал, многие старики хорошо помнят. Баржи изпод его рук выходили как игрушечки!

Один раз явились к нему заказчики, чертежи подают, проекты разные, а он посмотрел на все эти бумаги и говорит:

— Я никогда в жизни чертежи да проекты в глаза не видал и проку в них не разумею... Вы мне прямо, без бума-

жек этих, скажите: какой длины и ширины баржу построить вам нужно. Дайте еще высоту борта — вот и весь заказ!..

Те, конечно, удивились, сообщили ему нужные размеры и стали ждать, когда наш мастер выстроит судно.

В назначенный срок прибыли заказчики и глазам своим не поверили: мастер такую им баржу отстроил — как картинка была!..

Ну а другого баржестроителя я хорошо помню. Это Яков Кузьмич Колов — отличнейший работник. Он все кокорные баржи-то строил. Вы знаете, что это за баржи? Нет? Да, сейчас таких не строят. Такие суда рубили из кокорновых деревьев, то есть из деревьев, которые вместе с корнем из земли выворачивали. Корневище и ствол дерева вместе топорами обрабатывали, отчего копани для барж и шхун получались из одного куска и были намного крепче составных. Такие цельные корпуса, как говорят, были намного прочнее и терпели воду по сто лет и больше...

144. Копьев

А про Копьева, механика сноведского, вот что рассказывают.

Ехал однажды Баташов плотиной через пруд и видит он: мальчик тянет за веревочку пароходик. Колесики у парохода вертятся, пароход сам по воде идет. Останавливается Баташов и спрашивает:

— Мальчик, что ты тут делаешь?

— Пароход по воде пускаю.

— А кто тебе пароход сделал?

— Сам я.

— А ты чей?

— Мамкин.

— Поедем со мной.

Баташов посадил его к себе в коляску — скорей к родителям. А мальчик плачет, испугался.

Доехал Баташов до его матери и говорит ей:

— Беру я вашего сына к себе, обучу его, человеком сделаю.

Увез его к себе, стал учить, в Москве сначала, потом за границей. Да не дал ему кончить, а то из крепостных он вышел бы.

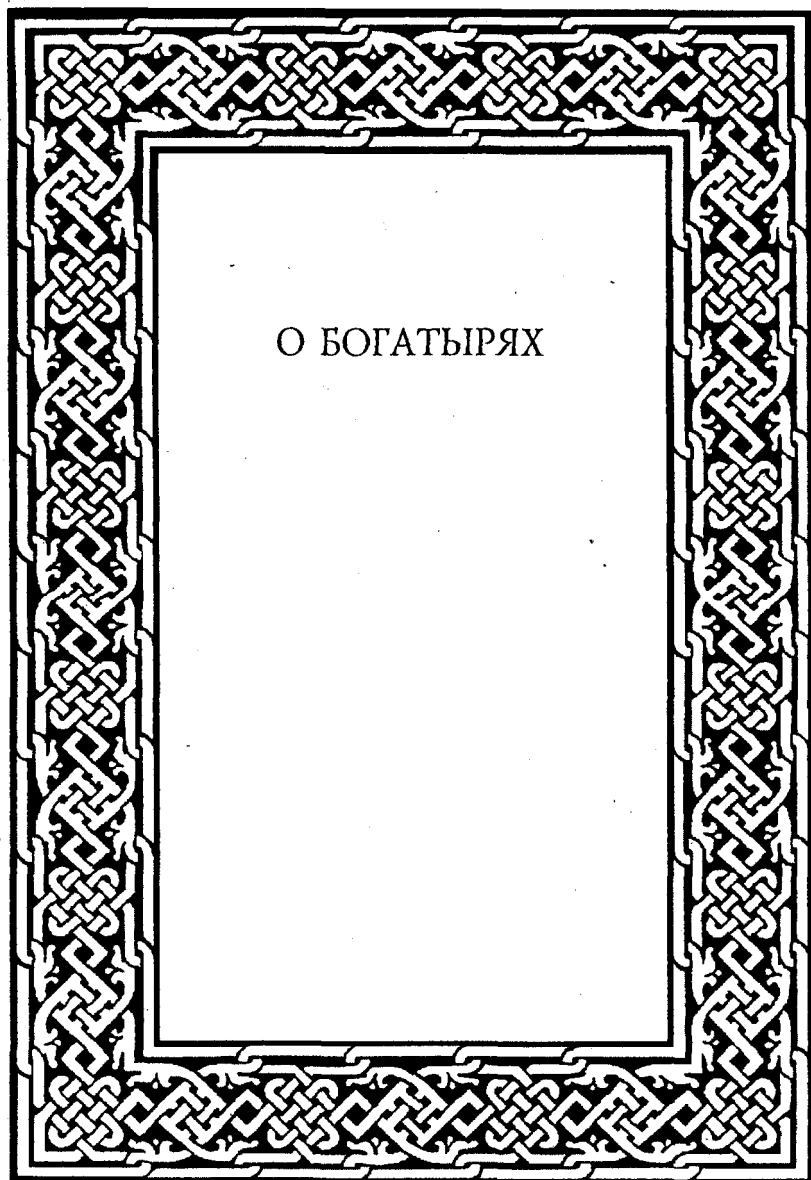
Сделал его Баташов механиком на сноведском заводе. Прозвали этого мальчика Копьевым: пронзительный уж очень, дошлый до всего был. А после фамилия ему пошла Копьев. Знаменитый механик был.

Вот придумал он: стол чугунный сделал, на столе самовар кипит, а от него молоток паровой идет. Чай пьешь, а молоток паром сахар колет.

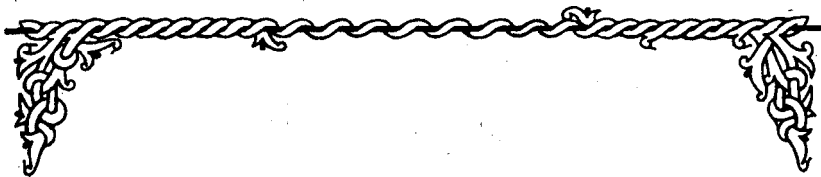
145. Водоход Кулибина

Один старый речник еще в пору моей юности, а мне уже восьмой десяток идет, рассказывал, что его дед, а скорее всего — прадед, плывал по реке на судне, которое сам Иван Петрович Кулибин соорудил. Его, если можно так назвать, пароход, а вернее говорить — водоход, двигался по воде не при помощи пара, как это делается сейчас, а силой самой реки. Вместо паровой машины, которая крутит колеса или, там, винт теперешних судов, Кулибин крепил на колесном валу два длинных каната, а на их концах привязывал якоря. Эти якоря попеременно завозились на лодке вперед судна и спускались на речное дно. А потом пускались в дело опущенные в воду колеса с особыми лопатками по краям. Эти колеса течением реки сами поворачивали вал, на который они были насажены. Ну, а вал, крутясь от потока воды, наматывал канат и им-то судно и тянулось вперед. Когда водоход доплывал до опущенного в воду якоря, второй якорь, также, как и первый, завозился вперед, после чего второй канат наматывался на вал, сохраняя ту же скорость, которая была получена судном при наматывании первого каната.

Конечно, быстрота движения водохода, придуманного Кулибиным, была небольшой, но ведь и барки, что тащили бурлаки бечевою, шли по реке также медленно. Однако здесь тяжелый труд человека заменялся даровой силой течения. А в этом был ой какой прок для рода людского!

О БОГАТЫРЯХ

146. Живой Камень

Зимою среди белоснежной пустыни, а в летнее время среди зелени веселых полевых цветов возвышается над тихой речкой утес Живой Камень.

Не всегда, однако, бывало так пустынно вокруг него.

В давно минувшие времена здесь были большие селения черемисского народа и жил среди них могучий и славный богатырь по имени Чумбулат. Человек он был простой, трудолюбивый и тихий в обычное время, но, как только неприятель угрожал нападением, богатырь поднимался на защиту родной страны. Верхом на буром коне с косматой белой гривой, вооруженный с головы до ног, Чумбулат выступал впереди своего народа; непобедимый и грозный, он всякий раз быстро сокрушал врагов и обращал их в бегство.

Долго жил богатырь на свете, оберегая свою родину и народ, но пришла и ему пора умирать. Собрались вокруг него черемисы, плакали и скорбели о нем, а он утешал их:

— Не бойтесь. Я и мертвый никогда не дам вас в обиду. Когда плохо придется, когда самим вам не справиться с неприятелем, подойдите тогда к моей могиле и скажите громким голосом: «Вставай, Чумбулат! Враги у ворот!» Я встану тогда и обороню вас.

С этим и умер Чумбулат.

Торжественно похоронили черемисы своего богатыря в каменной круче, в полном вооружении, какое надевал он на битву, похоронили вместе с бурым конем его, белохвостым, с косматой гривой. Справили по нем богатые поминки и долго оплакивали тяжелую потерю:

— Не стало среди нас великого Чумбулата! Нет с нами нашего богатыря!

Шло время. Все было благополучно, и мало-помалу Чумбулата начали забывать. И забыли бы о нем, может быть,

совсем, как вдруг появился сильный враг и начал окружать черемисов непролазным кольцом. Вспомнили они тогда о своем богатыре, побежали к скале, к могиле его, и стали громко звать на помощь:

— Вставай, Чумбулат! Вставай, враги у ворот!

И дрогнула каменная круть, раскололась надвое, и появился из темной расщелины Чумбулат на коне своем, в кольчуге и шлеме, со щитом на руке, с копьём у стремени, с мечом над головой. Бросился он на чужих, коллол, рубил, топтал обезумевших от страха врагов и быстро обратил в бегство все неприятельское войско. А когда опасность миновала, Чумбулат, ни на кого не взглянув, молча вернулся к своей скале; снова замкнулась она за ним и поглотила его вместе с конем.

Много времени прошло. Когда наступала беда, всякий раз Чумбулат выручал свой народ, и никакой враг не был страшен черемисам.

Подсмотрели однажды ребяташки, как старшие вызывали на помощь себе Чумбулата. Начали они играть в войну, подбежали к скале и давай звать богатыря:

— Вставай, Чумбулат! Враги у ворот!

Дрогнула скала. Выехал Чумбулат на коне, в полном вооружении, а неприятеля нет. Ни направо, ни налево — нет никого. Повернулся тогда богатырь, молча поехал обратно к горе и исчез в ней.

Ребяташкам это понравилось. Сколько было страху и хохоту, и сколько потом всяких рассказов!

Стали опять играть в войну и опять вызвали Чумбулата.

Выехал снова на их зов богатырь. Не видя опять врага, он нахмурился и сердито повернул коня обратно.

Мало и этого показалось мальчишкам. Они в третий раз вызвали богатыря:

— Вставай, Чумбулат! Враги у ворот!

Затряслась земля. Со страшным грохотом разверзлась гора, и выехал оттуда разгневанный Чумбулат с мечом над головой. И конь с пеной у рта взвился на дыбы — только бы ринуться в битву. А неприятеля и в помине нет. Только окрестные черемисы в ужасе сбегались на грохот.

Увидел их Чумбулат и крикнул им:

— Не цените вы моих трудов, черемисы! Я вас спасал от всякого врага, а вы надо мной потешаться стали, понапрасну меня тревожить! Помните: ухожу теперь от вас навсегда!

Опустил Чумбулат свой победный меч, повернул коня и скрылся в скале.

Не стало с тех пор у народа защитника. Начались войны, и некому было заступиться за черемисов.

Молчалив стал и тих серый утес над рекой; оброс он снизу мхом и травой, где шелестят иногда ящерицы, а на вершине его садится отдыхать дикий ворон.

Но не пропали надежды у черемисов. Камень таит в себе живую силу. Настанет время — забудет Чумбулат обиду и защитит народ свой от врага.

Потому и зовется этот камень Живым, что жива за ним великая сила, а в народе не умирает вера в счастливое будущее.

147. Конар

Конар был могучего телосложения, ростом выше самых высоких дубов, голова у него — с большой чан для воды. Однажды промышлявшая разбоем монголо-татарская орда совершила набег во владения чувашей, чтобы поживиться их добром. Богатырь Конар вступил с ними в бой. Схватил одного великана за ноги своими цепкими руками и стал бить им, как молотом, во все стороны. Враги в панике бросились врассыпную кто куда... Много их побил Конар.

148. Силач Балдась

Около леса, на берегу журчащей речки жили эрзяне. На дальнем поле сеяли хлеб, держали скот, с пасек брали мед. Но спокойно жить эрзянам не давали ногайцы; постоянно тревожили, крали овец, лошадей. А девушкам совсем уж плохо было, да и не только им. Всем доставалось.

Самым сильным в селе был старик Балдась. Пять-шесть мужчин не могли справиться с ним, повалить на землю. На молотье с одного удара ржаной сноп будто ножом пополам разрезал. А когда начинал он пахать, брался за сабан, то быки не могли с места сдвинуться. В драке один мог одолеть много ногайцев.

Когда уж стало невыносимо им там жить, Балдась собрал эрзян и сказал:

— Ногайцы здесь нам не дадут жизни. Пойдемте поищем другое место.

И все пошли за Балдасем. Прошли они огни и воды, пережили голод, отражали нападения — все испытали люди. И здесь они воочию увидели силу своего предводителя.

Выйдет он вперед, прикроет людей своей широкой спиной и валит с ног врагов: попадет под руки бревно — бревном, оглобля подвернется — оглоблей. Земля аж дрожит под его ногами.

Так дошли они до реки Алатырь, переправились на другой берег и углубились далеко в лес. Здесь нашли большую поляну, в середине которой выбивался из-под земли серебряный родник. Место прекрасное!

Тут же стали рубить деревья и ставить новые дома. Всем построили по дому, последнему — Балдасю. Возникло село Болдасево. Оно так называется и до сих пор, живет и день ото дня богатеет.

149. Ковш

Ехал Степан Тимофеевич Разин среди каменных гор. Сам он и конь его сильно притомились. Захотелось пить ему, да так, что нет больше терпения. Поглядел по сторонам, видит — пещера, а возле нее старый богатырь. Степан Тимофеевич подумал: «Дай-ка я подъеду к нему, попрошу попить».

Подъехал и видит, что перед ним сам богатырь Илья Муромец. Степан Тимофеевич снял шапку, поклонился чинно и говорит:

— Нет ли у тебя водички, а то очень уж пить хочется. Илья Муромец посмотрел на него и так сказал:

— Водичка для добрых людей у меня никогда не пере-
водилась. Пойди в пещеру, там стоит ковшик, попей из него.

Степан Тимофеевич вошел в пещеру. Там стоит огром-
ный ковш, такой, что он еле-еле дотянулся до его края.
Выпил немного, а Илья Муромец говорит:

— А ну-ка, попробуй подними его.

Степан Тимофеевич взялся за ковш и лишь чуть-чуть
от земли приподнял. Покачал Илья Муромец головой.

— Ты еще выпей!

Степан Тимофеевич выпил еще воды, а Илья Муромец
ему:

— Ну-ка, попробуй теперь!

Легко Степан Тимофеевич поднял ковш. Илья Муро-
мец поглядел, подумал, потом сказал:

— Ты еще, еще выпей!

Степан Тимофеевич послушался его, выпил еще. Од-
ной рукой ковш схватил — он ему легче перышка пока-
зался.

— Ну-ка, — приказывает Илья Муромец, — теперь кинь
его, покажи, что есть у тебя силы.

Степан Тимофеевич размахнулся, бросил ковш, да так,
что он улетел на небо. Улетел и загорелся там семью ярки-
ми звездами по числу драгоценных камней, какими был
украшен. Засмеялся Илья Муромец:

— Вот это сила, так сила!

И тут Степан Тимофеевич пошел простой народ подни-
мать против господ и бояр. А ковш Ильи Муромца, что
забросил он на небо, сияет вечно своими семью драгоцен-
ными камнями-звездами, ночью всюду, и на море, и на
суше, указывает верный путь.

150. Алмуш-батыр и Яппар

Дело было в древности. К чувашам заявился вели-
кан-волшебник Яппар. Этот батыр мечтал завладеть стра-
нами, куда не доходил даже Эскентер (Искандер, то есть

Александр Македонский). Яппара боялись медведи и волки, даже львы сторонились путей, где он проходил. У него имелся аргамак, который девятидневный путь проходил своими девятью шагами. Он был батыром не чувашским, а какого-то другого народа.

Этот пришелец привез какой-то невиданный в здешних местах порядок. Кто сопротивлялся этому порядку, тех он разрубал мечом, сжигал в огне. Яппар хотел установить свой порядок и среди чувашей. А этот порядок был изложен в книге, служившей законом.

Предстал Яппар перед чувашским царем. А им был Алмуш-батыр. При появлении Яппара он со своими сыновьями обедал. А сыновья были такими же исполинами, как отец. Увидев чувашских батыров, Яппар удивился. Он не ожидал, что у чувашей есть такие батыры. А эти в огромном котле сварили величайшего быка. Одна голова быка была величиной с печь.

Алмуш не понял приветствия Яппара «Салам алейкум» и попросил милости к столу.

Яппар не понял приглашения, вытащил свой китап (книгу) и стал читать, учить новой вере и новому порядку. Слова Яппара льются как песня. Читал-читал и протянул книгу Алмушу.

Подержал ее Алмуш, а она молчит в его руках.

«Что мне с ней делать, — говорит Алмуш Яппару, — не поет она в моих руках. Положи ее за пазуху, садись обедать. Головой быка угощу, ты мой гость. Садись, ешь». Не понял Яппар этих слов, озлобился он, полагая, что Алмуш издевается над ним, показывая на голову быка. В гневе Яппар вытащил свой меч. Тут мгновенно сыновья Алмуша взяли в руки кости и голову быка, готовые ударить Яппара. А кости быка как дубовые кряжи. Испугавшись, Яппар удрал. Лишь аргамак спас его. Алмуш кинул вслед ему голову быка. Больше Яппар не показывался среди чувашей. Он отдал книгу татарам, поэтому книгу они называют китапом. А на берегу Волги имеется гора Бычья Голова. Она похожа на череп быка. Говорят, это брошенная Алмушем бычья голова долетела туда и позже превратилась в гору.

151. Почему татары не взяли Нижний

Старики сказывали, что в очень давнюю пору, когда татары на Руси бесчинствовали, дошел до их князя слух про Новгород Нижний.

И вот повелел этот князь супостатный войскам своим нечестивым пойти на Нижний, захватить да разграбить богатый город.

Направили татары коней своих быстроногих вдоль Волги-реки и долго ли, коротко ли, до Нижнего доскакали. Выслал князь вперед дозорных своих и ждет...

В те поры, видишь ли, весна была, и случилось так, что первыми заметили врага нижегородские бабы: они на Волге белье полоскали.

Почувяв недоброе, похватали бабы коромысла свои — да на татар!.. А те уж к стенам кремлевским подбираются.

Напали бабы на татар и давай их дубасить!.. Испужались супостатные и к князю с донесением. Выслушал князь татарский дозорных и молвил:

— Ежели уж бабы здесь такие, то каковы же мужики нижегородские?..

Сказал и повернул войско свое нечестивое обратно. Не пошли татары на Нижний. Побоялись.

152. Коромыслова башня

Три дня стояли под Нижним разбойники-татары; все православные заперлись в кремле. И на новую-то стену надеялись, и татар-то боялись, никто не смел выйти за ворота кремлевские.

Была тогда в городе одна девица-красавица; имени и отчества ее не помнят. Понадобилось ей за водой сходить на Почайну-реку; не хотелось, видно, пить колодезной. Вот взяла она ведра на коромысел, а коромысел тот был железный, два пуда весом. И пошла она, девица, за город на Почайну-реку.

Татары заметили ее возле башни и, кто их знает, в полон

ли хотели взять, красоте ли ее позавидовали, только ки- нулись все на нее опрометью.

Вот она, видя беду неминуемую, поставила ведра на зем- лю, помолясь на соборы нижегородские и взяв коромы- сел в руки, дожидалась первого татарина. Подходили к ней татары не по одному, не по два, а целыми сотнями: и всех тех татар девица уложила возле башни спать не- пробудным сном. Уж этих татар она била-била, а все еще их много было.

Одолели наконец они девицу, изрубили ее в мелкие куски и похоронили у башни вместе с коромыслом ее. Князья же татарские Сеит, да Булат, да Качелей подумали-погадали — да и решили от Нижнего убраться по- добру-поздорову.

— Если бабы в Нижнем такие сильные, — говорили они, — что же нам будет, если ратные люди на нас высту- пят?

Вот отчего та башня зовется Коромысловой: возле нее было это побоище.

153. Предания о Татарке

Предание первое

Дело было давно, еще когда Татарка воевала и ког- да город Казань был столицей татарской, а город Козь- модемьянск был под ее державой. А наша столица была тогда Кострома, а Нижний был вторым городом.

В то время в Казани царствовала княжна Татарка, по имени Аннушка, вроде как у нас царствовала Екатерина. Аннушка обладала сказочной силой: камни разжимала она своей рукой. Если, бывало, на нее бросят камнем, то она схватит его на лету, сожмет и из него вода поте- чет. Кроме того, была она и волхвунья, умела всякое колдовство делать: ядра в руки хватала и никакая пуля ее не брала. Если в нее кто стрелял, то она ловила пулю на лету и бросала обратно в того, кто в нее стрелял.

«Я бессмертная, — говорила она, — моя смерть нахо-

дится под камнем, который называется Казак-камень; кто меня убьет, стоя на этом камне, тот и сам погибнет, провалится сквозь землю вместе с камнем».

Когда войско царя Ивана Грозного подошло к Казани и начало осаждать город, то Аннушка только издевалась над войском, езда по своей крепости.

Между тем среди русских нашелся один смельчак, который под видом купца пробрался в Казань и узнал то место, где находится Казак-камень.

Подговорив с собой нескольких товарищей, русский купец решил убить княжну Татарку, а чтобы в то же время самому избежать смерти, он употребил такую хитрость: своим товарищам он велел накрыть камень полотном и распорядился, чтобы те, как только он выстрелит в Татарку, полотно моментально дернули бы, чтобы ему не провалиться с камнем сквозь землю, как предсказывала эта Татарка.

Товарищи исполнили его распоряжение в точности, и он убил Татарку, зарядив ружье медной пуговицей. Таким образом Аннушка была убита, и Казань досталась русским.

Предание второе

В Казани Аннушка собрала большое войско, оно длинной целых семь верст было. И вот двинулась она из Казани покорять русскую землю, и хотела всю Россию покорить. Ей нужны были воды; нужны реки от истока до устья. И пошла она вверх по Ветлуге-реке, правым ее берегом, разоряя и сжигая встречающиеся на пути селения.

В то время на Унже-реке был город Макарьев и подле него Макарьевский монастырь, в котором жил преподобный отец Макарий. Услышав о движении Татарки, которая хотела добраться до монастыря и завладеть его богатствами, преподобный отец Макарий со своим войском выступил ей навстречу.

Между Татаркой и Макарием произошла битва, и громадная сила Татарки одолела войско Макария. Тот на-

чал отступать к городу Макарьеву, а Татарка погналась за ним и все грозила преподобному: «Я убью тебя, Макарко», — говорила она.

Преподобный отец Макарий отвечал ей на это: «Хоть и убьешь меня, а все равно тебе России не видать!»

«Не убегай, Макарко! — грозилась Аннушка. — Я тебя все равно догоню и убью! Я и тебя, Макарко, и весь твой город камнями закидаю, — говорила она, издеваясь, — подай мне свою ручку, и я пожму ее!»

Преподобный отец Макарий накалил полосу (клюку) железную и подал ей; взяла Аннушка полосу в руки, пожалала, и из нее вода потекла.

«Ой, Макарко, горячая же у тебя рука» — или: «Ну, тепла же у тебя, Макарко, рука-то!»

Не доходя верст семи до города, Макарий своротил с дороги и сделал так, что на дороге где он шел, сзади него образовалось топкое болото. Но Татарку это болото не остановило; себе и своему войску она привязала к ногам бревна и на них, вроде как на лыжах, пошла по болоту...

Не дойдя до города Макарья версты четыре, она и ее войско ослепли. Татарка начала путаться, заблудилась и шлялась, пока наконец не издохла, а войско ее потом частью перебили, а частью оно потонуло или разбредлось. Нашли Татарку уже мертвою и варыли на самой дороге.

Много зла Татарка сделала по Ветлуге — зорила да жала население; триста лет после нее Ветлуга пустела — не могла оправиться от разорения, и за это окрестные жители заповедь сделали между собой, приказ такой: кто бы ни шел мимо места погребения Татарки-Аннушки, кто бы ни ехал, — всяк должен палку либо сучок бросить Татарке на могилу.

«Вот тебе, Аннушка, свечка! — говорят при этом бросающие. Даже ребятишек заставляют бросать сучья на могилу: — Ребятишки, ломи сучков да кидай на Татарку!»

Могилы Татарки, говорят, находится на самой дороге из города Варнавина в город Макарьев, что на Унже, на расстоянии приблизительно около четырех верст от го-

рода Макарьева, на левом берегу реки Унжи в урочище под названием Аннушкин борок.

Могила расположена посередь дороги промежду объездов, так что ее постоянно заезжают и она делается все менее заметной. Прежде, говорят, она была хорошо заметна в виде крутых веретен, сажень пять в диаметре, а ныне плохо заметна, — все заезжают. На этом месте, обозначающемся в виде горки небольшой, площадью около одной четверти десятины, кроме Аннушки, говорят, много силы татарской легло, и она, эта сила, тут же зарыта. Близ могилы имеется до трех-четырех десятков ям, как бы от обвалившихся могил. Ямы эти имеют продолговатую форму и длиною около 6—9 аршин.

Трудно, говорят, проехать мимо этого места, чтобы не заметить его: на могиле либо куча хвороста нарастает, либо пепелище от кучи остается. Кто бы ни шел мимо могилы, каждый старается бросить на нее что-нибудь: кто палку, кто сучок сломит и бросит на могилу, кто щепочку либо прутик поднимет с земли и бросит. Рассказывают, что на полторы версты сучка здесь нигде нет — все обломано и подобрано. Если кто едет на телеге, то хоть соломки либо сена клочок бросит...

Ежегодно из сучьев и прочего хлама образуются здесь валы вышиною до полутора аршин, а то вроде как копна или как стог вырастает; когда стает снег и куча обсохнет, ее поджигают, и она сгорает, а если вырастет летом, то и летом поджигают. От зажженных валов загорается часто и окрестный Аннушкин борок, который от этого плохо растет и редеет. «Каракульник-соснячок только и растет на том месте... не выживает соснячок на Аннушкином борку, нет ему приросту ни вверх, ни в толщину...» — говорят местные жители.

Но не все из окрестных жителей с таким презрением относятся к могиле Татарки, иные этот свой древний обычай — бросать сучья на могилу, — объясняют иначе и к памяти своего бывшего сильного врага относятся весьма почтительно. А что бросают сучки, так это, говорят, подаяние ей делают, память воздают, вроде как бы германцу — некрещеная она ведь была; свечки тут нету. Вот

и бросают сучки на могилу. «Надо Татарке свицку поставить», — зажгут костер, он и горит, вроде как бы за место свечки.

154. Улп и Субэдей

Несколько раз нападало войско Субэдея на чувашей, но каждый раз чувашаи с помощью великана Улпа отогнали монголо-татар, нанося им большой урон в живой силе.

Субэдей собрал к себе знахарей и колдунов и просит у них совета: как одолеть чувашского Улпа и покорить чувашей? Знахари замысловато отвечают на вопросы Субэдея, но средства против Улпа не знают. Субэдей дал им сорок дней срока, чтобы подумать. Через сорок дней повторилось то же, что в первый раз. Субэдей казнил каждого двадцатого из знахарей и дал им на раздумье еще двадцать дней срока. И на третий раз советы знахарей не удовлетворили Субэдея. Он начал казнить каждого десятого из них.

В числе подлежащих казни оказался сын самого знатного девяностодевятилетнего знахаря, присутствовавшего на сборище. Только он знал, как можно погубить Улпа. Чтобы спасти сына, старик знахарь открыл Субэдею секрет: вырыть огромную глубокую яму, накрыть ее бревнами и хворостом, начать над ямой сражение с Улпом. Покрытие не выдержит Улпа, и он свалится в яму. Субэдей все это исполнил.

За это время Субэдей одержал победу над чувашами. Остатки их вынуждены были убежать в дремучие леса.

Улп посмотрел наверх и увидел ворона, попросил его сообщить чувашам, что он томится в яме, пришли бы они спасти его. Ворон же ответил: «Умирай, умирай. У мертвого я глаза твои выключю».

Так же ответила сорока.

Лишь дикий гусь передал сражающимся из последних сил чувашам просьбу Улпа: «Привезите для моего спасения сорок возов пищи и веревку длиной в сорок аршин».

Чуваши привезли и успели передать Улпу сорок во-

зов пищи. Но Субэдей и его воины узнали об этом, перебили приехавших к яме чувашей, завалили камнями и землей и ушли.

Улп, поев привезенную пищу, обрел силу, столкнул с себя камни и вышел из ямы. Он явился к чувашам и разгромил войско Субэдея. Но чувашаи так и остались в лесах.

155. Мост Азамата

Близ горы Арамази жил богатырь Улп и держал несметное количество скота. Но однажды начались невиданной мощи грозы, дождь полил как из кадки, лавинами неслись воды с гор и затопили луга в долинах. Три дня и три ночи спасал свой стада Улп, однако не справился.

На помощь пришел богатырь-кузнец Азамат: он за неделю построил величественный железный мост, сверкающий семью цветами. Мост протянулся от горы Арамази до широкой долины Волги. Улп с матерью перегнал по этому мосту весь свой скот и поселился здесь.

А мост исчез. Лишь его изображение появляется летом во время дождя. Чувашаи называют его мостом Азамата.

156. Земляной мост богатыря

Исменецкие места с давних пор отличались лесами. С берегов Волги и дальше — все лес и лес.

В дремучем лесу жили богатыри. Это было давно, и поэтому никто не знает, где и как они жили. Но слава о них и следы их сохранились до сих пор. Вот и мост из земли, что находится по дороге к Буристскому лесоучастку в лесу, напоминает об одном из этих богатырей.

Шел богатырь по лесу. В лаптях накопилось у него много земли, и она мешала ему идти.

Снял богатырь один лапоть, высыпал из него землю в

овраг — образовался земляной мост. Он находится у ручья Ту. Если будешь в лесу за грибами или брусникой, заметь и спроси об этом.

«Это мост богатыря», — ответят именецкие жители. Мост этот знают все, а вот где высыпал землю богатырь из другого лаптя — до сих пор никто не знает.

157. Богатырь Суреч

Старик-мокша Суреч жил девяносто девять лет и умер при моей матери. Ходил он на медведей, а оружие-то его: кинжал с крестовиной да рогатина дубовая. Брал с собой меру картошки и ковригу хлеба. С этим он шел на медведя. Случалось даже, что спасал незадачливых охотников с ружьями.

Старик он был высокий, но в драки не лез — боялся убить человека. Плел он лапти, а лыко носил на себе за двенадцать километров. Ноши связывал по пять пудов, а иногда и больше.

Как-то раз поймали его с лыком при обходе два лесника. Всё припомнили: сколько лыка он перетаскал. (А тогда строго было — для лаптей не хватало лыка).

— Что с ним делать? Давай к пню привяжем, пусть комары поедят его! А на обратном пути отвяжем его.

Привязали к здоровенному ветровальному пню, а ствол повыше отпилили. Ушли лесники по просеке, не видно уже стало. Суреч опустился на колени, подлез под пень, поднялся и кое-как понес. Четыре версты до пасеки тащил, а там пчеловод развязал его.

Приходят лесники — нет ветровального пня, нет и Суреча. Куда же он исчез? Так и не поняли.

Через неделю пошел лесник к тому пчеловоду — меду поестъ. Заходит, а у сенеи лежит тот пень.

— Откуда?

— Да Суреч на спине притащил...

— Да там же корней, земли сколько!

Заинтересовался лесник, принес как-то весы. Двадцать пять пудов потянул этот корень!

Об Иване Заикине я вот что слышал. Рассказывали: родом он из Талызина. Жили тогда бедно. Но сила Заикина проявилась еще в детстве. Играет, бывало, с мальчишками, поднимет амбар за угол и положит туда картузы их. А им не поднять.

Когда немного повзрослев, начал ходить в лес, то стал он носить на себе бревна. Пойдет в лес, срубит дерево, принесет домой. Бревно дома! Так строил себе двор. Лесник спохватился. Что такое? Дерево срублено, а следов больше никаких нет. Пришел лесник к нему, спрашивает:

— Как это ты делаешь? На чем возишь?

— На себе ношу.

Не верит.

— Ну-ка покажи, принеси, дам еще бревно.

Пошел вместе с лесником, срубил, принес домой.

Богатырь Иван Заикин в молодости в Атяшеве пас стадо свиней. А богач этого села строил ветряную мельницу. Собрал он всех здоровых мужиков села, хорошенько угостил и сказал:

— Теперь отдохните, а потом будете поднимать мельничные жернова — два тяжелых камня.

После отдыха собралась артель жернова ставить. Смотрят, а они уже на месте. Всполошились. Как же так? Не сами же они на место легли? Соседский старик и говорит:

— Это вот пастух Ваня их поднял и положил на место, пока вы отдыхали.

Так все узнали о силе Ивана Заикина. И послали его учиться к Поддубному. Стал он позднее великим российским богатырем.

Любил он бывать на ярмарке, любил детвору, а дети любили его. С собой он всегда носил медные деньги, давал ребятишкам на сладости. Бегом бежали они к нему, а потом покупали пряники, конфеты. Однажды они не поделили эти монеты и подрались. Заикин засмеялся, собрал с их голов картузы, подошел к амбару, поднял за угол и положил туда. Ходит детвора по пятам, просит:

— Дядя Ваня, отдай картузы.

- Будете еще драться?
— Не будем. Отдай картузы.

Подошел, поднял угол амбара, ребятишки взяли свои картузы.

159. Фадей Шамонин

Фадей Денисович Шамонин, по-уличному Фотька, имел огромный рост — два метра. Его шубу одевали два обычных человека, да еще по две руки засунут в один рукав.

Тогда сельские мужики в свои леса и луга ездили окружным путем, через Новую Потьму, чтобы миновать барских сторожей. Фотей же едет напрямую, с ним соберутся подвод десять—пятнадцать. Платят ему по три копейки за защиту. Сторожа как услышат, что Фотей едет, хоть барский лес руби — никто не подойдет.

Фотька всегда на возу шестерик (дубину) держал, но грабителем не был, а справедливо защищал. Раз зимой на мосту у Зубовой Поляны сторожа с объездчиком отбирали все у мужиков: топоры, потники, тулупы. Гору добра наложили. Объездчик, хотя и слышал, что «Фотька едет», но надеялся на своих лесников — много их и все здоровые. Наконец на возу подъезжает Фотька (к тому времени уж старый стал). Объездчик кричит:

— Ты что лес грабишь и другим помогаешь?

А тот:

— Не надо их обижать, отдай все. Лес не ты нам дал.

А объездчик его плетью. Фотька предупреждает:

— Я сильный! Меня нельзя трогать.

Объездчик рассвирепел и еще ударил. Тогда спрыгнул с воза Фотей, одной рукой схватил объездчика за бороду и бросил через перила моста. Объездчик ударился головой об лед.

Потом приехал следователь, допросили. Для пробы силы велели двадцатипятипудовую строительную «бабу» для забивания свай перенести в сарай, а Фотька отнес ее по лестнице к следователю. Тот уж потом просит:

— Вынеси ее назад.

Что бы они делали, если б он ее там оставил? И сказали ему:

— Судить тебя мы не можем. Объездчик ведь знал, что ты такой сильный. Иди домой.

В другой раз Фотей боролся с «ручным» медведем. Медведь стал стонать от боли, и Фотька бросил его. Но когда Фотей отвернулся, то медведь по-звериному, сзади, бросился и разорвал шубу Фотея. Тогда тот одним ударом убил медведя.

160. Богатырь Урем

Помещик, прибыв захватывать альменевские земли, привел с собой богатыря и предъявил народу требование: «Не победит ваш человек моего богатыря — земля ваша станет моей».

В деревне Поганкино жил чувашский богатырь Урем. Он из лесу на своей спине притаскивал по тридцать дубовых кражей. Чувашаи обратились к Урему. В то время он как раз возвращался с бревнами на спине.

Урем говорит народу: «Вы идите. Я скоро приду».

Урем пошел домой, съел целую печь пирогов и вышел бороться с помещичьим богатырем. Урем поднял его и бросил на землю. Оказалось, что у помещичьего силача переломилась нога.

Увидев это, помещик признал поражение, отказался от притязаний на землю чувашей.

161. Савруш

Близ деревни Урмандеево (Саврашпус) Аксубаевского района Татарстана имелся большой лес. У леса, говорят, произошло кровавое побоище между монголо-татарами и болгарами.

После сражения болгары похоронили тела погибших

воинов на поляне в глубине леса, пробираясь туда по звериным тропам. На могилах установили каменные надгробия, которые стоят и поныне.

Здесь был похоронен сражавшийся с монголо-татарами герой Савруш-батыр. Он каждую весну, когда начинают зеленеть деревья и всходит трава, в полночь воскресает, будит соратников. Все садятся на лихих коней и по Старосаврушской дороге отправляются в Биляр — последнюю столицу Болгарского царства. Через дремучий лес при лунном свете выходят к месту города — к Билярской горе, чтобы спасти его от чужеземных захватчиков. Но не находят города: он сравнялся с землей, его пепел разнес ветер.

На весь лес раздаётся громкое рыданье Савруша. Он ложится на землю, обнимает ее и горько плачет. Его соратники, видя невыносимое горе, удаляются в лес, держа коней на поводу. Небо закрывают темные грозовые тучи. Духота. Вековые дубы низко кланяются в сторону Билярской горы. С нее стекает мощный источник — слезы тысяч болгар, погибших при защите Биляра.

«Не подоспел, опять не подоспел!» — убивается Савруш уже семьсот с лишним лет.

162. Мячин

Однажды тут Мячин был, на заводе работал. И вот как подшутил он. Он больно силен был. Семь семериков взял за цепь и стащил в воду.

Лошади пришли, руду надо вешать — гирь нет. Кто-то взял.

— Ну, — Дубровин говорит, — окромя Мячина никому.

Мячин сперва не сознавался, а потом залез в воду, загремел цепью, вынес на берег семерики и положил.

Дубровин похлопал его по плечу и говорит:

— Ну, я силен, да ты посильней меня!

163. Про Никитушку Ломова

На Волге в тридцатых годах ходил силач-бурлак Никитушка Ломов. Родился он в Пензенской губернии. Хозяева судов дорожили его страшной силой: работал он за четверых и получал паек тоже за четверых. Про силу его на Волге рассказывают чудеса; памятен он и на Каспийском море.

Плыл он раз по этому морю, и ночью выпало ему быть вахтенным на хозяйском судне. Кругом пошаливали тухменцы и частенько грабили русских; надо было держать ухо востро. Товарищи уснули; ходит Ломов по палубе и посматривает. Вдруг видит лодку с тухменцами, человек с двадцать. Он подпустил их вплоть; тухменцы полезли из лодки на борт, а Ломов тем временем, не будя товарищей, распорядился по-своему: взял шест в руку толщиной и ждет.

Как только показалось с десяток тухменских голов, он размахнулся вдоль борта и смел их в воду. Другие полезли — то же.

Те, что в лодке остались, пошли наутек, но и их Ломов в покое не оставил: взял небольшой запасной якорь с кормы да в лодку и кинул. Якорь был пудов пятнадцать; лодка с тухменцами потонула. Утром на судне проснулись, он им все и рассказал.

— Что же ты нас не разбудил?

— Да чего, — говорит, — будить-то? Я сам с ними управлялся.

В другой раз въехал он где-то на постоялый двор, а после него обозчики нагрянули. Ему пора выезжать с двора, а те возов перед воротами наставили — ходу нет.

— Пустите, братцы, — говорит Ломов, — я раньше вас приехал, мне пора. Впрягите лошадей и отодвиньте воза!

— Станем мы, — говорят возчики, — для тебя лошадей впрягать! Подождешь!

Никитушка Ломов видит, что словами ничего не поделаешь, подошел к воротам, взял подворотню и давай ей возы раскидывать во все стороны. Раскидал и выехал.

С одним купцом на Волге он хорошую шутку сыграл.

Идет как-то берегом, подходит к уездному городу. Стоит город на высокой горе, а внизу пристань. Вот идет он и видит: мужики около чего-то возятся.

— Чего вы, братцы, делаете?

— Да вот такой-то купец нанял нас якорь вытащить.

— За много ли нанялись?

— Да всего за три рубля.

— Дайте-ка, я вам помогу!

Подошел, раза три качнул (а якорь не меньше как в двадцать пять пудов) и выворотил якорь с землей вместе. Мужики подивились такой силе. Бежит с горы купец, начал на Ломова и на мужиков кричать:

— Ты зачем кричит, — им помогал? Я тебя рядил?

Вынул вместо трех рублей один рубль и отдал мужикам.

Те чуть не плачут.

— Будет, — говорит, — с вас!

Сам ушел домой. Ломов и говорит:

— Не печальтесь! Я с ним сыграю шутку; только после как деньги получите, водки мне штоф поставьте.

Взял якорь на плечо и попер его в гору. Навстречу баба с ведрами попалась — дело было к вечеру, — увидела она Ломова, думала, что сам нечистый идет, вскрикнула и упала замертво. Ломов взошел в гору, подошел к купцову дому и повесил якорь на ворота.

Вернулся к мужикам и говорит:

— Ну, братцы, теперь он и тремя рублями не отделается; снимать-то вы же будете! Смотрите, дешево не берите.

Мужики его поблагодарили и после большие деньги взяли с купца.

На Волге, бывало, Ломов шутки с бурлаками шутил.

— Ну, братцы, кто меня перегонит? Идет на полштоф?

— Идет.

— Я побегу бечевой, под каждую руку по девятипудовому кулю возьму, а вы бегите порожние!

Ударятся бежать, и всегда Ломов выигрывал.

На Волге, около Жигулевских ворот, находится наше село Царевщина.

Славными удалыми молодцами были наши прадеды. И когда к нам приходил Степан Разин, то в его отрядах, рассказывают старики, находилось много и наших сельчан.

Был один такой у нас молодец, удалой и лихой, которому сам Разин дал имя Сокол.

Дни и ночи он проводил в боевых походах вместе с Разиным. С виду он красавцем был, на деле — огонь. Он был первым помощником Разина во всем, а силы его на добрый десяток мужиков хватало бы.

Вот с тех пор и пошла с него в нашем селе фамилия Соколовых. Праправнук его Сергей Александрович Соколов и ныне жив.

165. Роцин и Чудаков

А то вот как Роцин с Чудаковым встретился.

Чудаков был здоровый и сильный парень. А Роцин искал себе сильных людей в компанию.

Вот пошел Роцин к Чудакову.

— Давай, — говорит, — силой померимся.

— Да я не хочу.

— Нет, давай померимся!

Чудаков стал бороться с Роциным, да не всерьез, а Роцин это заметил:

— Ты не поддавайся, а то я тебя боюсь.

— Ты не бойся, — говорит Чудаков, — я тебя не трону.

Схватились они снова. Роцина как не было — по колено в землю ушел.

— Вот как по-нашему! — говорит Чудаков.

— Молодец, — говорит Роцин, — я тебя к себе в компанию возьму.

И стали они товарищами [...]

Роцина звали Василий Иванович. Был он как наговоренный. Простая пуля его не брала. Он, бывало, говорит:

— Напрасно мучаются царевы слуги, за мною бегают. Все равно меня не возьмут.

Медью его убили, враг подстерег. А то бы ни за что его не убить. От него пули отскакивали, не брали.

166. Богатырша

В старину в деревне Нижарово (ныне Янтиковского района) жил один богатей. У него была сноха-богатырь.

Однажды к ним явились разбойники. Сноха велела остальным членам семьи спрятаться и не показываться разбойникам. Сама приготовила обед и начала угощать незваных гостей обедом и пивом. Принесла она орехов, взяла горсть и говорит гостям: «Чет или нечет?»

Те ответили.

Она опять: «Скорлупу будем считать или ядрышки?»

Разбойники говорят: «Ядрышки!»

Хозяйка тогда сдавила в горсти орехи и сразу все раздавила.

Разбойники переглянулись между собой и решили, что им лучше всего отсюда убираться подобру-поздорову, и ушли восвояси.

167. Девушка-богатырь

В маленькой деревушке Моркиял, в сторону села Пома-ры, в старину жили отец с дочерью. Однажды к ним втроем явились мурзы, их грабить. Они говорят:

— Ты хозяин, на такой-то день зарежь для нас своего барана.

Ох и начал отец горевать:

— Дочь моя, — говорит, — что же нам делать?

— Не горюй! — отвечает дочь. — Вот увидишь, все будет хорошо. А барана зарежь!

В назначенный день явились мурзы. Спрашивают:

— Ну, хозяин, зарезал барана?

— Зарезал.

— Собери обед!

Вынесли барана. Мурзы едят. Насытились и стали выходить из-за стола.

— Чу... чу, сидите, покушайте еще орехи! — сказала дочь.

Грабители сели и начали грызть по одному ореху и то с трудом.

Девушка говорит:

— Так что ли грызут орехи?

Взяла орехи в горсть, зажала, и только послышалось шыр-шор, сразу их раздавила, только скорлупа разлетелась.

Грабители глаза свои выкатили. Что-то говоря про себя, лыды-лыды, исчезли из избы. Испугались. Девушка была богатыршей. Даже отец об этом не знал.

168. Бой казачки с богатырем

Появился раз в Москве богатырь; никто на бою с ним сладить не мог.

Только одна казачка в лавочке, на торгу сидела (сердце у нее разгорелось) и говорит:

— Я с ним драться пойду!

Стали ее уговаривать:

— Куда тебе?

То, другое, нет — пойду да пойду. Говорит казачка богатырю:

— Хочешь со мной до разу биться?

— Пожалуй, — говорит.

Богатырь выпил в кабаке восемнадцать шкаликов, а казачка — всего семь. Вышли. Заклад был положен за богатыря двести рублей, а казачка сама за себя положила — за нее никто не клал. Стали конаться, кому первому бить. Выпало бить богатырю-бойцу.

Вот он развернулся да как ударит — казачка посинела индо вся и упала; потом опамятовалась, пошла выпила восемнадцать шкаликов, сняла с себя всю одежду — осталась только в одной рубашке в коротеньких рукавчиках и говорит:

— Ну, теперь стой! Я ударю.

Тот говорит:

— Да я тебя с ног сшиб, чего же бояться-то?

— Если б, — говорит, — ты меня убил, тогда так, а я еще жива.

Ну, присудили сызнова им стать. Вот казачка развернулась да как ударит в самый хрип московского богатыря — так индо сердце на кулаке так вынесла!

— Вот как, — говорит, — по-нашему-то бьют!

Богатырь и не дрогнулся.

Все диву дались, откуда у казачки сила такая. А у ней муж был.

— Не стану, — говорит, — я с такой жить. Какая ты баба? Ты меня убьешь, пожалуй!

Казачка и говорит:

— Нет, я против тебя, моего закона, ничего не сделаю, все от тебя перенесу.

И зажили опять, а то было муж бросить ее хотел.

169. Падение Волжской Булгарии

Говорят, когда враг захватывал чувашскую столицу, чуваша очень сильно сражались с завоевателями. Даже дети привязывали к кнуту камни и бросали их во врагов. Если у воинов сгорали тетивы луков, то женщины, говорят, резали свои косы и давали воинам для устройства тетив.

Как началось вторжение монголо-татар, чувашский царь не успел собрать все свое войско. Он направил гонцов во все концы царства, чтобы воины собрались к нему.

Но в царском войске был один предатель. Он уничтожил всех царских гонцов. Царь сильно беспокоился.

В это время к нему явились чувашские батыры — всего сорок один.

«Пошлите нас против врага», — говорят они царю. Батыры не раз побеждали врагов, они были уверены в своей силе.

Но предатель успел сообщить монголо-татарам о батырах. В сражении батыры остановили врага ценою своей

жизни. Они все погибли. В это время подросел царь со своим войском и разгромил врага.

Чуваши сложили песню о сорока одном батыре. И поныне в одной песне поется, что сорок одного батыра приняла земля, сорок одна мать их ослепла от слез, сорок одна девушка поседела от горя.

170. Как земля спасла русского богатыря

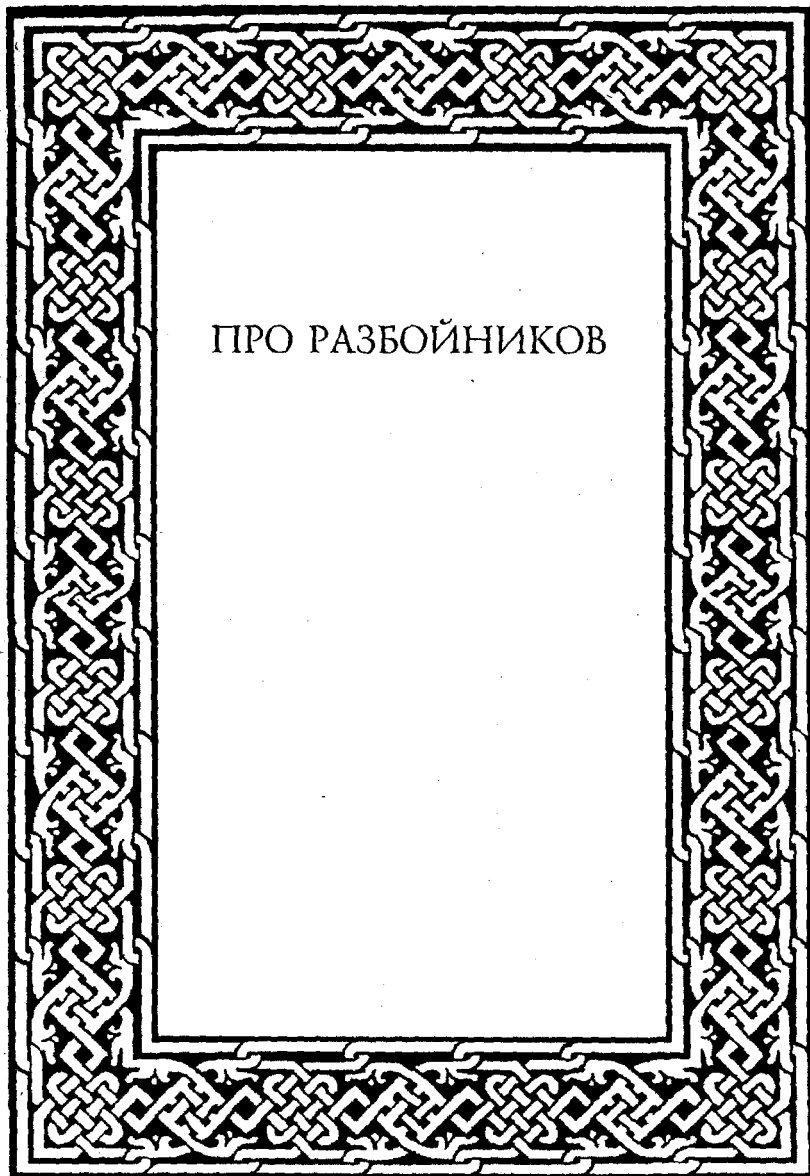
Повыше села Кадницы есть такое место, где в Волгу впадает Кудьма и посреди реки широкий, большой остров. Гора там крутая, высокая и на ней есть такое место — словно на самой середине ступенька огромная, а у края ее, ближе к реке — возвышение.

Место это известно многим, кто по Влге плывал. Старики-волгари из Кадниц рассказывали: там битва была страшная. И вот как раз на самом верху кадницкой горы татары оттеснили к краю, к обрыву русского богатыря, он остался совсем один. Отбивался мечом, рубил их. Но видит: дело плохо, отходить надо, а помощь не подходит. А татары-то его уже совсем к краю теснят — ну, все!..

И он решился — скакнул на своем коне вниз. Сразу полгоры отмахнул! И гора тут же съезжала, как ступенька стала, чтобы богатырь жив остался и не убили. И вот от ступеньки этой богатырский конь оттолкнулся и на второй скок перемахнул протоку, на остров посреди реки улетел.

Татары погнались за ним. Спрыгнули на конях на ту самую ступеньку в полугоре. Но земля чужих не потерпела, видимо, расступилась, и они провалились на этом самом месте. И сверху их землей накрыло — там теперь тот самый холм возле обрыва.

Так волжский берег спас русского богатыря.

ПРО РАЗБОЙНИКОВ

171. Крутой

Жил когда-то в поселке Сейма мужик. Звали его Иваном Крутым. Только то ли Крутой фамилия его была, то ли прозвище, неизвестно. Скорее всего, в народе его так за силу прозвали: здоровенный он был.

Работал Иван лесничим на Юганце, там, где потом были построены военные склады, по ту сторону железной дороги. Случилось так, что люди купца Бугрова урезали его земельный пай. Слухи были, что даже совсем отняли землю у Ивана Крутого. И стал он мстить людям Бугрова. Чем? Да просто кулаком. В любой деревне здоровенного мужика всегда уважают. Кто силен, тот и хозяин. Такова природа человека: перед силой пассивать.

И он мстил! По дороге с бугровской мельницы в Нижний Новгород люди купца возили на продажу зерно, муку, прочие продукты; он один нападал на них и со всеми справлялся, а возы в реку Осовец сбрасывал порой вместе с лошадьми. Вот такой здоровый был! Но решётёвских жителей, в том числе и корсаков, не обижал, даже сеймовских не всех трогал, а лишь тех, кто его задевал.

Терпели его люди Бугрова, терпели, ну, а потом решились наконец и поймали: несколько десятков мужиков на него набросились и связали.

В деревне Ливанове, где церковь на площади, его самосудом убивали: несколько десятков мужиков колотили его оглоблями. Поповна, дочь местного священника, спряталась дома за занавеску и оттуда наблюдала такое диво: Крутой после удара оглоблей поднимался снова... Из рта, носа и ушей у него кровь текла, а он все стоял и умирать не хотел! Поповна потому за занавеску спряталась, что беса этого не на

шутку испугалась... Но насмерть его все-таки забили. Слухи о силе Крутого, силе дьявольской до сих пор пугают местных.

172. О разбойниках

И до сих пор берега Керженца верст на семьдесят вверх совершенно пустынно и покрыты лесами и болотами, да и лет двести-триста назад здешние места были не населены, между тем как Поволжье было уже усеяно селами, а в городах и некоторых селах стояли остроги с ратными людьми и пушками. Разбойникам удобно было укрываться по рекам, впадавшим в Волгу с левой, пустынной стороны — Керженцу и Ветлуге.

При первой вести о торговых караванах, черепашьим ходом плывущих в верховые города, при малейшей оплошности со стороны оберегавшей Волгу рати государевой удалые молодцы на легких «косных» выходили из своего мрачного притона, зорко следили за добычею. Подъехав враспloh к каравану, одним криком атамана «Сарынь на кичку» (слова, которым суеверный народ наш и до сих пор приписывает магическое действие) останавливали целые караваны и без всякого сопротивления со стороны как бы заколдованной толпы судорабочих грабили всякое добро на судах, без разбора: было ли оно государево или патриаршее, монастырское или боярское, торговых людей или иноземных гостей.

Ограбив караван, разбойники возвращались с добычею назад, в свои недоступные ни народу, ни правительству притоны и там при громких песнях и разливных попойках «дуван дуванили», то есть делили награбленное.

173. Бармино

Давно это было, очень давно, говорят, еще до взятия Казани царем Иваном Грозным.

Жил в ту пору здесь, в дремучих лесах дубовых, что росли по высокому берегу Волги, или, как у нас зовут, Венцу, разбойник отчаянный с шайкой удалцов преданных. Проживали они будто бы в пещере глубокой, и выходила эта пещера громадная из горы к самой реке.

Звали того атамана Бармой и происходил он вроде как из жителей одного марийского селения, которые изредка встречались тут среди густых лесов и непроходимых зарослей.

Громкая слава о Барме шла по всей реке русской от Нижнего до Казани, а то и далее — по притокам и заволжской стороне. И не было среди господ да хозяев барок и паузков волжских, пожалуй, ни одного такого богача, которого бы не пощупали разбойники Бармины. В ночной тиши быстро скользила по водной глади легкая на ходу лодка, бесшумно причаливали разбойники к борту плывущей баржи, и тут же разбегались по палубе... Мгновение — и скручен задремавший сторожевой, а у выхода из каюты уже застыли вооруженные разбойники. Атаман строго приказывал растерявшемуся и перепуганному хозяину сдать без сопротивления все самое ценное. Владельцу судна ничего не оставалось, как раскошелиться и безмолвно выполнить требование предводителя грозной шайки.

Но бывало и так, что хозяева судов груженных, подплывая к страшному для них месту, собирались вместе, запасались камнями да кольями и пробовали сообща отбиваться от смелых разбойников. Однако и тут кого-то из них обязательно ждала неудача. Барма умел поворачивать дело так, чтобы отбить от большого каравана одно судно. А потом атаман и его помощники уводили судно это в сторону и там без труда расправлялись со своей добычей.

И вот затаили хозяева всех мастей злобу черную против Бармы и его друзей. Тут, сказывают, вскоре и смельчак среди них выискался, вроде бы кто-то из нижегородских... Молодой да сметливый, затеял он покончить с атаманом и его шайкой смелой. Была у него баржа небольшая, возил он на ней грузы и свои, и других хозяев. И вот что он придумал: запас камней больших да увесистых, приказал бурлакам своим уложить их рядом на палубе вдоль бортов, самим же в трюм спать уходить не велел, а пристроиться тут же поблизости, бодрствовать и ждать его сигнала.

Как только приготовление было закончено и наступила темнота, вывел хозяин тот судно свое на самый стрежень да и повел его с припасом страшным к тому месту, где разбойники-то пошаливали. Плывет эта баржонка-то хозяйская по Волге, к опасному месту приближается. Барма с друзьями издалека заприметил это судно, ведь у него где-то на горе пост наблюдательный был. Ничего не подзревая, поехали разбойники наперерез барже.

Лодка их тихо подплыла к судну, привычным движением ухватился Барма за смоленый борт...

В этот миг на барже раздался пронзительный свист, и сразу же, как по команде, в разбойничью лодку посыпались сверху десятки увесистых камней. Многие из разбойников были тут же убиты, другие — сильно ранены. Под тяжестью лодка быстро пошла ко дну.

Так погибли Барма и его отчаянные помощники. Погибли, а народная молва о них сохранилась на многие века. Живет она и сейчас, и не только в памяти людской, но и в названии села, которое якобы появилось недалеко от барминской пещеры и тех мест, где гуляли атаман и его лихие разбойнички.

174. Ляля

Давно это было, даже старики стали забывать.

Стало быть, в ту пору на горе, покрытой соснами, сквозь которые и неба не видать, появились разбойники. Атаман прозывался Лялей. С той поры и гора называется Лялиной. Иди по всей лапшангской стороне до самой Шуды — и везде видна Лялина гора.

Разбойники грабили купцов, которые плыли по Ветлуге мимо горы, а бедных не трогали.

Был у атамана помощник — Бархотка, большой силы и красоты человек! Среди дремучего леса, недалеко от горы, стоял починок. Жила там девка Шалуха, прозванная так за озорство. Девка красивая, сильная и смелая: одна с рогастиной на медведя ходила.

Однажды Бархотка увидел Шалуху. Кровь заиграла в

молодом разбойнике. Понравилась ему девка. Он подошел к ней и хотел обнять. Она такую затрещину ему отвесила, что он чуть с ног не свалился. Осерчал Бархотка. Обидно, вишь, ему стало, что баба оплеуху дала. Он взялся за нож. Шалуха держит рогатину и смеется:

— Полезешь — брюхо распорю.

Понял Бархотка, что девка не из робких, и полюбил ее. Она его тоже полюбила. Бархотка похаживал к Шалухе. Ляле это не нравилось: завидно было. И невзлюбил атаман своего помощника, всякую неудачу валил на него. Разбойники разгадали ссору и разделились: кто за Лялю, кто — за Бархотку.

Понял атаман, что дело плохо, собрал он всю ватагу:

— Раньше мы с Бархоткой дружно жили, не ссорились. А как появилась проклятая баба, так и пошло все кругом. Я хочу помириться. Насчет бабы — кинем жребий: кому достанется — тот и хозяин.

Разбойники ждут, что скажет помощник.

Бархотка посмотрел на них:

— Негоже браниться из-за бабы. Мы поссорились, нам и мириться. Не придем к согласию — тогда мы вас позовем. И как вы решите, так и будет.

— Знаешь ли ты, что у князя Лапшангова жена — красавица? — спросил Бархотка Лялю.

— Слышал. Видеть не приходилось.

— Согласен ли ты мириться, если я приведу тебе княгиню-красавицу?

— Как ты это сделаешь? У князя охрана большая.

— Это моя забота. Согласен ли ты?

— Коли так, то я согласен.

Бархотка нарядился князем. Одел в богатые одежды и своих дружков. Сели они в лодки и поплыли к Лапшанге, где жил князь.

Явились в усадьбу ночью. Княжескую охрану связали. Бархотка вошел в спальню княгини. Там было жарко. Одежда свалилась с кровати. Княгиня лежала посередь кровати. Проснулась, глядит на красавца. И так им залюбовалась, даже забыла об опасности. Залюбовался и Бархотка, глаз не сводит с красавицы. Закружилась голова у Бархотки от ее красоты. В глазах — туман, как облако. И

показалось ему, будто из-за облака смотрит Шалуха и качает головой. Он тряхнул кудрями — и тумана как не было. Вспомнил, зачем пришел, вынул нож из-за пояса.

— Одевайся быстро и не пикни, а то вот... — показал ей нож.

Княгиня оделась. Бархотка завязал ей рот, глаза, схватил на руки — и дай бог ноги...

Доплыли до Камешника, сошли на берег. Бархотка снял повязки с княгини. Она смотрит на него:

— Что будешь делать со мной?

— Отдам в жены атаману.

— Добрый молодец! Если уж такая моя судьба, — взмолилась княгиня, — так возьми меня к себе. Я согласна быть твоей женой, даже фавориткой.

Задумался Бархотка. Любуется красавицей, ее слова в душу заползли, растревожили сердце молодца.

«Что же делать? — думает он. — Такая полюбит крепко, но я дал слово атаману».

И показалось ему, что вместо княгини стоит Шалуха и как-то нехорошо на него глядит. Решил он быть твердым в своем слове...

Пришел Бархотка на место. Ляля стоит высокий, страшный, с одним глазом. Бархотка подошел к нему:

— Я свое слово выполнил. Вот тебе княгиня!

Ляля подошел к ней и хотел взять ее за руку, она как закричит:

— Уйди, чудовище! Убейте меня!

Она упала. Стали ее отхаживать, облили лицо холодной водой. Говорят, холодная вода помогает благородным. Открыла глаза, увидела Лялю и опять закричала:

— Уйди, чудовище!

Ляля осерчал.

— Снимите с нее сапожки и водите босиком по лесу, куда она не перестанет дурить.

Водили княгиню по лесу день, другой, третий, а она все свое твердит. Ляля разозлился, отвел ее на самую вершину горы и убил. Схоронили красавицу под самой большой елкой. Уснула она навеки. Спит среди дремучих лесов. Поет ей лес свои песни, зимой вьюга шумит, волки воют, весной кукушка-горюшка выкладывает грусть-тоску.

В ту же ночь ушел Ляля с ватагой в другое место. Говорят, много народа осталось зарытым на горе и на дне Ветлуги.

Бархотка остался с Шалухой. Они поженились. Долго жили, любя друг друга. Много детей у них было. От Шалухи пошел большой род Шалухиных. Починок с той поры называется деревней Бархатиха.

175. Лялины горы

Давно в старину в ветлужских лесах гулял со своей шайкой разбойник Ляля (говорят, что это один из атаманов Стеньки Разина). Он был храбр, красив, умел держать в руках шайку разбойников — все подчинялись ему беспрекословно. Разбойники грабили богатых купцов, помещиков, а бедных людей не трогали.

В Ченебечихе был монастырь, в котором было много золота. Ляля, который со своей шайкой жил на горах у самой реки Ветлуги недалеко от Варнавина (теперь Лялины горы), часто подступался к монастырю, но он хорошо охранялся, поэтому в него разбойники долго не могли ворваться.

Ляля проложил от реки Ветлуги до монастыря прямую дорогу и, собрав всю свою шайку, напал на монастырь и взял его.

Разбойники сбросили колокол с церкви в реку Большую Какшу, а монастырь разграбили.

Золото Ляля с разбойниками положили в бочку, опустили бочку в озеро, привязав ее цепями к пню.

Многие искали этот клад, но никак не могли найти. Однажды трое кладоискателей ровно в полночь нашли эту цепь. Но как только один из них взялся за цепь руками, из воды вышел разбойник Ляля и закричал громовым голосом.

Кладоискатели пустились бежать по лесу домой.

Некоторые смельчаки потом несколько раз приходили на это место, но цепи там уже не было. А монастырь в настоящее время не сохранился. Старики по-

мнят часовню, которая стояла на развалинах монастыря.

С той далекой поры место на горах над рекой Ветлугой называют Лялиными горами.

176. Саввин бор

Недалеко от города Ветлуги есть деревня Хохониха. В давние времена ею владел помещик Яблоков. Старостой в деревне был Савва. Он не то что другие старосты и бурмистры — никогда не обижал крестьян, а все больше заступался за них. Вот раз в Хохониху приехал на тройке белых лошадей сам Яблоков. Вызвал он к себе старосту и говорит:

— Сегодня вечером я приеду с друзьями. Собери с жителей денег и устрой нам праздник...

Вечером Яблоков приезжает в Хохониху и идет к Савве. Но Савва собрал мало денег, и праздник не состоялся. Рассвирепел тут боярин и приказал своим слугам высечь Савву. И здесь же на его место назначил другого.

На следующий день Яблоков снова приезжает в Хохониху с друзьями. Новый староста был услужлив и выжал из крестьян все, но устроил по случаю их приезда праздник. Изрядно выпив, помещики потребовали, чтобы староста привел им для потехи молодых крестьянских девушек. Жители, узнав об этом, взбунтовались. Бунт возглавил Савва. Господа начали стрелять в крестьян, те ответили им. Завязалась перестрелка. В этой перестрелке Савва ранил Яблокова и с небольшой группой людей ушел в лес к Соловецкому озеру.

Прощаясь с Саввой, мать надела ему на палец кольцо и сказала: «Сынок, носи это кольцо и никогда не снимай с пальца. Оно будет хранить тебя от вражьей пули, от смерти. Кольцо-то волшебное. Досталось оно мне от бабушки».

Савва поблагодарил мать и ушел.

И стал Савва разбойником. Отряд его жил в лесу, грабил обозы, купцов, нападал на помещичьи усадьбы. Часто им приходилось вступать в кровавые схватки, а иногда и терять своих товарищей. А Савва всегда дрался

бесстрашно, первым шел в бой. Один раз, выйдя к реке Ветлуге, отряд Саввы увидел баржу и решил напасть на нее. Перебив охрану, они захватили баржу, на которой было много богатств. В каюте воины Саввы обнаружили красивую молодую девушку. Оказалось, злые люди увезли ее от отца с матерью, чтобы продать богатому князю. Увидев девушку, Савва влюбился в нее, да и сам он приглянулся девушке. Словом, любовь была взаимной, и атаман решил взять ее в жены. Они сыграли пышную свадьбу, на которой гулял не только весь отряд, но и жители соседних деревень. Богатство, захваченное на барже, разбойники поделили между крестьянами, но часть золота Савва закопал на гриве.

На следующий день после свадьбы девушка попросила посмотреть у Саввы кольцо. Он снял его и дал девушке, а сам пошел с разбойниками на большую дорогу. Разбойники не видели, что к ним движется большое войско, — правительство послало солдат разыскивать пропавшее с баржи богатство. Когда солдаты подъехали близко, отряд Саввы вынужден был вступить в бой, и они стали отходить. Но скоро Савва и его друзья были окружены. Тут Савва вспомнил, что кольцо осталось у молодой жены. Когда они отошли к своим землянкам, то хорошо поняли, что отступать больше некуда: солдаты заходили с тыла.

Отряд Саввы сражался храбро, но силы были неравны, и вскоре все друзья Саввы были убиты. Савва забежал в землянку к жене. Из его землянки шел потайной ход к гриве. Савва с женой вышли этим ходом на гриву, но и здесь уже были солдаты. Тогда Савва снял у жены с пальца кольцо, надел на свой палец, обнял жену и говорит: «Выручай нас, кольцо!» И вдруг между ними и солдатами помчался быстрый поток, а перед Саввой и его женой оказались ступеньки, ведущие прямо под воду. По ним оба спустились вниз, и река сомкнула над ними свои воды. Солдаты, увидев это, в страхе разбежались.

С той поры лес, что стоит недалеко от деревни Ченебечи, именуют Саввиным бором, есть там и Саввина грива — это место, где он якобы зарыл клад, взятый с баржи.

Через Саввин бор протекает Саввина речка, которая, по преданию, скрыла Савву с женой от врагов.

177. Галанькина гора

Есть близ нашего села Майдан на берегу Волги гора и называется она Галанькина.

Когда-то давным-давно на этой горе жил атаман Галана. Лет двести тому назад это было. На Волге он разбои устраивал, грабил богатые суда. Бедных атаман не трогал. Волшебное слово знал. Бывало, заговорит суда, они к нему и сворачивают. Али прямо на реке суда останавливал.

Кто противился, того убивал.

Вот та гора с тех пор так и называется.

178. Щедровка

Щедровка стоит в овраге на тракте Москва—Казань; так в старину говорили. И боялись этого села все проезжавшие тут купцы как огня. Щедровка считалась на тракте самым разбойничьим селом. Возле него все время по тракту какая-нибудь шайка гуляла и на проезжавших нападала. Так что, бывало, проедет купец это место по пути в Вад или в Арзамас и в церковь идет свечку ставить:

— Слава тебе, Господи! Эту Щедровку миновал и цел остался...

Особенно прославился в былые времена один атаман разбойничий. Сколько уж он богатых обозов побирав да купцов поубивал — так это страшное дело.

А в народе его уважали. И все потому, что чуть у него золото или там деньги завелись, так он уже в селе с бедняками делится, а то на дороге нищего остановит.

— На, — говорит, — братец, на пропитание.

И целую горсть золотых монет отсыплет. Так и прозвали люди этого атамана Щедрым. А по его имени уж и наше село так называть стали.

179. Поп Сорока

Возле Выксы в полутора верстах от завода в былом селе Решное, а ныне в поселке Досчатое на берегу реки Оки есть Успенская церковь. Известно это место ныне как Пристань попа Сороки.

Служил при этой церкви поп по прозвищу Сорока. Были у него три сына, занимавшиеся грабежами и разбоем на реке Оке, так что хозяевам или приказчикам судов, чтобы не получить большого урона, надо было в Решном на лодках приставать к берегу в этом месте и платить добровольно дань попу.

Рассказывали, в этих краях поперек реки — случилось — протягивали разбойники канат в темноте, и ни одно судно пройти уже не могло.

Останавливали его и начинали грабить.

Долго лютовал и бесчинствовал поп Сорока, пока царь не издал указ всех разбойников казнить. Сороку и сыновей его сослали в Сибирь на каторжные работы.

180. Параша

Как рассказывают старые люди, на том месте, где Балахна сейчас стоит, в давние времена большая торговая дорога проходила.

Места эти далеко по Руси красотой славились. И вот разнеслась весть, что как только солнце за лесом спрячется, выходит на дорогу девушка. Всю ночь веселит она купцов плясками дивными. А утром ни плясуньи, ни товаров. Пусты купеческие упряжки.

Как и куда исчезла красавица — никому неизвестно.

Осенят себя крестом и мчат без оглядки от того места люди. Но только не поубавилось народу на дороге. Велико было желание взглянуть на лесную деву, а кому — просто молву проверить.

Проживал в Нижнем купец один, Григорием его величали. Понаслышав рассказов о красавице, решил сам все проверить. Снарядил он обоз, мужичков что поплечистее

выбрал и отправился в путь. Вот путники к лесу заветному добрались, поляну поудобней нашли, ковры расстелили, а там и костер развели, ночь переждать приготуились. Пируют молодцы, а сами незаметно по сторонам посматривают. Кто со страхом, а у кого и надежда в глазах светится.

Близится день к концу. О чем-то зашептались листья берез с вечерним ветерком, пахнуло из глубины леса прохладой, прелым листом...

Видит вдруг Григорий: стоит у дерева девушка, прислонилась к стволу и на купцов смотрит, улыбается. Заметили ее и остальные. А она, сложив руки на груди, уж к костру приближается. Глянули на нее путники и замолкли — красой любуются.

Черная ее коса пряталась в складках красного сарафана. На высокий лоб упал черный как смоль завиток волос. Большие темные глаза как звезды блестели на бледном лице. Все в ней было какое-то особенное, вольное и по-своему прекрасное.

Встряхнула она плечами и плавно пошла по кругу. Пробежал ветерок по верхушкам деревьев, забеспокоилось пламя костра, вскрикнула в глубине леса встревоженная птица. Параша, так называли плясунью, начала свой танец... Озаренная светом огня, она кружилась, змеей извивалось ее гибкое тело, мелькали тонкие руки, и вдруг, широко раскинув их в стороны, стремительно приближалась к купцам, быстро притопывая каблучками. И, казалось, задень она собравшихся вокруг нее хоть краем своего платья — вспыхнут они огромным костром.

Долгим, очень долгим, был этот танец. А когда небо стало светлеть, из глубины леса раздался свист. На мгновение девушка замерла, а потом опять закружилась.

Исчезла она незаметно, словно растаяла среди темных стволов. Догорал костер. Из леса потянуло утренней сыростью. Как и следовало ожидать, утром люди не нашли ни красавицы, ни добра.

С той поры прошло немного времени. И вот, переодевшись в простой сермяжный кафтанишко да обув старые лаптишки, Григорий пристал к одному из богатых обозов, что направлялся в Нижний. Теперь он твердо решил выведать тайну плясуньи-красавицы.

На знакомой ему поляне все повторилось, как и прежде. И когда Параша незаметно скрылась за молчаливыми березами, Григорий, прячась за деревьями, тихо пошел вслед за нею.

Долго петляла девушка по лесным тропинкам. Наконец она выбралась к небольшой деревушке. Здесь она остановилась, вытерла шалью лицо, сняла с ног своих узорные парчовые сапожки и быстро пошла к деревне.

Григорий прилег на траву, решил переждать немного, а там и в гости пожаловать.

По всему было видно, что крестьяне в деревне жили небедно. Добротные избы, резные наличники, белые гладкие куры степенно прохаживались вдоль изгородей. На крыльце одной избы сидела бабка. Маленькая, сухонькая, пережившая все отведенные для нее годы, она дремала, грея на солнце свои старые кости. Григорий подошел и, назвавшись странником, попросил попить, а потом и на постой остановился.

Больше недели жил Григорий в деревне. Его заметили, а там и привыкли, за своего считать стали. А скоро пригласили и на «ночное веселье». Пошел он, а когда вернулся — долю свою старой Агафье отдал. Подобрее да поласковее стала старуха.

И тогда решил он про Парашу разузнать. Знает ведь что-то хитрая Агафья! Заулыбались морщинки на ее лице, понимающе взглянула на Григория и беззубым своим ртом прошамкала, что нет, не припомнит что-то такой.

— Слаба умом уж. Поди, сколько девушек в деревне, куда всех знать-то...

И попросила старая сходить после обеда на луга, принести сенца свеженького ей на печь. И морщинки опять зашевелились на лице старушки.

— Что же, схожу, — обещал он.

...Выйдя из леса на луговую тропку, Григорий зажмурился от яркого солнца. А открыл глаза — отшатнулся: перед ним стояла Параша. Простоволосая, с розовой лентой в косе, в светлом ситцевом платье, такая тоненькая и нежная, она смеялась, прижимая к груди белые ромашки. А Григорий ни слова вымолвить не мог, ни с места сдвинуться не решился: таким неожиданным было это видение...

Близилось к концу лето. Полюбил купец девушку. Молил уйти с ним в город, чуял сердцем, что не доведут до добра ее пляски...

Догадывалась обо всем, видно, Агафья. И вот, подсев как-то к Григорию, старушка стала рассказывать:

— Жил в одной деревне барин. Поставлял он к царскому двору ловчих птиц. Что у самого царя власти у него было. И служил ему главный ловчий, Егором звали... Красив, ладен собой был.

Свез как-то барин птиц во дворец, а вернулся злющим, в гневе был страшен. Сказывали, не угодил чем-то царю. Ну и давай ловчего тиранить. Все ему не так да не эдак. Пришел он один раз к избе Егора, зима в ту пору стояла лютая, и велел ему всем семейством на мороз выходить. Те — в ноги ему, дети малые плачут, жена Егорова-то руки ломает, молит барина детишек пожалеть... Да... Никого не пожалел, супостат. Из всей семьи живой одна Парасья и осталась — выходили добрые люди... Пряталась от глаз людских она долго. Дика, суший волчонок была. Да и барин, видно, побаивался что-то ее. И не зря. Года через два запылала барская усадьба. Никто из огня живым не вышел. За все заплатил злодей сполна.

Ушли люди из той деревни, далеко ушли. Искали их долго. Но не выдал лес тайны...

Ну, а Параша плясать выучилась. И пляшет так, что ветру завидно становится... Так-то, соколик... Только вот разохотились мужички-то наши что-то... Беды бы не было...

Умолкла старушка. Ее коричневое, с впалыми щеками лицо напоминало кору старого дерева. Слезились почти слепые глаза. Тихо проковыляла она к печке, с трудом взобралась и скрылась за занавеской.

...Осенью ушел Григорий в город. Взял слово у Параша, что когда вернется, она уйдет с ним из лесу. Но не пришлось им больше свидеться.

Как и предсказывала старая Агафья, выслеживать стали мужичков-разбойничков. Сам царь велел поймать плясунью и во дворец живой доставить.

Вот и выследили один раз Парашу. Схватили, скрутили ее веревками и объявили, что уготовлены для нее особые, страшные муки. Но и из лесу не успели солдаты

выбраться, как напали на них мужики, отбить хотели девушку. Да неравными были силы. И тогда один, умирая, подполз к Параше и вонзил нож ей прямо в сердце. Спас от мук и позора. Здесь же, в лесу, ее и закопали. И от тех времен лес этот так ее именем и зовется.

Вскоре повернула Волга свое течение и затопила дорогу. Высоко подмыла она берега Парашиного леса. А течение в этих местах такое быстрое и стремительное, какими были когда-то пляски лесной красавицы.

181. Про Катерину-разбойницу

Здесь на реке, пониже Нерядова и повыше Демешкина, есть глубокий овраг. Местные жители называют его Катеринкиным. Старые люди рассказывают, что название это пошло потому, что в овраге том жила разбойница по имени Катерина.

Катерина была сильная да ловкая женщина, к тому же еще, говорят, и колдовать умела. Рассказывают, что, бывало, как завидит Катерина-разбойница богатые купеческие суда, так и остановит их посреди реки. А потом сядет она на воду и так, на своем сарафане, без лодки и плота, плывет к тому судну, что посреди реки остановила. Вот подплывает она к судну, заставит купцов раскошелиться, возьмет деньги или ценности какие — и к берегу. Ну, а если хозяин заартачится и платить не станет, то Катерина на судно выходила и тут уж никому пощады не давала.

Награбленное добро и драгоценности какие Катерина-разбойница прятала в своем овраге. Знающие люди говорят, что и теперь в Катеринкином овраге есть немало золота.

182. Про разбойничьего атамана

Старики рассказывали, что в древние времена объявилась в здешних местах шайка разбойников. И не стало никому покоя ни под Курсунем, ни тут под Языко-

вом. Особливо боялись люди самого атамана шайки. Он любил ходить на разбой в одиночку или на пару с одним своим верным дружкой. Атаман ловил и грабил конных, пеших, в дороге и даже дома. Случалось, что встреченных по дороге купцов он забирал и, отняв их богатства, вздергивал толстосумов на деревья.

Вот, говорят, вышел он как-то раз ночью пограбить на большую дорогу. Идет он лесом, озирается по сторонам, при лунном свете добычу себе присматривает. И тут заметил разбойник двух путников вдаль. Притаился он за кустом и стал ждать, когда те поближе подойдут. Поравнялись путники с кустом, где разбойник сидел, и тот даже разглядел, что один из них был в монашеской ризе, а другой, судя по одежде, просто странник. Но тут луна зашла за облачко, и на дороге стало совсем темно.

Забилось тревожно сердце разбойника и понял убийца, что раздумывать было поздно. Дважды взмахнул он своим злодейским кистенем, и сразу же рухнули оба путника замертво. Разбойник обшарил карманы убитых, и нашел он в них всего четыре копейки. Он уже собирался бросить трупы за куст, где только что сидел, как луна вышла из-за туч и осветила лица убитых. Разбойник глянул в их сторону и в одном узнал родного отца... Упал он тут перед трупом отца на колени и, наверное, первый раз в жизни залился слезами.

183. Об удалых сестрах-разбойницах Парашке и Уляшке

Давно это было, может, сто годов прошло, а может, и поболее. Гуляли тогда в лесу под Балахной разбойники. А атаманами у них были две сестры-красавицы Парашка да Уляшка. Парашка была постарше, поудачливее Уляшки. И ватажка у нее была поболее. Зато Уляшка покрасивее Парашки была. Стан держали сестры на двух речках, что в Волгу пониже Балахны впадают. И хоть каждая со своей ватагой была сама по себе, но частенько сестры вместе нападали на ку-

печеские суда, которых много тогда ходило по матушке-Волге.

Гуляли сестры, страху не знали. Сколько крови было пролито, сколько человеческих душ было погублено — и не сосчитать. Но и то надо сказать, что бедный люд не обижали. И тем, которые не супротивничали, волю давали. А бурлаков всех, не трогая, отпускали, а других даже и к себе в ватаги брали, ежели, конечно, пожелают.

Вот так тут и жили. Ни конному, ни пешему спуску не давали. Большую добычу брали. Друг другу караваны грабить помогали.

Только вот не знаю, с чего получилось между ними вражда: то ли добычу не поделили, то ли обеим один добрый молодец понравился. Только дружба у них пошла врозь.

И вот как-то большой караван по Волге шел. Парашка со своей ватагой одна решила его взять. А с караваном-то солдаты плыли с ружьями. Схватилась с ними Парашкина ватага, да не осилила. Убили Парашку, и половина ее молодцов с нею полегла.

Уляшка прискакала на место сражения-то, да поздно было. Уплыл караван, а убитых на берегу Волги бросили.

Оплакала Уляшка свою сестру и похоронила ее в одной могиле с убитыми разбойниками в лесу под Балахной.

А Уляшка со своей ватагой вскорости куда-то пропала. Ушла, видно, в другие места.

Долго помнили люди о них. Боялись ходить этими местами. А лес, где похоронили Парашку, стали звать ее именем. И речку, на берегу которой станом стояла Уляшка, ее именем назвали, а речку, где был стан у Парашки, так же стали прозывать, как и лес. И так вот и посейчас зовут.

Старые люди говорят еще, что кладов много зарыто по этим рекам, только не каждому они дадутся, слово надо такое знать.

184. Любовь Кудеяра

В народе говорили, что хорошо знакомый старым волгоям разбойник Кудеяр порой гулял и по Оке. Бывал он

и в известной нижегородцам Слуде, которая обрамляла зеленую спускающуюся к воде горные кручи и не на одну версту тянулась прежде по окскому правобережью чуть ли не до самого устья реки.

По густым зарослям, которые славились тем, что там частенько бывали разные шайки разбойников, выходил Кудеяр на Арзамасский тракт, а по нему до Крестовоздвиженского монастыря — рукой подать. Вот туда-то во время обуявшей разбойника хандры и забрел он один раз в надежде хоть как-то развеять грусть-тоску свою.

И там на тропинке, что вела в церковь, ему повстречалась молодая монашка. Безразлично взглянув на встречную, разбойник вдруг как-то невольно остановился. Кудеяра поразила редкая красота монашенки и та скромность да сердечное сострадание, с которым посмотрела она на него.

С этой поры забыл разбойник про свой промысел и стал частенько заглядывать в божью обитель. Очень уж полюбилась Кудеяру красавица-инокиня, да и той был люб молодой и статный из себя человек.

Прошло какое-то время и увез разбойник ту монашку из стен старого монастыря. Так и стала она женой атамана.

Крепкой была любовь молодых! Они целыми днями не могли налюбоваться друг другом, но недолговечно было их счастье. Молодая жена что-то занедужила, а потом сильно расхворалась да вскоре и умерла.

Кудеяр долго переживал потерю любимой, а потом, говорят, бросил все свои дела разбойничьи, да и ушел в какой-то монастырь.

185. Шихраны

На том месте, где сейчас город Канаш стоит, раньше деревня была, и называлась она Шихраны. Вот что рассказывают об этой деревне.

Когда-то очень давно жил в этих местах красивый и богатый юноша по имени Ших. Полюбил он девушку из соседней деревни, тоже красивую и богатую. Называли ее Рана. Решили они пожениться. И вот свадебный по-

езд из одной деревни поехал в другую, чтобы взять девушку и ее богатое приданое. А назад возвращаться им предстояло ночью через темный, глухой лес.

Прослышали об этом разбойники и напали на тот свадебный поезд. Жениха и его дружков убили и бросили в овраг, а невесту и ее приданое увезли с собой.

Родные невесты и жениха, встретившись потом, решили основать в честь их деревню и назвали ее Шихраны.

186. Гусевы с реки Тарки

Это было в то далекое, тревожное время, когда суда, в особенности торговые, часто не могли свободно и беспрепятственно плыть своим путем. По пути их останавливали, грабили и разоряли.

Рассказывают, что на устье реки Тарки жили люди, которые занимались этим лихим опасным промыслом. Как раз в том месте, при впадении Тарки в Оку, образовался пережат, мель: Тарка выносила сюда много ила и песка. Пережат этот стал роковым для многих судов. Чтобы не попасть на мель, они должны были замедлять ход, выбирая безопасный путь. Этим и пользовались люди, которые грабили суда.

Говорят, что тропинка, по которой спускались к реке грабители, была очень узка и потому они всегда шли гуськом, друг за другом.

Со временем этих людей стали называть Гусевыми. Вот почему на Тарке и поблизости от нее до сих пор часто встречается фамилия Гусевых.

187. Про Чубарова

В деревне Путьково жил когда-то разбойник Чубаров. Был он сильный и злой. Никому пощады не давал, всех подряд грабил. Вот и решили его изловить. Но непросто было его поймать: умел Чубаров скрываться.

Однажды убил он одного богача и как сквозь землю провалился. Нет его нигде!

Стали власти искать Чубарова, все обшарили и наконец нашли его в конюшне под колодой. Схватили его и привязали цепью к ветле.

Сидит он на цепи и просит:

— Дайте мне попить...

Принесли ему воды. Чубаров взял ведро и на глазах у всех как-то нырнул в воду-то. И с того времени больше не могли его поймать, а как только увидят да стрельнут в него, так пули от него отлетали.

188. Утес двух братьев-атаманов

Во времена стародавние гуляла по Волге-реке разбойничья ватага атамана Михаила по прозвищу Заря. И в те годы, бывало, на всех речных перекатах от торгового Нижнего и до самой басурманской Казани волгари только и говорили про дела атамановы. Михаил со своими ватажниками был сущей грозой для купеческих да боярских караванов.

Стан Зари был пониже Работок — на Татинском острове. Тут, у острова, и встречали ватажники богатую добычу, что сама плыла им в руки из Нижнего Новгорода. Люди Михаила Зари, точно шквал, налетали на своих быстроходных лодках-великовражках на медленно плывущие вниз по Волге караваны. В мгновение ока ватажники забирались на торговые суда, брали то, что им было нужно, и быстро уезжали на остров.

Потом ватага атамана делила захваченную добычу. При этом разбойники не забывали выделить добрые куски беднякам, что оказывались поблизости или жили в соседних деревнях.

И вот купцы да бояре-толстосумы стали жаловаться на бесчинства Михаила Зари самому царю. А тот послал на ватажничков волжских целое войско, и начали царские слуги настоящую войну против отважного атамана. Темной ночью обложили царевы солдаты то место, где отдыхали ватажники, а рано поутру взяли всех в кольцо. Стали

Михайловы люди сквозь окружение пробиваться, да легкое ли это дело? Многие, а с ними и атаман тут же у острова с жизнью простились. Ну, а другие сбежать смогли.

Ушли от царских слуг и два брата-разбойника. Долго бежали они, а потом еще не одни сутки скрывались по лесам да ущельям глубоким. И только потом, когда все поулеглось, они опять за разбойное дело взялись. Снова стали, теперь уже вдвоем, нападать на богатые караваны и накопили богатства большие.

И тут-то и пришла им недобрая мысль поделить ценности между собой. А жили-то они на горе над Волгой.

При дележе, как и бывает нередко с братьями, они рассорились, схватились драться и все золото-серебро рассыпали. В лютой драке да в горячке вцепились они друг в друга, но ни тот, ни этот пересилить противника не мог. Так и катались братья вдоль обрыва волжского, пока не свалились с высокого утеса прямо в воду. А место там оказалось глубоким. Тут оба брата и потонули.

С той поры место, где погибли разбойники из ватаги Михаила Зари, зовется утесом двух братьев-атаманов. Этот безмолвный свидетель распри людей, погибших из-за жадности, и поныне висится над величавой Волгой. Он вечно будет напоминать о том, что мир нужен не только родным братьям, но и каждому жителю земли.

189. В Жигулях

Раз шли Жигулевскими горами какие-то рабочие люди, и вышли к ним навстречу разбойники, а уж ночь подошла. Повели они прохожих в свой стан, а в стану огонь разложен, и кругом удалые сидят. Струсилы рабочие люди: не знают, худа ли, добра ли себе ждать. Один побоялся, видно, чтобы последнее не отняли, взял да и сует под пенек три золотых, что в котле были. Разбойник, должно быть, атаман, увидал, да как закричит:

— Ты чего хоронишь?

А у того, бедного, руки трясутся, и не знает, что ответить.

— Что, деньги? Показывай!

Взял мужик, отдал ему свои деньги. Атаман повертел, повертел их на ладони, засмеялся да и говорит:

— Или ты думаешь, что мы позаримся на такое добро?..

Взял да и бросил его золотые в траву.

— Пойдем, — говорит, — за мной.

Пошли рабочие — ни живы ни мертвы. И привел он их в такое место, где, значит, все богатство в груды свалено: золота, серебра, камней самоцветных, платья — всего вдосталь.

— На, — говорит, — бери сколько хочешь и иди с богом.

Разбогатели после того мужики...

190. Натальино

Бывалые люди рассказывают, что когда-то, лет, пожалуй, двести или побольше тому назад, в нашей местности всюду были дремучие леса. Их называли Муромскими, потому что начинались они где-то за древним городом Муромом и тянулись вдоль Оки и глубже в правобережной ее части на десятки верст. От Мурома в сторону Арзамаса через леса пролегалла одна-единственная дорога.

Вот на ней-то якобы и поселилась в те давние времена разбойница Наталья со своими сыновьями, а было их у нее восемь! Построили они землянку недалеко от лесной дороги и грабили всех, кто появлялся поблизости.

Наталья вместе с сыновьями не давала спуску ни пешеходам, ни тем, кто ехал на лошадях на муромский базар. Но особенно доставалось от Натальи и ее сыновей тем, кто жил в деревнях недалеко от землянки разбойников.

И вот, терпели-терпели жители окрестных селений эти нападки разбойничьи да и надумали расправиться с ними. Выждали они такое время, когда Наталья с сыновьями были в землянке, приперли дверь снаружи, обложили землянку хворостом и подожгли.

Проснулись разбойники от дыма, начали в дверь ломиться, да не тут-то было: все уже большим костром пылает!

Наталья стала просить сжалиться над ней. Обещала показать, где на Золотой горке золото зарыто, но никто не захотел пощадить злых разбойников.

Сгорела землянка, да и вокруг нее лес выгорел. А потом, через какое-то время, на том месте появилось село, которое по старой памяти стали называть Натальином.

191. Гора Романиха

В недалеком расстоянии от села Кстова к городу Нижнему Новгороду по большому Казанскому тракту в семи верстах от села Кстова и в двух верстах от села Ельни, против деревни Ржавки, есть гора довольно большая, называемая Романихой.

Говорят, что в древние времена на этой горе жил один разбойник по имени Роман.

Здесь он нападал на проезжающих и грабил их, здесь же и был убит и зарыт в землю, отчего и сама гора получила название Романиха.

192. Стан

В селе Шелокше есть приходская деревня Стан.

Говорят, что в древние времена на этом месте был дремучий лес и здесь был стан разбойников, отчего и эта деревня, со временем здесь основанная, названа Стан.

Она от села Кстова отстоит на двенадцать верст по Казанскому тракту вниз и находится близ речки Шелокшанки.

193. Курносово болото

Недалеко от села Яз Большеболдинского района есть Курносово болото. А называется оно по имени атамана Курносова, который там вместе с друзьями разбойничал.

Грабили они только богатых, а простого человека-бедняка не трогали. Поэтому-то жители деревень их и не выдавали.

Было у Курносова человек двадцать. Встречали они богатых людей на дорогах, а беднота-то редко куда ездил, крепостным из деревни в деревню ездить было незачем, да и не на чем.

194. Про Рощина и атамана

Около Рожнова бора поселок есть — прежде Стрелка назывался, теперь Красный Маяк. В этом месте, говорят старики, Рощин одного атамана убил. А за что убил? Рощин с царских судов пошлину брал. Атаман пожадничал и решил тоже пошлины себе брать. Вот Рощину и докладывают:

— Зачем ты два раза с судов пошлины берешь?

А Рощин был справедливый:

— Как, — говорит, — два раза? Разве еще кто берет?

Призвал он этого атамана и тут же убил его, чтобы другим неповадно было. На этом месте крест смоляной стоит — в землю зарыт, смолой полит.

195. Разбойник из Юркова

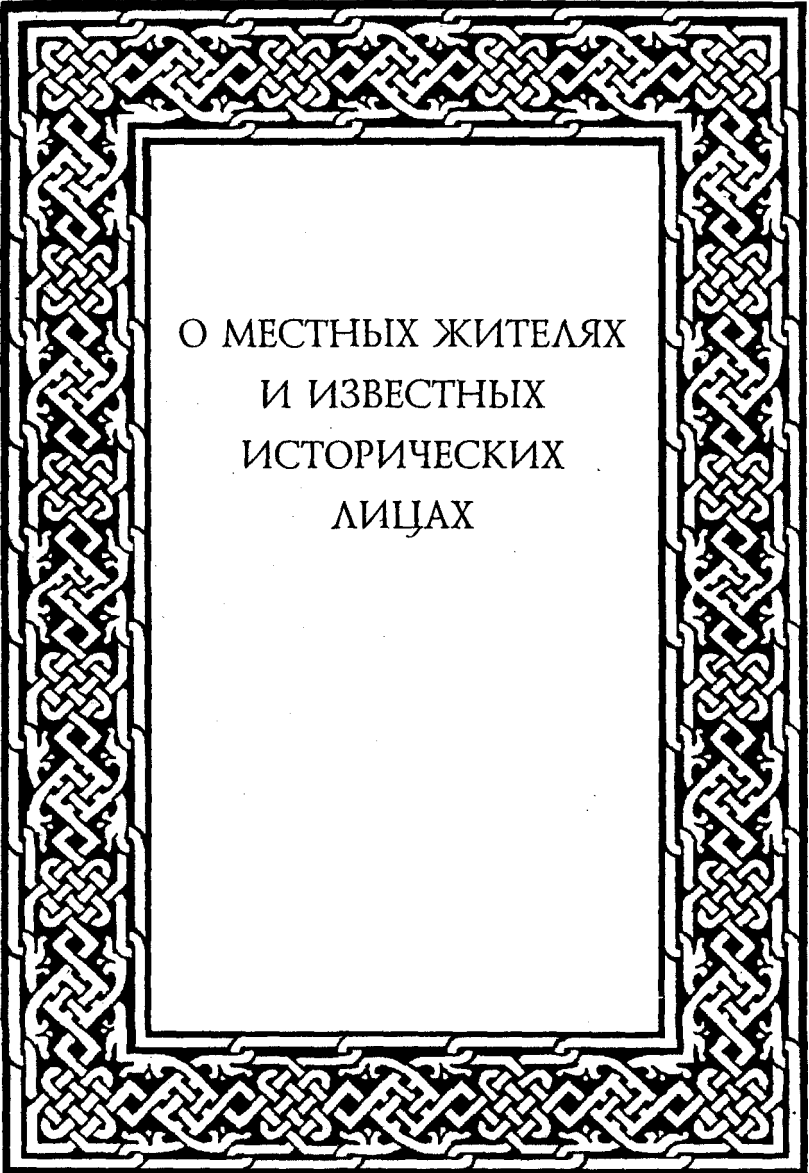
В деревне Галкино, что в Сокольском районе, у дома Качириных лежит огромный серый камень, на котором сиживал здоровый коренастый мужчина — так говорят деревенские старожилы. Они смотрели на этого детину с большим любопытством и в то же время с немалой опаской. А как же иначе: ведь слыл этот человек разбойником из Юркова. Они рассказывают, что простых людей он не грабил, не убивал, а помогал, чем мог. Деньги на постройку домов он приносил своим односельчанам и клал их либо на завалинку, либо под камешек у дома. Проснется утром мужик, выйдет на улицу и ахнет, уви-

дев сверток, а в нем деньги и записочка: «Купи себе лошадь, построй дом». Завидовали крестьяне из соседних деревень каменным домам, что строили мужики из Юркова.

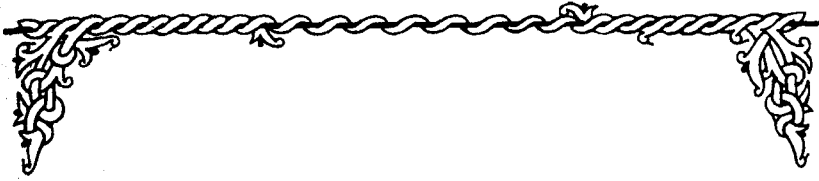
Рассказывают, что однажды ехал из Юрьевца один мужик с базара. Стоя в санях, он без конца погонял лошадь, а сам все оглядывался по сторонам — пугали его слухи о юрковском разбойнике. И вот он поравнялся со спутником, который попросил его подвезти. Тот согласился, посадил, а когда они проехали сколько-то, разговорился и признался спутнику: «Еду и боюсь, не отнял бы у меня разбойник-то юрковский лошаденку». И тут спутник вынул бумажник, достал из него пачку денег и говорит: «На, купи себе добротного коня и запомни, что юрковский разбойник-то таких, как ты, не грабит. Он берет у тех, у кого чин повыше да казна пошире». Сунул мужику деньги в карман, прыгнул с саней и скрылся в лесу.

...Власти начали поиски разбойника, обещали за поимку его крупную сумму денег, но где уж там! Мужики не хотели выдавать своего благодетеля, хотя и знали, где его убежище. А было оно на Осановых горах и имело столько входов и выходов, что если зайдешь, то без хозяина и не выберешься. Стражники все-таки выследили разбойника и схватили его.

Потом в Юрьевце, на площади перед собором, он клялся Господу в тяжких грехах своих, в том, что загубил семнадцать душ [...]

О МЕСТНЫХ ЖИТЕЛЯХ
И ИЗВЕСТНЫХ
ИСТОРИЧЕСКИХ
ЛИЦАХ

196. Воцарение Ивана Грозного

Прежде на Руси как царей выбирали: умрет царь — сейчас весь народ на реку идет и свечи в руках держит. Опустят эти свечи в воду, потом вынут, у кого загорится — тот и царь. У одного барина был крепостной человек — Иван. Подходит время царя выбирать, барин и говорит ему: «Иван, пойдём на реку. Когда я царем стану, так тебе вольную дам, куда хочешь, туда и иди!»

А Иван ему на это: «Коли я, барин, в цари угожу, так тебе беспременно голову срублю!»

Пошли через реку, опустили свечи — у Ивана свеча и загорелась. Стал Иван царем, вспомнил свое обещание: барину голову срубил.

Вот с той поры за это его Грозным и прозвали.

197. Поход Ивана Грозного

Чез наши места на Казань царь Иван Грозный шел. А жила тут мордва. Она еще не знала, на чьей стороне воевать ей.

Говорят, что многие, конечно, как и русские, тоже на татар вместе с войском царя двинулись, потому что татары мордву притесняли.

Царь, чтобы все видели, какое у него войско мощное, повелел возле нынешней деревни Сосновки каждому своему воину принести и высыпать по шлему земли.

Вот они выполнили приказ, и у деревни вырос большой курган.

Мордовская деревня Балахна на Пьяне тогда уже была, и из нее с царем три брата пошли. В битве с татарами под Казанью они отличились.

Как царь назад шел, остановился снова в этих местах, вспомнил-припомнил погибших ратников и велел, чтобы сравнить свое оставшееся войско с прежним, рядом с первым насыпать второй курган. Маленьким он получился, потому что много пало воинов в той тяжелой борьбе.

А братьев из Балахны царь отпустил домой и повелел дать каждому земли, чтобы на ней свои деревеньки строили. Построили каждый из братьев по дому вдоль Пьяны-реки, а вскоре понаехал к ним с разных концов честной народ — мордва да русские. И стали они новые места обживать. Не знаю, верно это или нет, но слух о тех временах идет такой.

198. Предание о походе Ивана Грозного

...Соглашаясь в том, что проводником Грозного был мордвин, рассказы в некоторых чертах разногласят между собой или по крайней мере представляют события то в сокращенном, то в пространном виде.

По рассказам одних, Кужендей жил в лесу, занятие его состояло в постройке пчелиных бортней. Нашедшие Кужендея среди густого леса Иовацновы воины привели его к государю. Представленного мордвина царь спрашивал, что он за человек. Но ответа не было, потому что мордвин не только не понимал, а даже не слышал русского наречия.

Разгневанный безответным молчанием царь отдал приказ повесить его на дереве. Но приближенные к царю слуги упросили его поискать, не найдется ли кто в ополчении из ратников, который мог бы понимать на мордовском наречии и быть толмачом для русских из приводимых к царю иноплеменных ратников. Один нашелся, способный понимать найденного мордвина и передавать его речь царю.

Знаток русского и мордовского языков начал разговаривать с Кужендеем. Окружавшие воины велели своему ратнику спросить мордвина, не проведет ли он как здешний житель лесами царя с ополчением казаков. Не зная всей дороги, Кужендей не отказался. Он дал обещание довести

их до старшего брата своего Ерзи, который больше его знал дороги по лесам.

Проведя царя с войском, путеводитель спустя несколько времени остановился и сказал на мордовском наречии, что у него есть тепло. На этом самом месте царь ночевал со своим отрядом и, не отступая от мордовского произношения, назвал это место «теплом». Здесь, в двадцати четырех верстах от Ардатова к северо-западу ныне стоит село Теплово. После ночлега Кужендей среди леса сбился с известного пути. Немало водил он царя лесом и наконец, вышедши на знакомую поляну, сказал предстоящим: «Молитесь, что он нашел дорогу и теперь может провести их до брата Ерзи». Он приказал тут остановиться. На этом месте стоит ныне село Молекса, в шести верстах от Ардатова. К юго-востоку от Молексы Кужендей вел царя, не сбившись, до самого Арзамаса, с коего был избран проводником брат его Ерзя.

А за услугу Кужендея царь изволил пожаловать ему перстень или кольцо. Кужендей желал затвердить оное слово, повторял: голько, дольцо, отчего получил звание Гольцов. Впрочем, услугу Гольцова царь не ограничил одним подарком перстня. Возвратившись с полною победой из Казани, Иоанн IV не забыл Кужендея — пожаловал его вместе с потомством землею и лесами, среди которых был найден мордвин. Такой рассказ можно слышать от старожилков вокруг города Ардатова.

199. Помощь царю

По рассказам... братьев Ивана и Андрея Матвеевых-Торхановых, их предок, чувашин деревни Кинер, получил тарханское звание за свои особые личные заслуги от царя Ивана Васильевича Грозного. Предание говорит об этом так: «В то время, когда царь Иван Васильевич Грозный шел на Казань с целью покорить Казанское царство, то войска его имели сильную нужду в пищевом продовольствии, так как у войска вышел запас мяса. А предок их, будучи сам человек весьма богатый, частью от себя подарил несколько овец и коров для продовольствия цар-

ского войска, а много скупил скота у других чуваш на предмет продовольствия войска, что и выдвинуло их предка из среды других чуваш, за что их предок и был царем Иваном Васильевичем Грозным пожалован тарханским званием. А вместе с тарханским званием их предок получил также и свободу от платежа податей и повинностей, а равно и грамоту и землю, которая находилась в трех местах: это около деревни Кинер на горе, близ реки Волги, на том возвышенном месте, называемом по-чувашски Чарту, где, по преданию, была татарская крепость, а остальная жалованная их предку земля находилась около деревни Мурзаевой в том же приходе села Карамышева».

200. Кожваши

Иван Грозный из Москвы шел походом на Казань по березовой дороге через Васильсурск в направлении Чебоксар. Минувя Виловатово, остановил войско на зимовку. Близ Кожвашей расположилось войско. Устроили кузницу, начали ковать сабли, изготавливать стрелы. С продовольствием стало трудно. Царь распорядился покупать скот у сельских жителей. Воины иногда покупали животных на деньги, а когда кончились деньги — брали бесплатно. В таком случае возвращали жителям деревни кожу животных, говоря: «Кожа ваша, мясо наше». Отсюда будто и возникло название деревни — Кожваши.

201. Как взяли Сундырь

Укрепленный город на Сундырской горе был взят русскими с помощью мари́йского старшины из деревни Шальтыковой. Будто бы этот старшина подарил однажды отличного жеребца татарскому вельможе, управляющему городом и всей округой. Но вельможа, будучи недоволен подарком, вырезал у лошади спину. Старшине показалось это обидным. Он в досаде, не обнаруживая сво-

его гнева, приходит к татарскому вельможе и просит у него позволения отправиться в Нижний Новгород за русскими товарами. Начальник отпускает его.

Старшина, прибыв в Нижний Новгород, является к русскому царю, шедшему тогда походом на Казань, объявляет ему об означенном городе при реке Волге и просит дать ему сто человек воинов и несколько возов пороху для завоевания одного города. Царь решается и отпускает с ним требуемое число воинов и несколько возов пороху.

Старшина, возвращаясь к городу нарочно вечером, велел воинам спрятаться в воза, прикрыл их вместе с порохом и обвязал как неоцененный товар. Татарский вельможа приказывает ему показать товары, но он уговорил его, что теперь-де ночь и рассмотреть товары нельзя.

Когда же жители улеглись, марийский старшина развязал свои воза, велел воинам зажечь порох, от которого разрушился весь город, и лишь немногие жители уцелели. Между тем он с русскими воинами поспешил явиться к царю в Нижний Новгород и донести о своем подвиге. Царь за сие щедро его наградил и отпустил восвояси.

202. Как взяли Казань-город

В старину город Казань принадлежал татарскому хану. В его руках находились чуваша и марийцы. Татары были очень сильными, их никто не мог победить. И русский царь, прибыв к Казани с войском, не скоро овладел городом.

Там имелась тогда одна очень высокая мечеть. Когда русский царь окружил город, татарский царь взобрался в верхнюю часть той мечети. Сколько ни стреляли по нему, никто не попадал.

«Эти нас не победят», — думает татарский царь и, радуясь, играет на гуслях. А перед ним на столе лежит змей с утиными ногами (то есть дракон). Пока царь играл три мотива, дракон извивался три раза.

Много пуль потратили солдаты, стреляя в татарского царя.

И вот один солдат подошел к русскому царю и гово-

рит: «Я попаду в него, что мне за это дадите?» — Царь отвечает: «Чего захотите, то и получите».

Тогда солдат оторвал пуговицу со своего кафтана, зарядил ею ружье, выстрелил и наповал сразил татарского царя. Дракон слетел с мечети и скрылся в озере Кабан.

Солдат не захотел ничего взять от царя, выпил четверть водки и скончался.

203. Падение Казани

Когда русские полчища уже взяли Казань, татарский патша попросил русского патша исполнить его последнее желание. Русские согласились.

И татарский патша пошел в мечеть, взял свою лютню и, стоя на вышке мечети, стал играть песню. Она была такая жалостливая и печальная, что тронула сердца всех воинов. Русские и татары пали на колени и плакали. Тогда патша начал играть другую песню — веселую, и все начали плясать. И третью песню он запел, и опять все плакали и рыдали.

Тогда патша разбил свою лютню о стену, обратился в лебедя и улетел на юг на берег «молочного озера».

Внуки его живы и донине, они ждут не дождутся вернуться опять в Казань и изгнать русского патша.

204. Марийский богатырь и Иван Грозный

Иван Грозный напал на город Казань и взял его.

Чтобы захватить город Казань, он привел к нему огромное войско. А царь казанский был очень жадным. Иван Грозный просил казанского царя выделить место для сосредоточения своего войска, но тот отказал: «Не дам!»

Иван Грозный рассердился очень и просил: «Дай мне землю шириной, занимаемой быком во время отдыха!» Казанский царь уступил, не жалея, отдал ему столько земли. Потом русские тут же привели огромного быка,

зарезали, затем его шкуру, хвост и другие части изрезали, превратив в тонкую нить, и, растянув эту нить, измерили землю. На этой измеренной земле Иван Грозный поставил свои войска на отдых.

Рассказывали, кашевары, чтобы приготовить ужин для войска, повесили было у Волги котел с чем-то. Но весь ужин, не докипев, вместе с котлом куда-то исчез: какой-то разбойник приплыл на лодке и украл весь ужин. Об этом сообщили Ивану Грозному, и он стал принимать меры. Через некоторое время они увидели на Волге плывущего на лодке человека.

Иван Грозный, приняв его за врага, приказал: «Стреляйте!»

Русское войско стало обстреливать того человека.

А тот на это сказал: «Нате обратно ваши пули!»

Говорят, сколько пуль выпустили в него солдаты русского войска, все это он собрал в свой подол и показал всему войску.

Иван Грозный был удивлен: «Что за человек? Его тело не пробивают даже пули».

А тот человек был марийским Акпатыром, он был неуязвим для пуль и стрел. Потом Иван Грозный пригласил этого человека к себе. Тот человек вышел из своей лодки и направился к нему.

Иван Грозный и спрашивает его: «Как захватить город Казань?»

Тот человек покачал головой и сказал: «Трудно его так просто захватить. Я, наверное, сумею».

Иван Грозный сказал: «Если сумеешь, то помоги нам».

И мариец Акпатыр оседлал коня Ивана Грозного, взял в руки большую плетку и поскакал к казанскому дворцу, размахивая своей плеткой. А большую плетку и коня он взял потому, чтобы взмахами плетки на скаку измерить расстояние от русского войска до дворца. Измерив расстояние, прискакал к Ивану Грозному и указал, с какого места начать копать подкоп.

И вот по его предложению русские войска начали копать под землей ход во дворец казанского царя. А чтобы не догадались турки (татары), выкопанную землю таскали в своих картузах и сбрасывали в Волгу. Когда завершили копать подземный ход, сразу подкатили бочки с порохом

и заложили там, потом послали одного солдата туда зажигать свечку. Одну свечку зажгли под землей, другую потом над землей у выхода из подземного хода. Наружная свеча прогорела раньше, чем подземная свечка.

Когда прогорела наружная свечка, Иван Грозный крикнул: «Почему взрыва нет? Измена!»

И отрубил голову солдату, зажигавшему свечку. Потом он послал зажигать свечку другого солдата, но тот прошел лишь половину пути в шахте, и произошел взрыв.

Когда войска Ивана Грозного копали подкоп, кот казанского царя все слушал землю, то одно ухо прикладывал, то, повернувшись, слушал другим ухом. Заметив, как их кот прослушивает землю, жена царя Казани сказала своему супругу: «Конец, мой супруг, наше место ненадежное, нужно нам отсюда убираться».

В ту же ночь, захватив свои ценности, отправились к Волге, сели на лодку и уплыли вниз по реке. Когда сели на лодку, жена казанского царя воскликнула: «Ох, остается наш медный котел!» А этот медный котел татарски означает «казан». Вот откуда название города Казань.

205. О чувашском гусяре

Русские войска несколько раз пытались приступом овладеть Казанью. Но татары держались стойко. Они осыпали атакующих стрелами, обливали кипящей смолой.

Служивший в войске Ивана Грозного знаменитый гусяр-чуваш любил по ночам играть на гусях разные мотивы. В ночной тиши далеко вокруг разносились мелодичные звуки. Их слышали и татары, сидевшие за крепостной стеной.

Однажды в полдень один татарин вышел из крепости и направился прямо к русским. Он разыскал гусяра и пригласил его к себе в Казань. Чуваш взял гусли и, крупно вышагивая, пошел вслед за татаринном. Товарищи гусяра считали каждый его шаг. Гусяр подошел к крепости и остановился. Тут-то и узнали точное расстояние до крепостной стены.

Вслед за этим русские войска стали рыть подкоп под крепостные стены. В подкоп заложили бочки с порохом и взорвали. Войска ринулись в пролом и ворвались в город. Так была взята Казань.

206. Стародевичье

Это было во времена Ивана Грозного. Тогда воевали ведь конные, машин не было. Когда понадобилось переправиться на другой берег Мокши, им это не удалось. И тогда Иван Грозный приказал, чтобы каждый солдат бросил в воду по два камня. Так они сделали проход на другой берег Мокши и переправились по этому мосту. Дошли до села Стародевичье, которое раньше называлось Нагорка, потому что расположено на горе. День выдался жаркий. Смотрит Иван Грозный — идет с водой старая дева. Царь попросил напиток, та не отказала, напоила его.

Недолго пробыл в Нагорке Иван Грозный со своим войском: сварили обед, поели и отправились дальше. Но с тех пор стала Нагорка именоваться — Стародевичье.

207. О крещении

Наша деревня Кошка (имеется в виду Урхас Кушка — село Первое Чурашево ныне Мариинско-Посадского района) во времена крещения, говорят, была злой, поэтому на околице был поставлен черный столб. Приезжающих обращать жителей в Христову веру всегда выгоняли, бросая в них камни, угрожая батогами, говорят. (По другой версии предания, борьбу крестьян возглавлял Ули). За отчаянное сопротивление крещению между деревней Ирх-Сирмы-Кошки и селом Первое Чурашево поставили такан — «подкову» — Г-образный столб. Поэтому то поле, где стоял этот столб, называем теперь Такануй (Поле Подковы). А стоял столб вблизи большой дороги и виделся издалека. На нем казнили тех, кто был против христианской религии.

208. Дар Ермака

У Ермака Тимофеевича было два брата. Сам он третий, меньшей. Старшие братья рубили лес, вязали его в плоты, тем зарабатывали себе хлеб насущный.

Ермак был еще парнишкой, братья жалели его, не утруждали тяжелой работой. Но Ермак не сидел сложа руки, помогал братьям, был у них кашеваром. Так шли год за годом. Ермак Тимофеевич вырос, возмужал. Вошел в силу и говорит братьям:

— Не по душе мне это дело: рубить лес и вязать его в плоты.

А братья ему в ответ:

— Мы к нему тебя не неволим. Хочешь, иди, ищи себе такое дело, какое бы пришлось по душе и по сердцу.

И Ермак пошел по русской земле гулять, искать себе такое дело, какое бы пришлось по душе и по сердцу. В пути повстречался с Иваном Кольцо, и стали они верными товарищами. Побывали во многих городах и селах, повидали там, как бояре да господа повсюду творят зло и неправду. Немало народа ни за что ни про что томится в острогах да в темницах. На один острог Ермак и Иван Кольцо напали, узников и невольников освободили, те и пошли с ними на матушку-Волгу. Справили легкие лодочки, стали добывать себе зипуны да казну. Лишнего Ермак ничего не брал — все, что заберет у бояр да купцов, тут же раздаст бедному люду. Гулял по матушке-Волге Ермак Тимофеевич, собралась у него большая дружина, а когда подошла осень, крепко задумался.

Спрашивают его други-товарищи:

— О чем ты, наш славный атаман, так закручинился?

— Как же мне не закручиниться, — отвечает Ермак. — Где будем зиму с вами зимовать?

Тут призадумалась и вся дружина. Потом решили идти к купцам Строгановым, охранять русские города и села от лихих татар. Перезимовали. Ермак и говорит Строгановым:

— Не дело это — сидеть и ждать, пока налетят на тебя татары. Лучше на них пойду сам со своею дружиной.

Строгановы перечить не стали. Снарядили Ермака. Перевалил он через Уральские горы и на Сибирь пошел. Оси-

лил татар, шлет к царю Ивану Грозному своего друга Ивана Кольцо. Долго ли, коротко ли, прибыл в Москву наконец Иван Кольцо. Пошел Иван к царю, а тот его не допустил к себе, через слуг передает:

— Я с тобою, казак, не хочу тратить речей, не желаю тебя видеть, а если на глаза попадешься, повелю казнить.

Так Иван Кольцо ни с чем вернулся к Ермаку. Рассказал, как царь его встретил немилостливо. Ермак осерчал.

— Сам, — говорит, — поеду!

Снарядился и тут же тронулся в путь. В Москву приехал, царских слуг спрашивать не стал, прямо идет к царю и говорит:

— Знаешь, царь, я — Ермак, дар привез, но не тебе, а всему русскому народу. Дар этот — сибирские земли.

Иван Грозный его выслушал, сменил свой гнев на милость, сказал:

— Проси в награду у меня все, что хочешь.

А Ермак ему отвечает:

— Мне не надобно ничего: ни золота, ни серебра, ни драгоценных камней. Богатства я не ищу. Пусть сибирскими землями владеет русский народ, он и помянет меня добрым словом.

209. Ермак и ермаковцы

Вот этот самый Ермак, чего-чего он не делал! Соберет, бывало, шайку, да не тайком, не втихомолку, а как есть при всем народе собирал себе товарищей. Проедет, бывало, по станице да крикнет: «Казачи-атаманы! Есть ли здесь охотников идти со мной на Волгу рыбу ловить?» К нему, как комары на огонь, все и лезут! Соберет шайку да и на Волгу! Там уж у них своя воля: без оброка ни одного судна не пропустит; раз бежало царское судно с царской казной — и тому спуску не дал: все дочиста обобрал!

Царь и распалился гневом великим: «Подать, — говорит, — ко мне Ермака!» Только вышла у нашего царя война с каким-то другим королем или султаном [...] Пошла баталия: бились, бились — видит наш царь: дело плохо, наша

неустойка. Отколь ни возьмись Ермак Тимофеевич — ясным соколом прилетел со своими товарищами, казаками-атаманами, на подмогу нашему царю. Да наскочил Ермак-то Тимофеевич с флангу, с боку то есть [...] Да как стал Ермак-то королевское войско лупить... Царское войско впереди, а Ермак сбоку, да и с задку прихватил! Как со всех сторон обступили королевское войско, так всех и побили, ни одного живого не оставили, никого и в полон не брали, всех смерти предали!

Кончилась баталия, царь и спрашивает: «Кто мне помогу дал? Позвать того человека ко мне!»

Позвали Ермака к царю.

«Что ты есть за человек?» — спрашивает царь. — «Я, — говорит, — Ермак, ваше императорское величество». — «Тот Ермак, что мою царскую казну ограбил?...» — «Тот самый...» — «Та вина теперь тебе, Ермак, отпущена, — говорит царь, — только вперед не балуй! А теперь скажи ты мне: каким чином мне тебя пожаловать?» А Ермак ему: «Никакого чину мне не надобно, а пожалуйте нас, ваше императорское величество, всех донских казаков, Тихим Доном».

Царь и пожаловал нас, донцов. Тихим Доном, оттого мы и прозываемся донскими казаками, а по Ермаку Тимофеевичу — ермаковцами.

210. Наказание Волги

Стала одолевать неверная сила народ христианский, и собрался войной на врагов сам царь Иван Грозный. Повел он за собой рать-силу большую. Надо было переправлять ополчение за реку Волгу. Сперва переехал на тот берег царь с вельможами и стал поджидать переправы воинства.

Посажались солдаты на струги и лодки и отхлынули от берега.

Вдруг Волга начала бурлить, и пошли по ней валы за валами страшные. Лодки мечутся из стороны в сторону, летают, как пух...

Видит Грозный царь с берега, того и гляди, что перето-

пит все его воинство. И крикнул он громким голосом: «Не дури, река, присмирей, а то худо будет!»

Не унималась Волга и заволновалась пуще прежнего.

«Палача сюда подать, — крикнул царь, — вот я тебя проучу!»

Пришел палач, мужчина здоровенный, и велел ему царь сечь реку кнутом, чтобы она не бунтовала против царской рати. Взял кнут палач, засучил рукава красной рубахи, разбежался да как свистнет по Волге — вдруг кровь из воды на аршин вверх брызнула, и лег на воде кровавой рубец в палец толщиной. Потихе пошли волны на реке, а царь кричит: «Не жалеяй, валяй крепче!»

Разбежался палач дальше прежнего и хватил сильнее: кровь брызнула еще выше, и рубец лег толще. Волга утишилась больше прежнего. После третьего удара, который палач отвесил изо всей мочи, кровь махнула на три аршина, и рубец оказался пальца на три толщины, — совсем присмирела тогда Волга.

«Довольно, — сказал Грозный-царь, — вот как вас надо проучивать».

После того благополучно переправилось через реку все войско и ни один солдатик не утонул, хотя много приняли страху. И теперь, говорят, на том месте, где была переправа, видают на Волге три кровавых рубца, особливо летним вечером, если взглянешь против солнца, когда оно закатывается за горы.

211. О Девичьих Горах

Предание первое

Девичьи Горы в настоящее время — небольшое село Лукояновского уезда, стоит оно на высоком крутом холме, у подножия которого протекает небольшая речка Чека. Здесь, в дремучем лесу, как говорит легенда, Иван Грозный, шедший на этот раз без проводника, принужден был остановиться, встретивши непроходимые болота.

Несколько дней рассылал он людей разыскивать удобного перехода. Тем временем окрестная мордва составила будто бы заговор против царя и замыслила убить его. В глухую ночь заговорщики, вооруженные копьями, подкрадывались к царской ставке, но были замечены будто бы какой-то проходившей мимо русской девушкой.

Догадавшись об их намерении, девушка бросилась бежать, чтобы разбудить спавшую стражу, но была перехвачена мордвой, тогда она начала кричать, от крика ее проснулась царская стража и вовремя предупредила нападение. Когда рассвело, несчастную девушку нашли мертвой, висящею на мордовских копьях, воткнутых в землю. Узнавши обо всем, царь велел на этом месте построить церковь из тут же срубленных дубов. С тех пор это место стало называться Девичьи Горы.

Предание второе

Рассказывали мне деда, что Иван Васильевич Грозный шел вдоль реки Чеки на татар из Москвы.

Он хотел пройти в Одашево, собрать там рать и этим войском встретить татар. Татары учуяли это, завернули за лесок, да и скрылись.

Иван Грозный дневал на вершине одной большой горы, а под горой жили пять девиц-отшельниц.

Татары скрылись в лесах, а других жителей там вообще не было, кроме пяти девиц.

Так вот, татары пришли к девицам и велели им дознаться, где лагерь царя и где сам Грозный. Это девицы сообщили царю. Царь разбил татар и взял Казань.

Назад он шел этим же путем. Остановился дневать на этой же высокой горе и увидел под горой девиц, растерзанных татарами.

В честь спасения своего царь решил поставить на этой горе церковь и назвал это место Девичьи Горы. Вскоре образовалась под горой деревня, которую тоже называли Девичьи Горы.

Царь похоронил девиц на этой горе, а его воины поки-

дали в могилы свои шлемы. Сейчас на этом месте уже большое кладбище, но когда люди копают могилы, то находят эти шлемы.

Предание третье

В Большеболдинском районе есть небольшое село с красивым, поэтическим названием Девичьи Горы. Расположенное у подножия довольно высокого холма, селение это весной утопает в розовом яблоневои цвете, а осенью купается в золоте богатого листопада.

Старожилы Девичьих Гор говорят, что их селение получило свое название несколько столетий тому назад, во времена знаменитого похода Ивана Грозного на Казань.

В ту пору, когда царь вел свое войско против татарского ханства, на месте теперешнего села стояла маленькая мордовская деревенька. И вот жители ее, узнав о походе Ивана Грозного, ополчились против московского царя, устроили заговор и решили убить его.

Одна девушка-мордовка услышала про недобрый замысел своих односельчан, села на коня и помчалась в стан Ивана Грозного. Она сообщила царю о том, что собираются сделать жители ее селения.

Иван Грозный выслушал рассказ девушки, горячо поблагодарил ее за вести и наградил дорогими подарками.

Но когда девушка вернулась в свою деревню, злые люди убили ее.

Весть об убийстве девушки дошла до царя, и он велел похоронить ее с великими почестями, как славного воина. А после похорон Иван Грозный приказал насыпать на могиле девушки-спасительницы высокий холм. Для этого каждый воин должен был принести к могиле по шапке земли.

Много воинов было тогда у московского царя и все они свято выполнили приказ своего полководца. И вырос на могиле девушки высоченный холм.

По воле Грозного в деревеньке у подножия холма было оставлено несколько воинов, а само селение с того давнего времени стало именоваться Девичьими Горами.

212. Ратово

На берегу реки Суры, недалеко от Курмыша, есть село Ратово. Жители этого села говорят, что слышали они от своих дедов и прадедов объяснение названия села.

Будто бы во время своего похода на Казань Иван Грозный проходил с войском эти места вечером. На глазах темнело, и тут царь отдал приказ искать подходящий пункт для ночлега.

Вскоре посланные люди нашли удобное для остановки место. Здесь будто бы рать Грозною и заночевала. Войско наутро ушло, а за местностью, где рать Грозного останавливалась, осталось название Ратово.

213. Воротынец

Не раз слышать мне приходилось, что много веков тому назад шел через те места, где нынче Воротынец стоит, русский царь Иван Грозный с войском — Казань-город брать. И все-то у него в походе хорошо да удачно было до самой марийской деревни, что Малым Сундырем именуется.

А тут остановился перед высокой горой, на которой татары укрепленные посты держали, и ни с места!.. День бьются русские, второй, а татары — хоть бы что!

Засели они в укрепление свое, и не вышибешь их оттуда ничем, точно приросли вороги к этой проклятой горе!

Как ни бились русские воины, татарских постов одолеть не смогли. Ну топтались, потоптались они на месте и ни шагу дальше.

Тогда и приказал Иван Грозный своим войскам идти обратно.

А чуваш и марийцы увидели, что у московского царя под Малым Сундырем ничего не получилось, послали к нему гонцов, обещали помочь ему.

Догнали гонцы русское войско у высокого холма, что недалеко от речки Чугунки, и сказали Ивану Грозному о решении чувашей и марийцев.

Русские поворотили от этого холма назад и снова пошли на Казанское царство. Пошли и удачно атаковали вражеские посты под Малым Сундырем, а там благополучно вышли к Казани и разгромили татар в их столице.

С той поры место, откуда войско московского царя повернуло на Казань, стали именовать Воротынцем: поворотились, значит, русские-то...

214. Монахиня-атаманша

Монахини на Руси славились молением в монастырях да угождением духовным пастырям церкви. Но иногда среди монахинь появлялись такие, которые порывали с монастырями и главенствующими над ними служителями церкви, шли в народ и даже умирали за него.

Такой монахиней оказалась Алена Ивановна из арзамасской Выездной слободы.

Алена ушла в монастырь после смерти своего мужа с целью замолить свои житейские грехи и посвятить себя служению Богу. Но, прожив в монастыре некоторое время, она увидела, что в обители монашек угнетает высочайшее духовенство, которое не трудится, а пьет, ест хорошее, блудодействует и наслаждается жизнью за счет верующих и прихожан. И когда в нижегородские земли пришли отряды Степана Разина, а в Арзамасском округе поднялись крестьяне и присоединились к разинцам, Алена бежала из монастыря, одела мужское платье и вступила в один из повстанческих отрядов. Будучи человеком грамотным и смелым, она потом возглавила этот отряд.

Со своим отрядом Алена Ивановна появлялась неожиданно-негаданно то там, то тут, не давая покоя царским войскам, присланным в Арзамас для ликвидации восстания разинцев. Не давала Алена-атаманша пощады ни воеводам, ни духовенству, ни другим господствующим чинам. Арзамасские власти решили уничтожить повстанческий отряд Алены, а его атаманшу —

изловить и предать казни. Святые отцы распускали слух о том, что Алена — колдунья, что она продала свою душу нечистой силе и общается с дьяволом. В арзамасских церквях предали Алену Ивановну проклятию. Но атаманша на эти проклятия попов сочиняла свои заклятия и распространяла их среди народа, чем увеличивала свой авторитет.

Вот одно из таких заклинаний, которое сохранилось в памяти народной до наших дней:

Встану благословясь, пойду перекрестясь,
За правое дело, за русскую землю,
на извергов, на недругов-кровопийцев, на дворян,
на бояр, на всех сатанинских людей!
Выйду с боем на чистое поле, в чистом поле свищут пули,
я пуль не боюсь, я пуль не страшусь!
Не троньте, пули, белые груди,
буйную голову, становую жилу, горячее сердце!
Скажу я пулям заветное слово:
«Летите, пули, в пустыню, в гнилое болото, в горячие камни.
А моя голова не приклонится, а моя бела кость не изломится.
Про то знает дуб да железо, камень да огонь. Аминь!»

И народ, слушая эти заклинания, шел за Аленой Ивановной туда, куда она их поведет. А она вела людей за правое дело и смело громила угнетателей. Но силы восставших были невелики. Однажды окружили отряд Алены Ивановны плотным кольцом воеводы Щербатов и Леонтьев с царскими войсками. И разгромили ее вольный отряд, а атаманшу взяли в плен.

Страшную казнь придумали ей царские слуги и духовенство: они решили предать огню Алену Ивановну. Были построены деревянные срубы. И вот разожгли палачи в них костер и уничтожили Алену-атаманшу живую в огне.

Перед смертью Алена Ивановна крикнула согнанному Долгоруким на ее казнь народу:

— Если бы все так воевали, как я, Юрий наострил бы лыжи...

Сгорела Алена-атаманша, но простые люди помнят ее

как истинную героиню, погибшую за народное дело. Вот какая была Алена Ивановна Арзамасская!

215. Петр Первый в Васильсурске

Старики рассказывают, что когда Петр Первый отправился в Персидский поход, то плыл он от Нижнего вниз по Волге и делал остановки сначала в Макарьеве, а потом в Васильсурске.

Когда царский струг выплыл из-за поворота реки и приблизился к Васильсурску, Петр стоял на палубе. Он любовался свежей зеленью гор, на которых вольготно раскинулись городские постройки. И тут Петр обратил внимание на древнюю дубовую рощу, что темнела по соседству с городом. Потом, знакомясь с Васильсурском, царь изъявил желание осмотреть эту дубраву, а после обозрения будто бы сказал, что надо позаботиться о сохранении этой рощи, и просил жителей города не забывать подновлять ее молодыми деревьями.

Говорят, что царь своими руками посадил в этой роще саженец, а по возвращении из Персии написал особый указ об охране дубравы в Васильсурске.

216. О Петре Первом

Как только время свободное ему от черной работы, так он все по кабакам ходил да у мастеров выводывал об их мастерстве: научиться хотелось всему.

Приходит раз в кабак и встретил там оборванного пьянчужку; взял водки, а его не потчует.

— Ты, видно, ничего не умеешь? — спрашивает. —

Что больно обтрепан?

— Нет, — говорит, — умею вот такое-то ремесло.

— А как вот эту вещь делать?

— Так вот, — говорит.

— Врешь!

— Нет, ты врешь!

Поднялся спор, и пьянчуга доказал Петру, что не врет. Петр остался этим очень доволен, потому что о мастерстве все, что надо, разузнал, и напоил мастера в лоск.

217. Петр Великий решил

В старину у Петра Великого служили русский, татарин и мариец.

Русскому пришло время возвращаться домой. Царь спрашивает:

— Возвратишься домой, чем намерен заниматься?

— Я думаю построить мельницу, завод, жизнь думаю улучшить.

Его не отпустил Петр Великий. Теперь наступил черед возвращаться татарину.

— Чем ты будешь заниматься? — спросил царь.

— Ездить на повозке, на тройке, торговать мануфактурой думаю.

«Что ж, он думает улучшить жизнь».

Царь и его оставляет.

Пришло время мариЙцу, его срок также подошел к концу. На вопрос царя он ответил:

— Я хочу охотничать, ловить зайцев, драть лыко и плести лапти.

МариЙца он освободил. Ему подарил ружье и кочедык.

218. О Василии Рощине

Старичок выксунский рассказывал мне, что был в екатерининские времена на баташевских заводах рабочий один. Родом он откуда-то с приокской стороны, а звали его Василием Рощиным.

И вот этот Рощин терпел-терпел хозяйские несправедливости да и махнул с дружкой-приятелем в лес. А леса-то у нас недаром Муромскими называются!..

В лесу они разыскали шайку разбойников и стали вместе с ними действовать. Прошло какое-то время, и разбойники решили старого своего атамана сместить, а вместо него поставить Василия Рощина. Уж больно он им по мысли был! Нравились шайке не только сила его богатырская, но и ум, находчивость, а главное — справедливость во всем. Встретит он, бывало, повозку или обоз на большой дороге и сразу же смекнет, как поступить с каждым: богатого купца или помещика велит своим ребятам обыскать и забрать у него все наличные денежки да и товары тоже прихватить прикажет. Ну, а если бедный человек повстречается, то его и сам пальцем не тронет, и разбойникам не разрешит.

Частенько рощинская шайка слыхивала от своего атамана приказы: раздать крестьянам то, что у бар отнято, потому что, мол, господа богатства не своим горбом наживали. Так делал Рощин и при встрече на дороге с купеческими обозами и при задержке груженных барж на Оке. Они, слышь, из лесов-то кое-когда на реку выходили, хозяйские суда останавливали да как следует «проверяли».

Но больше всего Рощин и его товарищи действовали в лесу. И вот, говорили, один раз с ним какой случай произошел. Вышел он как-то под вечер из укрытия своего на дорогу и видит: по обочине старушка трусит. Рощин ей навстречу да и спрашивает:

— Что ты, бабушка, так спешишь?

А она отвечает:

— Рощина боюсь...

— Ну, а знаешь ли, какой он из себя?..

— Откуда же мне знать...

— Так вот смотри: я Василий Рощин и есть... Только помни, бабушка, мы простых людей не трогаем. И нашего брата тебе бояться нечего...

Потом вынул он из кармана золотой и сказал:

— Вот тебе на память о Рощине, пригодится, чай, в хозяйстве...

Старуха взяла деньги да домой, а после до самой своей смерти о встрече с атаманом рассказывала.

219. Про Рощина

Был Василий Рощин из здешних мест, вроде как родом-то из Тамболеса или Вереи, что ли. Молодой да сильный, пошел он на Выксу к заводчику Баташеву наниматься. Взяли его в кузницу простым молотобойцем.

И стал он там работать, силу свою молодецкую да смекалку природную к делу как следует прикладывать. И пошла у него работа спорая, к тому же и учитель его — кузнечных дел мастер — добрым человеком оказался: помогал он Василию всю ту непростую ремесленную премудрость постичь.

Долго ли, скоро ли прошло какое-то время и научился Рощин всем тем кузнечным делам, да так, что мастера, своего учителя, превзошел.

Прознал про его мастерство хозяин завода Баташев и будто бы обещал Рощину при случае мастером поставить. Да случай-то совсем другой произошел. А дело-то вот какое было: приглянулась Василию девица одна, мастерового человека дочь. Говорят, красавица да умница большая она была. Ну, Рощин тоже неплох собой был.

Вот и решили они пожениться. Стали к свадьбе готовиться, а как все сделали — к венцу в церковь поехали. И надо же было такому случиться: навстречу молодым едет сам Баташев в легких саночках [...]

Остановил он тот поезд свадебный, коршуном глянул на невесту Васильеву, красоте ее подивился и тут же велел слугам своим пересадить девушку в его хозяйскую повозку. Василий было за ней следом, да ничего не вышло! Оттолкнул его хозяин ногой от саночек-то и приказал гнать лошадей что есть мочи. Василий побежал вдогонку, но не нагнал...

Вскипела тут в сердце молодом злоба на хозяина, бросил он работу на заводе и ушел в леса Муромские, а потом, говорят, на Колодливом озере, недалеко от реки Оки, объявился. И был он уже не один, а с друзьями-приятелями, помощничками его верными. Ну, а помогать-то ему было в чем! Мстителем за обиды народные стал тут Василий Рощин: на лесных дорогах да на речных перекатах, как снег на голову, начали появляться его люди.

Дорогие товары да провиант забирали они у богачей, а бедных людей отпускали с миром. Бывало и так, что встречного крестьянина подарком или деньгами наделяли.

Один раз повстречали Рошин и его товарищи в глухой лесной дороге самого заводчика Баташева. Остановили коней резвых и хозяина из коляски вытащили. Стоит перед ними Баташев, дрожит как лист осиновый и слова вымолвить не в силах. Противно было Рошину над таким гадким человеком расправу чинить. Плюнул он в сторону и приказал своим помощникам забрать всю казну, которую Баташев вез, а самого его вздуть кнутом как следует.

После того случая Баташев стал просить царицу войско прислать, чтобы с Василием Рошиным покончить. Та послала. И тут началась настоящая война в Муромских лесах. Войско царское выгнало Рошина и его товарищей из лесных чащоб, и пришлось тут им на Колодливо озеро по травам тучным да кустарникам непролазным идти. А войско царское не отстает от них ни на шаг! Хотел было Рошин с артелью своей через озеро на лодках на другой берег переправиться, а там уйти в заокские земли, да не получилось у него.

Настигли их царские наемники на самом озере. Как только лодки вышли из-за высоких, заросших ивняком, берегов на середину озера, расстреляло их войско всех до единого. Тут, на Колодливом озере, и пришел конец Василию Рошину и друзьям его верным.

220. Смерть Рошина

Звали его, Рошина-то, Василий Иванович. Сам он был огромного роста, двенадцати пудов весом. Бывало, посуды* много по Оке плавало. Так он все на суда царские нападал.

Знал, какие ливенские суда плавали, казенные. В них казенные деньги гнали на чеканку. Рошин нападал на такие суда. Царица узнала — Рошин опять судно разбил,

* Посуды — баржи, суда.

Ворожеину написала: «Уйми Рощина, а то голову тебе с плеч долой».

Рощину Ворожеин и говорит:

— Уйди, Василий, дня на два, отшатнись, дай мне спокон, а то царица мне все про тебя пишет.

А Василий ему в ответ:

— Ладно, уйду!

А сам не уходит.

— Хорошо же, погоди, — говорит Ворожеин, — я тебя потешу!

Ну, и «потешил» его.

Вздумал Ворожеин порешить Рощина. А через кого? Через сударушку одну. Была у Рощина сударушка в Верее, ходил он к ней. Ворожеин и научил эту сударушку:

— Спроси у Рощина — пойдет он гулять и куда?

Она спросила Рощина. А Рощин ей отвечает:

— Пойду, — говорит, — на Колодливо озеро гулять!

Есть такое озеро около Оки, Колодливом прозывается. Ворожеин своих людей позвал с Тамболеса, Шиморского, Казнева. Не хотели люди идти — погнал их силой. Окружили все Рощина. Видит Рощин — хода нет ему. И так и сяк он по старым успехам — ничто не берет. А тут Ворожеин с берега кричит:

— Будет, Василий, потешился!

Василий стал волоски пощипывать, с волосками стал стрелять. Ничего не помогает.

Он народ не трогал, в народ не стрелял, а тут товарища у него убили, по ворожеинову наущению.

— Ага, — говорит Рощин, — вы взаправду стреляете!

Рассвирепел, сам стал стрелять. Он на лодке стоял, рогатиной стал махать. А Ворожеин на берегу командует. Он людей все морочил, против Рощина наущал.

Тут лодки столкнулись, Рощин за борт уцепился, а ему руки начали рубить. Рощин кувыркнулся с лодки вниз, пузыри от него пошли, огненный столб кверху поднялся. Все к столбу бросились.

— Вот он, вот он!

А Ворожеин говорит:

— Это не он, он вон где плавает!

Бросились к Рощину, а он уже мертвый.

221. Медвежий парад

В войне тысяча восемьсот двенадцатого года было много взято в плен французов. Их отправили в глухие города вроде нашего Сергача.

Все они работали, выполняя какие-то дела по хозяйству, а иной раз просто бродили по улицам. Среди них были не только солдаты, но и офицеры, а в их числе даже один полковник.

Зима на тринадцатый год бедная была — еды не хватало, одежонка у французов неважная, но они храбрились. А полковник все ходил и говорил:

— Русские, кончается ваше время, сил у вас нет. Теперь мы победим. Весной Бонапарт соберет новую армию и победит вас.

Ну, а ему капитан — исправник сергачский — то ли в шутку, то ли всерьез сказал:

— Мы не боимся: у нас еще медведи есть. Сформируем из них полк.

И вот окрестные медвежатники, а ими жители сергачской округи давно славились, получили приказ: за неделю обучить своих медведей ходить в строю и выполнять команды «на руку» и «на плечо».

И этот капитан, что отдал приказ, пригласил всех французов, которые жили в Сергаче, на первый день масленичной недели на базарную площадь.

В назначенный час на площади под горой собрались медвежатники со своими дрессированными зверями. А было их до тысячи двухсот!..

И вот они построились и вместе с вожатыми пошли по главной улице города к базарной площади. Когда они вышли на площадь, раздалась команда «на плечо!» — и медведи подняли деревянные ружья одинакового образца. А когда послышалась команда «на руку!», они опустили их — как будто переходят в атаку.

Французы теснились у стен домов, смотрели на все это и удивлялись. А полковник их с краешку стоял.

И один большой медведь — то ли к французскому духу непривычен был, то ли пенсне у него сильно блестяло, то ли надушился слишком сильно — так этот

медведь как рявкнет на него! Полковник струсил да бежать...

После того парада французы писали домой из плена: «Есть в России такой город Дергач. Там против нас медведей на войну готовят — у них даже медведи воевать будут, и на Россию идти воевать больше нечего...»

222. Черное село

Наш Калининский, или Чернореченский, поселок в былое время Черным селом повсюду называли. А название это вот от чего, говорят, пошло.

Раньше у нас через все село речка протекала. Брала она свое начало где-то в торфяных болотах, текла через лес, по нашему селу, а уж потом в Оку впадала. И вот потому, что речка текла из торфяных болот да через лесные земли, вода в ней была не светлая, как слезинка, а темная. Ну, а в народе о такой воде говорят — не темная или там, коричневая, а просто черная, мол, вода-то. Так вот и о нашей речке говорили, что она черная. Отсюда и село, которое стало строиться на этой речке, стали называть Черным селом.

Теперь этой речки и следа не осталось: ее куда-то в трубы, что ли, где-то возле ТЭЦ упрятали. Так вот, речки не стало, а старое название за нашим селом так крепко удержалось, что даже и сейчас и пожилые люди, и молодежь другого названия села и не употребляют. Все говорят: Черное село, а отсюда и Чернореченский поселок.

223. Лучинник

Говорят, что в пушкинские еще времена приехал к этому лесу крепостной крестьянин. Хотел он дров порубить и уже свалил березу, а тут его в аккурат и застал лесник из Болдина.

Привел он крестьянина в имение к Пушкиным, в кре-

постную избу. Стали его пороть, а тут Александр Сергеевич входит.

— За что это наказывают?

— Да вот, дерево срубил.

Пушкин отменил наказание да и говорит:

— Ну, как же это ты, брат, так делаешь?

— А я вот, барин, срубил только на лучину, а то засветить нечем.

— А зачем же это тебе все дерево-то, чай, на всю жизнь хватит лучин...

Посмеялся он так и отпустил крестьянина. А рощу эту с тех пор так Лучинником и кличут.

224. Пушкинский колокол

В Болдине, в церкви на колокольне, на самом ее верху, был колокол с надписью «А. С. Пушкин». Я сам, еще мальчишкой, помню, лазил и все смотрел: уж больно красиво было написано. А внизу стоял год, а вот уж какой — не помню.

Старики говорили, что колокол церкви Пушкин подарил и приказал, чтобы его имя отлили. Назывался колокол субботним, потому что звонили в будни и по субботам.

225. Ермолаев колодец

Находится он на южной окраине деревни Бежаново, в овраге, что выходит в долину речки Шерши. Давно выкопан — чуть ли не в середине прошлого века.

Старожилы рассказывают, что поселился тогда на окраине деревни кантонист — участник польского восстания во главе с Костюшко — Ермолай Морозов. Чем он занимался — не помнят, жена же портниха была. Общество выделило ему землю только под дом. И даже воду, бывало, не давали из деревенских колодцев. Вынужден был Ермолай выкопать рядом со своим домом колодец, который длительное время звался его именем.

226. Нестеркин пруд

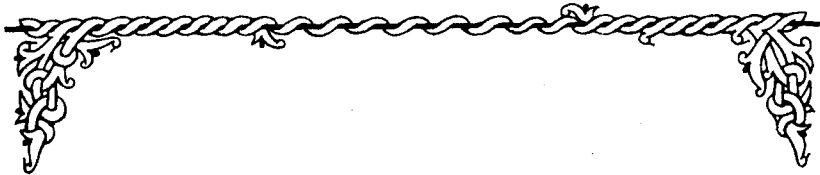
Двумя порядками сбегает Овечкино в долину речки Шерша, что берет начало у Яковцева. Недалеко от речки, на краю деревни, стоял маленький, с одним окошечком дом. Бобылем жил в нем Нестер Иванович Желобов. Простоватым слыл он в деревне, словоохотливым не был и никогда ни с кем в ссоры не вступал. Уважали его овечкинцы за добрый нрав и трудолюбие. По безмолвному согласию с односельчанами, охранял он в ночное время деревню.

Рядом со своим домиком выкопал Нестерка (так звали его в деревне) пруд, ухаживал за ним, чистил постоянно, а в зимнее время следил за прорубью для полоскания белья. А чтобы женщины могли руки согреть, отдохнуть в затишье, сооружал около проруби шалаши.

И остался Нестер Иванович в памяти овечкинцев: пруд-то они нарекли его именем.

О НАРОДНЫХ
ЗАСТУПНИКАХ

227. Ураково

Если плыть вниз по Волге, то в четырех верстах от Кокшайска будет деревня Ураково. Название этой деревни идет будто бы от знаменитого на всю Волгу атамана Уракова.

Старики рассказывали, что в прежние времена у этого самого Уракова в есаулах сам Степан Разин ходил. И будто бы начинал он свою службу у атамана Уракова парнишкой маленьким. Говорят, пришел он к атаману волжскому и стал просить, чтобы его в шайку взяли.

А тот в ответ:

— Парень ты забадуший, да будешь ли живущий... Ведь дело наше нелегкое да и опасное тоже.

Ну, а Степан свое: возьмите да возьмите...

Уступили его просьбам разбойники и взяли в шайку да и определили кашеварить, думали, что не приглянется ему это дело и отстанет он от них.

Ну, а тот, не раздумывая, согласился.

Начал Степан кашеварить, да недолго, знать, был он в кашеварах-то. Стал он вскоре проситься у атамана взять его, хоть раз, в дело. Тот долго не хотел, а потом все же согласился и взял.

И тут увидели Ураков и шайка его храбрая, что Разин, хоть и молод, да дюже смышлен. И вот тогда освободил его атаман от кашеварства и стали ему такие же, как и всем, задания давать.

Говорят, что с той поры не очень уж много времени прошло и выдвинулся тут Разин в есаулы и стал правой рукой Уракова-то. И все бы ладно было, да поссорился как-то Степан Разин с атаманом.

Не прав был Ураков, на нечестное дело посылал Разина. Тот отказывался, да крут нравом оказался атаман, изо всех сил требовал своего.

И вот тогда-то, говорят, и ушел от Уракова Степан Тимофеевич. Потом объявился он в низовьях Волги и свой отряд там собрал.

А Ураков вроде бы все в наших местах действовал, а потом и сам на низ пошел. Там, кажется, его и убили, а деревня-то с тех давних лет имя атамана Уракова до сей поры сохранила.

228. Урак и Стенька

На Ураковском лбище [...] жил некогда атаман, по имени Урак, человек очень жадный и отчаянный. Тут же, под горой, впадает в Волгу маленькая речушка Ураковка, служившая гаванью для разбойников. Лишь только с вершины раздавался зычный клич атамана, из прибрежных кустов вылетали «острогрудые челны», окружали неуклюжую купецкую посуду, и начиналась расправа. Одним из есаулов Урака был отважный Стенька по фамилии Разин.

Человек он был и дурной, и хороший, [...] зря не обижал, но уж плохому человеку спуску не давал.

Однажды атаман приказал ему взять бедную мужицкую посуду, нагруженную лаптями. Стенька наотрез отказался грабить бедноту, и вот из-за этого произошла ссора, во время которой Разин убил Урака. Похоронив его на вершине лбища, он сделался сам атаманом и ушел со своей шайкой на новое место, на тот бугор, что и сейчас называется Стенькиным.

229. Теньки — пристанище разинцев

Наше село Теньки будто бы убежищем для вольных людей Степана Разина было. Есть здесь гора Разина, которая в народе еще Атамановой зовется. У него, Разина, будто бы в ней все добро было зарыто. Здешние жители говорят, что сам Разин так сказал:

— Как чей-либо конь где копытом выкопает, так тот человек и найдет мое добро...

И теперь еще видно кругом этой горы вроде бы какие-то канавы. Там никто не пашет, ягоды на ней растут очень много. Но вот что за причина: кто поест эти ягоды, тому нехорошо делается.

230. Предание о Степане Разине

Под Василём напали царские стрельцы на удалых молодцев Стеньки Разина. При шайке был сам атаман с есаулом. Вот начали они биться, и не берут разбойников ни железо, ни пули, потому что они все заговорены. Из шайки все живы, никто не ранен, а стрельцы так и валяются. Один сержант и догадайся: зарядил пицаль крестом (с шеи снял), да в есаула и выпалил. Тот как сноп свалился. Стенька видит, что делать нечего, крикнул ребятам:

— Вода! — Спасайся, значит.

Подбежали к Волге, сели на кошму и уплыли, а есаулово тело тут на берегу в лесу бросили, и три месяца его земля не брала, ни зверь не трогал, ни птица.

Вот раз кто-то из прохожих мужиков подошел да и говорит:

— Собаке — собачья и смерть!

Как только эти слова сказал, мертвый есаул вскочил на ноги и убежал бог весть куда.

231. О Степане Разине

Стенька Разин недалеко здесь в лесу, около Красного Яра, скрывался. Жил он в Шохре — так чаща называлась, потому что место непроходимое было, топучее, около реки. Познакомился он с женщиной с одной, со вдовой.

Вдова эта в Красном Яру жила. Вот пойдет она в лес с лукошком, будто за ягодами, а сама в этом лукошке хлеб Степану несет.

А Степан колдуном был. Привезут вятские мужики хлеб и отлучатся куда-нито. А Стенька как гикнет, так сразу воз на крышу дома подымается. И потом мужики еле-еле снимут с крыши-то этот воз — ведь в возу, почитай, двадцать пять пудов хлеба.

Кинутся мужики Степана ловить, а он оборотится в кошку, по огороду бежит — не догонишь.

Баржи Степан на Ветлуге на реке останавливал. Баржи купцов плывут или там соймы, Степан и их останавливал, не озоровал, а из чести деньги брал. Если купец деньги не платит, то Степан тот корабль заколдовывал, и корабль стоял два али три дня и никуда не шел.

А бедных Степан Разин никогда не трогал.

232. Народ о Степане Разине

Стенька Разин был из казаков из донских. Он колдовать мог. Возьмет нитки, лодку сделает, сядет в нее, плеснет ложку воды и поплывет из острога по городу. Он, по-нашему, как бы как дьявол был. Стреляют в разинцев, стреляют. Они снимут с себя одежды, повытряхнут пули. Сенька заговаривал от пуль.

Слава о его похождениях и о хорошей жисти у него была на всю Россию. Вместе с бродяжкой, вольной народ ходил к нему нарочи.

Шел купец, две бочки вина положил на лодку. Разинцы остановили. Пристал. Товары набрасывают, набрасывают, себе в добычу. Купец смекает, так весь товар выбрасают.

«Стойте, — говорит, — братцы, у меня две бочки вина есть». — «А, вино есть! Клади товар в лодку, выкатывай вино-то».

Как пошел купец, его лямошник снял лямку и говорит купцу: «Прощай, не то иду к Сеньке...»

Приходит: «Возьми меня». — «А мы таких и ищем!» Одели его как купца, а стару лапоть побросали в огонь. Сенька Разин из осилков был. Помер своею смертью. Вот как не стало Сеньки, его товарищи пели:

*Не спасибо тебе, матушка Волга-река,
Исполделала часты городочки,
Испоставила крепки караулы...*

233. Разинцы возле Чебоксар

О временах Стеньки Разина, о местах его стоянок и ныне рассказывают чуваша. Говорят, места его стоянок имеются и в наших окрестностях.

В семнадцати верстах от нас, в лесу на волжском берегу, на горе Кармату, у оврага, есть остатки пещеры. Там же у мощного ключа имеется каменная водопойная колода, куда по трубе стекает ключевая вода. И колода, и труба очень старые, покрытые мхом. Стенька Разин со своими друзьями пил из этого ключа. Они же поставили и колоду. Здесь они спрятали под землей много денег, а для сбережения денег похоронили живьем девушку.

Пожив здесь, Стенька Разин со своими сообщниками переехал вниз по Волге к деревне Новородионовка, повыше Козловки, и здесь прожил некоторое время. Говорят еще, он долго жил на Каме, у города Елабуги.

234. Степан Разин в Макарьеве

В молодые годы мне несколько раз приходилось слышать этот рассказ от своей бабушки, да и от других наших стариков. Они говорили, что исстари идет молва про то, как Степан Разин со своими удалыми друзьями-товарищами был в этих макарьевских местах.

Рассказывают, что приплыли они с низовьев Волги на больших челнах. Издали увидев стены и башни монастыря, разинцы побоялись засады и не решились сразу подъезжать к селу, а остановились ниже Макарьева, верстах, пожалуй, в двух или трех.

Не успели еще челны к берегу причалить, как в народе слух прошел: разинцы приплыли грабить Макарьевский мо-

настырь. Видно, уж так тогда было: они на ладьях по реке ехали, а молва про них по берегу шла да вперед забегала.

Прослышав о Разине, игумен Макарьевского монастыря — а был тут, сказывают, игуменом-то старик хитрый и дотошный — поскорее припрятал ларец с ценностями в потайное место, зарыл что ли где и пошел лично разузнать, зачем прибыли разинцы. Переоделся он в крестьянскую одежду да стоптанные лаптишки, взял в кладовой лукошко и направился лесом в ту сторону, где атаманские суда стояли.

Идет он не спеша лесом, для вида грибы собирает, а сам все в правую сторону, где, значит, река течет, поглядывает. И вот увидел игумен разинцев: они как раз ему навстречу шли. Перетрусил тут старик: шутка ли — повстречался с целой шайкой разбойников! Испугался, но виду не подает, идет себе да по сторонам смотрит, ищет, не притаился ли где грибок...

Когда поравнялся с молодцами, шапку снял, расклянялся, а они окружили его и расспрашивать стали:

— Ты откуда, дедушка?

— Макарьевский... — отвечает.

— Что тут за народ проживает?

— Да народ у нас хороший... — молвит он.

— А монастырь-то богатый?

— Какое там богатство, земли-то вон, видите, — один песок, — и он указал на белеющий косогор.

— А не знаешь ли, дедок, в монастыре-то нет ли солдат?

— Не бывали, — отвечает игумен, — а вот бегляков от хозяев да с царской службы солдат можете найти. Эти обитают... Да что вы меня все про монастырь да монахов пытаете?

— Потому что туда идем и нам знать надобно, какое там сопротивление может быть, — ответил за всех атаман. — Как, по-твоему, дедушка, оружие у монахов есть?

— Какое оружие? У монахов одно оружие — крестное знамение...

— Мы знаем какое...

— Поверьте мне, старику: никакого сражения у вас там не будет. Да я вас сам в монастырь задними воротами провожу!..

— Смотри, дедка, не обмани, не то не сносить тебе головы!

— Знаю, знаю...

Разинцы пошли за игуменом, и он напрямик повел их к видневшимся вдаль церквям. Вскоре они были около монастырских стен. К удивлению атамана и его молодцов, старик открыл своим ключом калитку, и они оказались у трапезной. Тут уже стояли накрытые столы, а на них — хорошая еда, квас, вино.

— Кушайте, чего угодно, угощайтесь, чем пожелаете, — сказал им старик и скрылся в какой-то двери. Потом он переоделся в рясу и вышел навстречу разинцам вместе с певчими. Тут же на колокольнях звонить начали, устроили гостям торжественную встречу, а самого атамана, да и его помощников в покои архиерейские повели.

Пришли они туда, а им опять:

— Не желаете ли откусать? — и на стол показывают, а там — заморские наливки да закуски дорогие. А в покои вино хлебное несут, осетринку.

Ну, разинцы, конечно, от угощения не отказались, всего попробовали и выпили, но в меру. А покончив с трапезой, пошли по монастырю. Весь как есть осмотрели, но ни оружия, ни ценностей не нашли — здорово все было припрятано!

...Постояли разинцы тут с недельку, потом проводили атамана с его войском с миром да со славой. На дорожку игумен велел братии принести на челны винца, ведь у монастыря, говорят, свой винокуренный завод был, а на закуску огурцов соленых доставили. С этим и отправились разинцы вниз по Волге.

235. Разницы под Нижним Новгородом

Старые люди рассказывают, что слышали они от своих дедов и прадедов про то, как принимали жители волжских селений разинцев.

Народ Татинца, Слопинца, Юркина, Работок, Безводного, Великого Врага и других сел принимал отряды Сте-

пана Разина как своих друзей — хлебом-солью. Не зря ведь появилась тогда поговорка про то, что «Татинец да Слопинец — всем вора́м кормилец». Власти считали разинцев ворами, а простые люди — освободителями. Вот потому и старался народ помочь разинцам-то, накормить, напоить их. А в Лыскове, говорят, по случаю прихода передовых отрядов Разина во все колокола звонили и крестный ход с иконами устроили. Попы лысковские по этому случаю молебны служили, это, значит, во здравие самого Разина и его удалых ребят.

Так же встретили разинцев и в Мурашкине. Мурашкинцы, рассказывают, помогли разинцам захватить находившиеся в селе железные пицали да ядра к ним.

С этим вооружением удалые отряды из войска Степана Разина на Арзамас пошли.

236. Разинцы на Нижегородской земле

На нижегородских пределах явились разинцы в конце сентября 1670 года, отделившись от главных сил Разина из-под Симбирска, с поставленным Разиным атаманом Максимом Осиповым во главе. Осипов сам выдавал себя за царевича Алексея, иначе назывался Нечаем (то есть не чаёт народ, кто он такой; это же слово сделалось и победным криком, и лозунгом, и ясаком осиповских воинов). Осиповцы (так буду называть я приверженцев Разина в нижегородском Поволжье) по дороге от Симбирска взяли города Алатырь, Темников, Курмыш, Ядрин, Козьмодемьянск и Василь. Лысково само позвало к себе Осипова, которого встретило с колокольным звоном, с крестным ходом и иконами (в разинское время крепости в Лыскове, построенной в эпоху казанских войн, на так называемой Оленьей горе, уже не существовало). Село Мурашкино (тогда город Мурашкин) так обрадовалось Осипову, что немедленно поконило со своим воеводой Племянниковым — ему отсекали голову.

Из твердынь стоящего против Лыскова, на луговом берегу Волги, Желтоводского Макарьевского монастыря, этого

«государева богомолья», смотрели, однако, косо на лысковские симпатии к Осипову. На Покров день — 1 октября — подошли осиповцы к монастырю и ударили в него из пушек. Послали они в монастырь посланцев с «прелестным письмом» от Разина. Архимандрит Пахомий, приняв послание и задержав посланца, отправил своего гонца в Москву с самим посланием, а другого — в Нижний, к нижегородскому воеводе Голохвастову, за подмогой монастырю.

Осипов, не дождавшись ответа, отправил в монастырь других посланцев; архимандрит и их задержал, подверг их допросу и «расспросные речи» отослал в Москву. Осипов в третий раз послал к архимандриту с увещаниями лысковских священников — Пахомий стоял на своем, не сдавая монастыря и не покоряясь воле осаждавших.

Тогда они решили взять монастырь приступом. Осиповцы, подкрепленные лысковцами и мурашкинцами (по местному говору — «мурашами»), переправились через Волгу и 8 октября обложили монастырь с востока — от кузниц, с запада — от огородов и с юга — от гостиных дворов и лавок. Монахам показалось, что осаждавших было тысяч тридцать.

Стали палить осиповцы из пушек; нагромоздили костры из хвороста и соломы и зажгли их; пламень от них поднялся выше монастырских стен; ясачный крик осаждавших «Нечай, Нечай!» стоном стоял над окрестностями.

Архимандрит Пахомий исповедал и причастил всех в обители, потом взял крест и иконы, пошел по монастырским стенам и разрешил братии приняться за оружие. В монастыре, впрочем, кроме братии было служебников, работников, странников и странниц, богомольцев и крестьян из разных сел и деревень с лишком 1500 человек. Все — и старые, и малые, и мужчины, и женщины — бросились на защиту: лили на осаждавших вар, тушили несколько раз принимавшиеся гореть от осиповских костров ворота и угольную башню...

«Окаянные изменники, — говорит современный повествователь, — приступили с горшим свирепством, словно как медведь, когда уязвят его, жесточе свирепствует, или осы, если раздражены, то нападают злее...»

На другой день осады атаман Максим Осипов (или ата-

манишка, как его презрительно называли в монастыре) послал к Пахомию священника из Мурашкина Максима Давыдова с предложением снять осаду, если архимандрит выдаст посланцев; в противном случае он грозил монастырю полным разрушением.

Архимандрит послушался.

Осипов точно отступил от монастыря, а там и обрадовались и стали друг перед другом хвастаться...

«О люди, неискусные в божественных писаниях! — говорили им старцы. — Не ведаете вы словес, написанных у псалмопевца — аще не Господь сохранит град, всеу бде стрегий; всеу вам есть утревевати. Не себе славу приписывайте, а Богу единому подобает возсылать хвалу с благодарением; придет за вашу гордость гнев божий на нас!..»

И действительно, проречение старцев сбылось вскоре. Осипов отошел на нагорную сторону Волги, появилась другая толпа разинцев под предводительством Мишки Чертоусенка (по Соловьеву — Янки Микитинского), который и уговорил возобновить осаду монастыря. Перевалили снова за Волгу, ударили в пушки, заколотили в барабаны и литавры, затрубили в трубы.

Монастырские защитники попрятались где кто мог и оставили архимандрита одного с братиею. Один конюх, находившийся в обители на смирении, перебежал к осаждавшим и сообщил им об упадке духа в монастыре.

Архимандрит, видя невозможность отстоять монастырь при помощи одной братии, решил спастись бегством. В монастыре остались лишь немногие во главе с отцом-казначеем и бывшим симбирским архиепископом Тихоном, решившиеся положить свои головы в обители.

Осаждавшие свободно вошли в монастырь, пограбили его, постращали смертью оставшихся в нем, но никого не умертвили.

«И начаша монастырь разоряти, денежную казну брати и всякую рухлядь расхищати, келий братния истощища, дворянских и купецких поклады в конец расхитища, оставшим же ту братиям и служебникам велие озлобление творища, на опаке руже вязаша, мечи стращаша и на плахи ко безглавию полагаху; обаче помощью божиею крове не повинные пролити пересечением не дерзнуша».

Однако 22 октября уже пришел к монастырю с войском князь Щербатов и прогнал от него разинцев. Лысково и Мурашкино жестоко поплатились за свое «воровство»: кто был повешен, кто посажен на кол, кто прибит гвоздями к доскам, а кто и изодран крючьями или засечен до смерти.

237. В верховьях Керженца

Край тут, в верховьях Керженца, глухой всегда был, глухой и остается. И разбойников раньше здесь водилось много. Да не только разбойников. Сам Степан Разин сюда, говорят, подымался со своими атаманами.

Тут есть в лесах Атаманов бугор. Вот это и было заветное место у Разина. Он сюда не раз возвращался, сядет, костерок разведет, думает...

А возле самого истока Керженца есть место Разинские Щепы. Там, по рассказам, разинцы свои струги строили. Лес-то в те времена тут не такой был, деревья огромные стояли. Из целого ствола можно было большую лодку выдолбить, что несколько десятков человек в нее сядут. И вот разинцы как раз тут их и выделывали. А щепка потом долго по лесу валялась.

Спускали эти струги по Керженцу в Волгу. И на них разинцы и плыли.

А как восстание было разгромлено, говорят, они все сюда вернулись, по лесам попрятались, по маленьким деревням. Так беглый народ тут и жил.

Белбаж тут есть село, вот, говорят, раньше его Беглаж звали.

А кое-кого простили, но с условием, что они все грехи свои перед Богом и царем после станут в монастыре замаливать. Так, рассказывают, и появился в этой глуши мужской монастырь. Построили его на высокой горе. Мастера были умелые — колокольню возвели, кельи, назвали Высоковским.

И подземный ход из монастыря вел в лес. Говорят, в нем золото лежит. Они же много с собой сюда привезли, но, как монахами стали, все оставили под землей. Только хода того не найти.

238. Мордва о Степане Разине

Помню, как рассказывали о Стеньке Разине. Было это еще в Каменке. Каменский старик говорил. Его фамилию уже не помню, забыл.

— Вот, — говорит, — Степан Разин был атаман! Это действительно атаман! Воинственный!

Я спрашиваю:

— Как эрзяне относились к Степану Разину?

— Очень любили. Как появился Степан Разин, они резали баранов, говядину привозили ему, бочонки с медом — войско кормить. Много меда у них было и много скота. Старые люди рассказывают, что Степан Разин любил эрзян. Вот, бывало, соберет их и скажет:

— А ну-ка, мордва, споем мордовские песни. Любил и слушал мордовские песни.

239. Во время Крестьянской войны

Старые люди рассказывали, что слышали они когда-то от своих дедов и прадедов про то, как было здесь, в Павловском крае, во время Крестьянской войны.

Когда весть о Степане Разине докатилась до здешних мест, измученный народ поднял голову. По всей округе заговорили о том, что надо крестьянам и кустарям собираться в отряды да идти на помощь Разину. И вот стали появляться такие отряды. В селе Путятине крепостной крестьянин помещика Морозова Семен Савельев составил отряд из лесных работников да будников. У него подобрались молодцы крепкие — один к другому, — и сразу же савельевцы стали настоящей грозой для местных богатеев.

А недалеко от Сосновского, в селе Панине, отряд крестьян вотчины князя Черкасского возглавил Суслов.

Во главе отрядов в ту пору становились и женщины. Одним отрядом крестьян командовала вдова из арзамаской Выездной слободы, беглая монахиня старица Алена. Это была на редкость храбрая, решительная и беспощадная к угнетателям женщина. Ее отряд доставлял немало

хлопот и беспокойства князьям да боярам, проживавшим в здешних местах.

А само восстание, говорят, представляло в этом крае поистине зловещую картину. По всем дорогам шли разгневанные угнетателями люди. Каждый человек был вооружен тем, что попало ему под руку: коса, топор, вилы. У некоторых были пики и даже пицали времен восстания Ивана Болотникова.

Люди собирались небольшими отрядами, днем и ночью шли на соединение с войсками Степана Разина.

Царь послал против восставших шестидесятитысячную армию. Рассказывают, что в обозе главного палача было пять возов плетей и кнутов, да палаческих щипцов и топоров. И за этими зловещими подводами шло пятьдесят палачей и столько же попов для казни и напутствия крестом и молитвой.

240. Теплые острова

На Волге, напротив села Безводного, есть три больших острова. В народе они издавна Теплыми островами называются.

Старожилы безводненские еще до революции рассказывали, что, заросшие ивняком да дубами, они в былое время служили доброй защитой для людей, пльвших рекой на плотах или баржах. Подвалив в непогоду или сильный ветер к островам, волгари могли тут спокойно переждать бурю, а при желании — набрать валежника, запалить костер, погреться да и похлебки или каши сварить. Сидят они тут, как в натопленной избе, горячий, как из печки, ужин едят и про теплый дом вспоминают... Отсюда, видно, и пошло такое название островов.

В Безводном давно живет молва о том, что укрывали Теплые острова не только безвестных волгарей-бурлаков, но и самого Степана Тимофеевича Разина с его удалыми казаками. Говорят, что особенно почитали разинцы Нижний остров. У него больше всего на ночлег останавливались. Причалят, бывало, свои челны расписные за крайние

деревья, а сами — на берег поразмяться да кусты-дровишки пособирать. Натаскают дров — и ну кашу варить...

А люди безводненские как увидят с горы своей высокой, что челны с вольными казаками приплыли, к ним вместе с ребятишками наперегонки бегут.

Наварят разинцы каши, ребят и мужиков деревенских накормят, сами наедятся. Ну а потом уж обязательно поговорят с крестьянами об их житье-бытье и, глядишь, одного-другого безводненца в свой отряд завлекут.

241. Подарок Разина

Однажды Степан Разин со своими солдатами вечером остановился в одной деревне. У бедного крестьянина, жившего в крайнем доме, он выпросил единственную овцу и, сварив, накормил своих солдат. Бедняк с обидой сказал Разину:

— Добрый человек, почему так поступил: мою единственную овцу зарезал?

— Так вышло — не было выхода. Не горюй, вместо одной будет десять. Спасибо тебе, — сказал ему Разин.

Через три дня бедняку разинцы привели и оставили десять овец и двух коров, говорят.

242. Путь через Переволоку

Прослышал Степан Тимофеевич Разин, что шлет царь к астраханскому воеводе по Волге целый караван судов. Все гружены они не дорогими товарами — порохом, ядрами, картечью и жеребями для пушек. На судах крепкая охрана — стрельцы. С ними воевода. У него скорописная грамота. В ней царь астраханскому воеводе приказывает снарядить людей, дать им ружья-мушкеты и медные пушки, послать их в устье речки Камышинки, что повыше города Царицына, там заложить крепость с дубовыми стенами, обнести ее глубоким рвом, высоким земляным валом, поставить в ней пушки и казаков не пус-

каты с Дона на Волгу, чтобы не смогли нападать они на купеческие и его, государевы, корабли.

Задумался Степан Тимофеевич Разин. Поставит царь крепость — беда, тогда не пройти казакам с Дона на Волгу, не гулять по Каспийскому морю.

Пришла ему тут мысль перехватить тот царский караван. Кликнул Степан Тимофеевич казаков. Немало их к нему набралось. Явился и есаул Василий Ус. На легких стругах дошли по Дону до устья речки Иловли. Поднялись по ней, и нужно им переволакиваться в речку Камышинку. Тут гонец прискакал, привез вести: завтра на утренней заре пройдет царский караван мимо устья Камышинки.

Есаул Василий Ус говорит Степану Тимофеевичу: «Значит, за ним нам не поспеть, перетащить казаком струги через Переволоку — надобно двое суток, за это время караван далеко уйдет, не нагоним». Нахмурился Степан Тимофеевич: «Как так?».

Василий Ус ему: «Да вот так оно вышло. Ничего не поделаешь теперь: припозднились мы, позаmeshкались».

Степан Тимофеевич ему ничего на это не ответил. Прощел на нос струга. Шапку поправил, да как крикнет своим зычным голосом: «Станьте, наши струги казацкие, подобно орлам да соколам, перенесите на Волгу-матушку меня с казаками».

И свершилось диво-дивное. Есаул Василий Ус и казаки глядят — себе верить не смеют. Высоко, чуть не к самому ясному солнышку, поднялись их струги, по облакам, как по волнам, плывут вольными птицами.

Вовремя поспел с казаками Степан Тимофеевич. Вскоре подошел и царский караван. Казаки его взяли с боя. Воеводу схватили, в куль головой сунули да в воду, пусть там читает царскую скорописную грамоту ракам да рыбакам. Стрелецкие полковники и сотники в бою полегли. Простые стрельцы к Степану Тимофеевичу с радостью пошли служить, вместе с его молодцами себе добывать сукожные зипуны да сапоги яловые, снадобье огнестрельное — порох, ядра, картечь и жеребей казакам годились при деле. К урочному сроку астраханскому воеводе не удалось поставить крепость в устье речки Камышинки. Долго еще ходили казаки через Переволоку с Дона на Волгу-матушку.

243. Волшебный платочек

На берегу Волги, в Жигулевских горах, что будет пониже села Старо-Отважного, бывал и Стенька Разин.

Он встречал на Волге суда купеческие, которые везли по воде бурлаки. Сидит, бывало, он на берегу и молчит, положив ноги одна на другую, поджидая купеческие суда.

Вот далеко-далеко показалось судно, вот все ближе подходит к шатру атамана.

Бурлаки нагнулись вперед, выбиваясь из сил, тяжело волоча лямкой через плечо судно вверх по воде, против течения. Только поравнялись бурлаки, как грозный атаман дает команду: «Лен!»

Услышав команду, бурлаки все до единого ложатся на землю, не смея слушаться приказа грозного атамана.

Недолго думая, вынимает из кармана Степан Разин свой чудесный платочек, садится на него и едет на нем к купцу — хозяину судна. Забирает себе грозный атаман подать и возвращается на платочке своем на прежнее место.

Бывало и так, что иногда по Волге проходило вниз судно купеческое. Но не задумывался долго и над этим делом грозный атаман. Стоило ему лишь повернуть ногой в нужную сторону, как судно начинает вертеться само собою и приближаться к берегу. Смело входит тогда Разин на судно, расправляется с купцом, а гребцов и бурлаков с судна приглашает к себе в гости отведать хлеба-соли.

244. Трубка Разина

На самом высоком месте знаменитых по всей Волге Жигулевских гор есть бугорок небольшой. Его все волгари Трубкой Разина зовут, а название то вот откуда, говорят, пошло.

В ту давнюю пору, когда по волнам Волги-реки скользили легкие, как чайки, челны молодцов удалого Стеньки Разина и пугали пуще смерти купцов нижегородских да симбирских, случилась с атаманом-батюшкой беда. Ранило его во время схватки с лютыми войсками, злым царем посланными.

Вражья сила черной тучей надела на разинцев. А они подобрали раненого атамана да поплыли скорее вниз по реке.

В одной из лодок, в холодке, под тенью паруса, лежал сам атаман. Глаза его были закрыты. Он потерял много крови, ослаб и был не в силах ни подняться, ни даже разомкнуть свои веки.

Но вот на судно набежал легкий речной ветерок. Он свежей стружкой пронесся над его лицом, пошевелил прядь волос, защекотал в носу.

Разин очнулся, с трудом открыл слипшиеся глаза и спросил:

— Где мы плывем?

— Да это же Жигули! — ответили его молодцы.

— Жигули?

— Они самые...

Разин тяжело вздохнул, глубоко вбирая в себя запах цветущих на берегах трав. Потом он тихо заговорил:

— Братцы мои, прошу вас: пристаньте тут да сведите меня на верх той горы Жигулевской...

...Струги, что плыли за атамановой лодкой, покорно повернули к крутому берегу. Когда лодка коснулась жесткого речного дна, разинцы спрыгнули в воду. Потом они бережно подняли своего атамана и медленно понесли его на вершину горы.

Они еще не знали о том, что задумал их предводитель. А тот, преодолевая боль, раненой рукой нащупал в кармане золотую трубку, вынул ее и проговорил:

— Эта трубка была всегда со мной... Я не расставался с ней ни в горе, ни в радости. А теперь я решил подарить ее Жигулям. Мы закопаем ее на самом высоком месте...

...Когда яма была вырыта, Разин попросил друзей набить его трубку табаком. Потом он медленно раскурил ее и, когда сизый дымок поплыл над вершиной горы, положил ее на дно ямы. Простившись с трубкой, Разин приказал нести его вниз, к лодкам.

Вскоре суда отчалили от берега и поплыли вниз по реке. А разинцы, налегая на весла, не спускали глаз с курящейся голубоватым дымком вершины Жигулевской горы.

...Старые волгари рассказывают, что и теперь, проплывая на заре мимо Жигулевских гор, им приходилось видеть,

как из бугорка, что насыпали когда-то разинцы, тонкой стружкой идет сизоватый дымок. Трубка Рази́на неизменно напоминает людям о былых делах наших славных предков.

245. Зимовье Стеньки Разина

Под Бахиловской горой есть зимовье Стеньки Разина; здесь он жил со своими товарищами. Бывало, мимо Бахиловской горы проходят бурлаки и тянут на лямках вверх по воде посуды купеческие — ведь пароходов тогда на Волге не было.

Если, бывало, нужно будет Стеньке получить с посуды хлеба или мяса, то он выходит сам и говорит громким голосом: «Стой, шишка!»

Бурлаки переставали тянуть лямки и ложились брюхом на землю.

Хозяин посуды или лоцман свезут ему провизии, и Стенька оставался довольный подарком, бурлаков больше не задерживал и уходил в свое зимовье. Старики говорят, что в этом зимовье висят бочки, полные золотом; они привязаны к потолку цепями.

Вот один крестьянин из села Александровки задумал сходить, спроведать зимовье и найти клады Стеньки Разина. И пошел. Только ступил ногой в зимовье — так сразу и обезножел. Нога отнялась у него, и никакого клада он там не нашел.

246. Разин наслал змея

В Саратове, когда на красный собор ставили кресты, в это время к берегу с Волги ехал на кошме Стенька Разин для того, чтобы посмотреть. Мастер, который ставил крест, увидел Стеньку сверху и, видно, силой Божьей остановил Стеньку сажен на пятьдесят от берега — полость под Стенькой стала тонуть. Стенька бросил кошму и на руках доплыл до берега.

Когда вышел на берег, то он волшебной силой узнал, кто это над ним пошутил, и в отместку мастеру устроил змея, и этот змей, к ужасу всего народа, быстро пополз прямо наверх по канату, а потом обвился около той веревки, на которой был привязан мастер.

Мастер взял топор и тяп по змею, веревку на себе и перерубил, затем следом за ударом топора полетел вниз и расшибся вдребезги.

247. Разин-еретик

Стенька Разин и воитель был великий, а еретик — так, пожалуй, и больше, чем воитель! [...] Бывало, его засадят в острог.

Хорошо. Приводят Стеньку в острог.

— Здорово, братцы! — крикнет он колодникам.

— Здравствуй, батюшко наш Степан Тимофеевич!

А его уж все знали!

— Что здесь засиделись? На волю пора выбираться...

— Да как выберешься? — говорят колодники. — Сами собой не выберемся, разве твоими мудростями!

— А моими мудростями, так, пожалуй, и моими!

Полежит там маленько, отдохнет, встанет.

— Дай, — скажет, — уголь!

Возьмет этот уголь, напишет тем углем на стене лодку, насажает в ту лодку колодников, плеснет водой: река разольется от острога до самой Волги; Стенька с молодцами грянут песни — да на Волгу! Ну и поминай как звали! [...] Только господа под последок догадались, [...] будет Стенька просить испить — не давай воды, пои квасом! А Стеньке с квасом ничего не поделывать... так и удержали! [...]

248. Марина-безбожница и Стенька Разин

В Орловском кусте обитала атаманша Марина-безбожница, а в Чукалах жил Стенька Разин. Местности эти в то время

были покрыты непроходимым лесом. Марина со Стенькою вели знакомство. И вот когда Марина вздумает со Стенькою повидаться, то кинет в стан к нему, верст за шесть, косырь, а он ей отвечает: «иду-де», и кинет к ней топор...

[...] Не могли Стеньку поймать. Поймают, посадят в острог, а он попросит в ковшичке водицы испить, начертит угольком лодку, выльет воду — и поминай как звали!

Однако товарищей его всех переловили и разогнали, а он сам ушел и спрятался в берегу, между Окой и Волгой, и до сих пор там живет: весь оброс мохом, не знать ни губ, ни зуб.

[...] И оставил этот самый Разин здесь клад, под корнями шести берез зарыл его. А узнали про это вот как: сидел один мужичок в остроге вместе с товарищем Стеньки Разина. Вот тот и говорит мужичку-то: «Послушай, брат, в таком-то месте лежит клад, мы зарыли его под корнями шести берез, рой его в такое-то время». Стало быть, уж он не чаял, что его выпустят на вольный свет, а может быть, раскаялся и дал зарок.

Вышел этот мужичок из острога, пошел в указанное место, а березы уж срубили, и корней не знать. Рассказал он про это всему селу. Поделали щупы, однако клада не нашли, а клад-то, говорят, все золото да серебро — целые бочки.

249. Про Степана Разина

Встретил как-то Степана Разина человек один в лесу. Узнал он в нем крестьянского вождя, подошел ближе да и говорит ему:

— Давай я тебя убью, Степан?

— Нет, — говорит Степан Разин, — не сладишь ты со мной. Ведь я не один.

— Каяться будешь, Степан!.. Я тебя предам. Зарубят тебя...

Усмехнулся атаман в ответ.

Но черный человек сдержал свое слово. Барские слуги поймали Разина и казнили Степана Тимофеевича в матушке-Москве.

250. Утес Стеньки Разина

Если плыть вниз по Волге, то ниже села Золотого встретится одна деревня. Называется она Лапоть.

Так вот, если по реке дальше плыть, то пониже этой деревни, над самой Волгой, и можно увидеть утес Стеньки Разина. Рассказывают, что у этого утеса останавливались разинские челны. От этого, говорят, и название утеса пошло.

А подалее есть гора Дурман. Вот там-то будто бы и сиживал Степан Тимофеевич. Тут Разин и решил идти на Москву, отсюда он и двинул свои челны на Белокаменную.

251. Атаман Волги

Ходили они в прежнее время на шкивнях, работали без пара на подаче судов. Ходили они от Рыбинска до Астрахани, пешком сокмой (береговой тропкой бурлацкой), бечевой таскали суда с грузом. Дедушка мой был марсовой, паруса подымал.

И вот в одно прекрасное время они сели под крутым бережком обедать, а мимо них плывет человек на рогожке по Волге. Они и говорят:

— Товарищ, выйди к нам, пообедай!

Не говоря ни слова, тот, что на рогожке, подплывает к ним, выходит на берег, садится за их котел и ест. Когда он покушал, то поблагодарил за угощение бурлаков. Бурлаки ему в благодарность ответили:

— Спасибо тебе, товарищ, на твоём добром слове!

— Я плыву в Астрахань, вы в Рыбинск. Когда возвратитесь ко мне, я за ваше благодеяние вас не оставлю.

Кончив путь до Рыбинска, бурлаки возвращались обратно. И во время сильного шторма остановились в Жигулях ночевать. Причалив судно, заварили свой ужин.

Вечером из воды выходит к ним человек.

— Здорово, ребята!

— Здорово, товарищ!

— Наверное, не узнали?

— Нет.

— А помните, вы меня пригласили и накормили под крутым бережком? Вот я хочу вас отблагодарить. За ваше угощение дарю вам казну. А казну даю вам не для того, чтобы вы были злодеями человечества, сохраните вражду к ненавистным людям, которые преследуют нас с вами. Но вы не знаете, кто я есть такой, и это будет возле Астрахани, в селении Фарфос. Встретимся мы там с вами, братцы.

И опять не объяснился, кто он есть такой, только дал знаки, что он обижен, но преданный друг человечества.

Неизвестный удалился.

Повели бурлаки свои барки дальше. В Астрахани нагрузились малосолом. Пришли забрать харчи к Ахмету-татарину. И увидали того же странника, но не в том виде, каким он показался в Жигулевских горах. Личность-то его, но вид одежды не тот. Обряжен как солидный купец.

— Вот вам, братцы, на штоф, и, если вы хотите разгадать, кто я есть, я вам скажу. Я есть атаман Волги — Степан Разин. Не забудьте — я никогда бурлаков не обижал, я только лишь шел за право бурлацкое и крестьянское и против вымогателей, которые пируют во дворцах. До свидания, с почтением к вам, Степан.

Это рассказывал дедушка моему отцу, а отец мой еще крепостное право хорошо помнил.

252. Разин и колдунья

Прежде люди говорили, что будто бы была у Разина сударушка, которая колдовством занималась. Самого-то Степана Разина вроде бы несколько раз ловили и в куски изрубали. А у сударушки была волшебная вода. И вот, когда его изрубят, она его водой смочит, и все его куски опять срастутся — и он оживеет.

А вот однажды на самой высокой горе Разина вроде

бы изрубили на куски. И тут как-то и про волшебную воду узнали.

Тогда, мол, взяли и столкнули сударушку в реку. Она утонула, а сам Разин так и остался изрубленным.

253. Божий городок

...**Б**ыло это во время Степана Тимофеевича Разина. Когда загремел Стенькин гром над широкою русскою землей, пошатели, говорят, разинские работнички и в Арзамасе. Выбегали они оттуда и дальше на север, загнездились было в Большом Мурашкине, ходили на Лысково и на Макарий. А потом по тем же следам ходили царские воеводы и чинили свою расправу после расправы разинцев.

Коротки и кровавы были дни молодецкого разгула и мести, коротка и жестока была также и расплата. Настроили заплечные мастера целый лес столбов с перекладами, и к вечеру народ глядел с горы на гору, как качались, рисуясь на алом небе, темные тела удалых молодцов-атаманов, да и своей арзамасской вольницы, приставшей к кровавому пиру... Видели все это арзамасские люди и колебались смущенною совестью. Вороны летели над угором; садилось за дальними полями кровавое солнце, пугливые сумерки крыли небо, ложились на землю... Кто же это висит там, на горе? Злодей и напрасные душегубы, проливавшие неповинную кровь, или подлинные защитники народной воли, грозные мстители вековечной неправды?

Правда, казацкая сабля плохо разбирала друзей и врагов, хмельной разгул вольной волюшки лил кровь как вино; и об атамане Степане Тимофеевиче тоже вспоминали, наверное, не в одной деревне: «Строгой был, строгий, нечего сказать, строгий!» Но его гром, как и настоящая гроза, все-таки чаще попадал в высокие хоромы, обходя низкие избы. И среди пролитой крови было немало крови повинной. С другой стороны, в застенках лилась далеко не одна только виновная кровь, и тогдашняя расправа иной раз немногим отличалась от разбоя. Мудрено ли, что совесть народа колебалась и смущалась и

что больше сожаления вызывал именно тот, кто более страдал в данное время?

И вот, говорит арзамасское предание, в эту самую ночь по большой саратовской дороге молодой арзамасский купец гнал во всю мочь усталого коня. Богатый купец, пожалуй, знал лучше других, кого ему следует жалеть и кого ненавидеть, и богатый обоз нелегко было провести без убытку в это беспокойное время. Но он бросил далеко на дороге обоз, товары и пожитки, вскинул пищаль за плечо и мчался один к Арзамасу, узнав от встречных беглецов, что в городе неладно, что в нем уже гуляют Стенькины неласковые ребята. А у купца в городе старые отец с матерью да молодая любимая жена с первенцем-сыном.

В темную полночь, на взмыленном коне выскочил молодец из лесу на поляну, в виду родного города. Не видать уже над городом зарева пожаров, не слышно набата, город будто весь вымер, только в церквах кое-где робко теплятся свечки — знать, у мертвых тел поставленные для отпевания...

И вдруг конь у купца захрапел и насторожился.

Было это на том самом месте, где теперь стоят божины дома. Видит купец — стоит на горе странный лес, без листвы, без ветвей, и точно зрелые плоды — висят добрые молодцы, и черные вороны тяжело машут крыльями и глядят молодцам в мертвые очи. Накипело у купца на сердце от неизвестности и горя, когда он мчался днем и ночью, сменяя уставших коней, а на душе черным камнем лежала кручина... Осадил он коня, привстал на стремянах и изо всей силы хлестнул плетью ближайшее мертвое тело... Тело закачалось, лязгнула цепь, и вороны поднялись, тяжело взмахивая крыльями...

И говорит старое арзамасское предание, что свершилось в ту минуту страшное чудо. Со всех виселиц, и с колес, и с окровавленных кольев черною сетью взвились вороны, как темная туча. Потом, лязгая цепями, сорвались казненные с петель и крючьев. Испуганный конь помчал молодца с отлогой горы, пролетел по лугам, перемахнул через ручей и, напрягая последние силы, принес в город... И все время точно осенние листья в непогоду, вихрем неслись за ним тени казненных, и мертвые очи горели огнями, и руки, закованные в цепи, тянулись

к нему с проклятьями, и мертвые голоса плакали, жаловались и проклинали.

Понял тогда купец, что не ему судить тех, кто стоит уже перед другим судом, слагая там и свои и чужие неправды, и свои и чужие обиды, и свою и чужую пролитую кровь. И дал он в ту страшную минуту крепкий обет: схоронить всех казненных в общей могиле, воздвинуть над ними скудельницу и ежегодно дарить грешные души молебным пением...

С этих будто пор и повелись в Арзамасе божии дома. С этих пор, продолжая стародавний обычай, поет над неизвестными могилами клир...

254. Разинская сбруя

В народе говорят, что разинцы и до Нижнего и вверх по Оке поднимались. Проплывали мимо Павловского острога, а впереди был уже и древний Муром. О том, что дело проиграно, Разин понял давно. Потому и вел тогда свою ватагу на отдых. Струги легко скользили по воде. К вечеру пристали к крутому правому берегу, встали на ночлег на высоком мысу. С него открывался широкий речной простор и хорошо были видны низинные заокские дали.

До рассвета сидел Степан у костра. Еще не рассеялся утренний туман, а он поднял ватагу. Собрали пасущихся лошадей и поплыли обратно, на Волгу. А когда сошли на берег, хватился Разин конской золоченой сбруи. Остатась она на окском мысу, который жители села Голенищева именуют Шишкой. Пытались некоторые голенищевцы копать тут, да не нашли золотой сбруи.

255. Переправа Пугачева

Слышал я от стариков, что в наших местах, почти у самого Кокшайска, сам Емельян Пугачев с войсками своими через Волгу переправу держал. Будто бы шли

пугачевцы с низовьев реки не одни сутки и вот достигли лесов марийских.

Тут, на излучине реки, вроде бы и решил Пугачев через Волгу на правый берег переправиться. Это, мол, для того, чтобы горной стороной подойти к Чебоксарам и взять город приступом.

Но как большое сухопутное войско через такую широкую реку переправить?

И решили тогда пугачевцы собрать по тому и другому берегу все лодки да паромы с нижних переправ. Здешних-то лодок да паромов для войска его было мало. Тут и пошли гонцы пугачевские вниз по обоим берегам Волги и все, что было пригодно для переправы, забирали да к Кокшайску пригоняли.

Так и согнали они сюда все лодки да паромы. И вот сели все отряды пугачевские, на весла налегли да на правый берег перемахнули. А там, как переехали на горную сторону, так пешим ходом на Чебоксары и пошли.

Чуваши, говорят, обороняться стали, и тогда Пугачев сбил их силу и сразу занял город.

256. Дуб Пугачева

Когда под Казанью Пугачев потерпел поражение, то он отступал в районе Красногорска и разбил свой лагерь на высокой горе. Там стоял огромный вековой дуб. С этого дуба Пугачев наблюдал за врагом.

Говорят, что этот дуб стоит до сих пор.

257. Шемекей — воин Пугачева

Был, говорят, в войске Пугача чуваш по имени Шемекей. Он отличался исключительной смелостью и отвагой. С помощью этого чуваша Пугач занял не один город и селение. Однажды этот храбрый чуваш был окружен царскими солдатами. Нет пути ни в какую сторону, а впе-

реди раскинулась Волга. Шемекей взял свою лошадь с тарантасом — и в Волгу. И переплыл ее. А те, царские слуги, остались на берегу, разинув рты.

258. Пельмени

Пугачев нагрянул к пребогатому чувашу. Тот в это время ел пельмени. Пугачевцы потребовали его на расправу.

— Подождите, люди добрые, дайте съесть еще один пельмешек! — просит богач.

Пугачев поглядел-поглядел — видно, сильно проголодался о ту пору — уселся за стол рядом с богачом и давай уплетать пельмени.

— Ой, и вкусны же, оказывается, твои пельмени, — говорит он, оглаживая бороду.

— Да эти что-о, — отвечает хитрый богач, — я бы вам завтра повкуснее наварил.

Вот Пугачев и отдал приказ, чтобы он назавтра для всего войска пельменей наготовил. Так и остался хитрый богач ненаказанным.

259. Рассоха

Пробыв в Курмыше восемь дней, Пугачев отправился в Ядрин, но не берегом Суры, а лесом, через Шокино и Кекино.

Леса тогда были огромные и труднопроходимые. Продвигались медленно.

Задерживали также и тяжелые обозы с продовольствием, оружием, с золотом, серебром и разными другими драгоценностями, отобранными у дворян. Курмышский уезд богат был дворянскими гнездами.

Тогда казаки стали роптать и требовать, чтобы Пугачев разделил им отобранное. Но у Пугачева были другие планы: он хотел все раздать бедным крестьянам, чтобы привлечь их на свою сторону.

Вспыхнула ссора.

Место было глухое, мрачное, кругом топкое болото. Некоторые из казаков его покинули и ускакали вперед.

Наконец лес расступился — блеснуло большое озеро Пашково, принадлежавшее раньше помещику Пашкову.

Боясь предательства, Пугачев приказал все ценности утопить в озере. Озеро глухо всколыхнулось и приняло в свои объятия ценный металл, погрузившийся глубоко на илистое дно. И снова сомкнулись волны.

Отряд поскакал быстрее.

«Здесь разохлось дело Пугачева», — говорят старожилы села Шокина.

Вот почему это низкое и мрачное место в чаще леса называется теперь Рассоха.

Озеро Пашково огромное и глубокое, но почему-то мрачное. Даже яркий луч солнца не проникает в его глубину, не делает воду прозрачной. Темная вода его покрыта тусклым налетом, отчего оно кажется непроницаемым, словно боится открыть свою тайну.

260. Емельян Пугачев в Ядрине

...**Е**мельян Пугачев шел на Казань через город Курмыш Симбирской губернии, который от города Ядрина находится в двенадцати верстах по реке Сура... Мордва, жившая в селе Шокино Нижегородской губернии, находящемся от Ядрина в десяти верстах, а от Курмыша — в шести верстах, узнав, что Пугачев приказывает вешать господ и причты церковные, обирающие народ, устремилась в город Ядрин. [...]

В Ядрин Пугачев не заехал, а проехал 20 июля через город Курмыш. Вблизи Курмыша, на другой стороне реки Суры, и поныне стоит село Ильина Гора. Дедушка мой в это время был там дьячком.

На Ильиной Горе 20 июля храмовый праздник, и причт, в числе коего был и мой дедушка, служил перед обедней молебны. Вдруг едет казак и кричит громким голосом: «Встречайте! Царь сейчас переедет через Суру».

Смотрим, говорил дедушка, и доподлинно: едет Пугачев верхом на светло-желтом коне. Одет Пугачев был в кафтан, и нагайка у него висела через плечо.

Около него верхами ехали два генерала с бородами, в лентах. Один Белобородов, а другой Белокопытов, как теперь помню их по рассказу дедушки моего.

Причт вышел навстречу с крестом и святой водой. Пугачев слез с коня, приложился к кресту, и священник окропил его святой водой. У села Пугачев остановился отдышаться и велел причту после обедни явиться к нему в лагерь.

Причт явился, и Пугачев подал всем водки, а потом говорит: «Ну, отец! Спасибо тебе, что ты почтил меня как царя своего. Когда я возвращусь в Москву на престол свой, то тебя и дьячка вызову к себе и сделаю тебя первым протопопом, а дьячка твоего — попом».

Причт пал ему в ноги за это...

Отсюда Пугачев тронулся большой дорогой к Выльскому базару Ядринской округи и там тоже остановился отдышаться. Чуваши свезли к нему тут разных членов причта, перевязанных, и жаловались Пугачеву, что их крайне обижают и разоряют.

Пугачев в ответ махнул белым платком, и тут же всех попов, которые притесняли людей, чуваши казнили.

...Через полгода по приказу императрицы Екатерины всем попам, встречавшим Пугачева с иконами, были отрезаны уши. Ильинский причт благодаря невыдаче его крестьянами избежал такой страшной казни.

Дедушка сам видел попов, казненных урезыванием ушей.

Чуваши, ободренные Пугачевым, долго не могли успокоиться; они приходили в город Ядрин из-за Суры и кричали: «Царь Петр Федорович приказал давать нам даром соли за то, что мы вешали попов и богачей, обижающих нас...».

По приказу властей их ловили и сажали в тюрьму, а потом некоторых вешали, а иных засекали до смерти, посыпая солью раны.

За отражение Пугачева ядринскому купцу Засыпкину и купцу Упрямкину императрица Екатерина пожаловала потомственное дворянство и по серебряному с золотом ковшу.

Один ковш и сейчас хранится в Троицкой церкви города Ядрина, а другой исчез, как исчезли кафтаны и сабли,

подаренные Екатериной, и дарственная грамота жителям Ядрина.

Ядринские мещане и сейчас вздыхают по этой грамоте, говоря: «Екатериной грамотой земля была дадена, а кто-то стащил эту грамоту...».

261. Необычные жеребеи и картечь

Раньше Камышин был крепостью, и когда подошел к нему Емельян Пугачев, то все уже было начеку — солдаты подняты в ружье, пушки заряжены. Комендант и офицеры не думали сдаваться. От верных своих людей знали, что ни ядер, ни картечи, ни жеребеев в обозе у Пугачева нет. А с одними ружьями и шашками крепость не взять. Вышли офицеры на крепостной вал, посмеиваются, кричат:

— У нас вам для каждого свинцовой каши вдоволь приготовлено. Поближе подходите, досыта накормим, не то что у вашего самозванного царя — из пушки и раза выстрелить нечем.

Досада взяла пугачевцев, бросились на крепость, но не успели добежать до ее вала, как по ним начали бить картечью. Волей-неволей назад повернули.

Узнал об этом Емельян Иванович, крикнул к себе своего главного над пушками начальника Ивашку Товорогова.

— Это что же ты делаешь? У тебя пушки гуляют без дела, ни одного выстрела не дали по крепости. Почему ты не потетишь офицеров, да так, чтобы они от страха зубом на зуб не попадали?

Ивашка Товорогов только руками разводит:

— Нечем ведь!

— Как так?

— Да так, когда брали Саратов, то все ядра, жеребеи и картечь извели!

Задумался Емельян Иванович, спрашивает у Ивашки Товорогова:

— Кажись, мы в Саратове захватили немалую казну?

— Десять возов меди да два воза серебра, — ответил

ему Ивашка Товорогов. — Только на них сейчас ведь не купишь ни жеребеев, ни картечи.

Емельян Иванович на него поглядел и говорит:

— Вижу, нет у тебя смекалки. Пали по крепости пятаками да целковыми. Они будут ничуть не хуже жеребеев и картечи.

Ивашка Товорогов не стерпел:

— Как же это — деньгами? Жалко!

— Раз приказываю, выполняй. Не вздумай ослушаться. Наше дело не казну наживать, а господ дворян бить.

Не посмел Ивашка Товорогов ослушаться Емельяна Ивановича, начали пушкари палить по крепости серебряными целковыми да медными пятаками. Не выстояла она. Солдаты коменданта и офицеров веревками повязали, посадили под караул. Крепостные ворота открыли — сдались.

Говорят:

— Мы не черти, чтобы считать казенные пятаки. Помилуйте!

Емельян Иванович их всех помиловал, зачислил к себе в войско.

262. Пугачев в Саратове

Накануне второго Спаса вышла я с пирогами утром рано, оставила скамейку и покрикиваю: «Пирогов с начинкою, масляных, горячих, отведайте, молодцы, молодухи и малые ребята!» Подходят ко мне человек пять, такие урванцы, что не много встретишь, говорят, где, дескать, бояре проживают. Мы, дескать, посланные царские слуги. Меня как иголки от их слов по шкуре закололи. Что, думаю, делать? Люди они, по-видимому, недобрые. Отвечаю им: «Не знаю, молодцы». — «Как не знаешь? Ты торгуешь, здешняя, стало — скрываешь».

Один из них как толкнет меня. «Ахти, — говорю, — что ты, окаянный пострел?» — «Как пострел? Я царский слуга».

Давай меня трепать, отняли корчагу, вырвали кошель с деньгами и полетели на Соколовую гору. Плакала я, пла-

кала, а помочь горю нечем, — я к этому старику (указав на Острякова*), — он в то время был молодец молодцом. Совета не подал, говорит: «Не до тебя, дескать, Вахромеевна. Пугач около Саратова, а его разбойники грабят и буйствуют».

Так и быть, молчу: ни денег, ни корчаги. На самый второй Спас утром пришел на Соколовую гору Пугач, с ним ехало народу видимо-невидимо. Пугач ехал верхом на белой лошади, на нем была высокая пушистая шапка, чапан синий, шаровары и бекеша с золотом; вокруг него были верховые с саблями и ружьями, позади везли пушки. Перед обеднями поставили палатки и виселицы. Слышу, из тюрьмы колодников выпускают; думаю себе: неспроста милости дают, дай пойду. Собралась с духом да и туда. Помню как сейчас: около палатки Пугача собрались казаки, посадские, сам Пугач ходит по народу. Я ему в ноги, и молвила, что, дескать, обидели меня его слуги. Он сказал: «Не плачь, помогу», — и велел отдать мне деньги. Конный вынес из палатки пригоршни медных денег и высыпал мне в передник. Слава богу, думаю себе, потихоньку вышла из толпы да сколько было силы — бежать с горы.

При мне к Пугачу на гору привели барыню и двух дочерей, связанных. Пугач на них кричал, грозил повесить за то, что барыня укрыла мужа своего, а дети не сказали, где отец, которого Пугач намерен был повесить! Дочери так плакали голосом, упрашивали Пугача отпустить их, что одна из них упала замертво. Пугач умилился, приказал отвести всех в дом и сказать отцу, что, дескать, не за покорность его, а за слезы детей милость дает.

263. Про Пугачева

Про Пугачева у нас много дедушка знал. Рассказывал, бывало, все. Как сойдутся круг его, он и пойдет, и пойдет... А его дед (как уж он мне-то теперь?) пастухом был, когда Пугачев к нам в село заявился. У речки, значит, встретил его со стадом, двое конных подъехали.

* Сосед рассказчицы.

«Чье, мол, стадо?»

«Мирское!» — говорят.

«Ну а барин у вас кто, обижают, мол, вас? Бай нам, мол, все, как есть...»

«Не могу, мол, знать, мы, мол, его не видим».

А барин-то и не жил там, в экономии: все по заграницам катался да по столицам. Ну, приказчика главного, того пугачи с собой забрали. У нас старики есть — они лучше про это знают.

264. Пугачевцы в Лукоянове

Пугачев в Лукоянове не был, а вот отряды крестьян, чтобы с ним соединиться, через наши места проходили. Война недалеко отсюда была — Пугачев и Алатырь взял, и Саранск.

В нашей семье из поколения в поколение передают такой рассказ.

Пришли пугачевцы в Лукоянов. В соседних селах они много уже помещиков перевешали, много старост. И вот тут же народ собрали. Старосту схватили:

— Ну как, обижают вас староста?

А староста-то был мой прапрадед!

Все стоят, молчат. Только один кто-то голос подал — жаловаться стал. Атаман говорит:

— Все вижу! Староста вас и правда обижают. Но не сильно. Раз так, жизнь мы ему даруем, а наказание назначим.

Привязали его и выпороли. Долго пороли. Чуть жив остался. Домой его уж на холстах принесли, положили. Но ничего — поправился все же.

265. Хоршеваши

До сельчан дошли слухи, что к ним идет Пугач. Одни будто боялись, другие, часто выезжавшие в другие места, радовались. Они слышали, что Пугач бедняков осво-

бождает от гнета, помогает им. Поверив слухам, готовились к его встрече. Так вот Пугача и его солдат встретили с хлебом-солью. Крестьяне славно угостили их. Пугач перед выездом за радушную встречу его и солдат, за гостеприимство поблагодарил по-русски и сказал: «Хороши ваши!» После этого село получило название Хоршеваши, а по-чувашски Хурашаш.

266. Пугачевские дороги

Старики говорили, что дорогу из Скрипников до Толкая называют Пугачевской. Когда Пугачев стал сюда подходить, старики вышли встречать его с хлебом-солью.

А за ним гнались царские слуги. Из боязни пугачевцы закопали на лугу бочку с золотом. От дороги отмерили расстояние. Потом же каждый год дороги по лугу меняли: в этом году — здесь, на будущий год — в другом месте. Наверное, бочка и сейчас там, никто ее не видел.

А Пугачев здесь прошел. Вот дорога из Полуднева сюда спускается. Там украинское село, семь-восемь километров отсюда будет. Дорога сюда вот спускалась, ближе к Толкаю.

267. Расплата Пугачева с купцом

В городе Цивильске жил очень богатый купец. Его деньги стояли в сараях в сорокаведерных бочках. К этому богатею Пугачев явился в одежде нищего и попросил денег. Богатей, будучи очень скупым, денег ему не дал.

Пугачев, рассердившись, в другой раз явился к купцу со множеством народа, вывез возами его деньги и стал раздавать их народу, разбрасывая монеты из лукошка, словно хлеб сеял.

Каждому разрешалось собирать монеты только перед собой.

Дом и строения купца подожгли.

268. Про Пугача

В Самарской губернии, Ставропольского уезда, в селе Старом Урайкине побывал Пугач и с помещиками обращался круто: кого повесит, которого забором придавит...

Была в Урайкине помещица Петрова, до крестьян очень добрая (весь доход с имения с ними делила); когда Пугач появился, крестьяне пожалели ее, одели барыню в крестьянское платье и таскали с собой на работы, чтобы загорела и узнать ее нельзя было, а то бы и ей казни не миновать от Пугача.

269. Краснослободск

Во времена восстания Пугачева это было. Устал Емельян от боев кровопролитных, притомился, да и лег отдохнуть на берегу Мокши-реки у подножия зеленого холма, на котором раскинулось селение Твердь.

Проснулся Емельян рано-рано, на зорьке, взглянул на холм и увидел, как в лучах восходящего солнца окрасились в алый цвет белые сады Тверди, как засверкали купола ее церквей. Поразился Пугачев такой красоте, вздохнул полной грудью и сказал, указав рукой на холм:

— Красная слобода!

Так и осталось это название за Твердью, укрепилось. А позднее стала Красная Слобода городом Краснослободском.

270. Генерал Пугачева

Когда Пугачева окружили царские войска, один из его генералов вырвался из окружения и на своей сивой лошади с серебряной уздой и подковами прискакал в лес около села Чувашской Сормы Ядринского уезда.

Здесь он был схвачен карателями и повешен на березе.

Перед смертью генерал успел сказать: «Пусть здесь будет кереметь и пусть чувашаи меня почитают».

Это место у чувашей стало известным во всей округе Сорминским кереметом. Почитая пугачевского генерала, чувашаи носили сюда выпеченных коньков, украшая их золотой и серебряной бумагой.

271. Пугачев в Арзамасе

В молодости слышал я рассказ про то, что когда Емельяна Пугачева схватили да сковали по рукам и ногам, везти в Москву без железной клетки не решались.

Посадили, значит, его в клетку-то, как зверя хищного, и повезли через Нижегородскую губернию. И вот привезли его в Арзамас и оставили клетку где-то посреди улицы.

Ну, конечно, народ окружил повозку-то, на которой клетка с Пугачевым стояла.

Вокруг нее все простой люд сначала толпился. Но вот кто-то крикнул:

— Пустите барыню поближе!..

И действительно, к повозке с клеткой старая помещица какая-то подходит. Народ расступился, и ее пропустили поближе к клетке.

Уставилась она на Пугачева, а он заметил ее да так взглянул на нее сурово, так брякнул своими кандалами, что старуха замертво упала.

Вот какой был он, Пугач-то.

272. Булат Пугачева

Разбили царские воеводы войско Пугачева, а самого Емельяна Ивановича в полон взяли. Все же успел он булат свой заветный передать верным людям, друзьям своим. Наказал им день и ночь скакать в Жигулевские горы. И там, в потайной пещере, надежно припрятать булат.

На нем были высечены слова такие: «Кто булат изой-

мет, тот и правду найдет». Правда-то была господами богатеями закована десятипудовыми цепями. От народа ее прятали за семью замками. Потому что в правде — сила великая. Кто ею владеет, тот и счастье имеет.

А булат Пугачева — волшебный. Только им и можно было разбить цепи и вызволить правду.

Вот и принялись честные да смелые искать заветный булат. А дороги к нему никто не знал. И где он припрятан, тоже знать не знали. Так как люди те, что по приказу Пугачева возили булат в Жигулевские горы, перемерли. Долго его искали — и в горах Жигулевских, и в горах Уральских, и в горах Кавказских.

А потом все-таки узнали, что кован булат на Урале, в Усть-Катаве. Ковали его и закаляли работные люди, те самые, что первыми признали Пугачева.

Вот и поехали к ним, чтоб спросить, где припрятан заветный булат. А они отвечают: «Не от отцов, а от дедов слышали про булат Пугачева. Знаем, как ковали, как письма на нем писали. А вот где он теперь, про то ничего не знаем и не ведаем...»

Раз так, то порешили тогда всем народом сковать новый булат. И сковали. Всем был похож он на прежний. Из той же златоустовской стали, те же слова на нем высечены. И та же в нем сила волшебная. С этим-то булатом и поднялся народ за правду.

А тот, что захоронен в горах Жигулевских, так и лежит в потайном месте.

273. Горькая смерть

Фома-дворовый был пугачевец, и его решили повесить. Поставили рели, вздернули Фому, только веревка под ним оборвалась... Упал Фома с релей, а барин подошел и спрашивает: «Что, Фома, горька смерть?»

«Ох, горька!» — говорит.

Все думали, что барин помилует, потому что, видимо, Божья воля была на то, чтобы крепкая веревка да вдруг оборвалась. Нет, не помиловал, велел другую навязать.

Опять повесили — и на этот раз Фома сорвался. Барин подошел к нему, опять спрашивает: «Что, Фома, горька смерть?» — «Ох, горька», — чуть слышно прохрипел Фома.

«Вздернуть его в третий раз! Нет ему милости!»

И так счетом повесили барского человека три раза.

274. Аристов овраг

Недалеко от села Фокина есть овраг. В народе он Аристовым зовется. И вот почему.

Жила когда-то здесь в маленьком домике молодая вдова Дуня с дочкой. Дуня была доброй и тихой женщиной. На своем веку она никого пальцем не тронула, и уважали ее за это во всей округе.

Рассказывают, что во времена Пугачева в тех местах случалось бывать атаману Аристову со своим отрядом. А этот Аристов, говорят, дружком самого Емельяна Ивановича Пугачева был.

Познакомился атаман с Дуняшей и стал заезжать да захаживать в маленький домик. Приглянулась, знать, Аристову вдовушка-то, да и она, видно, увидела в нем хорошего человека. Ну, что же тут особенного, оно ведь и понятно — дело-то молодое, и кто здесь судья? Он — ей понравился, а она — ему, да и девочка к этому доброму человеку тянулась, все, говорят, тятей его именovala.

Но узнал кто-то про это. Узнал и донес, знать, прямо самим властям. И вскоре стал атаман примечать, что, как только он в этих местах появится, за ним какие-то люди зорко присматривают.

Один раз, прощаясь с хозяйкой дома, Аристов сказал:

— Замечаю я, Дуня, что следят здесь за твоим домом. Видно по всему: за мной охотятся...

— Ой, как страшно! — молвила она в ответ. — Я так боюсь за тебя...

— А ты не бойся, — успокаивал ее Аристов, — может, мне это и показалось, что следят, но на всякий случай дай мне знать, когда к тебе в дом прийти можно.

— А как?

— Вышли дочку с ведрами к колодцу, я и пойму, что опасности нет.

— Ладно, — говорит Дуняша, — так я и сделаю.

Ушел Аристов из дома и долго в этих местах не появлялся, а когда вернулся, сразу к избе у оврага не поехал. Засел он в орешнике на самой круче и стал наблюдать. Ждал несколько дней.

И вот один раз видит: дочка за водой пошла. Вышел Аристов из орешника и к Дуняше. Да просчитался тут атаман: власти-то хитрее оказались. Только вошел он в дверь, а царские солдаты тут как тут! Со всех сторон окружили они Дуняшин дом. Ну, конечно, живым схватили они Аристова. Избенку-то тут же сожгли, а атамана в Москву отвезли. Четвертовали, говорят, его потом, а вот что было с Дуняшей и дочкой ее — не знаю.

275. Рельское озеро

Есть недалеко от Курмыша озеро. Про то озеро в народе рассказывают, что видело оно на своих берегах когда-то и пугачевцев, и самого батюшку Емельяна Ивановича!

В то доброе для простых людей время дошел Пугачев со своим войском до самых этих мест. Был он и в Курмыше, да не очень долго, потому что спешил тогда атаман.

И вот, говорят, устроили пугачевцы на берегу озера свой стан, шатры раскинули, шалаши смастерили...

А поодаль, тоже тут, у самого озера, столбы врыли, а на них — перекладыны приладили. И получились из всего этого виселицы отменные, чтобы бояр, попов да помещиков вешать.

Ну а виселицы в былую пору в народе релями называли.

Так с тех грозных лет и пошло название озера-то: Рельское да Рельское.

А Емельян-то Иванович, сказывают, направился со своим войском славным от озера прямо к Суре.

А на берегу реки церковь была, и в ней в тот самый момент как раз служба проходила. Заслышали крестьяне, что Пугачев идет, и высыпали все из храма навстречу своему избавителю. Народ машет ему платками и шапками, приветствия кричит.

Тут и поп с причтом вышел, окропил атамана святой водицей.

Понравилось все это Пугачеву. И тем избавился поп от виселицы на Рельском озере.

276. Пугач и Салтычиха

Когда поймали Пугача и засадили в железную клетку, скованного по рукам и ногам в кандалы, чтобы везти в Москву, народ валмя валил и на стоянки с ночлегами, и на дорогу, где должны были провозить Пугача, — взглянуть на него. И не только простой народ стекался, а ехали в каретах разные господа и в кибитках купцы.

Захотелось также взглянуть на Пугача и Салтычихе. А Салтычиха эта была помещица злая-презлая; хотя и старуха, но здоровая, высокая, толстая и на вид грозная. Да и как ей не быть толстой и грозной: питалась она — страшно сказать — мясом грудных детей. Отберет от матери из своих крепостных шестинедельных детей под видом, что малютки мешают работать своим матерям, или другое тем для виду наскажет — господам кто осмелится перечить? — и отвезут-де этих ребятишек куда-то в воспитательный дом, а на самом-то деле сама Салтычиха заколет ребенка, изжарит и съест.

Дело было под вечер. Остановился обоз с Пугачевым на ночлег. Приехала в то же село или деревню и Салтычиха: дай-де и я погляжу на разбойника-душегубца, не больно-де я из робких. Молва уже шла, что когда к клетке подходит простой народ, то Пугач ничего — разговаривал, а если подходили баре, то сердился и ругался. Да оно и понятно: простой, черный народ сожалел о нем, как жалеет о всяком преступнике, когда его поймают и везут к наказанию, — тогда как покуда тот преступник ходил

по воле и от его милости не было ни проходу пешему, ни проезду конному, готов был на колья поднять, — сожалел по пословице: «Лежачего не бьют», а дворяне более обращались к нему с укором и бранью: «Что-де, разбойник и душегубец, попался?»

Подошла Салтычиха к клетке. Лакеишки ее раздвинули толпу.

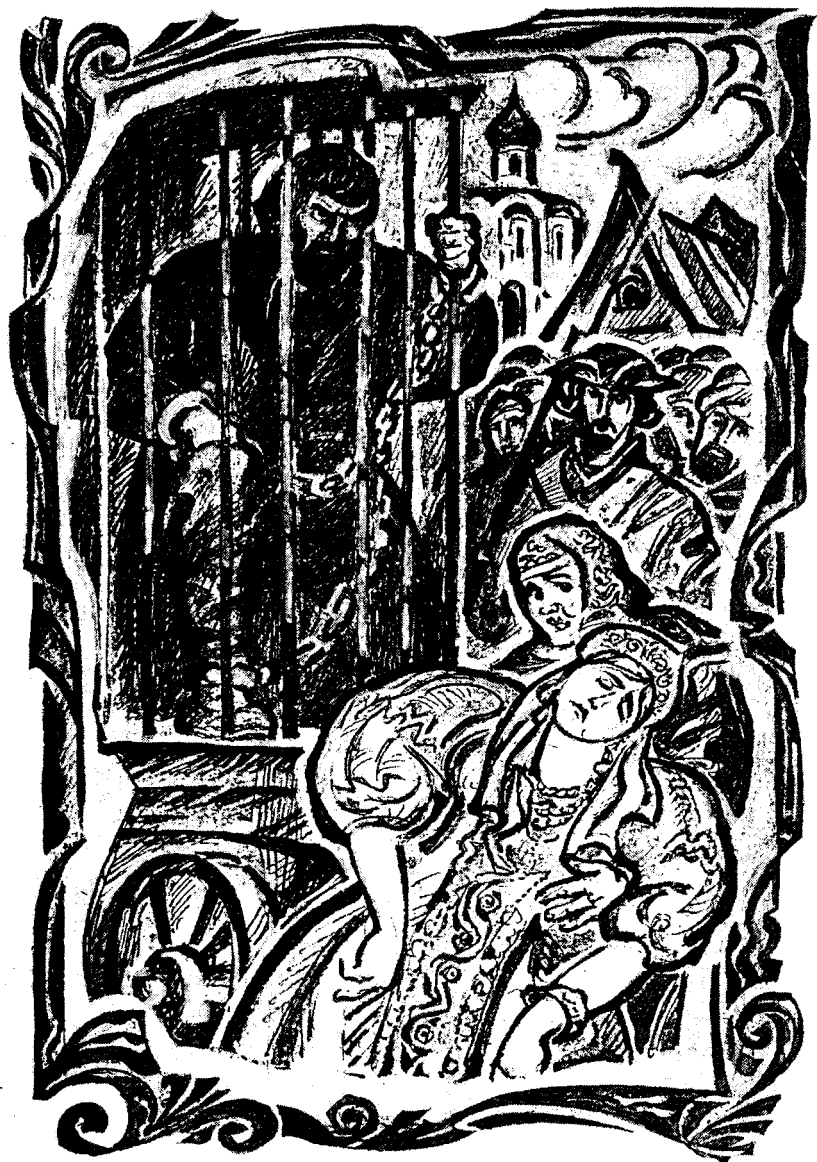
«Что, попался, разбойник?» — спросила она. Пугач в ту пору задумавшись сидел, да как обернется на зычный голос этой злодейки и — Богу одному известно, слышал ли он про нее, видел ли или просто-напросто не понравилась она ему зверским выражением лица и своей тушей, — да как гаркнет на нее, застучал руками и ногами, инда кандалы загремели, глаза кровью налились: ну, скажи, зверь, а не человек. Обмерла Салтычиха, насилу успели живую домой довести. Привезли ее в имение, внесли в хоромы, стали спрашивать, что прикажет, а она уже без языка. Послали за попом. Пришел батюшка. Видит, что барыня уже не жилица на белом свете, исповедовал глухою исповедью. А вскоре Салтычиха и душу грешную богу отдала. Прилетели в это время на хоромы ее два черные ворона...

Много лет спустя переделывали дом ее и нашли в спальне потаенную западню и в подполье сгнившие косточки.

277. Как сын родителей спас

Владельцы Ожгибловки Бобоедовы были захвачены пугачевцами, отвезены в Курмыш и там заключены. Им объявлен был смертный приговор. В семье Бобоедовых был маленький мальчик, большой искусник плясать под балалайку слуги их Онисима.

Онисим предложил командиру отряда пугачевского посмотреть на плясуна. Привезли мальчика, заиграли на балалайке, мальчик пустился плясать и привел всех в восхищение, развеселил командира, который отменил смертный приговор Бобоедовым и даже отпустил их.

278. Про Антона Петрова

Антон Петров из села Бездна — мой родственник в четвертом колене. В 1861 году ему лет сорок было. Его в селе тут уважали, он в церкви старостой был, все книжки читал.

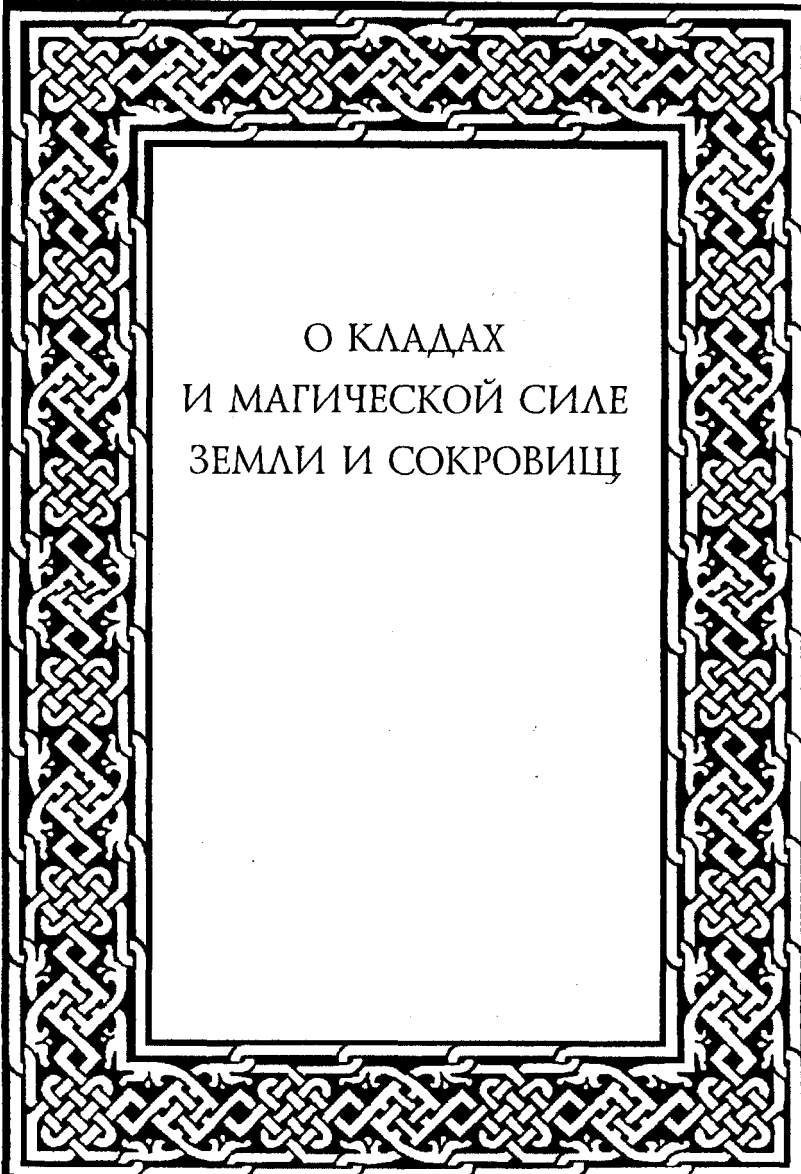
Царь манифест издал, что дает волю крестьянам, а тут это скрывали. А Антон прочитал и стал всем рассказывать. И в нашем селе и из соседних сел к нему народ шел. Он царский указ всем объяснял.

И за это его решили расстрелять. Из Казани солдаты приехали. Народ-то его не выдавал, они в людей стали стрелять. Антон увидел это и вышел. Тут его и приговорили к расстрелу. Священник пришел. На него надели саван и погнали через село.

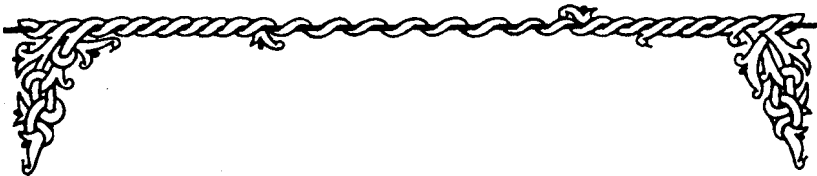
За ним жена бежала: он женился недавно, детей не было еще. Дом его стоял на нашей улице. Теперь она улица Антона, а село у нас Антоновка. Мы тут живем, потому-ки его пяти братьев.

Довели Антона до большака, до холодного ключа. Там вырыли могилу и расстреляли.

А через три часа из Казани тройка приехала. Военный объявил: Антон помилован.

О КЛАДАХ
И МАГИЧЕСКОЙ СИЛЕ
ЗЕМЛИ И СОКРОВИЩ

279. Худояров городок

Худояров городок — в шести верстах от Кроткова, на севере Сенгилеевского уезда (в тридцати верстах от Сенгилея)... Жил тут хан Худояр, один из дальних родственников Ивана Грозного, который за убийство своей жены был сослан на берег Волги, где и построил два городка: близ деревни Караниной и села Кроткова. В последнем он жил со всею своей челядью и защищался от набегов буртасов, а кто говорит — ногайцев или калмыков. Один солдат в Сенгилее рассказывал, что у него был дедушка любитель до кладов; а у дедушки был товарищ, такой же любитель. Они с ним часто рылись в этом городе, но ничего никогда не находили. Раз дед его пошел за грибами на Лыкову гору; набрал груздей, спустился с горы, дошел до родничка, сел отдыхать. Это было перед вечером. Видит, что его товарищ Яков идет и зовет дедушку...

— Поедем ко мне...

— Поедем.

Приехали к Якову, распрягли лошадей. Яков в избу пошел и дедушка за ним. Вошел в сени, двери-то в избу не найдет. Кричит, кричит — никто голосу не отдает; а лукошечко с груздями на шее висит. Вот он его на землю поставил и стал шарить дверь. Бился, бился — не найдет! Начал молитвы читать, а двери все нет. Только немного погодя он увидел вдали — свет чуть пробивается... И слышит, что будто в кузнице кузнецы куют. Взял он лукошко и пошел на свет. Дошел до железной двери, отворил ее — видит длинный-предлинный подземный ход; а справа и слева стоят кузнечики, очаги и наковальни. Все кузнецы высокие, в белых, как кипень, одеждах, и у каждого очага по три кузнеца: один дует мехами, дружкой раскалывает железо, а третий кует...

Пошел дедушка дальше и видит: кузнецы куют у каждого горна все разные вещи. Он уж ни с кем ни слова, и

далеко пошел по этому ходу; стал уставать. Вдруг явился к нему из другого побочного хода как будто приказчик какой, или их распорядитель, одетый весь в кожану одёжу с ног до головы, красивее тех: смуглолицый, ловкий и бравый молодой парень, и говорит:

— Как ты, дедушка, сюда попал? Что тебе надо? Денег что ли? Пойдем, я тебе покажу их и дам.

— Нет, родимый, ты меня выпроводи отсюда: я запутался.

— Вот я прежде тебе покажу, а потом выведу на дорогу. Пойдем!

И пошел его водить по разным ходам, между кузнецами, то в тот переулоч, то в другой. Так заводил, что замаял: могут не стало.

— Бог с тобой, с твоими деньгами. Выпусти!

— Вот сейчас. Немного осталось.

Подвел его к подвалу, повернул страшной величины ключ в железной двери, отворил. Старик видит: лестница железная, чудной работы, подвал весь фонарями освещен и полон золота, серебра, меди, железа, стали и чугуна! И все как жар горит!

— Видишь, старик, как я богат. Хочешь золота или серебра, бери сколько хочется!

— Да куды мне, родимый? Только отпусти! Мне и взять-то не во что.

— Да вот в голицу-то насыпай!

— Да как я донесу?

— От онуч-то веревки отвяжи, да и перевяжи руковицу-то.

Старик соблазнился на золото, насыпал одну рукавицу, в другую приказчик насыпал.

— Довольно что ли тебе?

— Спасибо, батюшка! Дай тебе Бог здоровья на много лет!

— Не надо, не надо! Не благодари, старик! Ты только с Яковом хлеба нам привези. Видел сколько у меня работников?..

— Постараюсь, батюшка.

Вывел его из повала, повел по коридорам и наконец подвел к какой-то земляной трещине.

— Видишь свет?

— Вижу.

— Иди на него!

Старик пошел на свет, чувствует, что вышел на воздух. Осмотрелся, увидел, что стоит снова у ручья, где отдыхать садился. Взглянул под ноги; видит, что у ног стоят его связанные голицы, пощупал их, чувствует, что деньги; развязал одну, запустил руку (темно было: чуть заря), слышит: золото. Он вытряхнул из лукошка грибы и заметил, что на них червь набросился; высыпал в лукошко золото, прикрыл травкой и пошел по дороге к Кроткову. Сильно проголодался, улицами не шел, а зашел с заднего двора, прямо к себе в амбарушку. В это время рассвело. Он бережно деньги запер в короб, вошел в избу; его и спрашивают:

— Где ты столько времени пропадал?

— Да чего; в лесу заплутался, и Бог знает, что со мной было.

А жена и говорит (он был на второй женат, и она его не любила):

— Все село тебя три дня искало; думали, что ты без вести пропал. Эко дело какое с тобой случилось!

Поговорили-поговорили, дали ему поесть. Он опять в амбарушку пошел, где золото; лег и заснул. И видит во сне: явился к нему этот приказчик и говорит:

— Никому об этом не говори, что ты был у меня и я тебя наградил. Ежели ты откроешь — худо тебе будет.

Старик молчал об этом. Жена заметила, где он деньги прячет, украла их да с любовником и промотала. Старик догадался, посмотрел: золота нет! Объявил подозрение на жену и любовника. Стали доспрашивать, где он золотые взял, он и открылся. Только об этом сказал, пришел домой — с ним удар сделался: месяц без языка и без памяти лежал, чуть дух переводил; потом полегче стало, но всю жизнь он в постели пролежал, не мог двинуть ни руками, ни ногами, да и языком кое-как ворочал.

280. О кладях и курганах

...**Б**лиз села Тростянки, по левую сторону речки Тростянки, на восток, не больше версты, на горе, есть довольно большой курган, он со всех сторон, равно и на самой

верхушке, изрыт, как заметно в разные времена. Рассказывают, что в этом кургане есть большой клад, но никто не отыщет, хотя многие пытались. В этом кургане, говорит молва, зарыт огромной величины конь, набитый золотом и серебром. Конь этот в седле со стременами. Охотникам случалось будто бы при попытках нападать на это место, где зарыт конь этот, но лишь только отроют они его голову, то он так заржет, что все находящиеся тут тотчас же делались оглохшими и от ужаса и страха разбегались по домам. Некоторые из удалцов, несмотря на это, продолжали свое дело и дорывались до колен этого коня.

Но в это время он с ужасным ржанием, выпрыгнув из земли, со всей яростью бросался на нарушителей его спокойствия и таким образом скакал за ними. При первом возгласе петухов, взмахнув на воздух и рассыпавшись огненными искрами, со страшным грохотом уходил в землю, так что присутствующие тут, упав от ужаса на землю, долго наблюдательным слухом следили гул, постепенно исчезающий в земной утробе.

Есть тут, в этом кургане, большой клад, говорит тростянский обыватель, но он никому не дается. Действительно, на этом кургане, который ныне почти весь вспахан, лет двенадцать тому назад, найдены два стремени, изоржавленные до того, что их можно разломить слабою рукою.

По всей вероятности, этот курган можно отнести к временам весьма давним, а именно к временам владычества татарского; и этот курган ни что иное был как сборный пункт этих диких наездников или стан, что доказывается тем, что на южную сторону недалеко от него находятся еще четыре кургана небольшие. По замечанию моему, эти курганы идут от запада на восток или с востока на запад постепенно почти на одинаковом расстоянии.

Эти курганы в начале своего существования, надобно полагать, были так огромны, что с каждого из них, судя по ровной местности, и теперь видно верст на пятнадцать, где непременно встречается другой курган.

281. Братынское озеро

Есть в окрестности Малмыжа озеро Братынское. Это озеро, очень глубокое на середине, у берегов заросло водорослями и водяными лилиями. Высокие кусты, разросшиеся по его берегам, роняют таинственную тень на темную водную путину.

В народе раньше говорили, что если человек захочет добыть счастье для всего человечества, а такие люди всегда были, как рассказывает история, есть теперь и, верится, будут, то он должен прийти на берег Братынского озера. Но прежде ему надо отрешиться от всего личного, забыть о своих радостях и горестях, о собственном счастье и выпавших на его долю невзгодах. Нужно для этого еще выбрать лунную ночь да знать немало песен.

И вот, отрешившись от всего земного, человек должен пропеть на берегу озера ровно сорок песен. Песни эти должны быть такими, чтобы в них ничего не говорилось о личном счастье и о всем том, что связано с собственными интересами человека.

В то время, когда замолкнут последние слова сороковой песни, выплывет из озера лодка с двенадцатью гребцами. Лодка подплывает к берегу и один из гребцов передаст певцу ключ к счастью всех людей.

282. Могила князя Болтуша

Некоторые старые люди рассказывают, что малмыжский князь Болтуш, который вместе с татарами воевал против русских на Волге, был похоронен в озере. Тело его было положено в лодку вместе со всеми его сокровищами. Лодка эта находилась среди болота у Крутого лога, недалеко от Малмыжа.

— Мои бабушка и дедушка, — вспоминает один из местных жителей, — жили раньше на Поташном заводе, где теперь развалины бумажной фабрики, около Крутого лога. Около Крутого лога, где теперь лесок, под горою, раньше было озеро, которое звали Тарелка (оно

было круглое). По преданию, Болтуш был похоронен в лодке с медью в этом озере, и эта лодка с медью выходила из озера ночью, в двенадцать часов ровно. Этот клад можно было видеть не мигая, не кашляя, не шевелясь и не разговаривая. А если убить человека и бросить в озеро, то лодка выйдет.

Вот однажды дедушка с бабушкой, и еще кто-то третий, не знаю, пошли на озеро добывать клад. Они сидели до двенадцати часов ночи. Вот лодка вышла до половины, но в это время один из них кашлянул, она скрылась и с тех пор больше не появлялась.

283. Пристань

Есть около Шахуньи две Пристани. Это деревни так называются: Малая Пристань и Большая Пристань. Странные названия. Вроде бы и реки-то рядом большой нет, чтобы о пристани говорить, — только одни болота да речка Вая через них течет.

А название это с ними и связано.

Тут на обоих берегах удобный подход к реке был и переправляться через воду легко было.

Да что и говорить — старики рассказывают, четыреста лет тому назад на этой пристани через Ваю целое войско прошло: Иван Грозный по нашим местам на Казань шел.

Здесь, по Заветлужью, проходила древняя дорога к Волге. Если подалее в леса зайти, так до сегодняшнего дня ее остатки кое-где найти можно. Насыпь через бор идет, чуть заметна она теперь, и на ней корабельные сосны выросли. Куда эта дорога шла и откуда свой путь вела, не каждый скажет. Есть остатки от той дороги и в тайге, и около той и другой Пристани.

А старые люди рассказывали, что будто бы вышел во время своего Казанского похода Иван Грозный к Вае и на плотках стал свое войско через реку переправлять. А везли воины Грозного и оружие, и драгоценности. И тут бочонок с золотом и покатысь с одного из плотов — и прямо в омут. Иван Грозный ратников своих нырять зас-

тавил. Только куда там — глубоко, дна не достать. А кто доставал кое-когда, то говорили, что дно-то больно топкое.

И то правда: Вая — речушка небольшая совсем, но опасная. Омут там один есть, так это всем омутам омут! Много раз мужики пробовали на дне его пошарить, бочонок искали. Вдруг нащупают, но — где там! Глубина страшная. Как-то решили ее измерить. Восемь вожжей связали и с грузом опускать стали. Все под воду ушло, а дна как и не бывало.

Махнули мужики рукой на тот бочонок — все равно не достанешь, а себя погубить можно. Так и бросили эту затею.

284. Соловецкие разбойники

В шахунских лесах, среди болот, есть такое Соловецкое озеро. Вот старики говорят, будто бы жили на этом озере по берегам какие-то разбойники. Они сюда с севера бежали давно, еще во времена Разина. Через наши места шла Ратная тропа. По ней купцы ехали из-за Ветлуги. А у разбойников была протоптана своя Черная тропа. Шла она неподалеку от дороги тайгой и была короткой и тайной. Потому разбойники могли отследить обоз, обогнать и устроить засаду. Черная тропа имела выходы на дорогу — отодвигаешь ветку, если знаешь, какую, а за ней тропинка в чащу уводит. Шла Черная тропа до самой Волги. И вот накопили разбойники в тайге сокровища. Говорили, будто их надо искать по берегам Соловецкого озера. Есть и золото, и драгоценности, зарытые в бочках и в сундуках. Только они не дадутся простому человеку. Искать-то их искали, но все — без толку!

285. Клад разинцев

Говорят, что тут, недалеко от села Чупалейка, есть клад. Его заговором положили до конца XX века. И были это люди Стеньки Разина, они здесь проходили.

Когда забрали Стеньку Разина и всех его верных помощников, а потом казнили, старику в Полдеревку послали записку. А в ней сказано, что там-то клад лежит — двенадцать ружей, двенадцать сабель, двенадцать бочек золота и калмыцкая шапка какая-то, чугунная что ли...

И внук, прослышав это, ходил все к старику и просил его:

— Покажи, деда, клад...

— Я боюсь, отнесут тебя.

Потом все-таки показал.

И когда он пошел, стал брать — и ослеп. Приметы, знать, нарушил.

Пошел еще раз — клятву какую-то дал. Брал деньги, а потом относил. Брал на нужду — сотню возьмет, а десятку отнесет.

Клад-то, видимо, точно до конца XX века положен. И весь его брать нельзя.

А кончится XX век — клад-то сам весь выйдет.

286. Разинский камень

Километрах в пяти от рабочего поселка имени Степана Разина почти возле самой деревни Панзелка есть огромный валун. Высотой он, пожалуй, метра полтора, а в ширину — все три. Мохом порос, с виду очень тяжелый.

И говорят про него, что будто бы под этот камень спрятал Степан Разин огромные богатства. Поэтому и зовут этот камень разинским, да и сам поселок вроде бы поэтому имя Разина получил.

Многие здесь разинский клад искали, под камень подкапывались. Один мордвин глубже всех вырыл яму, укрепил ее сосновыми досками и дальше подкапываться стал. И тут все его крепления вдруг рухнули. Тем и кончилось его дело, потому что сам искатель клада погиб.

После этого подкопа камень ушел глубоко в землю, опустился в подкоп словно в чашу. Но его все равно хорошо видно: уж очень он большой!

287. Дары Степана Разина

В селе Аргашах (Корсунский уезд) в лесу есть низкое место; там нечаянно забрел крестьянин в пещеру и увидел старичка старенького, седенького. Сидит он и считает деньги. Это был сам Степан Разин. У крестьянина глаза разбежались на золото, и он попросил себе денег у старичка, который согласился, но с уговором: «Возьми, — сказал он, — только донеси до двора и не усни на дороге».

Насыпал Разин крестьянину в полу кафтана денег, тот понес их и дошел уже до своего гумна, как здесь сон его до того одолел, что он уснул.

Проснулся — а денег как не бывало.

288. Разинский клад

Когда шел Стенька Разин на Промзино Городище (Алатырский уезд), то зарыл в окрестностях его две бочки серебра.

Конечно, зарыл он их неспроста, и теперь часто видят при вечере, как эти бочки выходят из подземелья и катаются, погромыхивая цепями и серебряными деньгами. Но достать их мудрено.

Один мужичок узнал, что они лежат в горе, отыскал место, дождался полночи и стал копать землю и разворачивать камень; дошел уже до плиты, закрывавшей заветные бочки, да как-то взглянул на противоположную сторону горы — и видит он: идет на него войско, так стройно, ружья все направлены прямо на него.

Он бросил все и бежал домой без оглядки; на другой день мужичок пошел на гору, но не нашел ни скребка, ни лопаты.

Если бы он не струсил, то, без сомнения, клад достался бы ему.

289. Трубка Стеньки Разина

За Волгой, на Синих горах, при самой дороге, трубка Стенькина лежит. Кто тоё трубку покурит, станет заговоренный, и клады все ему дадутся и всё; будет словно сам Стенька. Только такого смелого человека не выискивается до сей поры.

290. Разницы на Суре

Рассказывают, что в низовья реки Суры разинцы приплыли с Волги на больших лодках. Выгрузились они в Курмыше, и Разин тут же собрал народ в самом центре селения. Собрал и велел говорить, кто из богатеев обижает простой люд сильнее всего. А потом устроил им суд и виновных со строгостью приказал покарать.

За Сурой есть Рельское озеро. Так вот, говорят, на нем плоты плавали с устроенными на них виселицами. А на виселицах были повешены обидчики народа.

У Разина было очень много богатств. Он их у купцов на Волге отобрал.

И вот все это золото, с которым он приплыл в Курмыш, он велел утопить тут недалеко в озере.

С тех пор, как говорят люди, там на дне и лежит клад, утопленный Разиным. Находились охотники поискать его. В разное время это делали. Но пока тот разинский клад никому найти не удалось.

291. Сенина Рамень

Недалеко от поселка Сява, за деревней Прелкой, есть место, которое именуется Сениной Раменью. А название это, как говорят в наших местах, в память об атамане, которого звали Сеней. Рассказывают, что был такой атаман у Степана Разина. Стоял он в здешних местах в те времена, когда разинцы были разбиты царскими войсками.

Отряд этот по Ветлуге с Волги поднялся и довольно долго стоял тут.

Была у отряда вдоль Ветлуги Черная тропа — тайная дорога аж до самого Козьмодемьянска. Разинцы по ней ходили и неожиданно нападали на богатых купцов.

А еще за Прелкой есть озеро. Называется оно Круглое. Оно, и правда, круглое, как будто там метеорит упал. Озеро старое и заросло почти все травой. Только одно окно осталось в самой серединке.

Вот, говорят, туда Сеня и опустил клад в то время, когда разинцы в леса под Сяву пришли.

Мужики здешние потом пытали счастья. До дна не достали, хотя и связали, говорят, двенадцать вожжей. Вот глубина какая!

292. На горе Лепешке

На склоне горы Лепешка зарыт в землю Стенькой Разинным клад. В этом кладе было два ведра с золотом до самого верха. На этих ведрах был сверху положен железный лом. Если хочешь взять клад, то должен этот лом не пошевелить. Много времени прошло с тех пор, но клад так и не стали рыть — боятся пошевелить лом, который заговорен.

293. Предание о Степане Разине

В Симбирской губернии весьма сильно развито кладоискание. В горах вблизи города и равно в садах можно найти множество глубоко вырытых ям, где суеверное воображение кладоискателей надеялось найти сокровища. Вот эти клады, по мнению простолюдинов, положены с заговорами Стенькой Разинным, и чтоб такой клад взять, нужно найти мастера, умеющего отчитывать клады по вызывным книгам. Верования же в водяных, нечистых духов и леших начинают постепенно и заметно утрачиваться у приволжских

жителей, но зато они до сих пор твердо верят, что многие бурлаки имеют способность и знание портить людей. Легенды и предания о Стеньке Разине, разбитом, как известно, под Симбирском князем Барятинским в XVII столетии, чрезвычайно разнообразны. Простой народ считает этого разбойника за какого-то святого астраханского казака, простой народ думает, что Разин везде зарывал огромные количества награбленных денег. Некоторые суеверы полагают, что он и сейчас иногда является в горах на волах или скачущим на белом коне, или плывущим на волне в ночное время на ладье с шелковыми парусами. Вот что говорят некоторые старые бурлаки:

Стенька Разин — еретик
Днем в могиле лежит,
Ночью телеса наводятся
По свету ходить,
Поклажи свои сторожить...

294. О кладе Василия Рощина

На Дедовом болоте всё клады были. Пришел раз к деду моему один человек и говорит:

— Ты знаешь такое место?

И приметы ему говорит.

— Знаю.

— Так я пройду мимо завтра поутру, а ты ко мне выходи.

Дед тогда еще молодым был, в ребятах ходил, согласился он вместе идти.

Приходит этот человек утром, пошли они вместе к речке, к березам. Отмерили там столько-то аршин, начали копать — котел и вырыли.

Дал ему этот человек пригоршню золота, а сам пошел.

Мой дед парень был молодой, он тому золоту был рад. В горсти-то много золотых было. Он с того золота себе избу поставил, сразу на ноги стал.

Вот Рощина и вспоминает добрым словом.

Строили как-то мост. Пришел старик огромного роста и попросился ночевать. Пригласил его ночевать к себе Курулев. А избенка была малая. Старик был огромный — лег на печку, ноги загнулись к потолку.

Принесли ему водки штоф, выпил он единым махом без остатка, а потом говорит:

— Тут у вас старик слепой есть — приведите его ко мне.

Привели старика, начали они разговаривать. Старик и говорит:

— Все клады вырыл, а в Рожновом бору еще клад есть. Иди, ты можешь этот клад вынуть. И приметы вот какие: есть сосна старинная, на восход солнца толстым сучком оборочена, этот сучок сломлен, свернут. Наставляй вешки против этого сучка и иди по вешкам в болото. Наставишь вешки правильно — клад найдешь. А к кладу иди по переходам. Выйдешь на Высокий Шолох, на гриву среди болота. На этой гриве стоит ракитовый куст большой, вот под этим кустом и лежат деньги.

Распрощался старик со слепым, пошел слепой к себе. А хозяин все это дело подслушал. Старик и говорит хозяину:

— Стар я клады искать, иди уж ты вместо меня. Найдешь золото — все ноши твои. А где оно зарыто — под столом каменным, где Роцин с друзьями пировал.

И про двенадцать парных нош ему рассказал. Сорок тысяч денег было в этих ношах.

Хозяин решил идти за кладом, а старик ему говорит: — Тебя будут пугать, а ты не бойся.

Пошел Курулев, хозяин, на Высокий Шолох. Только дошел до него — налетело воронья, палкой не распелохнешь его. А с другой стороны выходит громадных размеров медведь. Курулев стал подходить к кусту, а медведь как встанет на дыбы, пена изо рта, и прямо на Курулева пошел.

Курулев стал не в разуме, перепугался. Бросился бежать и очнулся уже не в этом месте, а в чужом лесу. Встречают его прохожие, спрашивают.

— Ты чей?

Он говорит:

— Тамбовской губернии Елатемского уезда села Ардатово. А здесь что за местность?

— А это Сакис-речка, в Машну впадает.

Вона куда зашел!

Неделю, говорят, все шел без памяти. А домой попал только через три недели. Стал своим всем рассказывать, как он за кладом ходил.

— Идите теперь сами, я уж больше не пойду.

296. О кладах

Моя мать, когда она была маленькая, спала у теток, у сродниц. И они ушли работать, а ее оставили одну. Она лежала-лежала на печке и видит: по брусику-то идет барашек. А она испугалась. Испугалась — и все в уголок, в уголок на печке-то, а он все ближе и ближе, барашек-то. Барашек тот был золотенький и кудрявенький, красненький такой, значит, золото это было. А она, мама-то, забилась в уголочек, а как раз бабушки, вернее — тетушки постучали, пришли, значит, ее проведать ночью-то. Как взошли, так он и пропал. А они спрашивают:

— Катенька, ты что забилась в уголочек?

— Да, нянька Варя, барашек ко мне приходил...

— Ты, Катенька, наверно, во сне все это видела.

— Да нет, нянька Варя, я и не спала.

— А откель он приходил?

— Да с палаток по брусику ко мне идет и идет.

Ну, они и догадались, что, мол, это клад. Ну, одна и говорит:

— Если еще раз увидишь ты его, маши на него, только левой рукой, он и рассыпется...

Клады такие зарывают на сроки. И зарывают их или на овцу, или на какую-нибудь птичку, или на кошку. И как они срок свой отлежат, то начинают казаться, и тут уж кому хочешь могут показаться. А если срок свой отлежали, да никого нет и казаться некому, то они пропадают совсем.

297. О кладях Макарьевского монастыря

Деревня наша принадлежала Макарьевскому монастырю. Богатый и древний был монастырь. Говорили, что золота в нем было — гребни лопатой.

В ту пору разбойничков с кистенями в лесу полным-полно было, и многие на этот монастырь косились, а некоторые даже пытались напасть, да стены высокие, да охрана сильная. Много удалых разбойников возле стен полегло.

А потом, как революция случилась, царя убрали, а церковь-то от государства отделили. Тут и началось.

Даже те, кто и не грабил никогда, — все в монастырь бросились, но там ничего не нашли: голые стены, а на полу вода. Куда все пропало, неизвестно.

А в народе вот что сказывают. Как только царя убрали, монахи поняли, что конец всему. Собрали все золото, снарядили обоз и повезли сюда, к нам в деревню, потому что она от монастыря всех дальше была и места глухие.

Обоз выехал ночью, но местные разбойники пронюхали это и на обоз напали. Крови было много. Охрану всю истребили, но золота не нашли.

Сказывают, золото везли другой дорогой и вез его простой ямщик, без всякой охраны. Ямщик местный, из Чернышихи.

Ну, привез и зарыл в разных местах около деревни. А игуменья будто бы потом приехала и заколдовала каждый клад, а потом исчезла.

Ямщик тот недолго жил. Известно, разбойники и тут пронюхали. Когда его спрашивали, где золото, то ямщик не скрывал, говорил. Там, где он указывал, ничего не находили.

Ямщика этого в деревне «золотым дном» прозвали.

Разозлились разбойники, стали его пытаться, а потом изрубили топорами.

В народе сказывают, что клады есть, но они заколдованные. Там, где находится клад, по ночам выходит солдат. Где он появится, тут и копай. Но не каждый этого солдата увидеть может.

298. Клад Махона

Из селения выехали рано, придорожные деревья еще сливались между собой. Связанным по рукам и ногам юношам и девушкам, которых везли продавать в Казань на невольничий рынок, приказано было молчать. Не звенели в тугих сумах, притороченных к седлам, деньги, собранные в русских деревнях. Настороженно всматривались захватчики в лесную глухомань.

И вдруг в предутренней тишине раздался громкий свист. Попадали сраженные меткими стрелами охранники. Пленные ушли вместе с лихими людьми в их становище. Под вековыми дубами стояли их шатры.

Предводитель Махон мешки с зерном и связки шкур лесных зверей, а также часть денег приказал вернуть жителям округи. Оставшиеся деньги сложили в тайник, что был вырыт между корнями могучего дуба. Стоял этот дуб до сороковых годов в овраге Часовенном, что между Алтунином и Дьяковым. И будто бы запоздалый путник, проходивший в летнее время по тем местам, видел, как вблизи дуба что-то светилось. Полагали, что это монеты золотого клада Махона.

299. Подарок старика

Жил в деревне Шинерпоси Чебоксарского района бедный крестьянин Ефрем Ефимов. Один раз постучался в его дом больной старик и попросился ночевать. Ефрем пустил его, а тот сильно расхворался и через несколько дней почувствовал, что умирает.

Перед смертью он сказал: «Ефрем, ты меня принял как сын, ухаживал за мной. Я в долгу перед тобой. Но я не останусь в долгу, у меня найдутся средства, чтобы расплатиться с тобой. Час моей смерти настал. Своим богатством я не воспользовался, и его я завещаю тебе. Мой отец был пугачевцем, громил помещиков, чиновников, сосущих народную кровь, богатых хозяев, отнимал их богатства для черного люда. Часть этих богатств зарыли в

землю. Один из погребов с золотом и серебром находился в руках моего отца. Место этого погреба отец указал и мне, когда только слуги царицы Екатерины поймали Пугачева и боровшихся на его стороне крестьян начали вешать и ссылать на каторгу в Сибирь. И отец, и мать скончались в Сибири. И свой век я прожил в Сибири. Я не обзавелся и семьей. Лишь в старости мне разрешили вернуться на родину. Я не спешил возвращаться: в Сибири по своей воле прожил еще десять лет. И лишь теперь вернулся в родную сторону, но не дошел до своей деревни, не воспользовался и кладом».

Старик рассказал, где найти клад. После похорон старика Ефрем с женой и сыном нашли погреб с кладом, где были две бочки с серебряными монетами, золотыми и серебряными вещами. Так обогател Ефрем.

300. Заколдованный клад

У нас в Теньках есть старый колодец. Про него мне старый человек, бабка Варя, рассказывала. Тут, говорила она, в былое время люди собирались. Были они из тех, кто заколдованный клад желал искать. А предводителем у них старуха одна была. Она будто бы с самим шайтаном зналась, и ее вроде бы один раз из трубы вытащили.

Так вот, приходила та старуха к колодцу, руками как-то шевелила, пальцами что-то перебирала и говорила всем, что ей надо собрать двенадцать Катерин и все они, мол, должны быть без крестов, без поясов и с распущенными волосами. И вот с ними-то она и пойдет за большим кладом.

Долго люди не верили этим ее словам, а потом нашлись бойкие да смелые бабенки, и решили они пойти со старухой. Когда двенадцать Катерин набралось, старуха посмотрела, все ли они без крестов и поясов, а потом и говорит: «За кладом пойдете не одни, а со мной... Идите и не бойтесь ничего, назад не оглядывайтесь. Кто бы вам ни кричал, какой бы страх на вас ни напускали — идите!». Ну, те согласились и пошли за ней. Отчаянные, вишь,

подобрались, каждая про себя думала: «Будь, что будет!»

Так вот и пошли за старухой. Идут. Из села вышли, полем шагают, к лесу направляются. Вдруг сзади бубенцы гремят, кони копытами бьют, храпят за спиной. Возница кнутом бьет, кричит во все горло: «Сторонись, не то подомну!!!»

А старуха свое: «Не сворачивайте, бабоньки!» Те идут, дрожат, друг к другу жмутся. Ну ничего, вроде бы обошлось. А тут уже и лес близко. Вошли они в лес. Знакомый он им, не раз бывали в нем, да больно уж сразу какой-то чащей показался. Лезли они, лезли через заросли, а лесу-то конца-краю нет! Но вот вышли на поляну, вроде бы и вздохнуть можно: поляна светлая, большая. Все бы хорошо, да не тут-то было! Стали они поляну проходить, а тут звери всякие выбежали, особенно много волков сбежалось.

А старуха идет мимо зверей смело и своим попутчицам говорит: «Не бойтесь, идите за мной, они вас не тронут».

И верно: волки только зубы скалят, а кусать не кусают. В конце поляны увидели они дверь в земле. Подошли к ней, старуха что-то заперебирала пальцами и шептать стала. И тут распахнулась эта дверь настезь. Вошли они в подземелье, а там денег золотых видимо-невидимо! «Берите, кто сколько хочет», — сказала старуха. Взяли они золотых монет так, чтобы унести можно было, и домой пошли. А по дороге на них те же страсти свалились: и звери дикие из кустов выбегали, и злые голоса пугали и лихая тройка опять на пятки наскакивала. Но все-таки они не испугались, не бросили найденный клад, все до монетки домой принесли и все потом богато жили. Правда, погибла каждая из них нехорошо... Плохо погибли. Это, говорят, потому, что деньги-то у них были заколдованные.

301. Про клад

В Нижнем Новгороде дело было. Одного в тюрьму повели. Вот он и передавал:

— Нет ли людей из Шадрина, Топана или Владимир-

ского? Я клад там знаю. Находится он между Шадриним и Топаном...

Нашелся такой человек. Он ему все рассказал. А один подслушивал. И вот который подслушивал взял да и наполнил лошадь того, которому о кладе рассказывали, вином, а сам скорее поскакал и вырыл клад-то!

Клад-от этот вроде бы сам Степан Разин положил. И вот он, клад-от, и просит головы, не просто так, значит, зарыт был.

И вот тот, который клад откопал, взял плат жены и бросил. Она и умерла. А он разбогател с клада-то.

А то еще говорили, что клады выходили какими-нибудь животными: то барашком, а то и клушей с цыплятами. Если кинешь в них и попадешь или схватить изловчишься — рассыплется золотом.

302. Собака обратилась в золото

Один богатый брат, желая раз ночью подсмеяться над своим бедным братом, башмачником, поднял на улице дохлую собаку и бросил ему в окно да сказал: «На те, проклятый! Одолел ты меня, попрошайка!» А вышло, что дохлая-то собака в избе бедняка рассыпалась золотом. Бедный брат проснулся от звона; слышал братнину ругань, встал и, увидав груды золота, поблагодарил брата за помощь. С того времени он разбогател, а богатый брат обеднел, прототался весь.

303. Клад не дался

Две хлебницы рыли по наслуху, недалеко от Конной слободы, на валу. Когда эти хлебницы уж вырыли кинжал и пистолет, вдруг услышали, что по горе от храма Иоанна Предтечи пошел сильный гул. Было это около полудня, летом. Взглянули они по направлению гула и увидели тройку лихих коней, которая скакала во весь дух

с горы и быстро, с треском и шумом выехала из Конной слободы на большую московскую дорогу. Тройкой правил красивый кучер средних лет, одетый в черную бархатную безрукавку, в бархатных штанах, в поярковой шляпе с красными лентами. С ним рядом на козлах сидел красавец казачок, а в самой коляске — важный барин. Выехала тройка на дорогу, остановилась; барин слез с коляски, казачок спрыгнул с козел и пошел вдоль дороги вприсядку плясать; барин заложил руки назад, склонил голову и пошел впереди лошадей, а кучер шагом поехал за ним. Казачок так лихо, так чудно плясал, что хлебницы на него засмотрелись да еще думали в это время и о том, как бы о себе не дать барину подозрения к тому, что они роют деньги, и чтоб он из любопытства их не спросил. Лишь тройка поравнялась с ними, они увидели, что из реки Святи вылез страшного роста солдат, подошел к казачку, схватил его на руки и понес в омут, под водяную мельницу. Барин сел на лошадей: кучер ударил по всем по трем вожжам, гаркнул на них, и с посвистом молодецким тройка полетела вдоль дороги столбовой, только пыль взвилась за нею столбом. Солдат дошел с казачком до омута, бросился туда и пропал. Это видение так испугало кладоискательниц, что они перестали рыть клад и почувствовали, что сердца у них замирают, руки и ноги дрожат; они отправились дбмой, однако яму завалили снова и рассудили так, что это им клад давался, да не сумели они его взять, подойти к нему с молитвой и дотронуться.

После этого нашли они одного начетчика-чернокнижника, который по черной книге им прочитал, чтоб они отправились этот клад рыть на Пасху, между заутреней и обедней, и взяли с собой по яичку, и, кто бы с ними на валу ни встретился, тотчас же похристосовались. Они испекли себе по три яичка, окрасили их и положили в подоткнутые передники, чтоб им скорее можно было похристосоваться. Пришли на вал, начали рыть клад и спустя короткое время заступом стали задевать за чугунную доску. И пошел от Баратаевки гул, зык, рев такой, что земля под ним задрожала!.. Услыхали они страшный крик и видят — по валу идет к ним мед-

ведь не медведь, человек не человек, а сами не могут понять, что за чудовище. По одеже будто солдат! Глазищи — как плошки; так и прядают, как свечи; рот до ушей, нос кривой, как чекушка, ручищи — что твои грабли, рыло все на сторону скошено... Идет это чудовище, кривляется на разные манеры и ревет так, что земля стонет и гудит. Вот они встали рядом, оперлись на заступы, припасли яички и думают: «Только подойдет этот клад, мы ту же секунду с ним и похристосуемся». Чудовище медленно подошло да как топнет да рывкнет: «Вот я вас, шкуры барабанные! Так тут-то вы ребятишек зарываете!» Поднял над ними престрашный кулачище; они испугались, бросились от него бежать что есть духу, а чудовище все топало да кричало: «Вот я вас, шкуры эдакие!» Бежали они до паперти храма Иоанна Предтечи; тут без памяти и упали.

Их добрые люди отпрыскали водой и привели в чувство, думая что с усердными христианами случился обморок в храме. Когда те опомнились, пришли домой, чернокнижник сказал им, что они уж больше не найдут этого клада, что он ушел в землю и что узнал он об этом по гулу, который раздавался по большой дороге.

304. Клад давался

Один дворовый человек (истопником он у господ был) нанялся в Симбирске с другими рабочими Москвитинов сад чистить. Работали под горой, а есть наверх ходили, к амбарам; там и изба была. Вот раз он приходит; вдруг из-под амбара козленок к нему и кинулся. Он его взял да на плечо к себе и положил; гладит, держит за задние ноги и приговаривает: «Бяшка, бяшка!» А козленок-то ему в ответ и передразнивает: «Бяшка, бяшка!»

Работник испугался, схватил козленка за задние ноги да об землю и ударил. Смотрит — а козленок опять под амбар. От страха работник тут же на месте упал; хворал после этого и вскоре умер. А это ему, видно, клад давался.

305. Не сумел взять клад

Портной один на краю города, у реки Камы жил; вода под самые стены подходила. Были у него работники. Вот раз идет он по базару, и попадается ему чувашин.

— Слушай, — говорит, — у тебя, портной, в доме клад есть.

Тот смеется.

— Где это?

— Да в хлеве, как войдешь, так направо, в углу, к реке.

— Врешь ты, — говорит, — все, старый хрыч! Какой у меня клад?

— Нет, не вру. Отрой его — богат будешь!

— Ну, — говорит, — тебя! Вот выдумал!

И пошел домой.

— Ну, коли не хочешь, как хочешь. После каяться будешь, станешь меня искать.

И пропал из виду.

Дома портной и раздумался: «А что не попытать? Дай порою».

Пошел искать этого чувашенина; нашел. Тот согласился.

— Только с условием, — говорит, — с рабочими поделись; не поделишься — не дастся, и если в мысль тебе придет не делиться, клад уйдет, когда копать будешь.

— Хорошо.

— Достань икону, три свечки и заступ, а работника одного рыть заставь.

Вот пришел портной домой, одного работника оставил на ночь дома. Праздник был, все гулять ушли, он ему и говорит:

— Останься, ты мне понадобишься; не ходи нынче гулять. Будем клад рыть.

— Ладно.

Пришел ночью чувашенин, пошли в хлев, икону поставили, свечи зажгли. Работник с хозяином роют в углу, а чувашенин молитвы читает заговорные, чтобы клад остановить.

Только портной роет и думает: «Что это я, неужто своим добром с работником буду делиться? Чай, на моем дворе-то, а не на его?»

Как подумал про это, поднялся шум, икону за дверь выкинуло, свечи потухли, и загудел клад, в землю пошел. Стало темно, и давай этого портного по земле возить; возит да возит (нечистая сила). Чувашенин говорит работнику:

— Кинься на него! Упади!

Тот упал на хозяина: их двоих стало из угла в угол таскать. Насилу знахарь оставил заговорною молитвой.

Клад ушел, а чувашенин после и говорит портному:

— Вот не хотел поделиться, он и не дался тебе, а теперь в этом доме тебе не жить: нечистая сила тебе в нем не даст — все растащит.

Портной видит, что плохо дело, взял да от реки и переселился выше, в другое место, и опять, как был бедный, таким же и остался. Не умел взять.

306. Тайное подземелье

Никто не знает, что хранится под Волгой и в горах Жигулевских. А ведь непременно что-то есть. Сколько добра у купчишек было отнято! Сказывают, будто завладела этим добром Маринка — Гришки Отрепьева сожительница. Когда ее сослали в Ярославль, так она оттуда бежала в Астрахань, а потом укрылась на утесе Стеньки Разина.

Волгари сильно невзлюбили Маринку. Однажды два бурлака ночью поднялись на утес, и тут в полночь сама перед ними раскрылась дверь в потайное подземелье. Один-то и говорит другому: «Что я ни стану делать, знай молчи, а то худо придется. Нам бы только образ Спасителя вынести, тогда и добро все наше будет...» Спустились они в подземелье. Большая горница. Каменный гроб, поперек три железных обруча. Кругом бочки с золотом, серебром, бриллиантами. А до Спаса далече. Перед ним лампада теплится. И образ весь в золоте и бриллиантах. Перекрестились бурлаки. Тут заводила-то поднял кувалду да как трахнет по обручам. Отлетели обручи. Содрогнулся и подпрыгнул каменный гроб. Поднялась крыш-

ка, и тут встала перед ними Маринка, баба красы не-описанной.

— Что вам надо, ребятушки? — ласково заговорила. — Деньги, каменья, самоцветы? Берите, братцы, сколько душе угодно.

Ничего не ответил старшой, сгреб железные прутья и давай ими хлестать раскрасавицу. Обливается она кровью, молит о пощаде, а он знай хлещет.

Ну тут второй-то и не выдержал:

— Полно, брат, что с тобой? С ума ты, что ли, сошел? Она же и так все отдает...

И только он это сказал — завыл ветер, сверкнул огонь, засмеялась радостно Маринка, и нечистая сила выбросила бурлаков на вершину утеса.

Очухались они, ползают, ищут дверь в подземелье, а уже все пропало. Три года со страху не говорили. А пришли в разум, пробормотали:

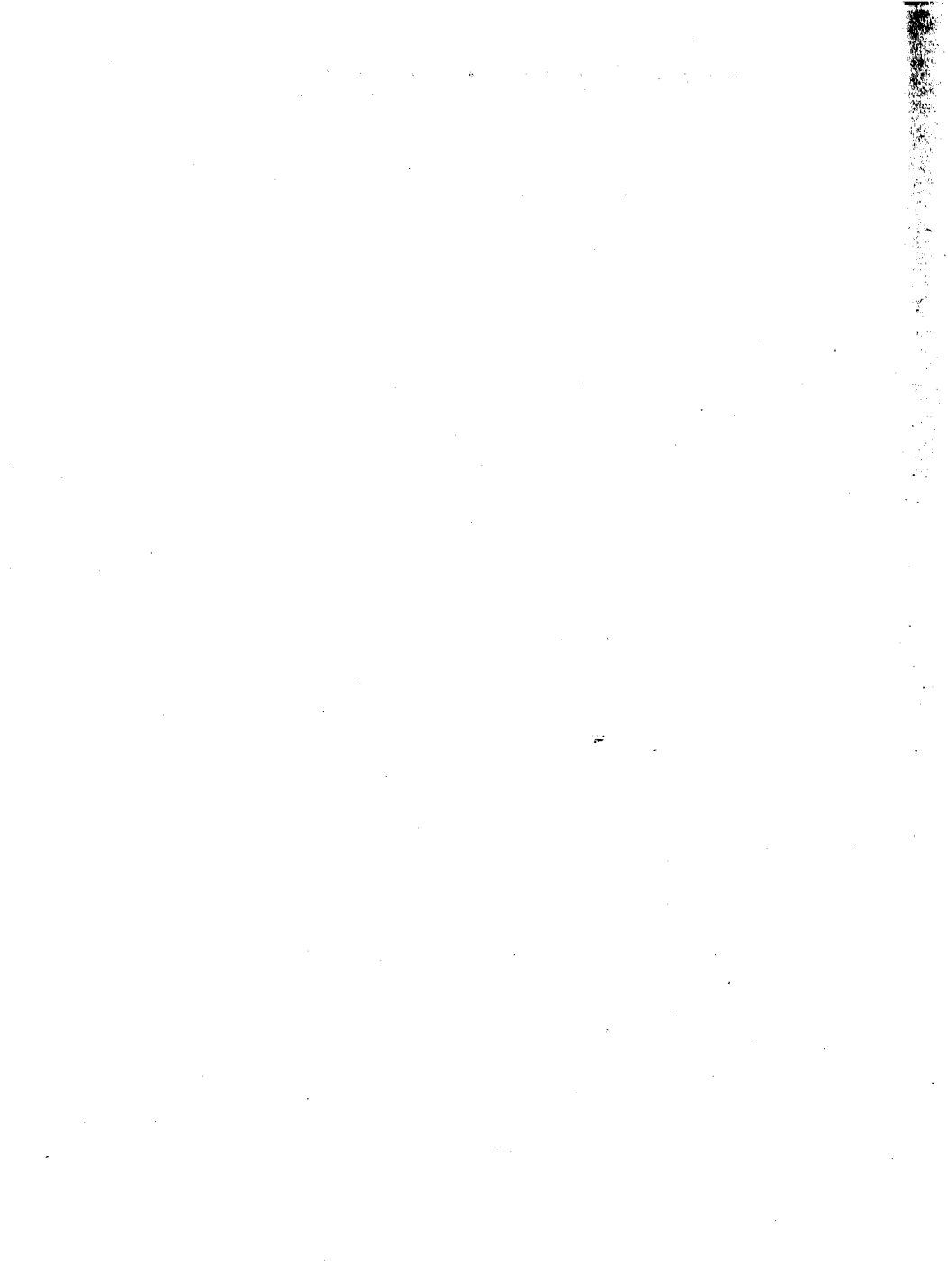
— Вот она, жалость-то, как нас губит!

307. Клады Пугачева

В деревне Аниш-Крышки Пугачев прожил у старика по прозвищу Киргиз почти неделю и-здесь, в овраге Йес сырьми («овраг желтой меди»), зарыл деньги в большой бочке. Говорят, эти пугачевские деньги открываются два раза в году ночью: в среду накануне Пасхи и перед семиком — либо показываются в виде уток и крикают, либо ярко горят. Вообще, говорят, места древних кладов монет в указанные два дня в году открываются в полночь. Но опасно подходить к таким местам: как только приблизится человек, его поглощает земля. Чуваши говорят, что такие клады находятся в руках злого духа. В двух-трех верстах западнее деревни Хорамалы лежит огромный камень, называемый в народе Камень Пугачева. Здесь останавливался отряд из пугачевского войска и зарыл в землю оружие. На это место и был положен пугачевцами камень.

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ
ПРЕДАНИЯ

308. Селигер и Ильмень

Жили-были, словно братья, два озера — Ильмень и Селигер. Жили рядышком и очень дружно, в согласии. Да надумали посвататься к Волге: пусть сама выберет, кто ей мил. Решили идти к ней вместе на следующий день, как только солнце взойдет.

И вот лежит Селигер ночью да размышляет: «А вдруг Волга свой выбор на брате остановит? Какая будет обида. Пожалуй, мне лучше без него да побыстрее отправиться в путь».

Подумал — и побежал Селигер к Волге, уже совсем приблизился к ней, да тут Ильмень проснулся. Посмотрел вокруг, увидел, что брата нет на месте, и все ему стало понятно. Рассердился Ильмень и закричал на всю матушку-Русь:

— Если есть на белом свете справедливость, то пусть падет на обманщика ноша тяжелая, чтоб не смог он больше сдвинуться ни шагу!

Только прокричал Ильмень свое проклятие, как на Селигере появилось более полутораоста островов. Тяжело ему стало передвигаться с такой ношей, и пришлось застыть на месте, совсем недалеко от Волги.

309. Волга и Кама

Кама с Волгой спорила, не хотела в нее течь. Сначала хотела ее воду отбить и до половины реки отбила, а дальше не смогла. Поднялась Кама на хитрости, уговорила она с коршуном: «Ты, коршун, крикни, когда я на той стороне буду, чтобы я слышала: а я под Волгу подруюсь и выйду в другом месте».

«Ладно».

Вот Кама и начала рыться под Волгу.

Рылась, рылась, а тем временем коршуна беркут заприметил и погнался за ним. Тот испугался и закричал — как раз над серединой Волги.

Кама думала, что уж она на том берегу, выскочила из-под земли и прямо в Волгу попала.

310. Самара

Текла река Ра* и встретилась с другой рекой.

— Посторонись, — говорит она, — разве ты не знаешь, что я — Ра?

— Велика штука, — отвечает река, — я сама Ра!

И с тех пор река та стала называться Самара.

311. Вазуза и Волга

Волга с Вазузой долго спорили, кто из них умнее, сильнее и достойнее большего почета. Спорили, спорили, друг друга не переспорили и решились вот на какое дело: «Давай вместе ляжем спать, а кто прежде встанет и скорее придет к морю Хвалынскому, та из нас и умнее, и сильнее, и почету достойнее». Легла Волга спать, легла и Вазуза. Да ночью встала Вазуза потихоньку, убежала от Волги, выбрала себе дорогу прямее и ближе, и потекла. Проснувшись, Волга пошла ни тихо, ни скоро, а как следует; в Зубцове догнала Вазузу, да так грозно, что Вазуза испугалась, назвалась меньшей сестрою и попросила Волгу принять ее к себе на руки и снести в море Хвалынское. А все-таки Вазуза весною раньше просыпается и будит Волгу от зимнего сна.

* В давнюю пору река Волга носила название Ра или Итиль (Этель).

312. О Днепре, Волге и Западной Двине

...Реки эти были прежде людьми. Днепр был брат, а Волга и Двина — его сестры.

Остались они сиротами, натерпелись всякой нужды и придумали наконец пойти по белу свету и разыскать для себя такие места, где бы можно было разлиться большими реками. Ходили три года, разыскали места и приостановились все трое ночевать в болотах. Но сестры были хитрее брата: едва Днепр уснул, они встали потихоньку, заняли самые лучшие, отлогие местности и потекли реками. Проснулся поутру брат, смотрит — далеко его сестры. Раздраженный, ударился он о сыру землю и в погоню за ними понесся шумным потоком по рвам и буеракам, и чем дальше бежал — тем больше злился и рыл крутые берега. За несколько верст до впадения гнев его утих, и он спокойно вступил в морские пучины; а две сестры его, укрываясь от погони, разбежались в разные стороны.

Вот отчего Днепр течет быстрее Двины и Волги, вот почему у него много рукавов и порогов.

313. Волжские пороги

Мало кому известно, что на Волге, как и на Днепре, до постройки гидростанций были пороги. К тому же старые люди сказывали, что были те пороги не природные, как на украинской реке, а сделанные руками человека.

Рассказывают, что в былую пору в районе нынешнего города Плёс судам, которые плыли по Волге, трудно было пройти так, чтобы не наткнуться на подводную преграду. Говорят, что будто бы в тех местах на дне реки громадные каменные глыбы лежали. Конечно, глыбы эти есть и сейчас, только они теперь из-за сильного подъема воды глубоко в реке оказались.

Но как они попали в Волгу и не где-либо, а именно в этих местах?

Так вот, люди-то и говорят, что, мол, когда-то в давнее время для того, чтобы защитить Кострому от напа-

дения на нее с реки разбойников, или, как их тогда называли, ушкуйников, привезли откуда-то на плотах каменные глыбы и опустили их в Волгу. И мало кто знал, как они лежат на дне речном и где между ними провезти судно можно. Ну, а если кто чужой пытался пройти через те места, того неминуемо ждала беда: он мог и судно потерять, посадив его на глыбу, да и сам погибнуть.

314. Шутки илистой Кудьмы

Все реки, которые мечтали хоть струйкой пробиться к заветному Каспию, несли всемогущей Волге свои дары. Сура — золотые слитки стерлядей, Кама на своих звонких волнах — холодок севера, чтоб остудить Волгу, подбодрить ее на долгом пути к югу, Керженец с Ветлугой дарили отличную сосну... Ну, а речушка Кудьма ничего, кроме песка и ила, не могла подарить своей именитой соплеменнице. «Ах, я бедная, разнесчастливая! — горюет Кудьма. — Волге такого добра самой девать некуда».

Но очень хотелось Кудьме окунуться в теплый Каспий. И пообещала Кудьма подарить Волге ночью таинственный дар. Заснула Волга, а Кудьма принялась за дело: каждой струйкой выскребла со своего дна ил да песок и вывалила в Волгу. Как проснулась река-богатырша, как увидела козни ничтожной реченки, сильно прогневалась: «Это ты со мной, твоей государыней-повелительницей, шутки шутить... Так вот же тебе, вот». Подхватила она могучими волнами весь подарочный песок, да еще своего прибавила, и стала швырять его в устье Кудьмы. До тех пор швыряла-кидала, пока наглухо не забила устье. И тут взмолилась укрощенная плутовка: «Пожалей меня, река-государыня! Никогда не буду больше озоровать».

Добрая Волга никогда зла не помнила, простила Кудьму и побежала своей дорогой. А Кудьма, усыпив бдительность Волги, ночью опять принялась за свои шутки-козни. Размыла она песчаный вал и вынесла его чуть ли не на середину Волги. Утром, проснувшись, увидела Волга шутки своей подопечной и начала в нее песком швырять,

но уже не смогла забить устье, только еще выше подняла насыпь, а сама, отжавшись к северу, луговой бережок потеснила.

Так не один раз бросались они волжским песком и илом. Минуло много десятилетий. На замелевшихся песках начали произрастать густые душистые травы, и не было в целом мире лугов краше Кудьминских, как народ их прозвал. Но вот однажды, разлившись, Волга и Кудьма накрыли луга чистой снежной водой и залюбовались своим творением, общим детищем, и тут же на радостях помирились.

И если теперь Кудьма, разбушевавшись, иной раз вынесет песок, Волга только пожурит свою младшую сестренку и спокойно понесет к Каспию все собранные на долгом пути струи соплеменниц-рек, в их числе и илистой Кудьмы.

315. Волжская коса

...**В** стародавние дни кочевала за Волгой орда. Завезли в ту орду полонянку молодую из Руси. Приглянулась она хану, но не люб он ей был, и сбежала из стана молодая полонянка.

День и ночь искали ее посланники хана, но найти не могли.

А молодая беглянка шла лугами, оврагами шла, шла болотом в воде по колено. Ноги — в кровь, ноет белое тело, растрепалась коса. Вышла к Волге красная девица. Ночь темна, а за Волгой — Русь родная. Стала звать и плакать полонянка. Вдруг видит — на горе стоит ее любимый, с кем неволя ее разлучила. И стремглав, прямо в Волгу, с откоса.

Волны жарко обняли ее, ветер треплет русую косу. Любимый спешит ей навстречу. Но не стало сил, волна захлестнула... утонула девушка. Песок затянул полонянку, только сладить он не мог с косою, стала та кверху подниматься. С каждым летом коса все длиннее, что ни год Волга мельче здесь, уже. Все теснее, теснее берега...

А любимый с горя окаменел на круче. Он ждет года, ждет века. Когда же выплывет к нему красавица молодая? Перекинется отмель-коса прямо к выступу, встретится с кручей и обнимется с ней навек.

А сейчас — словно сдавлена Волга-река, в оба берега бьется волна.

316. Река Ветлуга

Давным-давно, в старину глубокую, жил недалеко от деревни Хохонихи, что стояла на берегу тихой лесной реки, влиятельный князь. А у князя была дочь-красавица по имени Луга. Дочь эта была на выданье. Но князь хотел отдать дочь обязательно за человека княжеского рода. И то сказать, у девушки недостатка в женихах не было, хоть и жила она в глухом краю. Многих привлекала красота Луги, да к тому же отец ее был очень богат. Не один из знатных людей сватался к девушке, но никто из них не нравился ей. Отец же не торопил дочку с замужеством, так как надеялся выдать ее за более богатого человека.

Отец с матерью и знать не знали, что их красавица-дочка давно с любовью смотрела на простого работника Игната, что с утра до ночи трудился во дворе и в саду. Да и он сам души не чаял в молодой княжне, но даже думать об этой любви боялся бедный, забитый человек.

Луга полюбила Игната за красоту его молодую, а кроме красоты было у парня богатое дарование — трудолюбие отменное и руки золотые, за что и ценил его старый князь.

Один раз летней порой князь уехал куда-то, да и княгиня в тот день отбыла из дома. Княжна Луга вышла из комнаты во двор и надумала пойти в сад погулять. А там в ту пору работал Игнат. Девушка нерешительно подошла к работнику и завела с ним разговор. Она расспрашивала парня о цветах, о деревьях, которые он окапывал. Игнат отвечал ей, все более смущаясь. Луга подошла ближе. Румянец играл у обоих на щеках. Но вот руки их неожиданно встретились. Луга предложила посидеть на

скамеечке, Игнат с радостью согласился. Долго сидели они в саду, рассказывая друг другу о своих чувствах, а когда расставались, то уговорились впредь встречаться на берегу протекавшей недалеко от усадьбы реки, под одинокой ветлой.

Много вечеров провели вместе Игнат и Луга. Они долго сидели у самой реки и, бывало, нередко в лунные ночи счастливые их лица отражались в спокойной воде. Здесь парень и девушка поклялись в вечной любви.

Но на их беду о встречах Луги и Игната вскоре узнал старый князь. Рассвирепел он и приказал прежде всего жестоко высечь Игната, а затем парню забрили лоб — он был отдан в солдаты.

Солдатская служба в ту пору была целых пятьдесят лет.

Когда Игнат был отправлен в солдаты, князь вызвал к себе дочь и строго сказал:

— Скоро я привезу тебе жениха, и ты выйдешь за него замуж...

Луга молча вышла из комнаты князя, потом быстро выбежала из дома и направилась к одинокой ветле. С грустью посмотрев на те места, где они так часто бывали с Игнатом, Луга обняла на прощание ветлу и, подойдя на край крутого берега, бросилась в воду. Река тихо приняла в свои мягкие объятия девушку, и только скромная ветла, опустив к воде длинные ветви свои, безутешно заплакала об ушедшей из жизни Луге.

С тех давних пор и стали звать ту тихую и светлую реку Ветлугой.

317. Сура

Около Васильсурска впадает в Волгу река Сура.

Люди говорят, что когда мордва пришла к месту впадения, то увидела, что на Волге уже жил какой-то народ.

Мордва подошла к Волге, но жившие там люди не пустили пришельцев.

Не разрешили они пойти и вниз по Волге. Тогда мор-

два вернулась назад, но с верховьев Волги их стал теснить еще какой-то народ.

Мордва вынуждена была ходить в поисках места, где им жить. Наконец они вышли туда, где с юга текла другая река. Собрались старики и стали решать, куда им теперь идти. Один самый старый человек сказал:

— Вот эта река, как палец, показывает, куда нам идти, где нам жить.

Его поддержали и пошли вверх по этой реке. Там других народов тогда не было, никто не жил, а место для охоты было очень хорошее. Так они и остались жить у этой реки, а реку стали называть Сурона, как тот палец, который показал им, где жить. «Сур» по-мордовски — палец.

Так и стало название этой реки — Сур.

А уж после стали говорить Сура.

318. Речки Пьяна и Вад

Все реки, как реки... текут себе вниз к морю или к другой реке, да и только. Одна только речка в Нижегородской губернии не захотела этак... Потечет, потечет, как следует, да и повернется в сторону: то на север, то на восток, то опять к югу, ну ни дать ни взять — пьяная баба качается из стороны в сторону. И прозвали ее добрые люди Пьяной рекой.

Встречается однажды Пьяна с другой рекой, и спрашивает ее река:

— Как тебя зовут?

— Пьяна, — отвечает она.

— Да ты и вправду пьяна, — говорит встречная речка. — Дай-ко я тебя поведу как следует, — и потекла встречная речка вперед, а за ней начала повертываться и Пьяна.

— Да куда же ты поведешь меня, да и кто ты сама-то такая? — спрашивает Пьяна.

— В ад, — отвечает на все встречная речка.

— Да и впрямь ты меня в ад ведешь, — заметила Пьяна.

А добрые люди подслушали и прозвали речку Вад, а по ней и село, на ней стоящее, Вадово...

319. Линда

Через весь Борский район Горьковской области с севера на юг несет свои быстрые воды в Волгу небольшая речка Линда. Она берет свое начало где-то в глухих и в былые времена совсем нежилых местах, а потом с трудом пробивается через непролазные заволжские леса, чтобы стать одним из притоков великой русской реки.

Многие века Линда на самом деле была рекой, на которой человеческие поселения встречались очень редко. Отсюда, как рассказывают люди, и произошло ее название. Слово Линда, говорят в народе, марийского происхождения. В переводе на русский язык это значит, что река безлюдная, необжитая, незаселенная.

320. Келя

Келей именуют речку, что течет в Перевозском районе и является левым притоком Пьяны. А название ей дали еще в незапамятные времена жители мордовских поселений.

В том краю, где Келя берет свое начало, в прежнюю пору была большая березовая роща. Из нее-то и тек ручей, который дальше переходил в речку. И ручей, и речка назывались Келей. А по-мордовски слово «киля» означает березу.

321. Речка Тужа

К подножью высокой горы пристали ладьи князя Стародубского. Спасаясь от незваных гостей — татаро-монгольских полчищ, решил уйти князь с семьей и дружиной в дремучие леса, раскинувшиеся на вершинах гор Перемилловских. Здесь думал он переждать лихую годину.

Пока князь с дружиной укреплял лагерь, молодая княгиня пошла искупаться. По жердочкам, что через речку были положены, ступала осторожно. А жердочки-то мокрые были.

Поскользнулась княгиня на середине зыбкого мосточка, не удержалась и упала в речку. Спасти ее не удалось.

Долго сидел на берегу злополучной речки князь, горевал, тужил, жалел супругу. И назвал речку, которая у горы Городины под Поляной и Соловьевом пробивается к Оке, Тужей.

322. Сергачка

Во время оно река Сергачка будто бы была не бедноводна. Жил-был тогда в деревне Сергеевке в рабочих у крестьянина мордвин. В одно прекрасное утро мордвин поплыл через Сергачку на лодке, или сам по себе плыл — да и утонул. Пришла мать его, мордовка, к берегу, поплакала, рассердилась на реку и сделала над ней недоброе дело: пустила в воду сковороду. И что же? Вода пропала...

С тех пор Сергачка не течет постоянно и вода будто бы уходит в песчаное русло. По рассказам других, злая мордовка будто бы иначе высушила Сергачку: она взошла в воду по колено, сделала какую-то неаккуратность — воды в реке как не бывало.

323. Дрязга

На луговой стороне, почти напротив воспетого в песнях и частушках Сормова, в Волгу впадает небольшая речка, именуемая Дрязгой.

Услышав это название, нельзя не задуматься над тем, почему было избрано именно это слово для того, чтобы наречь им неплохую реку. В народе словом дрязга издавна называют тот плавающий мусор, который состоит из прутьев, щепы, засохшей травы и водорослей, что наносится и скапливается у берегов озер и рек из-за волнового прибоя. Конечно, речка Дрязга, как и другие реки, почти всегда, а особенно весной, имеет нема-

ло такого мусора. Может быть, именно поэтому она и обрела название Дрязга.

По иному объяснению название реки люди связывают его со спорами и тяжбой, которые якобы разгорелись когда-то между обитателями Троицко-Сергиевского монастыря и балахнинскими посадскими жителями. Они долго ссорились и даже судились из-за лугов, через которые протекает Дрязга. Эта затянувшаяся тяжба или, говоря просто, дрязга, стала будто бы причиной того, что словом, обозначающим неприятные действия людей, стали называть то место, о котором они долго судили да рядили, а потом — и реку.

324. Оза

В нашем Бутурлинском районе мимо села Кеньшево и недалеко от нас течет речка Оза. Небольшая совсем речка, но название у нее интересное.

Говорят, что раньше, когда тут еще татары были, шла по оврагу, по которому речка течет, татарка по имени Аза. Дело было зимой, а тут вроде бы еще и пурга началась. Ну, Аза-то заблудилась и замерзла в том овраге.

Погибшую девушку нашли, а речку с тех пор татары стали звать Азой. А у русских из этого слова получилось свое — Оза.

325. Кокшага

Предание первое

Рассказывают, что подошел один мариец к реке, которая текла по его родной земле, посмотрел на нее и сказал:
— У, какая маленькая да мелкая речка: пешком ее перейду...

Ступил в реку, сделал один шаг и считает по-своему:
— Икат шага...

Ступил второй и говорит:

— Кок шага...

Да и бульк тут в воду — с головкой! Так и утонул. А река с того времени так и стала называться Кокшага.

Предание второе

Есть и другое объяснение названия реки Кокшага.

Говорят, что один раз два попутчика-марийца шли по лесной дороге и вышли к незнакомой реке. Как переправиться на другой берег?

И тут они увидели недалеко от дороги мост. Подошли к нему и сразу заметили, что он был старый и шаткий. Однако один из попутчиков решил попробовать перейти. Он вышел на мост, сделал шаг, второй. Тут настил покачнулся, и мариец упал в воду. А второй, увидев упавшего, сказал:

— Пусть тут будет ик шага или кок шага, а я все равно не пойду...

326. Речка Илиндик

Когда было нашествие татаро-монголов на нашу страну, татары не обошли села Давыдова. Здесь остановился хан Илиндик. Когда недалеко от деревни, вздымая облако пыли, показался отряд хана, жители попрятались в погреба. Хан Илиндик приказал отряду собрать весь народ у колокольной. В погребах оказались только старики и дети, так как взрослое население, узнав заранее о продвижении к селу многочисленного отряда, ушло в леса.

Собрав стариков и старух, хан сказал:

— Я не буду вас убивать и жечь вашу деревню. Передайте всем, чтобы вернулись в деревню.

И ханский отряд поскакал дальше, а остановился лишь на берегу лесной реки, протекавшей недалеко от села. Поставив там юрты, татары не показывались в селе пять дней.

Тем временем женщины, мужчины и девушки стали возвращаться в село. Пора была страдная: надо было жать хлеба. Когда все вернулись в село, нагрянул внезапно ханский отряд и полонил молодых девушек села в жены хану Илиндику. Завыли, запричитали бабы. Но татары продолжали свое злое дело. Тех мужчин, которые оказывали сопротивление татарам, когда те хватали девушек и сажали их в повозки, татары убивали. Татары ограбили всех жителей: увели коров, забрали свиней и хлеб, а заодно и пленных девушек.

Вечером мужчины стали держать совет, как освободить своих дочерей из плена. Вперед вышел молодой плотник Гаврила и сказал:

— Если мы все нападём на хана, он нас всех перебьёт. Уж лучше мне одному пострадать...

У Гаврилы татары увели невесту в полон. И он отправился в стан врага. Подкравшись к юрте хана, Гаврила убил часовых, а потом зарезал и самого хана. Затем он побежал мимо юрт, крича что есть мочи:

— Татары, всем вам конец сейчас будет!..

Татары, услышали крик, проснулись, бросились к юрте хана и увидели, что хан их убит. Они бросились вдогонку за Гаврилой. Но тот мчался быстро. Долго бежал Гаврила и вот слышит, что татары догоняют. Тогда он крикнул:

— Мать — сыра земля, помоги мне!

И тут же, говорят, земля разверзлась под татарами и все они упали в бездонную яму, которая тут же заполнилась красной огненной массой, а потом та огнем пышущая масса снова ушла под землю и яма заполнилась водой. Образовался тут высокий яр. Гаврила видел происшедшее и решил вернуться в татарский стан. Тут он отыскал пленных девушек и выпустил их на свободу. Они слезно благодарили Гаврилу.

А тело хана Илиндика Гаврила бросил с яра в речку. С тех пор ту реку стали звать Илиндик. Недалеко от реки Илиндик есть яр, который зовут Красным яром. Раньше он был очень большой и глубокий, там нельзя было достать дна, теперь и речка, и сам Красный яр обмелели, их берега зарастают.

327. Мочкаушка

Около нашей деревни Ойкаussy речка протекает. А зовут ее Мочкаушка. Чувашское это название, и пошло оно от слова «мочей». Так у нас ключик зовут, из которого речка-то свое начало берет. Само же слово «мочей» переводится на русский язык как «старый человек». «Мочей» — это по-нашему «старик». Люди говорят, что нашел этот ключик когда-то давным-давно один старый человек. Вот потому и стали говорить, что ключик тот старого человека, или «мочей» — по-чувашски.

328. Свеча

В Шахунском районе, недалеко от села Хмелевицы, течет небольшая речка, которую народ Свечой называет. Не помню, кто мне говорил про то, что название ее издавна идет. И пошло оно будто бы с тех пор, когда через речку ту мост был проложен. После этого на мосту том вдруг старичок появился. Встал он посреди моста на колени со свечой в руке и начал молиться. Кто это был, никто не знал: то ли святой какой, то ли грешник великий пришел грехи свои замаливать — не знали люди, только, как рассказывали тогда, надо было ему очень долго молиться. И при этом он не должен был никому слова молвить и никому не отвечать и с места не двигаться.

А в это время тут войско какое-то шло. Подошло оно к мосту, воины и кричат старику — пусти, мол! Раз крикнули, другой, а старик и не шевельнулся, и не поглядел на них.

Рассердились тут воины, подхватили старика и в воду с моста столкнули. На дно сразу ушел тот старик, а свечка его, на удивление всех, поплыла по течению и не лежа, а стоямя... Плывет себе и горит! Далеко уже уплыла, а огонек ее все видно.

Смутились тут воины, испугались даже и поспешили с места этого поскорее убраться.

Ушли они, а речка с тех пор так Свечой и называется.

329. Томилиха

Старые люди говорили, что деревня Томилиха Докукинського сельсовета получила свое название по речке, на которой стоит. Ну, а почему же речка так именуется?

А вот, мол, почему: пошел как-то мужик из этой деревни за водой на ту речку. У самой воды поскользнулся и упал в речку. Начал тонуть и, как ни старался, выбраться так и не смог. Потонул.

Говорят, что его томилиха ко дну тянула и он не сумел осилить ее. Вот и утонул.

С того времени речка стала Томилихой называться.

У нас тут и теперь еще томилихи боятся и, чуть что, ребяташек ею пугают. Им говорят строго:

— Смотри, вот придет томилиха и уведет тебя с собой...

330. Узола

Что только ни говорят, откуда пошло название реки Узолы. Вот считают — узлами она течет, оттого и Узола. Или есть такое объяснение: по-марийски это «новое село» — значит, марийцы название дали.

А на самом деле все просто: у соли она.

В верховьях, возле поселка Ковернино, соль есть, и где впадает, там тоже. И есть даже место такое возле села Николо-Погост, где бьет крепкий соленый ключ — Усолье. Местные жители пробовали в той воде огурцы солить — ничего не выходило, пересоливаются.

А есть в тех местах и озеро Пресное. Тоже название не случайное. Значит, вокруг соленого много.

331. Елховка

Недалеко от райцентра Тонкино есть деревенька Елховка. Название свое она получила по речке, на берегу которой стоит.

Сама же речка Елховка давным-давно была так названа потому, что по берегам ее с незапамятных времен да и сейчас еще во многих местах встречаются заросли ольхи. Ну, а ольха в северных районах Нижегородской области елохой именуется.

Вот поэтому речку с давних пор и зовут Елохой, а вернее, Елховкой.

332. Пешик Чирма

Мне еще бабушка рассказывала, что и раньше эта речка совсем узенькой была. В летнее время через нее свободно переходили люди вброд, а в некоторых местах даже прыгали с берега на берег. Разливалась она весной, когда снег таял, а летом и осенью — только тогда, когда дожди долго шли.

Вот потому и называется она Пешик Чирма. По-чувашски это значит, что маленькая она речушка.

333. Рудка

Самая главная речка в Шарангском районе — Рудка. По-марийски ее называют Рэдэ, что значит «середина».

Говорят, что будто бы в старину марийцы жили по Волге и уж позже стали подниматься по ее притокам — Ветлуге, Кокшаге, Рудке. Рудка среди них как раз средняя.

У истока Рудки стоит деревня Рудомучаж. В переводе с марийского это значит «конец Рудки».

Почему же конец, а не начало? А вот именно потому, что шли они когда-то по речке с самых низовий вверх. И вот дошли они до верховий — и все. И дальше уж разошлись эти первопоселенцы по лесам и там поселились на жительство. И самое старое их село — Большая Рудка.

334. Легенда о реке Великой

Между Окой и Кудьмой течет небольшая речка. Длина ее не больше пяти верст, а ширина едва достигает двадцати сажен. И при всем этом речка называется Великой. Откуда взялось столь громкое имя?

...Было время, когда Великая несла свои воды издалека, с юга-запада, на целые сотни верст по направлению к Нижнему Новгороду. Плавали в ту пору по этой реке разные суда, и кормила она население прибрежных сел и деревень. В одном месте, близ реки Великой, стояла деревушка. А в той деревушке жила старая женщина с красавицей дочкой. Редкой красоты была эта девица: высокая, статная, с пышными золотыми волосами и чистыми, светлыми и лучистыми глазами. И звали ее Зиной.

Нередко заглядывались на девушку не только деревенские парни, но и богатые господа. Господа не просто любовались Зиной, а и захаживали в бедную хижину, неся дорогие подарки. Девушка подарков не принимала и всячески отстраняла от себя непрошенных гостей. Не было для Зины дороже батрака Зота, который подрядился на купеческое судно и плавал по реке Великой. Молодой, здоровый и красивый Зот исполнял тяжелые обязанности матроса и грузчика, но трудности не обессиливали и не сушили парня. Казалось, что трудная работа вливала в него все новые и новые силы, укрепляла его здоровье и делала все более выразительной его внешность.

Зот крепко полюбил Зину. Они были счастливы своей любовью, часто вместе и поодиночке с радостью думали о будущей женитьбе... Любовь Зины и Зота была чистая, нежная, целомудренная. Они были безгранично счастливы.

Но одна черная осенняя ночь разрушила их блаженство. В ту страшную ночь, когда над Великой висела густая, непроницаемая мгла, Зот упал в воду и утонул.

Когда Зина услышала жуткую весть о гибели друга своего сердца, она потеряла сознание и точно колос, подрезанный острым серпом, рухнула на землю. А придя в себя, она сильно изменилась: лучистый свет ее глаз померк, она сгорбилась, похудела, в душе ее поселился мрак осенней ночи.

Все это встревожило ее бедную мать, и та стала думать о том, не последить ли за дочерью.

Между тем дочь начала все чаще ходить на берег реки. Один раз она вышла из дома темной ночью. Ноги сами несли ее к берегу Великой. Добежав до реки, она упала на землю и стала биться о каменистый берег и, надрываясь, кричать. Она все громче и громче звала своего любимого:

— Мой милый, мой хороший, мой дорогой Зот, отзовись! Полно лежать тебе на грязном и холодном дне реки!.. Воспрянь, встань, взметни своими могучими руками, рассеки речные струи и явись ко мне!

Она на мгновение замолчала и прислушалась. Тихо было кругом. Только Великая глухо вздыхала, передвигая свои тяжелые воды. И всюду была непроглядная темь.

Вновь запричитала девушка:

— Зачем ты, милый, оставил меня? Зачем не взял с собой в тот мир, куда ушел сам?..

И почудилось Зине, что из мрачных недр реки послышался глухой, сдавленный голос — голос ее любимого. Ей показалось, что тот голос звал ее в глубокие воды, в мир, неведомый девушке.

— Ты хочешь видеть меня, милый? Ты не хочешь сам прийти ко мне? Ты зовешь меня к себе? Я приду к тебе, мой дорогой! Я сейчас же иду к тебе!

С этими словами девушка прыгнула с крутого берега в глубокую реку. Всколыхнулась Великая, разинула свою глубокую пасть и проглотила красавицу. Только круги заходили по поверхности реки. Походили и пропали...

А мать Зины, узнав, что Великая проглотила ее красавицу дочь, пришла на берег реки. Стала она на обрыв, заскрежетала зубами, от безмерного гнева вся затряслась и прокляла Великую большим, страшным проклятием...

И захирела большая река, стала она чахнуть и скоро пересохла, а длина ее из сотен верст превратилась в пятиверстную. Теперь только ребятишки купаются в ней; нет на ней сейчас ни одного суденышка. Погубившая красавицу, река Великая сама погибла, ибо против гнева матери никому не устоять.

335. Керженец

Предание первое

Если плыть от пристани Бармино вверх по Волге, то самым интересным селением на левобережной стороне будет поселок Макарьево с его старинным монастырем.

А чуть минуешь монастырские стены, что у самой воды возвышаются, сразу же увидишь устье реки Керженец.

В народе говорят, что название это древнее река получила от марийцев. Они будто бы давно заметили, что река эта лесная уж очень извилиста: другой раз такие повороты да зигзаги делает, что становится похожей на серьги.

Еще в старину заметили люди такие причуды реки и окрестили ее Керженцем. В переводе с марийского это слово означает «серьга».

Предание второе

Керже на мордовском языке значит «левый». Здешняя сторона в отдаленной древности была населена мордвою; русское население по здешним берегам Волги является не ранее половины XIV столетия, когда великий князь суздальско-нижегородский Константин Васильевич прогнал мордву от берегов Волги и поселил русских людей, призванных на новое поселение из других княжеств. Большая часть реки, урочищ и много деревень Нижегородской губернии до сих пор сохранили мордовские названия. Керженец также. Он впадает в Волгу с левой стороны и сохранил свое мордовское название «левый» до наших дней.

336. Речка Почайна

Невелика была нижегородская речка Почайна, что протекала по оврагу возле кремлевского холма, но полезна местным людям, и не только своею водой. Если она чернела, предвещала нашествие врагов, и город, заранее подготовившись, не раз разбивал у своих стен противника, отражал

его набеги. Когда же наступало спокойствие на Русской земле, раздвинувшей границы, народ стал славить прежние победы, называя при этом и Волгу, и Оку, и Днепр, и Дон — только не Почайну. Огорчилась та и давай плакать: «Уж я ль не на страже была!.. Велика Волга — и слава ей! А была ли ей заботушка о Руси, как мне, печалиться?».

В ответ нижегородцы только усмехнулись, забыв, видно, про прошлую службу речки. Тогда Почайна пожаловалась Волге, прося ее заступиться за свою дочку. Но обиженная матушка отказала в помощи: «Много люди лиха молвили про тебя, да еще мало ста... Пожалее — всю изобидели?! Так почто же пришла с жалобой ко мне, хвасть-переметчица?!».

Разбушевалась озлобленная Волга, понесла горы песку желтого, чтобы замкнуть путь Почайне. Не стало выхода ей, а с верховья вода все прибывала и прибывала. Вот она из берегов выступила и затопила приречные постройки гольтепы. Взмолились окрестные жители, и расступилась сыра земля, приняла в себя речку и опять сомкнулась.

337. Река Пьяна

Про то, почему нашу речку Пьяной прозвали, разное говорят.

Рассказывают, что дали ей такое название за то, что очень уж извилиста она. Сплошные повороты, словно в прятки между холмов сама с собой играет.

А еще говорят, что давным-давно, когда полчища монголо-татар на нашу землю шли, остановились здесь на ночлег войска монголо-татарского хана Мамаю. И так уж понравились им эти места, что решили они именно здесь отпраздновать то, что уж очень легко им Русская земля поддается. Наварили своего хмельного варева, и пошло у них веселье. Допьяну все упились.

А неподалеку стояли войска русского князя, готовился он к бою с татарами. Жители деревеньки, у которой монголо-татары свой лагерь разбили, послали самого быстроногого парня князя предупредить, что у их деревни монголо-татары все вдрызг пьяные и победить их легче легкого.

Князь, недолго думая, поднимает свою дружину и велит пареньку место показывать. Полетела наша дружина и разбила полчища недругов.

А речка теперь в честь того, во что монголо-татарам их преждевременная попойка обошлась, Пьяной называется.

338. Пьяна-река

Как-то повадился в деревню, что стояла на берегу Суры, медведь. Не жалел он ни женщин, ни стариков, ни детей. Много и храбрых охотников погибло от него. Совсем народ отчаялся.

В то время подрос в деревне паренек. Сильный да смекалистый. Решил он сразиться с лютым зверем. А медведь словно почувал что-то. Ушел в лес и залег в берлогу. Много дней блуждал юноша в чащобе, продираясь сквозь кусты да буреломы, петлял, возвращался, снова шел дальше и везде метки ставил, чтобы по ним домой вернуться. Нашел-таки он медведя. Страшная была схватка. Победил парень, но и ему от свирепого зверя досталось, кровь из ран так и текла. Сильно устал юноша. Содрал он с медведя шкуру, взвалил себе на плечи, да и побрел, шатаясь и спотыкаясь от потери крови будто пьяный, по своим меткам домой. А там, куда капали капли его крови, ямы да воронки появились, а из них ключи били и ручейки бежали.

Слились эти ручейки вместе, и потекла речка той извилистой тропой до самой деревни, где юноша жил, да в Суру и влилась. Не забыли люди о подвиге, а речку называли за ее извивы да извороты Пьяной.

339. Речка Осовец

В народе по-разному объясняют происхождение названия речки, что недалеко от нашего села протекает.

Одни говорят, что Осовцом ее назвали потому, что по берегам речки раньше очень много ос проживало. Вдоль

ее большое количество вязов росло, а на них, вернее в их дуплах, осы гнездились. Осинные гнездовья были еще и в грибе, которую все именуют Дубовой. Мы мальчишками любили ходить туда. Бывало, придем в те места и давай разорять эти жилища ос, мед искать...

Есть и другое объяснение названия речки. Говорят, название Осовец пошло потому, что, мол, осоки много растет вдоль берегов речки этой. Но ведь осоки немало бывает и в других местах, а вот такого обилия ос нигде, кроме берегов нашей речки, не сыщешь!

Так что первое объяснение, по-моему, более правильное.

340. Река Яхта

Близ поселка Тонкино протекает река Яхта. Откуда пошло это название?

Раньше эта местность принадлежала Сивияжской вотчине, названной так по реке Сивияга. Центром управления был Санчурск, вторым по значению считалось село Устинское.

Вотчинское управление часто посылало различных людей для исследования вотчины. Однажды вот так же были посланы на это дело два человека, один из них был татарин. Они пришли на реку, название ее, конечно, не знали. А у татарина была дочь Яхта. На берегу реки стояла береза, и татарин вырезал на ней имя дочери.

Позднее здесь появились первопоселенцы и стали называть реку так, как было вырезано на березе.

341. Садко благодарит Волгу

Издавна плавали по Волге на разных больших и малых стругах и лодках древние славяне. Везли на Восток, манивший своей экзотичностью, товары для продажи, нападали на чужеземных купцов, расселяли своих людей на новые земли.

Целых двенадцать лет «гулял» по славной реке новгородский торговый гость Садко — «никакой скорби над собой не видывал», доходил до «царства Астраханского», привозил на Русь шелка, украшения, пряности. Да сманили его торги родного города. Отправляясь домой, решил отблагодарить Волгу: сказал ей спасибо сыновье, отпустил в ее воды хлеб, посыпанный солью.

Охотно приняв дар, Волга попросила щедрого новгородца: «Одна просьба у меня: поклонись брату моему — славному озеру Ильменю».

342. Кудьма

Давно, очень давно, когда Вере-Пазу и Нишке-Пазу поклонялся народ мордовский, а в урочищах жили авы и кильды, в одном из селений проживал Ичал-атя. Во все концы обширной земли мордовской раскатилась слава о старике Ичале. По всему среднему Поволжью распространились мордовские поселения. Поселки мордвы гляделись и в воды Оки, и в просторы великой Ра.

В огромных лесах, куда укрылась мордва от князей московских, велось богатое бортовое пчеловодство, и крепкие мордовские меда, настоянные на пахучей мяте, калуфере и других ароматных травах, были известны даже при дворах иностранных правителей. Еще пушным промыслом занимался по лесам народ мордовский.

И везде и всюду, от берегов рек великих и от берегов малых рек, изливающих свои воды в большие реки, от глухих лесных озер, где в травяных зарослях гулко стояла вещая птица бугай, от всех племен мордовских — эрзи, мокши и терюхан — вели тропы к избе Ичала-ати. По тропам этим шли люди к Ичалу, чтобы послушать дивную игру его на гусях, сделанных Ичалом из звонких досок столетней лиственницы. Никаких денег и никаких дорогих вещей не жалели люди, чтобы приобрести себе гусли, сработанные великим мордовским мастером Ичалом. Но не любил денег Ичал, и не прельщали его золото и камни-самоцветы. Без всякой платы дарил Ичал гусли

тому, кто, играя на них, заставлял слушателей или плакать, или вдохновляться на великий подвиг.

Была еще и другая причина, которая заставляла людей торить тропы к Ичаловой избе. У старика была дочка, дочка Кудьма, — красавица, какой не видывала еще земля мордовская. Целая туча черных волос окружала матовое лицо девушки, на котором, как васильки, горели большие голубые глаза, а конец заплетенной, в руку толщины, косы достигал самой земли.

Помимо красоты своей славилась Кудьма еще и тем, что никто не мог так петь песни, как дочка Ичала. Чтобы послушать пение Кудьмы, приезжали и приходили люди из самых отдаленных селений.

По вечерам часто выходила Кудьма к опушке леса, где собиралась молодежь для летних гуляний, одетая в цветной сарафан, с прикрепленным к нему пулагаем. На голове ее гордо высилась «сорока» — кокошник, а ноги украшали сафьяновые сапожки на высоких подборах. И всегда там, где на гулянье была Кудьма, было особеннолюдно. Молодежь окружала девушку, а больше всех и чаще всех смотрел на Кудьму молодой Дамай, отважный зверолов. Никто не умел затравить хищного зверя лучше Дамаея. Стрела, выпущенная Дамаем из лука, неизменно разила наповал и юркую лису, и великана-лося, и дикую рысь, что таилась в гуще деревьев, готовая в любой момент ринуться сверху на голову тому, кто без опаски проходил около логовища громадной дикой кошки.

Никто лучше Дамаея не умел подманивать к себе птицу или подкрасться к ней, и всякий раз Дамай возвращался домой с охоты, обремененный богатой добычей. Знал Дамай, где водится редкая голубая белка, добыть которую он уходил в далекие леса полуночных стран.

Каждая мордовская девушка с радостью отдала бы себя всю целиком смелому зверолову, и немало горьких слез пролили красавицы, отвергнутые Дамаем. Ни одна из них не была любя его сердцу, кроме Кудьмы. Возвратившись с большой охоты за пушным зверем, раскладывал Дамай шкуры перед Кудьмой. Блестящие, бесценной красоты меха соболя, шкурки голубой белки, куниц и ярко-рыжих лисиц — все это предлагалось Кудьме.

— Все это твое, Кудьма. А если и этого мало, то я принесу тебе в десять раз больше... Я дам тебе столько мехов, что ими можно будет укрыть не только твой стан, но и всю твою избу и даже луговину перед ней. Вот эту шкуру рассомахи я брошу тебе под ноги. Шкура медведя, на которого я вышел с одним только ножом, будет служить тебе вместо половика в сенях твоего дома, а покрываться ты будешь одеялом, сшитым из белок и отороченным мехом речной выдры. Только полюби меня, Кудьма!

— Я люблю тебя, Дамай! Ни с кем так я не люблю петь песни, как вдвоем с тобой... И когда мы поем, я чувствую, как голоса наши сливаются вместе и уносятся ввысь к небесным звездам. Ничьих рассказов я так не слушаю, как твоих, и, когда ты говоришь о своих схватках с хищным зверем в лесу, я чувствую, что во всей земле мордовской не сыщешь зверолова отважнее тебя. Ни одного парня красивее тебя я не видела и знаю, что не увижу никогда. Я знаю, что никто не может побороть тебя и каждого своего противника ты валишь на землю, как слабую девушку. Разве я не видела своими глазами, как ты поборол Итмана, сила которого известна до самых больших вод? Да, я люблю тебя, Дамай, но сейчас не могу я пойти в твою избу, чтоб поселиться в ней с тобой. Настанет время, когда я без всякого зова приду в твой дом и скажу тебе: «Я твоя, Дамай, а ты принадлежишь только мне!»

С грустью отходил Дамай от девушки. Не хотелось ему идти на гулянье, где его прихода ждали и старики и молодежь: старики, чтобы послушать рассказы Дамая о его охоте, о его скитаниях по лесам и урочищам, а молодежь — чтобы вместе со смелым звероловом попеть песни. Опять уходил в лес Дамай, забирался в самую глушь его, туда, где еще не ступала нога человека, и, унылый, мечтал там о Кудьме, о том дне, когда придет к нему девушка и он заключит ее в свои объятия.

Однажды повстречал Дамай в лесу молодого мужчину. Ехал тот верхом на статном коне, и сам наездник был так же статен и красив, как и его конь. Дорогая, из парчи и бархата, одежда его указывала, что не мордвин этот человек и что приехал он сюда от берегов великой Ра, где жили чуждые мордовскому народу люди. А когда

взглянул Дамай в глаза незнакомца, то увидел в них, что недобрый человек повстречался ему в лесу. Играя шелковыми кистями конского убора, спросил всадник Дамай:

— Чей ты, откуда, охотник? Разве нет для тебя другого занятия, кроме рысканья по лесам и оврагам, в особенности сейчас, весной, когда всюду молодые парни и девушки собираются на веселые гулянья и когда сердца их бьются так, что колышутся рубахи? Не скажешь ли ты мне, охотник, где здесь находится селение, в котором проживает старик Ичал? Сказывают, великий мастер он гусли строить, а еще лучше играть на них... Хочу купить я у него самые лучшие его гусли... А затем хочу я заодно посмотреть на его дочку. Кудьмой, кажется, зовут ее. Говорят, шибко красива девка, и до сих пор будто бы ни один парень не мог добиться от нее не только поцелуя, но даже простой улыбки. Никто из мордовских парней не сумел найти доступа к сердцу девушки. Или ты не знаешь, охотник, ни Ичала, ни Кудьмы?

Рассказал Дамай всаднику, как проехать ему к Ичалу, а сам опять углубился в лес выслеживать звериные тропы. Всем сердцем рвался он домой, но разве не вчера только был у него разговор с Кудьмой? И разве не вчера она сама сказала ему, что не пришло еще время, когда она пойдет за ним, за Дамаем, в его избу? А когда наступит это время — не сказала.

Несколько дней пробыл Дамай в лесу, а когда пришел в свое селение, то молодежь тесной толпой окружила его, чтобы вперевод передать волнующую всех новость о том, что в селение приезжал богатый гость.

— Как только приехал он к нам, — рассказывала молодежь Дамаю, — сейчас же спросил, где живет Ичал. А когда вышел к нему старик, то гость вынул из-за пазухи богатый кисет, полный серебра и золота, и предложил это богатство за Ичаловы гусли... Но не взял старик предложенных ему денег.

— За деньги души не купишь, — сказал старик гостю. — А в гусях, сделанных мною, живет живая душа. Тот может получить мои гусли, кто будет петь под их игру, и петь так, чтобы слушатели забыли все: и горе свое, и болезни, и сердечные боли. Если и ты можешь так петь,

то вот эти гусли будут твоими без всякой платы. А кошель твой спрячь, ибо золото приносит несчастье.

— О, тогда я вперед скажу тебе, что твои гусли я увезу с собой. Там, у себя, в большой земле, я считаюсь лучшим певцом.

Тогда старик взял гусли в руки, сел на камень, что лежит среди площади, и заиграл. Долго слушал его приезжий. Наконец подстроил свой голос к Ичаловой музыке и запел. Чистый высокий голос певца сразу заполнил собою всю площадь. Приезжий пел, что он Сабан, которого люди за его удачи прозвали Шайтаном, потому что он приносит беду людям.

Не успел еще Сабан кончить песни, как бросил вдруг играть на гуслях Ичал-атя и, обхватив свою голову руками, низко наклонился над гуслями.

— Гусли — мои! — вскричал Сабан и потянулся было за ними, но старик неожиданно поднял их кверху и что было силы ударил ими о камень. В последний раз вскрикнули струны, застонали протяжно и страшно, и гусли разлетелись в мелкие щепки.

— Хорошо ты поешь, всадник, но песни твоей должны бояться люди. Должны они бояться и тебя, ибо недобрый ты человек и вслед за собой несешь несчастье людям. Уходи ты от нас!

На эти слова старика дико захохотал Сабан, захохотал так, что мороз прошел по коже у всех, бывших на площади.

— Да, я уйду, старик! Но скоро я вернусь обратно! Прощай пока!

И всадник скрылся в лесу.

Спустя некоторое время Сабан опять появился в селении Ичала. На этот раз приехал он не один. Целая толпа таких же богато одетых молодых людей, как и он сам, сопровождала его. Приехал он к вечеру, после дневных работ молодежь сходилась на гулянье, а старики вели мирные беседы у своих изб. Холодно встретила молодежь Сабана и его спутников. Не нравился молодежи чужеземец. Разве не по его вине Ичал-атя разбил свои гусли о камень и с тех пор затворился в своем доме и никуда не выходит? Разве не из-за чужеземца Кудьма бросила петь свои песни?

Но Сабан и спутники его привезли с собой так много угощений и сладких вин, которыми щедро угостили всех, что мордовские парни и девушки скоро забыли свою нелюбовь к приезжим и погрузились в веселье и пение. Одна только Кудьма не разделяла общего веселья и держалась особняком. Сабан везде и всюду следовал за ней и всем и каждому давал понять, что на этот раз он приехал за тем, чтобы быть около Кудьмы. Увиваясь около девушки, нашептывал он ей льстивые слова:

— А ведь и правду говорят о тебе, что нет и не было девушки красивее тебя. Много раз я видел утренние зори — и ты прекраснее их. Видел я луну, когда она движется ночью по небу, и лицо твое нежнее этой луны. Видел я дорогие черные шелка, которые вытканы за далекими морями, но волосы твои чернее самого черного шелка, а глаза голубее лазури. Ах, Кудьма! Если бы обрядить тебя в парчу и бархат, то красотой твоей ты затмила бы солнце! Хочешь, девушка, я разукрашу тебя так, как одеваются одни только царицы?

— Нет, я не хочу этого! И не теряй ты напрасно слов, чтобы обольстить меня! Ибо я знаю, что в сердце твоём лежит черный камень и что такие люди приносят смерть и несчастье другим людям.

И Кудьма вырвалась из объятий Сабана.

И потом много раз приезжал Сабан в Ичалово селение. И всякий раз подстерегал он Кудьму, когда была она одна, и притязания его с каждым разом становились все настойчивее и настойчивее.

Со страхом убегала Кудьма от своего преследователя. Она бежала к Дамаю и умоляла его:

— Дамай, я чувствую, что скоро умру. Никакая сила не может спасти меня!

— Я спасу тебя, Кудьма, ведь я люблю тебя!

— Нет, Дамай! Не спаси тебе меня! В глазах пришельца я вижу свою гибель... Как горят его глаза, когда он смотрит на меня! О, Дамай, убей его!

Поникал головой зверолов:

— Не могу нападать на гостя. За это все будут презирать меня. Но если хочешь, я вызову его на борьбу и, если выйду победителем, то скажу ему: «Уходи и больше не приходи к нам!»

Приближались весенние гулянья молодежи. По лугам и перелескам собирались парни и девушки для состязания в пении, борьбе, стрельбе из луков и беганье. На эти гульбища прибыл и Сабан со своей ватагой. В свите его были уже не только чужеземцы: богатыми дарами и угощениями склонил Сабан на свою сторону немало и мордовской молодежи, и сам силач Итман щеголял в расшитом золотыми позументами кафтани.

Пришел на гулянье и Дамай. Никогда ему так не хотелось принять участие в состязании борьбы, как сейчас, ибо знал он, что придется ему биться с Сабаном, и только накануне сказала Дамаю Кудьма:

— Если победишь ты Сабана, то, как покорная собака, последую я за тобой, куда ты прикажешь.

Чувствовал и Сабан, что сегодня ему придется встретиться с Дамаем, так как сознавал, что, кроме Итмана и Дамай, нет ему подходящих противников.

И вот уже подошел Сабан к Дамаю.

— Знаю я, что ловок ты и силен, охотник, и что трудно победить тебя. Но я буду бороться с тобой. Если я одолею тебя, я потребую у тебя только того, чтобы уступил ты мне девушку Кудьму, а если ты окажешься победителем надо мной, требуй от меня чего хочешь!

Начал Сабан сперва состязаться с Дамаем в стрельбе из лука. Искуснейшим стрелком считал себя Сабан. Приказал он вырыть в землю высокий столб и на вершину его положить яблоко и, отойдя сто шагов, легко сбил это яблоко стрелой. Гул одобрения прошел по рядам зрителей. Притихли сторонники Дамай. Со страхом ждала Кудьма выстрела Дамай. Уверенно вышел из толпы зверолов. Коротко и решительно подманил к себе Итмана-силача. Передавая ему яблоко, сказал:

— Бросай его как можно выше!

И когда яблоко взвилось ввысь и сделалось маленьким, как горошина, тогда пустил в него Дамай стрелу, и, запев, стрела разрежала в небе яблоко пополам, и обе половины его упали к ногам Сабана. Бурными криками приветствовала толпа победу Дамай над противником.

Потом начали они состязаться в бросании тяжелого камня. Первым бросил Сабан. Со свистом разрезая воздух,

камень полетел вдаль. Улетел он далеко, и там, где он упал на землю, образовалась яма.

Все замерли, ибо еще не было другого примера, чтобы кто-либо метнул камень на такое расстояние. Опять вышел из толпы Дамай и сказал Сабану:

— Крепка у тебя рука, чужеземец, но я попытаюсь сделать то же самое!

Закрутил Дамай камень над головой и, резко повернувшись, пустил его. Еще сильнее засвистел воздух, и камень упал на двадцать шагов дальше.

— Довольно! Довольно! Дамай вышел победителем!

Но не хотел сдаваться Сабан. Подговорил он свою вагау, и те начали требовать продолжения состязания между Сабаном и Дамаем.

И вот вышли они на единоборство. Плотной стеной стояла вокруг них толпа. С нетерпением ждали начала схватки. Слышно было, как сердца людей колотятся громко и часто. Неужели чужеземец победит Дамай?

Соперники вышли на круг. Как только взглянул Сабан на Дамай, невольно задрожали ноги чужеземца и сбежала краска с лица. На выточенное из белой крепкой березы, что растет в высоких гривах, походило тело Дамай. При каждом движении упруго ходили мускулы его обнаженных рук и ног. И были мускулы эти подобны клубку сплетшихся между собой больших змей. Грудь Дамай дышала высоко и ровно, подобно кузнечному меху. Сразу же почувствовал Сабан, что и здесь не одолеть ему Дамай, и решил пуститься на хитрость: ждал, когда подойдет к нему Дамай, чтобы обхватить его тело, и в этот самый момент подставить ему ногу и решительным натиском опрокинуть противника, а затем уже торжествовать свою победу. Но знал все уловки борьбы Дамай. Недаром же еще не было борца, который кинул бы Дамай на землю. Да разве не выходил Дамай недавно еще победителем Итмана? И не потому ли задрожали ноги Сабана, что испугался он Дамай, и не почувствовал ли он вперед своего поражения?

В два прыжка был Дамай около своего противника, и не успел еще тот привести своего замысла в исполнение, как уже почувствовал, что железные тиски сжали его тело,

и он беспомощно забился в крепких объятиях зверолова. Необъятное небо над головой Сабана начало все более и более суживаться и уже не казалось ему голубым и блестящим, а темным и маленьким. Но изо всех сил защищался Сабан: сильно жал Дамаю, упирался ему в горло своей головой, стараясь прервать дыхание у Дамаю, но все крепче прижимал его к себе Дамаю, и уже слышал охотник, как допались в груди Сабана какие-то пузырьки, и увидел, что кровавая пена с клокотом выступает на губах противника. И еще сильнее сжал его Дамаю. И тогда померкло совсем солнце в глазах Сабана, и не слышал он, как бурно зашумела толпа, в то время как Дамаю высоко взметнул его вверх и через бедро резко грянул о землю... Грянул так, что застонал луг от этого удара, и два каблука красивых сапог Сабана отлетели в сторону и упали у ног его свиты.

— Убил его Дамаю! Смотрите, не дышит чужеземец!

Склонился Дамаю над поверженным врагом. Видит, как тонкая струйка алой крови льется изо рта и теряется в пышных усах Сабана. Приложил руку к груди его: колотится сердце лежащего.

Бесчувственного Сабана отнесли в сторону. Тогда бросилась Кудьма к зверолову:

— Дамаю! О, мой Дамаю! Теперь не боюсь я его!

И припала девушка к груди его, а он говорил ей:

— Сегодня, Кудьма, сыграем мы свою свадьбу. Когда ляжет ночь на землю, выходи, Кудьма, вон туда, на лесную луговину, где растет черемуха и где по ночам поет соловей.

Вот ночь легла на землю, тихая, ясная, какие бывают только весной, когда томится природа в сладких муках материнства.

Нарядившись в лучшие одежды свои, пошла Кудьма к Дамаю. Надела она свой лучший пулагай, сплошь убранный бахромой, цветистыми лентами, блестящим бисером, позументами и яркими блестками, которые горят и светятся даже при луне. Голову девушки украшала высокая «сорока» — головной убор, который умеют носить только мордовские девушки и молодые женщины. В косе Кудьмы, что стлалась до самой земли, горели ярко-

алые ленты, а на ногах красовались ковровые сапожки. Ибо на свадьбу свою шла Кудьма.

А вот и Дамай...

И девушка стрелой кинулась к тому, кто стоял под цветущей черемухой и ожидал ее. И вдруг девушка заломила руки над головой своей, и громкий крик ее огласил окрестности:

— Дамай! О, где ты, Дамай!

Вместо Дамаи к Кудьме приближался Сабан. Не могла летняя ночь скрыть от девушки блеска его горящих глаз.

— Я говорил тебе, что не уйдешь ты от меня, Кудьма! Я говорил тебе, что ты будешь моей! Не противься же мне сейчас, когда никого нет вокруг и никто не услышит твоих криков!

Тогда кинулась прочь Кудьма от Сабана, и крупные слезы потоком полились из ее глаз. И сейчас же вслед за девушкой понесся бурный поток, преграждая дорогу преследующему Кудьму Сабану.

Но не хотел он отставать от девушки... Он уже протягивал вперед руки, чтобы схватить ее, но она ловко увертывалась от него, и сейчас же поток, ограждая девушку, устремлялся туда, куда бросалась бежать Кудьма.

Бежала она по кустам, обрывая одежды свои и оставляя клочки ее на кустах. И рассыпался бисер ее пулагая, и бахромы и ленты устилали землю. Кидалась она и в долины и оставляла здесь на высокой траве пряди своих длинных волос.

— Дамай! Дамай! Что же ты не спешишь спасти меня? Разве ты не чувствуешь, что я изнемогаю?

— Не придет твой Дамай! — злобно отвечал девушке Сабан и еще бешенее устремлялся за ней.

Так мчались они по лугам и перелескам, по оврагам и урочищам, и поток за Кудьмой превращался уже в реку. Река затопляла уже низкие берега, на которых пышно расцвели белые лилии и желтые кувшинки. Река устремлялась за девушкой, которая мчалась уже к берегу великой Ра, воды которой засинели на востоке.

И чуть ли не по пятам продолжал преследовать ее Сабан, отставая только тогда, когда на поворотах река преграждала ему путь.

Ослабевать стала девушка. Все медленнее и медлен-

нее бежала она, и все полноводнее и тише текла за ней река по низинам.

Еще раз бросился преследовать Кудьму Сабан и уже совсем был готов схватить ее, как Кудьма выбежала на крутой берег Ра и с размаху бросилась в воды могучей реки.

Запенилась Ра, заходила круговоротом вода, как вокруг могилы девушки, и, застилая ее песком и илом, закружилась в крутых берегах.

343. Текун-озеро

В лесах Сокольского района, в тех местах, где в Волгупадают Унжа и Шомохта, самое удивительное место — озеро Текун.

Говорят, назвали его так, потому что из него есть исток в речку Шомохту.

Озеро это необыкновенно красивое.

На нем есть несколько плавающих островов — больших, с деревьями. Если на них ступит человек, остров чуть качнется. Но вообще на таких островах растут деревья. И они могут выдержать несколько человек. Как подует ветер, острова начинают двигаться к берегу, пока не сядут на мель, пока их не прибьет.

Много всего рассказывают про озеро Текун.

Мимо него идет древняя дорога под названием Каменная Закладь. Выложена она большими камнями и не зарастает.

По деревням ходила старая рукописная книга, в ней было написано завещание стариков. В нем говорилось, что по Каменной Закладки надо идти в ночную сторону, что там стоят очень старые деревья, и на одном из них нарисована, как там пишут, харя человека. От дерева надо отойти несколько шагов и можно копать. Есть там и оружие, и казна, и драгоценности.

Жили на озере Текун разбойники. Бежали они туда лет двести назад с Волги. Попрятали свои ценности и скрылись, разбрелись по глухим деревням.

Клад, конечно, местные мужики искали много раз. Но

уж и деревьев тех нет. И в руки он, видимо, не дается так просто.

Говорят, иногда в лесу около озера Текун до сих пор видят белую корову. Она гуляет там. Ее подманить надо. И кто поймает ее, тот клад и найдет. Но — ничего подобного — заведет корова человека в чашу и исчезнет.

Есть там еще одно чудо — дорога, которая никогда не растает.

Она начинается в тайге и теряется там же, в лесу — как просека, но никто никогда там лес не рубил.

Говорят старики, тут Христос проехал на колеснице. Так и зовут это место — Христова дорога.

344. Пустыньские озера

Пустыньских озер несколько. И одно из них Святым называется. Как рассказывают люди, название свое это озеро получило после того, как на нем священник побывал. А было это все так.

Тут, через село Пустынь и деревню Меньшиково, раньше проходил тракт из Нижнего Новгорода на Арзамас. Поэтому те, кто побогаче, строили в здешних местах постоянные дворы для того, чтобы купцы по дороге останавливаться могли. У нас до сих пор есть такая фамилия Дворников. Дворниками звали раньше тех, кто постоянный двор держал. Кстати, Дворниковы до революции даже два двора держали. В таких дворах, кроме дворов, где остановиться, передохнуть можно, еще и конюшни были и помещение, где проезжающие и поесть могли. [...]

И вот, говорят, что когда-то пошел слух, будто бы многие из тех купцов, что тут проезжали, стали в лесу пропадать. Догадались, что кто-то на дороге разбойничает, а кто — не знали и найти в самом начале никого не могли. А жили разбойники в глубоких пещерах.

Только раз здешний охотник пошел в лес, застрелил белку. Она упала. Искал-искал он ее в траве — не нашел. И вот, видит он пенек, а в нем дыра. Туда она и провалилась. Оказывается, что это дымоход у разбойни-

ков был. Вот разбойники его схватили и стали думать: отдать охотнику белку и отпустить его или убить, чтобы место не выдал. Отпустили.

Так вот, хозяевам этих дворов разбойники в страшный убыток были. Слух о них по губернии пошел. Говорили, что разбойники на дороге повозки останавливают, богатство, товары все заберут, а самих купцов да возниц в тройку положат связанных, разгонят и с обрыва — ух! — в озеро, чтобы все концы спрятать. Озеро тут глубокое было.

Сколько времени прошло, долго ли, коротко ли, но стали замечать, что по той дороге, которая через Пустынь да Меньшиково шла, купцы совсем перестают ездить. Стали они по объездной дороге товары возить.

Надо было разбойников выловить.

И поймали их, и судили. На суде один из разбойников сказал, что у них все сокровища в лесу возле озера зарыты.

Наши мужики прослышали про это и ходили с лопатами на озеро, искали богатства, но ничего не нашли.

А озеро, как стало известно про дела разбойников, решили освятить, потому что грешное это озеро. Сколько здесь погублено душ-то было!

Пригласили священника. Он крест на озеро пускал, молитвы над ним произносил.

И вот сказали, что в одном из заливов крест, хотя он и металлический, не утонул, а поплыл.

И сказал тогда священнослужитель:

— Это не грешное озеро, а святое...

Так оно Святым с тех пор и называется.

345. Озеро Нестияр

В глухих заволжских лесах, совсем недалеко от известного каждому озера Светлояра, есть еще одно не менее загадочное озеро. Его история таинственная, и есть в ней что-то от преданий о Светлояре идущее. А зовут это озеро Нестияр.

Люди, что живут недалеко от него, рассказывают, что в давние времена там, где сейчас находится озеро, рань-

ше монастырь стоял. Звон его колоколов якобы раздавался очень громко по всей округе. И нередко путники, потерявшие в непроходимых дебрях дорогу, только по этому звону выбирались из лесной чащи.

Но вот пришли на Русь татары. Они разграбили много сел и деревень на Волге и Оке и один раз в поисках новой добычи ринулись в глубь заволжских лесов. А когда вражеские полчища наткнулись на монастырь и хотели разграбить его, земля провалилась и все постройки ушли в глубокую яму, в которую потом хлынула вода.

Так, говорят, и скрыло озеро от татар тот монастырь навсегда.

Монастырь-то скрылся, а звон его колоколов от той давней поры остался. Рассказывают, будто бы когда-то несколько человек пошли в лес да и заплутались. Ходили, ходили они по чащобам, нигде выхода нет и уж всякую надежду вернуться домой потеряли. И тут послышался им звон колокольный.

И подумали тогда люди, что это почудилось им перед смертью. Но нет! Прислушались они как следует — действительно: звон есть, и раздаётся он все время с одной стороны...

Воспряли люди духом, встали и побрели на звон. Идут, а звон все сильнее да сильнее слышится.

Шли они, шли да и выбрались из лесу! В поле оказались, а за полем до села — рукой подать...

Вошли люди в село да и спрашивают:

— Кто звонил?

— Никто, — отвечают им.

— Как никто?.. Мы в лесу слышали колокольный звон, на него и вышли...

А звон-то шел будто от самого села, что недалеко от озера стоит.

Жители села говорят:

— У нас не звонили...

— Как не звонили, звон от села шел да так долго. Мы на него и шли, пока лес не кончился.

— А потом?

— Как в поле вышли, село да озеро увидели и звона не стало... Вот и сейчас его нет, — говорили те люди, что пришли из лесу.

346. Лебяжье озеро

В лесу недалеко от деревни Томилихи есть озеро, которое в народе Лебяжьим называют. Как говорят старые люди, на озере этом много лет тому назад жили лебеди. Они прилетали сюда весной и жили тут до конца лета. Говорят, что только не все из тех, кто приходил на озеро, могли видеть этих лебедей. Но находились многие, кто будто бы видел их на самом деле.

Давно уже нет лебедей на тихом лесном озере, а может, их никогда здесь и не было, но молва людская да название озера живут в памяти народа до наших дней.

347. Озеро Эрнеслу

Близ села Вознесенского Урмарского района имеются городище Хулату и озеро Эрнеслу. Согласно преданию, на месте Хулату стоял город-крепость, вокруг которого был прорыт ров. Там находился чувашский царь. Когда напали на город татарские войска, чувашаи стойко оборонялись.

Татарский царь решил взять город измором. Чувашаи ночью на дороге разбросали колобки. Рано утром они собрали их в мешки. Татарский царь увидел это и говорит: «Чувашаи и камень едят, их измором не взять». С тех пор появилась пословица: «В чувашском желудке и камень переварится».

По совету одного чуваша-колдуна, ненавидевшего своего царя, татарский царь наловил голубей силками, привязал к их ногам серу, поджег ее и пустил птиц в город. Сожженным городом завладел татарский царь. Но чувашский царь и его семья превратились в лебедей и улетели на юг.

Татарские воины стреляли в них и ранили царскую дочь Эрнеслу, и она упала в озеро, которое и получило ее имя.

348. Анненское озеро

Марийский князь Алаш заслушание верховного бога Куго-Юмо был превращен в стерлядь и брошен в озеро, что недалеко от Васильсурска находится.

У Алаша была дочь — красавица Анна. Она часто приходила к озеру и жаловалась на обиды, чинимые новым князем. А посреди озера, на островке, обитал низший водяной дух — Бутия. Понравилась ему Анна, и решил Бутия взять ее в жены. Объявил он об этом через жреца Анне.

Побежала Анна на озеро, к отцу, поделиться с ним горем, просить у него защиты. Но, как ни кричала, не могла Анна дозваться своего отца. Запер его злой Бутия в замке на дне озера за то, что не согласился на брак с его дочерью.

Долго стояла у озера Анна, долго звала отца. Тут выскочили слуги водяного духа, схватили и потащили ее на остров, где жил Бутия.

Не хотела Анна быть женой злого и противного водяного духа, вырвалась от слуг, бросилась в озеро и утопилась. С тех пор стали озеро в народе Анненским называть, а дорогу, по которой к отцу она ходила — Анненским съездом.

349. Озеро Котюрево

Когда армия Пугачева была разбита, в лесах, в семи верстах от села Давыдова, на озере, спасался атаман Котюр со своим отрядом. В те времена в трех верстах от большого озера проходила через лес прямая дорога из Казани в Москву. Теперь дорога заросла лесом, но даже и сейчас можно заметить, что там, где была дорога, лес несколько ниже, а полоса ясно выделяется на протяжении многих километров. По той дороге часто ездили царские обозы, на которые нападала шайка Котюра. На жителей окрестных деревень разбойники не нападали.

Но вскоре на поимку этой шайки были высланы царские войска. Когда царский отряд был замечен дозорными, они быстро сообщили об этом атаману. Атаман Котюр предложил разбойникам закопать клад недалеко от озера. Разбой-

ники закопали шесть бочек с золотом, высекли на огромном камне гусиную лапу, а под камень положили золотую монетку и бумагу, в которой написали, что надо в том направлении, куда показывает гусиная лапа, отмерить двенадцать шагов, чтобы найти клад. Но клад найдет не каждый. На камне с гусиной лапой высечена надпись: «На вдову на Марью и троих детей». Остальные шесть бочек с золотом были опущены разбойниками в озеро, а оно очень глубокое.

Но шайка не успела уехать и в неравной схватке все погибли. С тех пор озеро и называется Котюрево. Жители села Давыдова опускали туда двенадцать связанных вожжей, но дна не достали. Многие искали тот клад. Один лесник с кордона нашел однажды бочку с золотом, привез ее домой, сам рад-радехонек. Он не мог уснуть до двенадцати часов ночи. Но едва часы пробили полночь, лесник увидел в окне бородатое лицо атамана.

— Зачем ты вдовые деньги взял? — страшным голосом закричал атаман Котюр.

Лесник от страха грохнулся на пол в обмороке. Очнувшись утром, лесник обнаружил, что бочка с золотом исчезла.

Житель села Давыдова Шапошников нашел камень с гусиной лапой, но едва он коснулся камня рукой, камень стал тонуть и скоро утонул совсем. Около камня он нашел золотую монетку. Больше ничего не удалось найти.

350. Тихое озеро

Около деревни Кокшамары есть старый темный лес. О нем люди плохое помнят. Хоронится в том старом лесу озеро. Боятся его марийцы. Говорят, что в глухую полночь слышат безгрешные люди плясовую песню, плач, пенье петуха и шум из озера, что отдается жутким эхом.

Когда-то здесь вместо озера был большой земляной холм. На холме росли деревья, и деревня там стояла в сорок пять дворов. Деревня была опоясана рвом. Жили здесь мари богато и весело. Что ни двор — то дворец, что ни избенка — то палата. Жили словно купцы, мед да пиво пили, горы пирогов ели.

Но вот однажды один разудалый паренек так напился пива, что во хмелю отца своего порешил. Собрались все соседи на совет и решили его выгнать из деревни в эту же ночь. Они его крепко избили, а потом прогнали вон. Но этот парень — его звали Эпанай — решил отомстить и поджег деревню, а сам спрятался в лесной чаще. Огонь бушевал всю ночь. Слышались вопли, крики, плач. Утром к восходящему солнцу поднялись гарь и дым от обугленных изб и трупов. В одну ночь стало полно в деревне сирот и нищих. Рыдала мать Эпаная: она потеряла мужа и двух сыновей, сильных и красивых. Уцелела только дочка Вика, которой было два года.

...Шел день за днем. Крепко трудился народ. Снова на том месте поднялись дома. Выросла и Вика — собой красавица, стройна, румяна, приветлива. Много женихов за ней ходило. Очень любили ее люди и построили их семье новый дом. Однажды мать подозвала ее к себе и сказала:

— Дочь, ты стала невестой. Пора тебе трубить в рожок.

Послушно побежала Вика на крыльцо и затрубила, чтобы женихов к себе созвать. Вдруг из лесной чащи выехал удалой молодец, а с ним еще двадцать парней, лихих и стройных. Подъехал он и спросил:

— Кто у вас трубил в рожок?

Ответила ему мать:

— Дочь моя стала невестой и трубила у крыльца.

Поглядеть на речистого и красивого гостя прибежали соседи. Всех он одарил, угостил, никого не обидел. Ребятишкам медяки бросал, девкам да бабам платки шелковые раздавал. А за Вику дал калым одним серебром. Так ходил он средь гостей, с невесты глаз не сводил и такие речи держал:

— Я везде побывал, дальние страны видел, но краше этой черноокой нигде не встречал.

Веселились гости, пили, ели. Но вдруг крикнул друзьям захмелевший жених:

— Гуляй, моя дружина! Нынче весел Эпанай!

Зашептались, зароптали соседи, услышав ненавистное им имя:

— Так ты Чепчилля будешь сын?

— Это ты, Эпанай? — вскричала мать, узнав родного сына, и упала.

Вика побледнела, и у ней ноги подкосились. Отходили их, и сказал Эпанай:

— Чего ты сердишься, мать? Был я сын, зятем стану.

Вот и вышло так, что брат сестру не узнал и обнимал ее как невесту. Рассказал он теперь соседям, как деревню поджег, как его медведь в лесу помял, как он бродяжил, как грабил купцов по дороге. Рассказал, как повстречался с друзьями и стал их атаманом, как не узнал родимый край и отчий дом, что вырос заново на пепелище.

Что же делать, погоревали — перестали. Решили горе подавить. Хороши были подарки, хороши были и жених с невестой. Решили венчать. Но только начался обряд, как задрожала земля, загремело небо, посыпался град и холм с деревней провалился, охваченный огнем и дымом. После лил три дня и три ночи проливной дождь, и на том месте образовалось озеро.

351. Озеро Горюн

Есть недалеко от речки Осовец, что недалеко от поселка Решетиха Володарского района в Оку впадает, целая дюжина озер. И одно из них носит название Горюн. А название такое, как говорят сведущие люди, пошло от того ощущения, которое чувствует каждый человек, когда к нему приходит. Любому, кто это озеро посетит, кажется, что он словно в тоннеле или погребе оказался. Сразу человеку на ум грустные думы приходят, а настроение становится таким неприятным да сумрачным, будто у всякого, кто на это озеро пришел, дома горе большое.

Горестным это озеро выглядит потому, что оно с давних пор было лесом со всех сторон загорожено, осокарями да темными тополями высокими. От них всё у берегов озера и сама вода в нем черными кажутся.

Некогда на одном из берегов озера стихийное бедствие случилось, и оттого там все повысохло, а вековые деревья черви поели. Так что там теперь светло стало. Но, хоть и светлым выглядит тот берег, а название озера как было, так и остается: Горюн — и все тут.

352. Озеро Разина

Еще в молодые годы в Старом Чамзине повстречал я восьмидесятилетнего старика. Спросил его, почему называется это озеро Разинским. Он рассказал мне, что раньше озеро имело другое название — Рази-озеро, Разим-озеро. И было это потому, что межевые просто-напросто боялись писать его настоящее название. За такое дело им крепко не поздоровилось бы и обвинили бы их во всех грехах земных. А настоящее название было — озеро Разина.

Когда я был совсем молодым, мой старый дедушка рассказал, почему это озеро названо именем Разина. Когда войска Разина потерпели поражение под Симбирском, а затем — в Алатыре и близ Ардатова, то по пути на Арзамас и Нижний Новгород они прошли по нашей дороге. Много войск прошло через Андреевку, Чукалы, Аржедеево. А коней своих они поили в том озере.

Отсюда и пошло — озеро Разина.

353. Казачья запруда

Атаман Разин, из-под Симбирска направляя своих казаков к чувашам, наказал: «Поднимите чувашей на борьбу, я им дам волю и землю». Один из разинских казаков прибыл в наши края. Здесь он влюбился в красавицу чувашку. И повстанческий отряд создал, и окрестных чувашей всех поднял на борьбу за свободу, но всё не возвращается к атаману. Не иначе как очень сильно полюбил он чувашку. Тем временем сюда прибыли царские войска и разгромили отряд казака. Сам он еле успел скрыться у реки Карлы. И никто не знал, где он скрывается. Лишь возлюбленная ночами ходила к нему, приносила еду.

В одну ночь казак, уставший после жарких сражений с царскими ратниками, чуть задремал, положив голову на колени любимой. Их окружили враги. Казак вскочил, вытащил саблю. Он понял, кто их предал: с царскими рат-

никами пришел отец его возлюбленной. Казак, проскочив сквозь вражеский строй, набросился на предателя. Тот не успел и крикнуть, как голова его покатилась в Карлу.

Казак сражался отважно. Царских ратников было много, но не сумели они одолеть казака и один за другим полегли от его сабли. Вот свалился последний ратник, обливаясь кровью. Усталый казак направился к любимой. Но она лежала мертвой: враги зарубили ее. Убитый горем казак бросился в запруду. Ее и поныне называют Казачьей запрудой.

354. Святое озеро

В семи верстах от села Кстово на правом отлогом берегу реки Волги есть озеро, именуемое в простонародье Святым озером.

Это название сие озеро получило от того, что оно с давних времен принадлежит Нижегородскому Печерскому монастырю, то есть святым отцам и братьям.

355. Колодливое озеро

Если идти от деревни Тамболес в сторону Оки, то километра через два среди большой луговины, кое-где поросшей тальником, еще издали увидишь сверкающую гладь озера.

Люди рассказывают, что в прежние времена по берегам этого озера росли большие деревья, которые потом подгнили у корневищ и попадали в озеро. С той поры дно его стало забито корягами да колодами от стволов. Вот тогда-то и назвали его Колодливым.

На этом озере в старину была главная стоянка окского атамана Василия Рощина. Говорят, что по берегам Колодливого озера были выкопаны землянки для жилья его шайки, а в глубоких местах озера Рощин золото прятал. Знал атаман, что туда никто лезть не решится, потому что коряг да колод побоится.

356. Соленое озеро

Недалеко от Кокшамар есть много разных озер. Среди них есть одно, которое, несмотря на свою пресную воду, называется Соленым.

Об этом озере старые люди рассказывают.

Давно, очень давно это было. Тогда еще и Марпосад* не строился, но по волжским берегам уже появилось несколько сел и деревень, которые строились около больших и маленьких озер. Дорог в те времена еще не было, и поэтому все товары в эти селения возили на лошадях по замерзшим озерам.

Везли как-то раз в Кокшамары соль. И тут поднялся буран, возчики потеряли ту дорогу, которая была проложена по льду, и заехали на место, где лед не совсем окреп. И тут одна лошадь провалилась вместе со своим грузом в озеро.

С тех пор и называют это озеро Соленым.

357. Озеро Таир

В былые времена сообщение до прежнего города Царевококшайск или, как теперь он называется, Йошкар-Ола, шло по кокшайскому тракту. Как раз посредине пути, рядом с трактом, озеро было.

Вот на этом озере и останавливались раньше купцы с обозами. Пили они там чай, ловили рыбу, поили лошадей и благодарили озеро за красоту и богатство.

Отсюда и пошло название озера: тау или таи (спасибо) и ер (озеро), то есть Таир — это по-марийски «спасибо озеру».

358. Красное болото

У самой деревни Мари-Отары раньше шумел густой ельник. Посреди него, как две ямки с маслом в центре блюда с кашей, блестели два красивых озера.

* Мариинский Посад — районный центр Чувашии.

Но прошло какое-то время, и появились в этих местах купцы. Они вырубали лес и тогда оба озера высохли. Потом они превратились в болота, в которых была густая красная жижа. С тех пор и пошло название Красное болото.

359. Мучное болото

В старину по дороге из марийской деревни Йсменцы в Звенигово тянулись дремучие леса. В тех лесах, у одного из болот, жил солдат, который, как раньше говорили, был «в бегах». Он убежал из царской армии от тяжелой солдатской доли.

Дезертир боялся показываться в деревне. Он вырыл себе землянку у самой воды и жил в ней круглый год.

С годами увеличивалось население деревни, а ее поля продвигались в глушь леса. Это стало угрожать стоянке дезертира, и он оставил землянку. Куда он скрылся — никто не знал, только после его ухода в землянке нашли люди ручную мельницу, которая была сделана из двух каменных жерновов, да оставленную хозяином муку.

С той поры местные жители называют это болото Ложашку, или Мучное болото. Так дословно переводится это слово с марийского языка.

360. Козлово болото

Есть за деревней Шевелино болото. Вокруг него издавна растет такая высокая осока и настолько ее там много, что накосить на прокорм целой коровы можно.

Вот и повадился на то болото из года в год один мужичок шевелинский по фамилии Козлов сено заготавливать. Как только придет сенокосная пора, глянть, а на берегах болота уже ни травинки нет! Догадались люди, что это Козлов успеваеет раньше всех болото выкосить и отаву вывезти, и стали с той поры звать то болото Козловым болотом.

361. Чертово болото

В наших лесах есть болото, которое все жители называют Чертовым.

Название такое пошло будто бы потому, что в давние времена вокруг этого болота были глухие и даже непролазные для человека леса. А в лесах тех, как говорили в народе, черти водились, и жили они, конечно, не где-нибудь, а в болоте. Ну вот, оттого и пошло название этого болота.

362. Овраг у озера Светлояр

В незапамятные времена, когда ордынцы на Русь напали, подошел к граду Китежу их отряд. Привел его сам Батый.

И вот уж возле самого города, перед Светлояром, конь у хана споткнулся, встал как вкопанный.

Тут и образовался овраг. До сих пор овраг этот за Светлояром виден.

Смотрят на него люди и те страшные времена вспоминают, проклятого хана Батыея.

363. Кладовые овраги

Наше село стоит на Инелее. Название мордовское, но давно уже обрусело. И все названия вокруг мордовские. Были там большие овраги, которые дали название нашему селу. И есть еще несколько стрел. А стрелами старики у нас называют расстояния между оврагами.

Одна стрела особенно большая, в глубине леса, в глуши. Вся она изрыта-перерыта. Стала я спрашивать еще у бабушки своей:

— Почему тут так изрыто?

Бабушка у меня мастерица была рассказывать! Она и говорит:

— Потому тут так изрыто, что это Кладовые овраги.

В старину появилось это название. По преданиям, проходили здесь войска Разина. Может, силы были на исходе, может, что другое помешало, но сокровища свои, все ценное, они зарыли в этих лесах. И заговорили клад, как в старину говорили, на что он должен выйти.

Рыли старики-мужики, искали этот клад Разина, но не нашли.

Говорят, в старину выходил он в виде кудрявого могучего юноши. Пойдут туда женщины по грибы, а за ними — этот юноша. Оглянутся — его нет.

Вот такая история про наши Кладовые овраги.

364. Голодаев лог

Несколько ниже от Васильсурска, близ слободы Хмелевка, есть ущелье. Здесь, по преданию, сидел со своей шайкой знаменитый разбойник Голодай, или Галоня, обладавший могучей чародейной силой.

На своем кафтане он плавал по Волге, как на лодке, на рукавице перелетал с одного берега на другой. А стоило ему махнуть той рукавицей или кушаком своим, усыплял он целые полки царской рати и отбирал у сонных ратников оружие.

365. Овраг Степана Разина

На Волге, километрах в ста ниже Саратова, есть большой и очень глубокий овраг. В народе давно называют его оврагом Степана Разина. Ну, а богатые люди прозвали этот овраг тюрьмой. Раньше в тех местах был дремучий лес и спрятаться в нем было просто, а наблюдать с деревьев за Волгой не составляло никаких трудностей. И как только разинцы останавливали купеческое судно, так тут же отправляли хозяина его в овраг Степана Разина, а уж оттуда выбраться, как из тюрьмы, никто не мог. Вот потому и боялись купцы да хозяева разные этого оврага.

366. Пашин овраг

В прежние времена в наших местах все говорили, что Пашин овраг назван, мол, по имени разбойника. Люди рассказывали, что в лесах вокруг Ардатова разбойников было немало, а те, что вместе с атаманом Пашей действовали, жили в глубоком овраге.

Там, в овраге-то, были сделаны землянки большие и кладовки тайные, в которых у них добро хранилось.

Про атамана Пашу и его помощников в народе шла добрая молва. Говорили, что он и его товарищи грабили только богатых людей, а крестьян или там ремесленников они пальцем не трогали.

Так с той далекой поры и вспоминает народ про атамана Пашу и его дела.

367. Овраг Кавлей

В Ардатовском районе есть немало мест, которые носят мордовские названия. Таково, например, название оврага, что находится недалеко от деревни Кавлей.

Слово «кавлей» — мордовское слово, обозначает оно вот что: «кав» — это по-мордовски «камень», а «лей» — «овраг». В итоге и получается, что «кавлей» — это каменистый овраг.

В народе не зря говорят, что каждому названию есть своя причина. Вот так и здесь: местность была всегда пустынна, а почва камениста.

368. Овраг Ильмона

Недалеко от нашего села Кокшамары есть овраг Ильмона. А название свое он вот как получил.

Случилось это в 1881 году. Старик по имени Ильмон построил себе землянку на берегу оврага, а год тот был очень дождливый. От беспрестанного и сильного дождя появи-

лось много ручьев, которые сбегали в овраг. Вот землянка Ильмона и рухнула да и задавила старика-хозяина.

Мужики откопали старика и похоронили как подобает, а его старухе, которая без жилья осталась, всем миром выстроили дом на краю деревни.

Овраг этот с тех пор стали называть в честь погибшего старика. Его и сейчас называют не иначе как овраг Ильмона.

369. Сударев овраг

На правом, или как его называют, горном, берегу Волги, километрах в шести выше Камского Устья, стоит большое село Богородское. На окраине его, как бы отделяя село от Абачской возвышенности, есть крутой и глубокий овраг. В народе его зовут Государевым, а чаще — Сударевым оврагом. Название это, говорят, пошло после путешествия по Волге императрицы Екатерины Второй. Будто бы, проплывая мимо этих мест на своем судне, царица увидела с палубы красивый обрывистый берег и приказала остановиться. А потом выехала на лодке к берегу и с удовольствием гуляла по этому, заросшему травой и кустарником оврагу. Люди видели, как ходила по оврагу государыня, и с того времени стали именовать его Государевым или Сударевым оврагом.

370. Овраг Шпреле-вар

За деревней Малый Сундырь есть глубокий овраг. Жители этой деревни и окрестных селений издавна именуют его Шпреле-вар. И называется так овраг потому, что весной и летом, после сильных дождей, земля на дне его быстро разбухает и становится вязкой и очень похожей на дрожжи. Ну, а дрожжи по-чувашски называют «шпреле», а овраг — «вар». Вот так и получилось это вроде бы непонятное название. Правильно говорят, что народ стогаз: видит все, а подмечает самое главное.

371. Ложбина Савтеби

В селе Сугуты Батыревского района имелся замок чувашского пуяна (богатея, феодала). У него было три сына и дочь Савтеби.

После смерти отца сыновья укрепили замок, окружили его рвами и собрали воинский отряд. Они начали неимоверно угнетать черный люд, издеваться над ним. Грабили людей, убивали, уводили к себе девушек. Иссякло терпение народа. Крестьяне напали на замок, но не сумели проникнуть в него.

Савтеби любила отважного крестьянского парня. А он был с восставшими. По его просьбе Савтеби указала повстанцам подземный тайный ход в замок, и они проникли в него, расправились с угнетателями. Но один из братьев спасся бегством и, узнав, что подземный ход указала крестьянкам сестра, убил ее.

Место, где она похоронена, до сих пор называется ложбиной Савтеби.

372. Камень-конь и камень-жеребенок

Лет двести назад Керженский глухоманный край слыл непроходимой лесной чащобой. Редко забредал сюда человек. Только жители заволжских скитов и умели находить здесь заветные тропки. От одного бугорка к другому, от старой березы к сосне приметной, по своим собственным засечкам пробирались они в лесную глушь в поисках лесного меда и воска да охотясь на зверя и птицу. Говорят, что край этот когда-то давным-давно несметно богат был. И золотишко умели здесь добывать, и рожь вырастала гуще сегодняшней, и лен длинющий да мягкий, как шелковый, на красные рубахи годился, мед духмяный в каждом скиту варили, а грибов да ягод по лесам — хоть косой коси. И куда все делось... Заколдовал лесной Культей землю нашу, и все тут. Ничего уж путного сейчас здесь и не найдешь, окромя торфа болотного да песку сыпучего. Болота да гнус, сосны да песок, ну, бывает, враз откроется где-нибудь за холмом озеро, и

опять потянется бугристая песчаная равнина с чахлыми кустами да сухостоем.

А в былые-то времена жил здесь народ крепкий, кондовый, умел вериги вязать, сапоги валять, топоры и гвозди ковать. Безбедно жили, да вот поселился в наших лесах злой леший — колдун по прозвищу Культей. Откуда взялся — кто его знает, а только ведомо ему о богатствах здешней земли — Черной и Красной Рамени. Решил сам золотишком поживиться и заказал людям за Керженец ходить. Окружил свое царство колдунское болотами непроходимыми, перегородил тропки реками да трясинами. Пойдешь за речку Черную, за речку Вишню, за Рустай-реку — почитай пропал. Засыплет Культей песком, придавит упавшим деревом, заманит да и утопит в болоте, а то в камень-голыш превратит, эвон сколько их по лесам керженским раскидано.

Был у одного кузнеца в большом тогда селе Лыкове статный конь караковый, а у того коня подруга — кобылица была белой масти. И родился от той любви жеребенок. Конек прыткий, веселый да увертливый. То-то радовался кузнец, да недолго. Увел Культей темной ночью кобылицу в свой табун, только ее и видели. Затосковал конь, и у кузнеца дела плохи стали. Взял он коня с жеребенком да и ушел в леса Культея искать. А тот ему одну преграду за другой ставит. Хотел за Керженец идти, а тут левый берег стеной стал. Нашел конь песчаную отмель, разбежался, вспрыгнул на берег, а Культей песчаную гору насыпал. Перепрыгнул и ее — там болото непроходимое перед ним расстелилось. Устали, выбились из сил и кузнец, и конь. Только жеребенок-конек неутомимый весело скачет, туда-сюда мечется. Видит Культей, не могут уж кузнец и конь с ним совладать, обрадовался и в камни их превратил. Лежат будто те камни высотой до двух метров в сосновом бору на полпути к Ветлуге. Точь-в-точь кузнец старый с бородой да в шапке и конь горячий караковый красными боками в траве посверкивает. Сказывают, в ненастье, в грозу или когда ветер сильный дует, оживает конь-камень, бьет копытом, трясет каменной гривой, ржет-гремит, что есть силы, и искры из ноздрей летят. Вот откуда громы и молнии-то берутся.

Только малого конька никак Культею не словить и в камень не обратить. Перехитрил он Культея: то камнем-ва-

луном прикинется, то опять жеребенком скачет. Бывает, увидит лесной человек его среди деревьев, подойдет ближе — а это камень лежит и в землю врос. И все бы ничего, а только придет в другой раз, а нет камня-то на том месте. Пропал, затерялся. С год-другой не слышно о коньке ничего. Пока другой охотник, задержавшись в лесу, в вечерних сумерках снова на него не наткнется, глядь, а жеребенок опять в камень оборачивается — не дается людям. И к тому камню никто не приводит людей во второй раз. Придут на то место, а камня опять нет. И в третий раз найдут жеребенка-камня в чащобе, и в четвертый, но совсем в другом месте, только везде вскорости исчезает он, будто и не было. Мечется конек между Керженцем и Ветлугой — никак логова Культеева не найти ему. За мать беломастную кобылицу и коня-отца, за разлуку отомстить не может. Сказочным логовом колдуна скорее всего озеро Культей считать надо. Мимо него малоезженная лесная дорога из села Михайловского на Волгу до села Васильевского проходит.

373. Курганы удмуртского богатыря

В Шурминском районе имеется всего четыре кургана, а на этой стороне реки Уржумки — шесть. Говорят, курганы эти произошли следующим образом: когда-то в далеком прошлом по реке Вятке жил удмуртский богатырь. Среди удмуртов и марийцев было состязание, во время которого марийцы выиграли. Состязание было такое: нужно было пнуть кочку через Вятку, стрелять из лука в живой дуб и пробить его насквозь.

Мариец был хитрым. Кочку он вечером подрезал топором, потом пинал. А живой дуб вначале просверлил и в это отверстие стрелял. А удмуртский богатырь не догадался о таких проделках соперника. После поражения в состязании удмурты переселились за реку Вятку, к Глазову, Ижевску. А через Вятку они переправлялись напротив селения Кизер. Это место их переправы до сих пор русские называют вотяцким переездом. Марийцы селения Кизер это место также называют удмуртскими мостками.

Вот как раз в то время, когда удмурты переселялись, тут проходил их богатырь Кюльмезь. Следы его шагов остались за рекой Уржумкой у селения Сенда, затем — у поля Меркуша. Потом он ступил своими ногами около нашего селения, образовав курган Максималь, затем создал курган Шурма-Никольский, курган на Мерзловском поле, курган у священной рощи в честь Акмазика. Курганы образовались так: богатырь Кюльмезь вытряхивал землю из своих лаптей. Вот таким образом, рассказывают, образовались эти курганы.

374. Перемиловские горы

Искры от костров высоко взлетали в беззвездное небо. На вершинах холмов собрались люди из окрестных поселений. Закончена уборка урожая. Начинаясь пора свадеб. Надо было задобрить бога любви, дружбы и согласия Перемила. Молодые девушки, водившие хоровод вокруг костров, время от времени горстями бросали ржаные зерна к подножию больших деревянных идолов, изображавших бога Перемила. Его ликам красноватые отблески от костров придавали то весело-буйное, то надменно-ироничное, а порою даже злое выражение. Но костры постепенно угасали, и лики Перемила становились спокойными и как бы безмолвно говорили:

— Живите, люди, в добре и согласии. Будьте милостивы к ближним своим и трудом прославляйте землю.

Испокон веков холмы, что тянутся грядами по правобережью Оки, называются Перемиловскими горами.

375. Гора Дина

Если плыть от Жайска вниз по Оке, то следующая пристань будет Чулково. А немного пониже Чулково, на правом берегу реки, можно заметить несколько необычную картину. Среди ровного-ровного поля возвышается гора.

Она имеет довольно правильную форму и пологие, покрытые травой скаты.

В народе говорят, что будто бы выросла та гора за несколько дней, а случилось это много веков тому назад, когда на Русь напали монголо-татары. Страшной лавиной катились они по землям наших предков, с каждым днем приближаясь к Волге и ее могучему притоку Оке. И вот огромное войско одного из татарских ханов достигло заветной цели, вышло на высокий берег: под ногами татар была спокойная и величественная, но еще не покоренная река. Однако воины хана предались радости. Они весело поздравляли друг друга, дико кричали.

И в это время по войску, как удар грома, пронеслась неожиданная весть: у хана умерла его любимая дочь по имени Дина.

Все войско татарское тут же, как пришибленное, приумолкло. А хан, преодолевая горе свое, отдал приказ похоронить Дину на ровном месте недалеко от большой русской реки. И еще он потребовал, чтобы каждый воин отдал почесть его любимой дочери и принес на ее могилу шлем земли.

Воинов у хана было так много, что когда они прошли мимо могилы Дины с землей, на лугу выросла целая гора.

С тех далеких времен возвышение это так и зовется — гора Дина.

376. Баранья Гора

Баранья Гора — небольшая деревушка на восточном склоне Валдая. Никакой особой горы тут нет. Есть несколько холмов. На холмах стоят дома. В середине деревни — пруд, колодец с журавлем, три столетних сосны...

Баранья Гора — это неправильное название. Правильное название — Бранья Гора. Вот тут вот, на этом самом месте, была брань, то есть битва с татарами. Когда-то давным-давно у нас тут хранилась летопись. В свитке, на пергаменте. Написано так от руки, старинным полууставом. Все уж отсырело, трудно было разобрать, но начало я хорошо помню. «И собра нечисты множество вой (вои-

нов, значит). У Осуги реце (реки), Чисте камне (то есть Пречистой Каменки, там вода светлая, камни на дне) и Браньей горе. И бысть сеча зла, яка же не была на Руси. И Русь погнаша по ним секуще. И бежа нечисты Бранье горе, оставиша своя и исходяще от них смрад зол...» Больше не мог прочитать, все уже от времени истлело. Эту летопись от нас забрали, не знаю, где она сейчас, в каком архиве.

377. Оленина гора

Здесь у нас, при Пьянском перевозе, тоже была война с татарами. И на горе около нашего села был бой. А Олена, она из здешних мест, тоже убивала и убита в том бою была. Вот и назвали ту гору, где ее убили, Олениной горой.

378. Казачий бугор

Недалеко от Кокшайска, в леске, есть гора. Она в народе Казачьим бугром зовется. Про тот Казачий бугор старые люди много разных преданий рассказывают. Говорят, что будто бы в давнюю пору Казачий бугор был местом для наблюдения за неприятелем. И здесь тогда, на этом самом бугре, казачьи посты денно и ночью стояли. Да и как им не стоять: местность-то уж больно удобная. Взойдешь на Казачий бугор, и все-то оттуда, как на ладони, на много верст видно: там — большие лесные уголья и овраги глубокие, здесь — поля дальние с перелесками, а отсюда — саму Волгу-матушку, с быстрыми перекатами да берегами отлогими, как на картинке видать... Тут любого, что конного, что пешего, как говорят, эвон когда увидишь.

Так, молвят люди, и в старые времена было; на Казачьем бугре посты целыми сутками наблюдение вели, а в селе — казачьи отряды да сам воевода начеку стояли.

И, бывало, как завидят постовые супротивников, — сразу с Казачьего бугра в село знак подают:

— Тревога, — мол, — соратники!..

И тут же по боевому сигналу казаки своих коней седлали, оружие скорей разбирали — и галопом в бой...

379. Ильина Гора

Старые люди рассказывают, что давным-давно была на Руси икона святого Ильи. И вот один раз народ здешний заметил, что находится она не на том месте, где ей полагается, а плывет по реке Суре. Жители чувашской деревни, что стояла на берегу реки, хотели ее поймать. Но не сумели, потому что она не пожелала останавливаться тут и проплыла мимо. Доплыла до Курмыша, но и там не остановилась.

Вот достигла икона того места, где на берегу была небольшая гора. И здесь вдруг остановилась сама, а потом пристала к берегу у самой горы. Тут ее люди поймали, принесли в церкву и поставили на видное место. С той поры село и стало прозываться Ильина Гора.

380. Холм Чегерчик

В Батыревском районе близ села Алманчиково имеется холм Чегерчик.

В междуречье Булы и Карлы прибыло монголо-татарское войско. Отважный чуваш Чегерчик со своим отрядом отогнал вражеское войско, нанеся ему большой урон. Через некоторое время здесь же появилось вражеское войско, вдвое превышавшее численность отряда Чегерчика. Чувашские воины разгромили и это войско. Многие чуваша полегли на поле боя.

Смертельно был ранен Чегерчик. Перед смертью он сказал чувашам: «Трупы врагов отвезите с поля боя в сторону, пусть сгрызут их волки и склюют черные вороны. Моих воинов и меня схороните на холме. Будьте бдительны, беспощадно боритесь с врагом».

Оставшиеся в живых исполнили просьбу Чегерчика.

381. Гора Городская

Недалеко от деревни Русская Луговая, там, где на берегу Волги расположились заливные луга, есть возвышенность. Она намного выше всей окружающей местности. Марийцы этих мест называют ту возвышенность Горой Городской («Ола курык арка»).

Давным-давно татары искали место, где заложить город. Понравилось им место на берегу Волги. Было здесь открытое поле на высокой возвышенности. А вокруг — лес. Посмотри с возвышенности вокруг — все видно как на ладони. Там же, недалеко, река Илеть впадает в Волгу. Между Волгой и Илетью распростерлись широкие луга. На берегу Илети шумят бескрайние дубравы и сосновый бор, где растут исполинские дубы и сосны-великаны. Охотиться здесь — самые места: леса кишмя кишат дичью и разным лесным зверьем. А в речных и озерных водах много рыбы. Есть ли еще где такие места?

— Якши! — сказали татары.

А здесь, посреди возвышенности, на самом видном и высоком месте, стоял дуб. Он стоял один и был из семи ветвей. Разбросав семь могучих ветвей, возвышался он над местностью, как хозяин-исполин, и рос, как богатырь. Дуб этот среди окрестных мари считался священным: он, казалось, стоял как часовой и охранял землю марийцев от врага.

Марийцы почитали его и справляли под ним свои обряды.

В жару он давал путникам прохладу, а в непогоду оберегал от разъяренной природы.

И вот однажды появились татары под этим дубом. Любуясь неопишуемой природой, они говорили о закладке города.

Забеспокоились марийцы. Видят они: татары затевают что-то — и подняли своего богатыря.

— Э-гей, татары! — громоподобно крикнул богатырь-мари. Его голос разнесся раскатом грома за луга к Илети, а там — в дремучие леса и над водами Илети и Волги, над всеми просторами, где жили марийцы. — Э-гей, татары! Уходите подобру-поздорову! А не уйдете — вот что

ожидает вас! — потянул свой богатырский лук и выпустил в сторону татар со звоном огненную стрелу-молнию.

— Аллах! — закричали татары. — Спаси нас!

Стрела, выпущенная богатырем, прозвенела над их головами, пронзила насквозь, как холст, могучий семиветвистый дуб и полетела со звоном дальше над лугами. Татары под дубом пригнулись, как травинки в бурю, потом, надев поплотнее 튈ейки, пустились бежать, что есть силы.

— О-го-го! — гудел богатырь-мари. — Бегите, басурманы! Не для вас процветает марийская земля, не для вас многовековой наш дуб раскинул свои могучие ветви, никогда не бывать вам хозяевами на нашей марийской земле!

— О-хо-хо-го-го-го! — догонял и убыстрял бег татар шум собравшихся мари. Их голоса перекатывались эхом над лугами и берегами Илети и Волги.

«Коль есть у марийцев такой богатырь, не будем строить здесь города», — подумали татары.

Вздохнула земля, очистили марийцы оскверненную площадку под дубом, зазеленела вновь трава под живительным дождем и распространился аромат цветов.

Не осмелились татары вновь посягнуть на землю марийскую, построили свой город на месте, где сейчас стоит Казань. А то место, где они хотели заложить город сначала, марийцы и по сию пору называют Гора Городская («Ола курык арка»), некоторые из них, особенно из молодежи, называют ее «куиз тумо арка» («гора дуба-исполина»).

382. Мирошкина гора

Нет среди варнавинских грибников человека, который бы не знал Мирошкиной горы. Но очень немногие знают ту страшную историю, которая связана с этим местом.

Здесь скрывался крепостной Мирон, принадлежавший князю Татеву, усадьба которого находилась в деревне Потанино.

За гибель всей своей семьи, за зверства и издевательства над ним, он дал клятву перед могилой замученных крестьян своей деревни: до конца своей жизни мстить

князю Татеву и монахам Варнавинского монастыря, предавшим его анафеме.

Выше и ниже Мирошкиной горы на речке Нелидовке были водяные мельницы монастыря и князя Татева. Здесь же проходила монастырская дорога на реку Усту. Вот на этих дорогах и мстил Мирон монахам и слугам князя Татева. Но нашлись предатели, которые на великопостной исповеди рассказали монахам о месте землянки Мирона.

Темной ночью монахи подкрались к спящему в землянке Мирону, облили землянку и всю землю вокруг смолой и подожгли. Объятый пламенем, Мирон пытался выскочить, но монахи рогатиной затолкали его в землянку.

«Преданный анафеме должен стореть», — таков был кровавый приговор монахов.

И Мирон живым был сожжен в своей землянке. Крестом и огнем монахи заставляли безропотно подчиняться помещику и церкви.

383. Бабья гора

Верстах в семи от села Троицкого на реке Ветлуге находится деревня Городище.

Недалеко от нее есть утесистый выступ, который напоминает собой три холма. Утес этот несколько возвышается над уровнем прилегающей к нему террасы. С двух сторон он окружен оврагом и соединен с остальной поверхностью террасы узеньким перешейком; этот утес называется Бабьей горой.

Про него существует в народе такая легенда.

Была здесь в стародавние времена разбойничья стоянка: жило здесь двенадцать разбойников, а атаманом у них была баба Степанида. Долго она ими верховодила и с ними выезжала на разбой, пока наконец не поссорилась со своей шайкой; ее убили разбойники и закопали тут же в землю.

Теперь в глубокие осенние ночи здесь слышен стон умершей разбойницы. Говорят, что она по временам показывается на этой скале, что ее не раз видели сидящей на краю утеса — сидит она пригорюнившись.

384. Маришкина гора

Жила такая Маришка. Красивая, знаете, девушка, но никак она не могла выйти замуж. Родители не хотели, чтоб красота ее доставалась кому-нибудь, и женихов к ней не допускали. Ну, жила она так, жила. Потом пошла, значит, к этой горе и поселилась тут одна. Собирала на горе травы, разговаривала с разными птицами. Бабка говорила нам: «Не раз Куклим болотный зазывал Маришку свистом в свое болото, но птицы заглушали». Она могла заклинать звезды для плодородия овец. Люди ходили к ней туда, и она лечила всех разными травами.

Наконец настало время, когда Маришка состарилась. Прилетели к ней птицы: «Довольно, Маришка, тебе жить. Пора умереть. Иди, ищи свой камень смерти».

Вот она вышла и пошла куда глаза глядят. Долго ходила, искала свой камень смерти, но не нашла и вернулась обратно сюда. Перед заходом солнца показалось ей, что какой-то большой камень лежит вот тут на горе. Поклонилась ему Маришка и застыла. Окаменела.

385. Гора Семи братьев

В Саратовской области на самом берегу Волги есть гора, которая в народе горой Семи братьев зовется.

Люди рассказывают, что в давние времена жили в этих местах семь братьев-разбойников. Злые они были и много бесчинствовали и на волжских перекатах, где суда из-за мелководья задерживались, и на дорогах проселочных, что к реке вели.

Долго терпели жители приволжских деревень и сел этих разбойников. Но терпению народному пришел конец. Поймали их люди честные и покарали на горе, что над Волгой стоит. Покарали и сказали на века о судьбе семи братьев-разбойников. Ведь не зря же в народе говорят: «За недобрым пойдешь, на беду набредешь».

386. Оленья гора

После падения великого княжества Нижегородского сын последнего князя нижегородского Даниил Борисович, поддерживаемый дедом по матери, добился от тогдашнего хана Золотой Орды Зелени-султана ярлыка на Нижний Новгород и при помощи жуколинцев двинулся к Нижнему. У села Лысково его встретила большая московская рать.

На Оленьей горе произошла отчаянная битва, причем московские ратные силы были разбиты Даниилом наголову. Даниил вступил в Нижний Новгород и восстановил, хотя и на короткий срок, самостоятельность княжества. Это было в 1410 году.

Сохранилось еще одно предание. В нем говорится, что царь Иван Грозный, шествуя с войском в один из походов на Казань, остановился для отдыха на горе Оленьей. Тогда она уже опустела и внутри вала жителей не было.

Обозрел царь гору и на возвратном пути приказал вал исправить и оставил на нем для жительства несколько сот храбрых воинов.

387. Стенькин остров

В двух километрах на юго-восток от старинного селения, ныне рабочего поселка Большое Мурашкино, возвышается над окружающей местностью просторная поляна, которую в народе Стенькиным островом именуют.

Это место названо так после разгрома разинцев и повстанцев из Большого Мурашкина и Лыскова, учиненного осенью 1670 года войсками князей Леонтьева и Щербатова, которые были посланы из Арзамаса князем Долгоруким.

Рассказывают, что после взятия Макарьевского монастыря отряд разинцев, насчитывавший до 15—20 тысяч человек с двадцатью пушками и запасом ядер и пороха к ним, переправился через Волгу и двинулся в Большое Мурашкино. А уж оттуда разинцы думали пойти на Арзамас и Нижний Новгород.

Узнав об этом, князь Долгорукий, стоявший в Арзамасе во главе царских войск, сразу же послал против восставших вооруженных до зубов солдат регулярной армии. Возглавляемые Леонтьевым и Щербатовым царские войска пошли навстречу разинцам и в пяти километрах от Большого Мурашкина, у деревни Шепелево, напали на восставших. Там и разгорелся жаркий бой. Силы сражавшихся были неравными. Царские войска имели большой перевес и, видя это, разинцы отступили к Большому Мурашкину, но, чтобы не подвергать селение разорению и пожару, обошли его справа, увлекая за собой в поле царские войска.

Там, на поляне, бой продолжался с новой силой. Разинцы направили против войск Леонтьева и Щербатова главную массу сражающихся и все имевшиеся у них пушки. Однако после долгого и упорного сражения стало понятно, что им не выдержать натиска хорошо вооруженных и обученных царских войск. Отряд повстанцев прекратил сопротивление и оставил боевые рубежи. На поле сражения разинцы оставили много убитых.

С той поры место, где шел тяжелый кровопролитный бой, люди стали называть Стенькиным островом.

388. Бугор Степана Разина

Бугор. — Стенькин двор, а пещера — его жилище.

Здесь он с вершины волжской горы караулил купеческие караваны, царскую да монастырскую казну к себе поджидал. А в глубоких буераках его молодцы на мелких лодках ждали слов атамана: «Сарынь на кичку!» Радостным свистом отвечали бурлаки, сбросив с плеч опостылевшую лямку.

Степан Разин не умер. В день, когда ему выйдет срок, он встанет. Взмахнет кистенем — и от обидчиков, лихих кровопивцев, мигом не останется и следа.

Недолго уж ему осталось маяться. Скоро, говорят старики, час настанет. Тогда держись только. Он, батюшка, шутить не станет!..

389. Утесы над Волгой

Давно это было, очень давно. В те времена на месте Жигулевских гор простиралась обширная равнина. На ней паслись несметные стада, хлеба колосились в рост человека.

Хорошо тут жилось людям. Но случилось так, что соседей, кочевавших за Волгой, обуяла зависть. Они и до этого разбойничали по чужим землям, а тут решили совершить набег на Волгу, взять в полон мирных людей, что жили по ее берегам.

Подплыли они на челнах. И только хотели было высадиться, как услышали грозный окрик:

— Что вам тут надо, вражьи люди? Уходите, пока не поздно!

Оглянулись в страхе пришельцы. И видят: на берегу стоят двое — добрый молодец по имени Микула и подруга его Дарьица. Осмелели враги. Что им два человека? У них-то целая рать. И стали они стрелять из луков в русского богатыря и его подругу. Пустили в них тучу стрел.

А потом пригляделись и ахнули. Увидели чудо: перед ними не люди, а два высоких утеса с отвесными скалами. Встали они на крутом берегу неприступной стеной.

В это время Волга будто глубоко вздохнула. Поднялась она мощной волной и стала опрокидывать один за другим вражьи челны. Началась в стане пришельцев суматоха. Тонут они в бурных волнах. Кого-то на помощь зовут. Но никто их не слышал. Только время от времени, как эхо в горах, раздавался тот же грозный окрик:

— Что вам тут надо, вражьи люди? Уходите, пока не поздно!

Много жадных и жестоких кочевников погибло тогда в волжских водах. А те, кто уцелел, поспешили на восток, откуда явились.

И стоят с тех пор на крутом берегу Волги два славных утеса. Один называют Молодецким курганом, а другой — Девьей горой.

390. Курган Филинятник

На правом берегу Оки, тут совсем недалеко, есть высокий курган. В былые времена и этот курган и вся окрестность заросли густым сосновым лесом. И будто бы как раз там, где бугор этот, встречались филины. Из-за них курган и получил свое название Филинятник.

Говорят, что за курганом в ту далекую пору был лагерь разбойников. С того кургана они смотрели за Окой и, если видели, что по реке плыло какое-нибудь купеческое судно, то тут же выезжали ему навстречу и грабили.

391. Челновая гора

Если плыть от Филинятника вниз по Оке, то вскоре можно увидеть над тихой Окой еще одно большое взгорье. В народе его называют Челновой горой.

Говорят, что когда Разин на Волге воевал, царь двинул против него из Москвы в сторону Нижнего Новгорода большое войско. На Лисенковском перевозе это войско должно было через Оку переправляться.

И вот тогда, узнав про это, Разин послал свой отряд к Оке, для того чтобы помешать царским войскам двигаться. Этот отряд целыми днями стоял около Лисенковского перевоза, а отдыхать отходил в затон и ставил свои челны к высокому берегу возле самой горы.

С тех пор гору эту Челновой и зовут.

392. Пановы и Кирилловы горы

Городец стоит на горах. Горы здесь необычные: они не по правому, а по левому берегу Волги идут. Вот одни горы называются Пановы. До русских тут другой народ жил, а какой — неизвестно. У нас их называли паны. Они были великаны, сильные. И тут они все умерли, на берегу Волги схоронены. Кости у них огромные, видно

их иной раз, как бугор подмоет. А другие горы, говорят, были святые — Кирилловы. В этих горах жили монахи-отшельники, но никто их не мог видеть. Только иногда плывет по Волге вниз судно — гора открывается. И видно, как в ней старец в черном молится. И вот он кланяется купцу и просит, чтобы передал привет с Кирилловых гор в Жигулевские — тамошним отшельникам.

393. Гривы

Недалеко от села Ильина Гора, что в Ядринском районе, есть место, которое все здешние жители Гривами называют. Народ здесь так говорит: «Да вот, был под Вострой Гривой», — и покажут, где это место находится. А пойдешь туда, там никаких грив, то есть горок что ли или грудок и нет — просто ровное поле и все...

Но так здесь не всегда было. Люди знающие рассказывают, что тут сам Степан Разин проходил и будто бы его войско сюда фуражками землю натаскало и разложило кучами, или грудками. Они разинцам для боя были нужны. После ухода войска груды эти так тут и оставались, а место с той поры Гривами начали называть.

От тех куч давно и следа не осталось, а название, видишь ли, живет.

394. Гора Патыр Йол

На горах Йолкан вдоль Вятки марийцы раньше не селились: там среди холмов была огромная впадина. И вот по тем краям один раз шел великий богатырь Тюча. Он не заметил впадину и споткнулся. Из одного лаптя он вытряхнул землю прямо тут же — и глубокой ямы не стало, только след от нее еще виден. Из другого лаптя — рядом землю вытряхнул. И там появилась большая гора. Эту гору марийцы называют сейчас Патыр Йол. Это значит — Богатырская Нога.

395. Дурман-гора

В двухстах километрах от города Саратова, на самом берегу Волги, есть возвышение над рекой, которое именуют бугром Степана Разина.

Там два оврага сходятся в один острым мысом и образуют бугор.

Люди говорят, что, мол, Степан Разин все по Волге плавал, купцов грабил, а с бедняками делился. И жил он недалеко от бугра этого в Дурман-горе.

Так эту гору будто бы потому прозвали, что все богатеи Степана-то боялись очень и считали его человеком, который может на кого угодно колдовство или дурман напустить. Вот и пошло по белу свету это название — Дурман-гора.

396. Сарион курган

Там стоит гора, которая называется Сарион курган (Царев курган). Если верить преданиям москвитян, образовалась она очень странным образом. В ней погребен семидесятью князьями татарский царь (хан), который поднялся по Волге, чтобы покорить Россию. Он был разбит русскими. И воины его принесли в шлемах и щитах земли на его могилу и насыпали высокую гору.

397. Царев курган

Этот курган находится в устье реки Сок, что впадает в Волгу с луговой стороны. Он имеет форму каравая и виден с Волги издалека.

Давно в народе говорили, да и теперь старики рассказывают, что гору эту люди Степана Тимофеевича Разина за одну ночь сделали. Они таскали землю шапками и вот так целый курган насыпали.

398. Гора Столбичи

Пониже села Щербаковка, что раскинулось на берегу Волги, есть гора. Стоит она над самой рекой и имеет шесть или семь ребер. Эти ровные ребра возвышаются как столбы от самой подошвы горы до ее вершины. По бокам на них нет никакой растительности, и похожи они на высокие колонны.

Вот в народе и говорят, что тут не гора, а столбы или столбичи.

От этого и название Столбичи пошло.

399. Тукасы

Тукасы — так издавна деревню нашу именуют. И название это пошло оттого, что решили когда-то люди строить ее на высоком месте, или, как говорят здесь, на горах. Ну, а гора по-чувашки «ту» называется.

Так и стали уже тогда все говорить: Тукасы да Тукасы, то есть «деревня на горах».

400. Суворова могила

Рассказывают, что в городе Бендеры есть турецкая крепость. Из нее хорошо видно высокий холм, что находится около села Хаджимус.

Холм этот называют Суворовой могилой. И вот почему. Суворову надо было выбить турок, которые засели в крепости. А турок было намного больше, чем воинов у Суворова. И решил тогда Суворов действовать хитростью... Он приказал своим воинам на открытом месте, которое хорошо было видно из крепости, насыпать высокий холм. Вскоре холм был насыпан. Тогда Суворов позади холма построил своих воинов в ряды и приказал им шагать вокруг холма строем. И воины пошли по кругу вокруг холма. Они шагали день и ночь, а турки смотрели на войско

полководца из крепости и решили, что это подходят все новые и новые силы на помощь Суворову. И, испугавшись, они решили сдаться без боя. Так была взята турецкая крепость. А холм этот с тех пор называют Суворовой могилой: ведь Суворов готовил здесь могилу туркам.

401. Девушкина гора

Когда плывешь по Волге и подходишь к самым Жигулям, то на правом берегу реки обязательно увидишь гору, которую в народе называют Девушкиной горой.

Рассказывают, что звать ее так давно стали и вот по какому случаю. Будто бы когда-то гуляли там, на самом верху горы, парень с девушкой. Гуляли, как обычно разговаривали между собой да и рассорились из-за чего-то. И вот якобы парень — в гневе, что ли, он был — столкнул девушку с этой горы. И упала она прямо в Волгу. А потом одумался тот парень да и сам за ней бросился. Так и погибли молодые люди ни за что ни про что.

402. Гора Венки

В Бутурлинском районе недалеко от села Инкино есть гора, которая носит название Венки. Название это появилось давным-давно. Говорят, что когда-то жил тут барин, а у него — дочь-красавица. Слугой у того барина был бедный парень. И вот полюбили дочь барина и слуга друг друга. Отец девушки и слушать не хотел об их женитьбе.

Тогда молодые люди решили убежать из дома в лес и прожили там с неделю. Барин послал на поиски их своих людей. Те нашли беглецов чуть живыми. Стали домой звать, дочь барина сказала:

— Не вернусь домой до тех пор, пока отец не благословит нас.

И вынужден был отец согласиться. Вернулись они.

Вот на той горе, недалеко от нашего села, разожгли

костер и венчание устроили, венки на молодых надевали. Отсюда и пошло название горы.

403. Пряничная гора

За Волгою, недалеко от границы Симбирской и Самарской губерний, возле слободы Часовни тянутся небольшие горы и в одном месте прерываются овражком. В старые годы, сказывают, на этом месте Пряничная гора была. Шел один великан и захотел ее скушать, взял в рот (а у него зуб-то со щербинкой был), откусил, а щербинкой-то борозду и провел, так она и по сие время осталась.

404. Два Брата

Неподалеку от Молодецкого кургана расположены два похожих друг на друга утеса, названные Два Брата. Некогда весной, принесшей людям радость, рассорились братья, жившие тут: не сумели поделить приобретенное богатство. Покричали один на другого, закамни взялись.

Сосед-старик захотел примирить мужиков, так и тому попало.

Неизвестно, чем бы дело кончилось, да вдруг ударила молния и вместо злых спорщиков оказались скалы.

405. Жигуль и Сокол

Бывалые волгари рассказывают и о Жигулевских да Сокольных горах.

Говорят, что жили два брата. Одного звали Жигуль, а другого — Сокол. Жили они дружно, но чем-то не понравились Волге. Та подкралась к ним ночью, разъединила их, да так неожиданно, что только собака успела пролаять: «Тип-тяв».

Вот тогда и появились тут Жигулевские ворота. Как

два брата стоят на правом берегу Жигулевские, на левом Соколы горы, одна из вершин которой названа Тип-Тяв.

406. Звягино

Есть недалеко от Вачи несколько селений со своеобразными названиями: Звягино, Городищи, Иголкино, Засака.

В народе говорят, что в те далекие времена, когда Русью правил грозный царь Иван, а может быть, и раньше, в этих местах проходил рубеж Московского государства. В каждом из теперешних селений в ту пору были сделаны укрепления да расставлены дозоры, чтобы вовремя предупреждать государя о приближающейся опасности. Завидев угрозу издали, дозорные, что сидели где-либо на возвышенных местах — на вышках или там на деревьях, обязаны были быстро оповещать соседние посты.

А как это сделать?

В обязанность дозорных входило: немедля трубить или стучать во что-то звонкое или же каким-либо другим способом дать знать соседям о приближении или нападении врага.

Так вот, в том укреплении, где теперь раскинулось село Звягино, дозорные при виде опасности звякали во что-то дуже звонкое. И не было, говорят, во всей округе звона громче, чем у звягинцев! Гулко разносился он по всей окрестности, возвещая о появлении недоброжелателей. И слышали хорошо этот звон соседние посты, слышали да сразу же передавали тревожный сигнал дальше. А о месте том звонком слава вокруг пошла: Звягино, мол, это, да и только!

407. Великий Враг

Рассказывают, что название села Великий Враг связано с походом Ивана Грозного на Казань. Будто бы русский царь Иван IV, идя на татар, остановился на берегу Волги, чуть пониже села Кстово.

В память об этой остановке и встрече с местными жи-

телями, и в честь похода русских на «великого врага» царь подарил церкви над Волгой икону, а село назвали Великий Враг. Говорят, что икона по сей день находится в церкви великовражской, а название навсегда за селом осталось.

408. Кинешма

Говорят, что Степан Разин взял в плен персидскую княжну. Полюбилась она ему. Но голытьба ревниво относились к этому увлечению своего атамана, упрекала его. И вынужден был Степан Разин бросить княжну в Волгуматушку. Догадалась княжна о намерении атамана и будто бы спросила его:

— Кинешь мя?

Разин молча выполнил свое решение, а на берегу напротив того места, где атаман утопил княжну, появился город Кинешма: название города увековечило последние слова княжны.

409. Решма

Люди сказывают, что поймал как-то Разин одного боярина на Волге, привел на свое атаманское судно и стал допрашивать. А тот в ответ:

— Решь ма — ничего не скажу...

Так и не сказал. Лишили его жизни разинцы, а на берегу, где это произошло, возникло село с названием Решма.

410. Кистеневка

Раньше в эту деревню ссылали тех, кто озорничал много — безобразничал, значит.

Такие озорники с оружием ходили. А называли его кистенями. От них так пошло и название — Кистеневка.

Вообще село это беспокойное было. И вот, чтобы приезжие знали про то да осторожнее были, власти выставляли за околицу каменные столбы.

Это значило, что надо быть осторожными.

411. Уйкасы

Место, где деревню Уйкасы основали, совсем пустое было. Здесь раньше не то чтобы леса — кустарника никакого не было. Кругом одни голые поля и поля. Почувашки слово «уй» означает «поле». Вот отсюда и пошло название Уйкасы. На поле, значит, на совсем пустом месте деревню-то ставили.

412. Буслаево

Люди рассказывают, что селение наше названо Буслаево в честь атамана, который тут схоронен. Говорят, что тяжело он был ранен, но шайка бросать его не хотела, сам же Буслай, чуя свой смертный час, просил друзей:

— Братцы! Будет вам со мной маяться. Бросьте меня здесь среди глухого леса, а сами спасайтесь да копите силу для новых ударов по нашим заклятым врагам. Помните заветы нашего батюшки Степана Тимофеевича. Пусть меня здесь волки сожрут, но не достанусь живым царским карателям.

— Нет, Буслай, мы в братской клятве соединены друг за друга стоять. Донесем тебя до заветного места. За зиму поправишься, а весной вновь ударим по врагам русско-го крестьянина...

По снежным сугробам глухого леса путь был труден. Но вот и река Уста. Вот и старая осенняя землянка, в которой разрабатывали план разгрома Воскресенской усадьбы Собакиных.

— Ну, Буслай, добрались до нашего заветного места. Здесь будем зимовать и силу копить.

Но не суждено было Буслаю встать на резвые ноженьки

и вновь потрянуть осиные гнезда ветлужских помещиков. Тяжелые раны, полученные в бою с царскими карателями, свели его в могилу еще до прихода весны. Друзья похоронили его по старому христианскому обычаю под могучей сосной и медное Христово распятие врезали в дерево для памяти людской. В тяжелых раздумьях дожидались весенней воды, чтобы сплыть на Волгу для новых походов.

Окрестные крестьяне знали о землянке Буслая. Навещали изредка и чем могли помогали. У свежей могилы отважного борца за крестьянское дело поклялись свято беречь его могилу.

Прошли годы, и у заветного места выросло селение, получившее название Буслаево. Из уст в уста передается легенда о славном борце за крестьянское счастье — атамане Буслае. Найдено было и дерево с медным распятием, врезанным товарищами Буслая. Помнят о нем старожилы этих мест.

413. Поле семерых

Недалеко от чувашского села Тобурданово есть место, именуемое «полем семерых». А название-то, говорят люди, вот откуда пошло.

...После казни Емельяна Пугачева царский закон начал преследовать и пугачевских солдат. Их ловили и предавали смерти. Поэтому пугачевские солдаты разошлись группами и скрывались в разных местах. В войске Пугачева были и чуваша. Они в разных краях скрывались от глаз сельских и городских урядников и стражников.

После казни Пугачева семеро чувашских парней, бывших в пугачевском войске, укрылись и осели в Тобурдановском лесу. Эти семь чувашских парней жили в лесу близ Тобурданова, на поляне у речки Абаш (ныне 85-й квартал) в построенных ими землянках. Они издали привели жен, и каждый с женой жил в особой землянке. Землянки были расположены вдоль речки и образовывали улочку. Внутри землянок были устроены деревянные стены. Были у них столы и стулья. На поляне

они возделывали для своих жен коноплю. На больших дубовых пнях оборудовали ткацкие станки. У этих семи солдат были и прочие орудия труда.

Долго они там жили, но однажды их всех убили. И неизвестно, чьей жертвой они стали.

Места землянок и теперь заметны. На этом месте жители села ныне пасут лошадей...

414. Курганы пугачевцев

Пугачевское восстание дошло и до наших чувашей. На косогоре между селом Большое Ямашево и деревней Якейкино произошла жестокая сеча между пугачевским и царским войсками. Пугачев победил. Было очень много погибших, на поле сражения валялось оружие. По велению Пугачева вырыли две ямы, туда сложили погибших и их оружие, насыпали земли — образовались два кургана.

415. Тетюши

Рассказывают, что в высокую, глинистую гору, на которой теперь над Волгой город Тетюши стоит, поднимались когда-то очень давно отец вместе с маленьким сыном. А погода была тогда осенняя да дождливая. От этого подъем по крутой и скользкой тропе был для обоих очень трудным. Старший-то еще кое-как двигался вверх, а мальчик сделает один шагок вверх да вниз сползает.

И тогда отец давай его не за руку, а за уши за собой тянуть.

Мальчику, конечно, больно, он кричит изо всей мочи: — Тятя, уши!.. Тятя, уши!..

Незнакомые с теми местами люди будто бы услышали тот крик мальчика и решили, будто так здесь называют поселение, что стоит на горе.

С тех пор, говорят, это место Тетюшами называть стали. Так и теперь именуют.

416. Уткино

Есть в Шахунском районе Нижегородской области деревня Уткино. Деревня как деревня, а откуда такое название? Люди рассказывают, что в шестидесятых годах прошлого века мужики через те места, где теперь деревня стоит, рубили просеку. И вот один раз, закончив дневную работу, сели они как всегда отдыхать и вдруг видят: из чащи, куда никто не ходил, дым повалил. Мужики заволновались — лес горит.

Пошли они туда и оказались на поляне, а там дом стоит и в нем печка топится. Хозяин испугался людей и бежать! Они — за ним. Догнали — оказалось, что это не вор и не злоумышленник, а свой брат-крестьянин. Лет десять назад с семьей от помещика бежал в эту тайгу, построил тут дом и все это время никому не показывался. Даже и не слышал, что крепостное право отменено. Вот радости-то было, когда от мужиков-лесорубов узнал!

Просеку прорубили, рабочие ушли в самую глушь леса, а к хозяину первого дома в тайге, фамилия которого была Уткин, начали другие крестьяне подселиться. Так и выросла в этих местах деревня. А название свое она по первому жильцу здешних мест сохранила.

417. Кендя

Когда-то в давние-предавние времена эрзяне жили на полянах, в окружении густых лесов. Питались и одевались только тем, что давали им леса, поля, речки и озера. Штаны-рубахи были домотканые, зипуны — из шерсти, шубы шили из овчин. Спали на кошмах из соломы. Делали их так: брали сноп соломы и в нескольких местах перевязывали мочалом, затем клали эти снопы в ряд и снова скрепляли их вместе мочалом. По вечерам расстилали такие соломенные кошмы на полу и на них спали. Так рассказывали старые люди.

Однажды осенью, когда наступила пора изготовления таких подстилок, проезжал через село один русский ба-

рин. В один дом войдет — кошмы делают, в другой заглянет — кошмы плетут и в третьем — тем же делом занимаются.

Барин спросил женщину, которая плела кошму:

— Что это такое?

Женщина не умела говорить по-русски, но поняла, о чем ее спрашивают.

— Кенде! — наконец вымолвила она. (Кошма — по-мордовски «кенде».)

— Кендя?

— Кенде, кенде! — радостно закивала женщина.

— Хороша Кендя!

С тех пор и стали село называть Кендя. Раньше село находилось в низине. И как только опускались сумерки, на село нападали ногайцы, жившие в лесу. Жители устали от таких постоянных нападений и решили переселиться на другое место. Так и сделали.

Поставили дома теперь уже на горе, откуда было все хорошо видно. Как только завидят ногайцев, тут же подадут сигнал жителям:

— Караул! Караул!

Поэтому гору стали называть Караульной.

418. Шокино, Фокино, Кекино

Легенда это или быть — утверждать не берусь; но из поколения в поколение у нас передается такой рассказ. Будто бы было у князя Воротынского (сейчас Воротынец называется по имени этого князя) трое ученых крепостных. Долго верой и правдой служили они хозяйину. Хоть это были и ученые мужи, но как представителей «черной кости» их называли полуименами: Фока, Шока, Кека.

Когда к названным ученым начала подкрадываться старость, Воротынский будто бы возымел желание награждать их. Привел он стариков на высокий холм и сказал:

— Слушайте мою волю.

Прежде чем сказать еще что-нибудь, повернулся князь лицом к востоку, и, как бы проведя невидимые границы, махнул рукой, потом повернулся к югу и тоже махнул рукой, третий раз махнул в направлении запада. Только после этого снова повернулся лицом к востоку и проговорил:

— Дарствую вам леса и земли. Слушайте, смотрите и запоминайте.

И, повертываясь, как в первый раз, и указывая рукой, он объявил свою волю:

— Это будет владение Фокино, это — Шокино, а это — Кекино...

Что тут от легенды, что от истины, и разобраться за давностью лет трудно, но, видимо, так оно и было, потому что и до сих пор по соседству с нашим селом Полянки стоят селения Шокино, Фокино и Кекино.

419. Фокино

На высоком правом берегу над красавицей Волгой раскинулось большое село.

Когда-то в прошлом по этим живописным волжским берегам тянулся дремучий лес. Страшно было тут: по всей горной цепи над рекой — все лес и лес! И только в одном месте — в самой высокой части нависшей над Волгой кручи — виднелась небольшая светлая поляна. Посреди нее, подобно сторожевой будке, маячил одинокий домик.

Рассказывают, что жил в этом домике атаман разбойничьей шайки по имени Фока.

Не зря выбрал атаман это место: отсюда далеко просматривались все излучины реки и любое, даже маленькое суденышко было видно как на ладони.

Особенно хорошо умел примечать Фока богатые купеческие караваны. Едва завидит атаман расписное судно с товарами, тотчас же по всему лесу сигнал подает. И вмиг из дремучих чащ да прибрежных ивняков, как из-под земли, вооруженные люди являются. На невесть откуда

взятых легких и как птицы быстрых лодках спешат они вместе со своим атаманом наперерез богатю...

Смелый набег длится недолго, а потом наступает время дележа добычи и воспоминаний о происшедшем.

Старики говорили, что на волжском берегу в это время нередко случалось и такое, когда разбойники атамана Фоки отдавали только что добытые богатства неизвестно откуда взявшемуся бедному крестьянину.

Вдруг мгновенно исчезнув в густых зарослях, фокинские люди не появлялись на берегу реки вплоть до следующего боевого клича их предводителя.

...Шли годы, и вот гора, где стоял дом атамана, стала называться Фокиной горой. Фокинкой окрестил народ и ручеек, что берет свое начало на ее высоких кручах.

Возникшее на поляне, где стоял одинокий домик, селение увековечило в своем названии имя атамана, бывшего некогда грозой для богачей.

420. Оболкино

Есть в Большемурашкинском районе Нижегородской области деревня Оболкино. Имя ей дали монахи из Меленковского монастыря, что находится в трех километрах на север от нее.

Слово «обол» означает «раб» — так монахи прозвали местных жителей, а земли, на которых они трудились, стали называть оболками. Вот отсюда и пошло название деревни.

В Заднем лесу, что находится за деревней Оболкино, есть три колодца, воду в которых считают целебной. Воду из одного называли легкой, и ее можно было пить в любую жару, и даже вспотевшему человеку не стоит опасаться, что он простудится, во втором была обычная вода, а в третьем вода считалась тяжелой. От нее человек простужался и заболел.

Старухи почитали воду всех трех колодцев и, если у кого-то кожа покрывалась болячками, умывали того из всех трех колодцев.

421. Пойка

У нас в Лукояновском районе есть село и станция Поя. Говорят, что они по речке Пойке так названы. А почему речка так называется, про то в народе живет свое предание.

Будто бы во время разинского восстания крестьяне из мордовских селений собрались в отряд и отправились на поддержку разинцам. И вот, как говорят, по пути на соединение с восставшими они сделали остановку у речки и стали лошадей своих поить. Пойку устроили. И тут на них царские войска напали. Они из Арзамаса двигались, и их кто-то предупредил, что разинцам подмога идет. Напали неожиданно, и перевес был на их стороне. Разгром был большой, и многие погибли. Вот как пойка-то обошлась.

422. Красный Оселок

Село наше Красным Оселком давно называют. И пошло это название с дней обоснования тут первых поселенцев.

Люди рассказывают, что дело когда-то давным-давно было.

Так вот, один добрый человек пошел как-то вроде бы из Нижнего что ли по берегу Волги место хорошее для своего пристанища искать. Долго он брел по лесам, что на горах да на склонах к реке росли. И где ни выйдет к Волге — все место не по мысли ему кажется. Вот так, сказывают, и шел он до самого Безводного, а от него — до Работок, ну а оттуда — к самому Макарию. Потом он снова на горную сторону перебрался и по волжскому Венцу пошел. Миновал он те места, где нынче Исады да Просек находятся, и вышел на край горы, что над самой рекой красовалась. Вышел будто бы и замер: смотрит вокруг и глаз не может отвести: уж слишком дивный вид ему представился — высокая гора, покрытая молодым лесом, величаво к воде спускается, а она, точно краса ненаглядная, серебром-золотом блестит-переливается. Ну, а за рекой

песчаные косы словно сахаром обсыпанные да пестрящие цветами-травами заливные луга красуются. И так все это путнику-искателю понравилось, что он сразу и вымолвил:

— На этом красном месте и быть моему оселью!..

Сказал да и обосновался тут навсегда. Ну, а уж потом к его оселью красному другие люди селиться стали. А название деревне, как сказал когда-то первожитель ее, Красный Оселок так и закрепилось.

423. Пролей Каша

Раньше землей пользовались крестьяне на общинных началах, так как земля принадлежала их обществу.

Села Урюм и Богдашкино, что стояли близко к селу Пролей Каша, пользовались каждое своим участком. Они часто враждовали из-за земельных границ. Были попытки прихватить чужие земли.

Чтобы положить конец этим распрям, порешили вызвать землеустроителя из Петербурга.

Землеустроитель шел из Урюма к Пролей Каше. Утомившись, он решил передохнуть и закусить. Землеустроитель начал есть пирог, который ему дали урюмцы.

Пирог оказался начиненным золотом.

Решив отблагодарить урюмцев, он повернул от земельной границы между Урюмом и Пролей Кашей на тридцать градусов и стал обрезать землю в пользу Урюма.

Узнав об этом, пролейкашинцы протестовали, но изменить ничего не могли. Землеустроитель дошел до Волги к лугам. Трава здесь раньше была очень высокой.

Он подошел к озеру Кашка.

Здесь пролейкашинцы решили задобрить его. Они сварили кашу, налив туда слишком много масла. Землеустроителю она не понравилась, и он пнул котелок ногой. Каша пролилась.

С тех пор село стало называться Пролей Каша.

Лугами позднее пользовались только урюмцы. Об этом говорят старики. А межевой столб сохранился до коллективизации.

424. Гари

Старые люди рассказывают, что на месте, где в Ардатском районе раскинулось село Гари, в былые времена росли дремучие непроходимые леса.

Однажды начался тут великий пожар, и нельзя было его потушить. Все деревья и кусты дотла выгорели. И на всем этом огромном пространстве осталась выжженная земля.

С тех пор прошло много лет. И надумал поселиться в этих местах один барин.

На выгоревшие земли приехали мужики строить дома, барскую усадьбу. И тут они обнаружили слой гари в десять сантиметров толщиной.

Отсюда и пошло название села Гари.

425. Гребни

Плыли когда-то давным-давно бурлаки по Волге. Очень они устали, и лодка их двигалась еле-еле.

И захотелось им к берегу пристать да отдохнуть.

Подплывают они ближе, веслами с трудом работают и говорят друг другу:

— Гребни, еще гребни...

Пристали они к мелкому месту, вышли на берег, а потом кто-то из них там остался и решил, что это и есть название места, где он находится.

С того времени, говорят, и стало называться это место Гребни.

426. Красновидово

Давным-давн это было. Проезжала один раз мимо села этого царица Екатерина II. А называлось оно в то время Зеленовкой. Но красивое-красивое было село! Весной все в цветах утопало: яблони, вишни цветут. А садов тут и у реки, и по горе — видимо-невидимо.

Зеленовские мужики помогли царице корабль починить. Все сделали как следует. А она, пока те чинили, по берегу гуляла, селом любовалась. И очень ей тут понравилось.

Вот починили корабль, вернулась Екатерина II на судно со своей прогулки довольная. А на прощание и говорит:

— Некрасиво село называется. Что это еще за Зеленовка? Пусть оно называется Красновидово за вид свой красивый...

С той поры и пошло новое название села.

Вот как старики рассказывают.

427. Кряжева Сечь

Перепугалась императрица Екатерина Вторая, узнав, что в заокских муромских лесах появились разведывательные пугачевские отряды. Соединялись они с местными «лихими людьми», что ушли от царских притеснений в леса. Вооруженные вилами, косами, чеканами и дубинами, грабили они на большой дороге царские обозы, везшие золото и серебро из Оренбурга в Москву, на Монашеский двор.

Послала императрица в Муром хорошо вооруженный воинский отряд. Сошлись царские войска и отряды пугачевцев во главе с Суюлем и Савоем в смертельной схватке за селом Дальним Давыдовом, жестокая случилась сеча. Растаскивали после мертвые тела дикие звери. Но часть погибших похоронили давыдовцы в низине, в так называемом «мокром месте» или «Кряжевой Сечи». В 1815 году на этом месте и была будто бы организована женская монашеская Дальнедавыдовская обитель, преобразованная в 1886 году в монастырь.

428. Тарталей

Еще в самом начале прошлого века все пространство от Кочунова до Янова было пустошью. Тут никто не жил.

Землю нашу царь Павел пожаловал двум турчатам. Они были взяты как трофеем Суворовым, когда он штурмовал крепость Званку в Болгарии. Подарил их Суворов двору, там они воспитывались, стали военными, получили княжеский титул и фамилию Званкины в честь той крепости. Пожаловали им и имение Селищи в Мордовии. А потом за подвиги получили они и нашу землю, здесь решили построить имение. К тому времени братья уже изменили свою фамилию на Званцевы: все же звучит лучше, чем Званкины.

И вот в начале прошлого века сюда свезли крепостных. В основном это была мордва из Селищ. Но кое-кого и прикупили, на собак обменяли да выиграли в карты. Так деревню и заселили. Крестьяне были в основном из Селищ да еще из Ровезня.

Место мордве приглянулось — высокая гора, внизу ручей течет, так и решили назвать деревню — Тарталей. Это переводится «Крутой ручей», или «Ручей под крутой горой» по-мордовски. Люди в прежнюю пору любили у рек и ручьев селиться...

429. Михеевка

На том месте, где село Михеевка сейчас стоит, раньше была роща. И жил в той роще старец, навроде как святой отшельник. Михеем его звали.

Был он когда-то разбойником. Много людей грабил, убивал.

И вот, видно, решил замолить грехи-то свои. Пришел в эту рощу, вырыл землянку и поселился. Питался только ягодами да грибами.

И стали к этому старцу люди ходить. Слыл он за святого, умел будто бы исцелять, травами лечил, молитвой, наговорные слова знал. Многие колдуном его считали, другие — святым. Так или иначе, а народ к нему ходил.

А когда умер этот старец, то роща так и стала называться Михеевой. А потом рощу стали вырубать. По-

селились здесь люди, и деревенька образовалась. Ее тоже стали Михеевой, а уж после и Михеевкой прозывать.

430. Вад

Старые люди рассказывают, что слово «Вад» древнее и произошло оно будто бы от библейского понятия «ад».

Сущим адом называли в прошлом окрестности наши. И говорили так потому, что были эти места гиблыми, адскими из-за трясины, через которую шла раньше дорога через Вад на Троицкое.

Несмотря на то что в былые времена местные крестьяне каждый год несли так называемую «гужевую повинность» и укрепляли деревянные настилы по дорогам, путь через Вад на Троицкое был нелегким и требовал от тех, кто ехал, много осторожности. Да оно и понятно: чуть зазелал или лошадь не так пошла — и в трясине...

Вот потому о каждом, кто поехал в наши места, с сочувствием говорили:

— В ад поехал...

Ну, а тот, кто без приключений миновал топкие места и выходил из трудностей невредимым, заказывал в церкви села Троицкого благодарственный молебен.

Так вот издавна и закрепилось за нашим селением это название Вад.

431. Черномуж

В Шарангском районе Нижегородской области есть деревня Черномуж. Там марийцы живут. И вот, говорят, что когда Иван Грозный шел с верховий Волги, то остановился в лесу и приказал вырубать его.

Марийцам стало жалко леса, и они послали на переговоры с царем своих людей. А мужики эти были все черные: и волосы на голове, и бороды. Этих послов Иван

Грозный назвал «черными мужами». С той поры и стали называть место, где встречались марийцы с царем, Черномужем. А тут недалеко проходит Ратная тропа, она как раз через деревни Черномуж и Барышники идет.

432. Чертовка

Давно это было. Проходила в этих местах дорога, которая связывала Городец и Нижний Новгород со старой Галичской дорогой. На этой дороге, у глубокого омута, был перевоз через Ветлугу. И жили здесь в земляной избушке старик со старухой да их внучка — молодая девушка. Родителей ее убили проезжавшие через этот перевоз татары, и теперь вся радость стариков была в этой внучке.

Но вот на этот перевоз снова наскочили татары. Чем-то не угодили им старики, и они засекли старика и старуху до смерти. Внучка в это время в лесу была, за ягодами ходила. А когда вернулась, волосы у нее встали дыбом от увиденного. Велика была печаль девушки, и, быть может, другую бы горе сломило, но ее нет. Сердце ее жгла ненависть к убийцам дорогих ей людей. У могилы дедушки и бабушки, на берегу Ветлуги, выкопала она себе землянку и продолжала трудиться. Но никакая работа теперь не шла ей на ум. Девушка все думала, как отомстить татарам.

Случай такой скоро подвернулся. Казанские татары двинулись войной на Галич, но поход для них оказался неудачным.

Простояв две недели под стенами Галича, татары вынуждены были снять осаду. Возвращались они через ветлужские леса, грабя и уничтожая русские селения. Подойдя к Ветлуге, татары остановились в нерешительности: река зияла полыньями в тонком неокрепшем льду. И тут явилась к ним русская девушка. Она предложила отряду провести его на противоположный берег. Татары нуждались в продовольствии и стремились скорее перебраться на другую сторону Ветлуги, богатую русскими и марийскими селениями. Поэтому они охотно согласились на предложение девушки. Она сказала, что отряд должен бегом бежать следом за ней.

Вначале бежали у мелководного песчаного берега, где лед был толще. Потом девушка круто повернула к омуту. И тут лед треснул. Те, кто смог, отпрыгнули назад, но большинство татар уже оказалось в воде вместе со смелой девушкой, которая еще успела крикнуть:

— Тоните, проклятые!

В ярости метались татары по берегу реки, бессильные помочь тонущим собратьям. Их дикие крики: «Чертова девка», «Сатанинское отродье» долго оглашали реку.

Прокляли это место татары и позже всегда объезжали его стороной. А народ русский из поколения в поколение передавал эту легенду, восхищаясь мужеством своей соотечественницы.

Так и осталось это название в памяти людей, как окрестили его татары, — «Чертовка».

433. Думная дорога

Давным-давно Кокшайск был окружен дремучими лесами. И вот, говорят, проходил в ту пору через те леса царь Иван Грозный со своими стрельцами. Хотел он, как известно, завоевать Казанское царство. Трудно было продираться сквозь чащобы лесные. И тут призадумался Иван Грозный над тем, как быть дальше. Задумался и решил приказать своим стрельцам прорубить в лесу дорогу. Стрельцы выполнили приказ, и вскоре дорога была готова. Воины дальше легко пошли к своей цели.

Так вот, дорога эта сохранилась и поныне. И зовут ее люди, как и в былые времена, Думной дорогой.

434. Грязунья

Есть недалеко от речки Люнды, что, как известно, близ знаменитого Светлояра протекает, поле, которое издавна Грязуньей называют.

— Почему это поле так прозвали? — спрашивал я жи-

телей окрестных селений. А они все, как стоворившись, отвечают:

— Очень просто: место там низкое, и за зиму туда столько снега наметет, что хоть отбавляй. А весной снег растает, и стоит на этом поле вода не одну неделю. Оттаявшая земля напитается водой и превратится в такую грязь, что в болотных сапогах не пройдешь. Вот и прозвали то место когда-то Грязуньей. Прозвали и до сих пор так именуют.

435. Два кургана

Есть в Вадском районе Сосновское озеро. На берегу этого озера до сего времени сохранились два кургана — Большой да Маленький.

В народе рассказывают, что насыпали их воины Ивана Грозного. Первый — тот, который Большим именуется, натаскали воины своими шлемами, когда шли на Казань — город брать, а второй — Маленький, когда возвращались после битвы под Казанью: войска-то у Ивана Грозного мало осталось после той жестокой брани. Вот и получился тот курган таким маленьким.

436. Маровое поле

Как татар-то выгнали, эти места, на которых мы теперь живем, стали русскими заселяться.

На одном земельном поле села Ягубовки, что в Бутурлинском районе, хранился насыпанный высокий земляной курган, так называемый «мар». И это поле называлось Маровое поле. И по сей день так называется. В передаче старожил-крестьян говорится, что этот мар был насыпан солдатами войска Ивана Грозного во время похода. По одной горсти все клали как отдание почести схороненному здесь солдату-коннику, то есть кавалеристу, умершему от тяжелой раны. Схоронен он был вместе с конем.

437. Медведиха

Если идти от тракта к деревне Бовыкино, что в Воскресенском районе находится, то на пути встретится местечко, которое все Медведихой называют. А название это, как говорят люди, вот откуда пошло.

Когда-то в далекие времена в эти глухие места повадились медведи. И случилось один раз так, что тут человек оказался. Шел куда-то. А ему навстречу медведь! Человек-то увидел его да бежать. Медведь за ним! Догнал медведь человека да и задрал на месте.

С той поры и прозвали это местечко Медведихой.

438. Русалкин камень

На окраине села Белавка, на самом берегу большого-большого озера, лежит камень, который все называют русалкиным. Там встречаются влюбленные, там расстаются, там клянутся в вечной любви и там ссорятся.

Русалкин камень... Если присмотреться к нему, то можно увидеть следы тонких женских рук, как бы обхвативших камень в невыразимой тоске, в глубоком горе.

Рассказывают, что в давние-давние времена жила в этом озере красивая длинноволосая русалка. Уж как хороши были косы у деревенской красавицы Алены, дочери кузнеца, а у этой русалки еще лучше!.. Темные, как ночь и густые, как поле, колосающиеся пшеничными колосьями.

И каждый вечер выходила она из воды, пряталась за этим камнем да наблюдала за деревенскими парнями да девушками, как пели и плясали, как веселились они на лугу. И был среди всех один, кем любовалась русалка больше других: пастух Василек — стройный, как тополь, голубоглазый, как небо ясным майским днем. И пел, и плясал он лучше других.

Но вот кончилось лето, настала осень, и ребята с девушками стали все реже и реже бывать на поляне, а зимой и вовсе перестали приходить туда, белым снегом запоорошило все вокруг.

Заскучала русалка у себя под водой. Все ждала: когда всё вновь будет зелено, когда выйдут на луг молодцы с девицами, когда же увидит она того голубоглазого парня, которого все называли Василек.

Но всему приходит конец. Кончилась и зима. Пришел звонкий апрель. Стал подтаивать снег, ручьи побежали, лед на озере стновился непрочным.

Однажды возвращался из села Василек, за дровами ездил до весенней распутицы, а дорога проходила вдоль озера, и заметил он в полынье двух соседских мальчишек — Пашутку и Колянку. Не раздумывая бросился их спасать Василь, а вода-то холодная, лед уже непрочный. Выбился из сил Василек, положил обоих ребят на льдину, а сам не смог выбраться.

Но не утонул Василь. Спасла его русалка. Вынесла из воды, хоть и жалко было отпускать от себя.

А когда снова запели птицы, зазеленели деревья и травы, когда вновь вышла молодежь на луг, и русалка оказалась из воды, села у своего заветного камня и с улыбкой следила за своим Васильком. Как хорошо было там на лугу, как весело!.. Защемило сердечко у нее. Отправилась русалка к своей няньке и поведала о желании быть там, на лугу, со всеми парнями и девицами, с Васильком; что вместо хвоста хотела бы она иметь такие же подпорки, как у людей, как у светлокосой Алены, с которой чаще других плясал Василек.

Ведьма-нянька долго отговаривала русалку, а в конце сказала, что исполнится ее желание, но есть три условия: если выйдет она из воды, то никогда не сможет вернуться обратно; вместо хвоста будут у нее людские подпорки, но при ходьбе страшные боли испытает русалка — каждый шаг словно по лезвию ножа; если тот, из-за кого она отправляется на берег, не ответит на ее любовь, то должна будет русалка навсегда исчезнуть, превратиться в пену.

Страшные были эти условия! Решила русалка подумать.

А когда вечером вновь увидела Васильку, услышала его голос, то не раздумывая бросилась к няньке и сказала, что согласна на все, лишь бы быть с Васильком.

Шумно было на поляне. Играла гармошка, все парами плясали какой-то танец. Когда подошла русалка, то

какой-то из ребят вышел из круга и пригласил русалку на танец.

Но того не знал он, что стоит каждый шаг для бедной девушки-русалки, а не то что танец. Сделала она несколько движений и устало присела на пенек. Тут подскочил Василь и стал зазывать в круг русалку.

Не могла она усидеть, встала, да так плавно и красиво прошлась по кругу, что все загляделись. Улыбался и Василь, глядя на нее.

И у русалки на душе было весело и светло, а в глазах стояли слезы. Забыла она о боли, хотя и плясала будто бес на битом стекле, забыла, видя близко глаза Василька, слыша его смех.

Увлеклась пляской русалка, хотела, чтоб понравилась Васильку, а когда посмотрела, то увидела, что Василь с Аленушкой вдвоем, обнявшись, уходят.

И тут вся боль прочувствовалась сразу, боль не только в теле, но и в сердце. С трудом добралась русалочка до своего камня, обняла его да так и растворилась в вечерних сумерках.

С тех пор больше никто не слышал о ней. А камень так и называется — русалкиным.

439. Проклятие Нижнего Новгорода

Жил святой Макарий в Муроме, и стал ему являться бес в образе женщины. Сподвижники Макария, нимало не медля, прогнали его от себя.

Макарий сел на большой камень, бывший на берегу Оки, и поплыл вниз подобно Антонию Римлянину, который тоже плавал на камне.

Плыл святой Макарий вниз по реке по Оке, плыл вниз до самого Нижнего и пристал здесь на речке Почайне.

Вышел он на берег, но жители его не приняли.

Не понравился почему-то Макарий нижегородским бабам, стиравшим здесь в ту пору белье, и прогнали они его от Нижнего руготнею да вальками.

— Будь же проклят этот город, — сказал Макарий, —

пусть эта речка во время светопреставления станет большой рекой и потопит город!

Потом святой Макарий сел опять на камень и поплыл вниз по Волге к нынешнему Макарьеву.

440. Татарский Колодец

Родник у села Алтунино в народе Татарским Колодцем называют. Люди говорят, что название это со времен татарского владычества известно. Будто бы в ту пору здесь была учинена расправа с иноземцем — сборщиком дани, который не только обирал жителей, но и уводил на поругание русских девушек. Так было и тогда, когда ночную темь прорезал девичий вскрик. Это плакала еще одна жертва иноземца — сборщика дани. С неизбывной тоской смотрели родители на подрастающих дочерей. Знали: прежде, чем выдать их замуж, придется вести на позор и бесчестие — горькое бремя ига. А в глубине таили неистребимую жажду мести.

Один юноша решил на отчаянный шаг. Поздним вечером ехал сборщик дани по оврагу, уверенный в своей неприкосновенности. Но просчитался: утопил его вместе с конем смельчак-русич в глубоком роднике.

До сих пор жители села Алтунино (что в Вадском районе Нижегородской области) зовут этот родник Татарским, или Поганым Колодцем. И долгое время на дне его многим виделась темноватая, как тень, фигура, напоминавшая всадника на коне.

441. Кобылянский омут

На омуте у деревни Вороваткино был промысел барина Кобылянского. Сам-то барин жил в Петербурге и здесь появлялся редко. Всеми делами заведовал управляющий. То ли он проворовался, то ли еще что случилось, но смолокурка сгорела, а управляющий ушел в лес

и стал промышлять на большой дороге, которая, кстати, рядом тут была.

Барин вел беспечную жизнь, все состояние прокутил, проиграл в карты, а потом узнал, что и смолокурка у него сгорела. Он сбежал в Вороваткино, примкнул к своему управляющему, и так они некоторое время вместе промышляли. А потом по вздорному своему характеру барин за карточной игрой разодрался. Разбойники барина убили, привязали к ногам булыжник да и бросили в омут.

С тех пор омут у Вороваткино называется Кобылянский.

442. Меланьюшкин колодец

Иван Грозный через наше село Помру шел на Казань с войском против татар воевать.

Вот у колодца он рядом остановился, слез с коня. А там девушка воду наливала. Он к ней подходит, воды просит. Она дает ведро.

Иван Грозный попил. На девушку поглядел. И уж, говорят, больно она ему понравилась. Он ее обнял и поцеловал.

Она испугалась, покраснела. Да как побежит с ведрами прямо в село. А воины на нее смотрят, смеются.

Звали ту девушку Меланьей. И с тех пор колодец этот зовут Меланьюшкин.

Место там очень хорошее — сад — вишни, сливы, яблони, пасека рядом.

И вот такая история там была. Мне про нее бабушка рассказывала.

443. Баранов ключ

В трех верстах от деревни Ляхово, если ехать проселком через деревню Бешенцево, находится селение Козловка. Близ барской усадьбы в долу, между старыми раз-

весистыми дубами и липами стоит здесь маленькая часовенка, а перед ней бьет фонтан холодной воды. Это известный Баранов ключ, когда-то одно из излюбленных мест загородных прогулок нижегородцев, где была очень вкусная вода для чая.

О Барановом ключе существует такая легенда. Жил, кто говорит, в Нижнем, а кто — в Казани, богатый купец Баранов, с которым приключилась какая-то хворь, от последствия которой он потом и ослеп. Обращался Баранов к разным врачам, изъездил чуть ли не всю Россию, но нигде и никто вылечить его не мог. И вот видится ему однажды сон, стоит будто он в незнакомом месте в лесу и будто опять стал видеть, глядит — между деревьями стоит икона Божьей Матери, и перед ней свечка горит, а из-под иконы ключ вытекает. И было ему откровение, что если он найдет тот ключ и умоется из него этой водой, то вновь прозреет. Долго искал он место, где вытекал такой ключ, но наконец разыскал. Когда его привели к этому ключу, он немедленно умылся из него и тотчас же прозрел, узнав, что это было то самое место, которое ему виделось во сне. Здесь построил он часовню, поставил икону, и с той поры означенный источник стал называться Баранов ключ.

444. Про Маркову лодку

Неподалеку от нашего села Новоспасского стоят две горы. Когда смотришь на них издалека, то кажется, что они вроде бы обращены друг к дружке и стоят как-то полукругом. Про них и речь пойдет. А начнется разговор с того, что будто бы жил в наших местах в давнее время один богач. Звали его Марком. Был он очень богат, а богатство свое, как люди сказывают, получил потому, что грабил купцов.

И вот перед самой смертью решил этот Марк спрятать свои сокровища, да так, чтобы они никому не достались. Слил он себе золотую лодку, нагрузил ее до самых бортов золотом, и закопал он ту лодку между тех гор, что около нашего села-то стоят.

С тех пор в двенадцать часов на Пасху на тех горах зажигались свечи и все люди шли туда. В это время горы расходились и лодку, что была закопана когда-то Марком, все хорошо видели.

Вот один раз мужик увидел столько золота, раззодорился да и говорит:

— Я достану сейчас себе сокровища!..

И полез в яму, где лодка-то стояла. Долез до лодки, только бы взять, и вдруг горы сдвинулись со своих мест и соединились. И он остался там.

Люди рассказывают, что добратся до богатства пробовали многие, но все до одного погибли.

И еще говорят в народе, что будто лодка та до сих пор между двух гор находится, но достать ее оттуда никому не удается.

445. Гремячий ключ

Было это в Нижнем Новгороде.

Еще в ту пору, как русская земля была под татарами, тогда, когда проходил в орду басурманскую святитель Христов Алексей, митрополит Московский. Проходил чудотворец свой путь не во славе, не в почести, не в своем святительском величии, а во смиренном образе бедного странника. Подошел святитель к городу, перевозчики его и не приняли. Перевезти через реку не восхотели, видя, что с такого убогого человека взять им нечего. Невидимо мирским очам, на речные струи быстрых распростер чудотворец свою мантию и на той мантии перешел на другую сторону. А там на берегу бабы белье мыли, попросил у них святой муж милостыньки, они его вальками избили до крови. Подошел святой муж к горе Набережной, в небесах гром возгремел, и пала на ту гору молонья палючая, из той горы водный источник струю пустил светлую.

У того родника чудотворного укруклом черствого хлеба святитель потрапезовал, благодатною водицею увлажил пересохшие уста свои. И прозвалась та гора Гремячею,

и тот источник до сего дня течет. Хоть и видели злые люди божье знаменье, но тут свята мужа не могли познать — не честью согнали его со источника, и много над ним в безумии своем глумилися. Искал святитель ночлега, ночь ночевать, ходил от дома к дому. На ночь нигде его не приняли. И тогда возмутилась его душа, воззрев на каменные стены кремлевские, таково заклятье изрек: «Город каменный, люди железные!»

446. Почайна

Есть в Нижнем Новгороде подле крепости маленький ручеек; он течет по оврагам и близ Никольской церкви впадает в Волгу. Зовут его Почайной и, говорят, что Юрий Всеволодович, основатель Нижнего Новгорода, назвал так этот ручей, будучи поражен сходством местоположения нижегородского с местоположением киевским. В том месте, где Почайна берет свое начало, есть большой камень, на котором прежде было что-то написано, но теперь уже стерлось.

От этого камня зависит судьба Нижнего Новгорода: в последнее время он сдвинется с места; из-под него выступит вода и потопит весь Нижний.

447. Про Куму

В старину на том месте, где теперь стоит Канавино, ютился кабак, постоялый двор или что-то вроде этого. Хозяйку этого приюта, молодую, красивую, приветливую вдову, все посещавшие его прозвали за ее ласковость, расторопность и услужливость Кумой. Всякий, кому лежал путь на Окский перевоз мимо ее заведения, считал как бы обязанностью выпить в нем зелена вина и побалагурить с приветливой вдовушкой. Слава о Куме скоро разнеслась и по городу. За Оку стала все чаще и чаще навещаться городская молодежь, посадские и приказный

люди. Вдова встречала гостей очень радушно. Бывало, едва завидев лодки, так выходит встречать нижегородских ловеласов на берег, а те еще издали кричат ей: «Кума!.. Вина!..» Наконец к Куме в гости приехал и сам воевода с дьяками, подьячими, старостами и всякими нижегородскими чинами и особами. Воевода изволил откусать у Кумы чару-другую водки и даже снизошел до поцелуя, подаренного вдовушке, а в осушенную посуду опустил злат перстень с камнем самоцветным. Тут же воевода, узнавши, что гости Кумы обыкновенно кричат с лодки: «Кума!.. Вина!..», приказал место на перевозе называть «Кумавином».

С тех пор слава Кумы еще более усилилась, народ к ней ехал просто «валом-навалом», без различия чинов, и стар и млад.

«Много-де жен с мужьями перессорилось из-за Кумы; много-де кос и бород потеряло густоту по ее милости».

А Кума все жила да проживала да деньгу наживала и наконец вышла замуж за богатого гостя, конечно, московского, которого в насмешку и прозвали Кумавиком.

Новобрачная чета уехала на житье в Белокаменную, а название так и осталось за Окским перевозом и лишь впоследствии как-то переделалось в Кунавино.

448. Ошара

Старые люди рассказывали, что в былое время Ошарой называли только площадь. А название ее вот откуда пошло. Будто бы раньше на этой площади существовал старинный кабачок. Он-то и получил в народе прозвище «Ошарный», это, стало быть, от слова «ошаривать», чему, очевидно, подвергались карманы посетителей кабачка. Ну, а вслед за кабачком и площадь стали звать сначала Ошарной, а после — просто Ошарой.

Название Ошара получила и улица, которая взяла свое начало на Ошарской площади.

449. Заманиха

Была в Павлове улица с названием Заманиха. Говорят, что давным-давно город этот весь был окружен дремучими лесами. Чтобы проехать по таким местам, купцы должны были очень зорко следить за дорогой: того и гляди нападут разбойники и ограбят.

Тем купцам, которые благополучно миновали леса, очень редко удавалось уйти со своими товарами из Павлова. Здесь была улица, которая славилась тем, что на нее заманивали подгулявших купцов и беспощадно грабили.

В это лихое время улицу и прозвали Заманиха.

450. Кормёжка

В старые времена в нашей тайге никто не жил — ни сел тут не было, ни деревень среди тайги и болот. И только шла дорога из Костромы, да с Ветлуги куда-то на Вятку. И на этой дороге можно было остановиться — стояли дома лесников. В крайнем случае тут и ночевали, кормили лошадей. Лесники на этот случай держали сено. Вот на краю нынешнего Вахтана в лесу и был такой домик. Его называли Кормёжка.

Самые первые вахтанцы еще помнят его. Там до конца двадцатых годов жил Кузьма Демьянович Огурцов, самый первый человек, так выходит. Поселок стал строиться поодаль от домика, но уж с годами и к нему подошел. Домика-то этого давно уже нет, а место так и называется до сих пор Кормёжка. Железную дорогу на Сяву вели — остановку так называли. И Кузьму Демьяновича не забыли, человек он был добрый, щедрый, такие помнятся.

451. Малков починок

Малков починок — это место и сейчас так называют — находится километрах в трех от села Хмелевицы

в глухом лесу, по дороге, которую до сих пор зовут Малковой дорожкой.

Вот, рассказывают, поселился в глухом бору над речкой Малок, крестьянин. Были у него дочь и два сына. И как-то в глухую ночь к нему в дом постучали беглые люди, разбойники. Потребовали обеспечить их пропитанием и проводить на тракт — до него лесами было добираться далеко.

Малок подумал, что не оставят они его в живых — свидетели будут не нужны, — убьют по дороге. И отказался. Тогда стали от него требовать, чтобы послал с ними сыновей. Но он и в этом отказал. Сыновьям велел прятаться в погреб. И тут разбойники ворвались в дом из сеней силой. Малка избили, связали, дочку увели с собой. Парней заколотили в подвале.

Малок выкатился через окошко и пополз по тропинке в деревню Малую Музю. Там его наутро нашли в поле крестьяне. Стал он у них просить помощи против разбойников, рассказал, что случилось. Побежали люди на починок, а там дом-то уж догорал. И дети в подполье заживо сгорели.

452. Красная горка

Недалеко от деревни Толстобино, что в Кстовском районе, есть место такое, которое зовут Красной горкой. Эта горка над самой Кудьмой стоит. И раньше была она обыкновенной. А потом вдруг в этом месте Кудьма быстрее течь стала, начала горку подмывать. И отвалился от берега кусок.

И увидели люди, что горка-то непростая. Внутри у нее — глина разноцветная и все пласты узором расположены. Но больше всего там красной глины. Вот поэтому в Толстобине все мазанки красные. А раньше и печи там красные были, когда их еще не белил никто. Ну, а место так и прозвали — Красная горка.

453. Кулёвы ямы

В Перевозском районе есть знакомый многим Ичалковский бор. В былые времена через него проходила дорога из Гагино в Нижний Новгород. По ней проезжало много купцов из разных мест. Ехали они на Нижегородскую ярмарку и домой возвращались. И все по дороге через бор.

А в Ичалковском бору издавна водились банды разбойников. И вот якобы одна большая банда ловила купцов, грабила их, а потом убивала. Убитых разбойники заворачивали в кули и сбрасывали в ямы, которые были в бору. Место это с тех пор называют Кулёвы ямы.

454. Площаниха

Такое название носит местность между деревнями Петушихой и Теплухино в Чашихинском сельсовете Краснобаковского района. Здесь была усадьба помещика Площанова, а отсюда и название местности.

В начале XIX века в этом имении жил старый помещик с молодой женой. В двадцатых годах прошлого века в имение приехал брат старого помещика — молодой офицер. Между молодыми людьми возникло чувство любви. И старый помещик, мешавший их любви, был отравлен. Молодые люди после похорон все имение, которое в народе Площанихой называли, продали князю Трубецкому.

Сами же они уехали в другое имение, что было расположено на территории современного Воскресенского района.

Там молодые Площановы и проживали, и от них пошло название деревни Площаниха.

455. Киндяковка

В трех верстах ниже Симбирска лежит деревня Киндяковка, где Гончаров писал свой «Обрыв» и откуда взяты чудные описания этого романа.

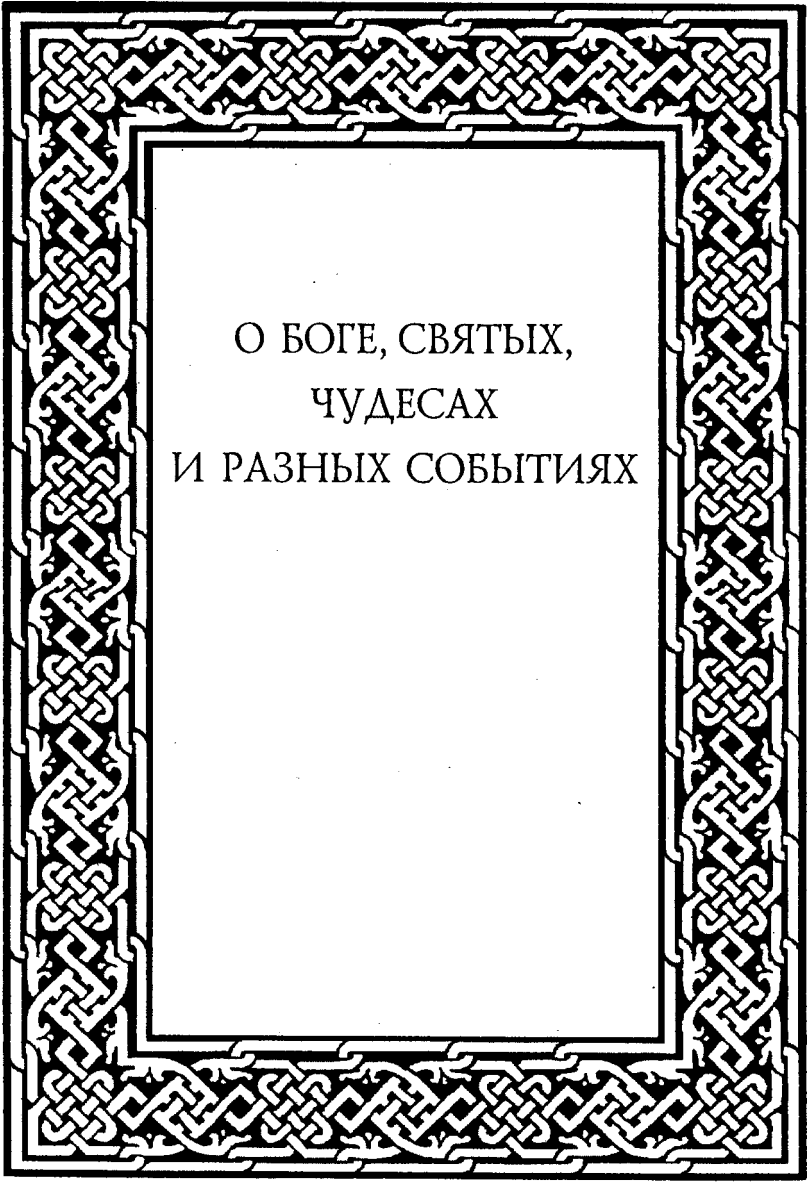
В Киндяковке до настоящих дней сохранился в полу-разрушенном виде памятник-часовня, о которой старики рассказывают следующее.

Красавица-девушка, дочь одного из предков Киндяковых, гуляя со своим женихом среди живописного парка, неожиданно обратилась к последнему с просьбой: похоронить ее в этом парке на том месте, которое ей особенно понравилось. Через несколько дней она умерла.

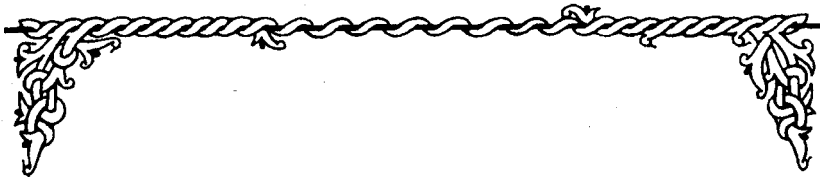
О причине ее смерти рассказывают, что будто ее отравила горничная по наущению другого, отверженного ею жениха. Над могилой безвременно погибшей невесты и поставлен памятник-часовня.

Но судьба преследовала несчастную девушку и после ее смерти. По этому поводу существует такая легенда. Однажды в Киндяковском доме, у владельца, собралось много гостей по случаю семейного праздника. Ночь была темная, осенняя; огни ярко горели во всем доме. Гостеприимный хозяин по обыкновению не скупился угощать гостей. Время зашло уже за полночь. Во время разгара вечера человек докладывает барину, что его спрашивает какая-то незнакомая дама по весьма экстремному делу, не желая при этом сказать, кто она. Хозяин, удивляясь такому внезапному и несвоевременному посещению, поспешил, однако, к незнакомке и увидел перед собою даму, одетую в белое платье, с лицом, скрытым густой вуалью. На вопрос, что ей угодно, она ответила, что она его родственница, схороненная в роще, что в эту ночь ее вырыли из могилы и ограбили. Сказав это, она мгновенно исчезла, оставив после себя тяжелый, могильный запах.

Такое таинственное явление, конечно, сильно взволновало общество гостей и самого хозяина, так что веселье расстроилось. Не зная, чем объяснить это странное явление, хозяин после разных предположений и догадок отправился с гостями и прислугой к памятнику, и там они действительно нашли труп девушки, вынутый из могилы и ограбленный. После описанного случая Киндяковы долго не жили в своем загородном доме.

О БОГЕ, СВЯТЫХ,
ЧУДЕСАХ
И РАЗНЫХ СОБЫТИЯХ

456. Как земля сотворена была

Когда-то в очень давнюю пору всюду, где сейчас земля да горы, было одно море. Вот тогда-то, говорят, Бог спустился с небес да и спросил:

— Кто здесь обитает?

А тут, кроме Сатаны, никого и нет. Ну, тот и ответил:

— Я, — мол.

Бог и спросил Сатану, не знает ли он, где есть земля.

— На дне морском, — ответил Сатана.

— Так спустись же на дно морское и принеси сюда земли...

Сатана превратился в птицу плавающую, опустился в воду до самого дна, набрал там земли в рот и назад. Но по дороге растерял он всю ту землю и ничего Богу не принес.

Бог послал его снова, да и на этот раз не смог Сатана удержать во рту землю. Ее опять водой смыло.

Тогда Бог посылает Сатану на дно морское в третий раз. И тут Сатана вернулся уж с землей. Бог взял ее и разбросал перед собой на солнечную сторону. Из нее стали вырастать прямо на море большие острова и целые земли-страны с дивными лугами и лесами.

Между тем Бог спросил Сатану, всю ли землю он ему отдал. И Сатана, хотя и утаил какую-то часть ее за щекой, ответил, что всю.

Тут у него и начало разносить щеку-то. Понял Сатана, что Бога не проведешь, и давай скорей доставать землю из-за щеки и бросать куда-то за спину. И возникли из той утаенной земли края каменные да студенькие, что теперь северными называются.

457. Легенда о сотворении мира

Жили-были два родных брата — Господь и Сатанило. Господь был среди них старшим, а Сатанило — младшим. И слушался во всем младший брат старшего. Вместе они хорошо жили и бродили по земле.

Но вот надоело младшему брату во всем подчиняться старшему. И подумал тут Сатанило: «Что это я буду у него под началом жить?..» И перестал он слушаться старшего брата, да еще и захотел быть во всем выше его. Когда Господь стал устраивать небеса, то Сатанило рассмеялся и сказал: «Чтой-то, брат, у тебя за небеса? Я свои повыше твоих устрою».

Стал делать, и вышли у Сатанилы небеса действительно высокими.

Начал Господь засеивать землю разными травами да деревьями. А Сатанило ходил-ходил за ним и подумал: «Что ж я на чужой земле живу? Надо мне свою землю устраивать!» И когда Господь пошел пополудничать, Сатанило безо всякого благословения принялся устраивать и засеивать свою землю. Стал он харкать да плевать на землю, и получилась у него такая местность, на которой только кочки да болота топкие.

Вот Господь пополудничал и стал из камней себе войско делать. Ударит камень о камень, и посыплются у него разные ангелы и хранители Господни. Сатанило смотрел-смотрел и решил: «Дай-ка и я попробую, что у меня выйдет?»

Взял он камень да как брякнет! И поскакали у него «ангелы», да все с рогами и с хвостами — настоящие черти!

Пришел к нему Господь, поглядел вокруг — а чертей уж видимо-невидимо! Не понравилось Господу поведение брата, и решил он свергнуть Сатанилу в преисподню. Призвал он к себе архангела Михаила и говорит ему: «Поди отправь Сатанилу в преисподню».

Пошел архангел к Сатаниле, но ничего не смог с ним сделать: не пускал Сатанило его к себе, и чертовское войско не давало подойти, защищает своего создателя.

Возвратился Михаил к Господу ни с чем.

Разгневался Господь и говорит: «Иди теперь и сверзнешь...»

Дал он архангелу особую страшную силу.

Пошел Михаил к Сатане и на сей раз свергнул его в преисподнюю вместе со всем его войском. Шесть недель летел туда Сатанило, и как только брякнулся в ад, так и его войско, где было в ту пору, там и остановилось: некоторые черти в ад попали, некоторые в воздухе повисли. А небеса и земли, созданные Сатаной, все рассыпались и развалились.

Тогда Господь повелел, чтобы и камень больше не рос. С тех пор камень и не растет. А Господь уже не мог по земле ходить, стал он жить только на небесах. Черти же находятся и в аду, и в воздухе и на земле.

Затем Господь решил сотворить первого человека — Адама. Нарисовал он на земле фигуру, дунул на нее, и стала фигура плотью. Потом вдохнул в нее Господь разум и силу и отпустил живого человека восвояси.

Адам же увидел стройное дерево, понравилось оно ему и стал он за ним ухаживать. Господь же, видя его старания, превратил кудрявое деревце в прекрасную девушку. И стала та девушка по имени Ева — дерево-то было ивой — женой Адаму.

От них и пошел весь род человеческий.

458. Про человека и собаку

Сначала Бог сотворил человека, а Дьявол обмазал его слюнями, соплями, а потом сверху этого обмазал еще грязью. Бог это увидел, очистил сотворенного им человека, а из грязи, которую он с него снял, сделал собаку и велел ей охранять человека от Дьявола.

Увидел Дьявол, что человек очищен, хотел опять его обмазать грязью, но когда он подошел к нему и увидел собаку, которая оберегала человека, испугался и ушел.

459. Про то, откуда солнце взялось

Давно это было, очень давно, но уже тогда, когда появилась земля и на ней все уже, как теперь, было: и горы,

и моря, и леса... А вот солнца на небе еще не было. И всюду тогда на земле было холодно, да и темнота везде стояла непроглядная.

Люди мерзли в те времена от стужи и никакие костры согреть их не могли. Они с какой-то особой надеждой ждали своей смерти как единственного способа избавиться от мук.

И вот однажды седой старик с большой белой бородой встал у костра и крикнул так, чтобы все услышали его:

— Люди! Поглядите, как нас много! Давайте по угольку возьмем из наших костров и всем миром отнесем их вон на ту высокую гору. Там мы сложим свои раскаленные уголья вместе, а добрый ветер раздует из них большой и жаркий костер. И станет тогда всем нам тепло и светло...

Послушались его люди: и старый, и малый принес свой уголек. Сложили все они их на горе, а на ветру уголи слились в один раскаленный шар. Подхватил буйный ветер тот шар горящий и понес его ввысь. И стало на земле светло, и столь желанная теплота сразу же обогрела ее замерзавших обитателей.

Вот откуда солнце-то взялось.

460. «Пить, пить!»

Когда Бог создал землю и вздумал наполнить ее морями, озерами и реками, тогда он повелел идти сильному дождю; после дождя собрал всех птиц и приказал им помогать себе в трудах, чтобы они носили воду в назначенные ей места.

Все птицы повиновались, а эта несчастная — нет; она сказала Богу: «Мне не нужны ни озера, ни реки; я и на камушке напьюсь!»

Господь разгневался на нее и запретил ей и ее потомству даже приближаться к озеру, реке и ручейку, а позволил утолять жажду только той водою, которая после дождя остается на неровных местах и между камнями.

С тех пор бедная птичка, надоедая людям, жалобно просит: «Пить, пить!»

461. Про рожь

В старину незапамятную рожь была не такая, как теперь: снизу солома, а на макушке колосок; тогда от корня до самого верху все был колос. Раз показалось бабам тяжело жать, и давай они бранить божий хлеб. Одна говорит: «Чтоб ты пропала, окаянная рожь!» Другая: «Чтоб тебе ни всходу, ни умолоту!» Третья: «Чтоб тебя, проклятую, сдернуло снизу до верху!» Господь, разгневанный их неразумным ропотом, забрал колосья и начал истреблять один за другим. Бабы стоят да смотрят. Когда осталось Богу выдернуть последний колос — сухощавый и тщедушный, тогда те стали молить, чтобы Господь оставил на их долю сколько-нибудь колоса. Милосердный Господь сжалился над ними и оставил им колос, какой теперь видим.

462. Легенда о происхождении древлян, кривичей, полян, северян и русов

В те времена был Богумир — муж Славы, и имел он троих дочерей и двух сыновей. Они привели скот в степи и там жили среди трав, как и во времена отцов. И были они послушны богам, и имели разум, все схватывающий.

И там мать их, которую звали Славуня, им приготавливала все необходимое. И сказала она Богумиру на седьмой день: «Мы должны выдать своих дочерей замуж, чтобы увидеть внуков».

Так сказала она, и запряг Богумир повозку и поехал куда глаза глядят. И доехал до дуба, стоящего в поле, и остался ночевать у костра. И увидел он в вечерних сумерках, что к нему подъезжают три мужа на конях. И сказали они:

— Здрав будь! Что ищешь ты?

И поведал им Богумир о печали своей. А они ему ответили, что сами в походе, дабы найти себе жен. И вернулся Богумир в степи свои и привел трех мужей дочерям.

Отсюда начало трем родам. И соединились они, славны были. Отсюда идут древляне, кривичи и поляне, ибо

первая дочь Богумира имела имя Древа, а другая — Скрева, а третья — Полева.

Сыновья же Богумира имели имена — Сева, а младший — Рус. От них идут северяне и русы. Три же мужа были, все три — Утренник, Полуденник и Вечерник.

Создались роды те в Семиречье, где мы обитали за морем в крае зеленом, когда были скотоводами. И было это в древности до исхода нашего к Карпатской горе. И было это за тысячу триста лет до Германареха. И в те времена была борьба великая за берега моря Готского, и там праотцы наши возводили курганы из белых камней, под коими погребли мы бояр и вождей своих, павших в сече.

463. О происхождении чувашского народа

Говорят, в глубокую старину жил один человек по имени Чуваш. Он очень метко стрелял из лука. Однажды он отправился на охоту в горы. Шел долго и увидел на вершине горы прекрасную птицу.

«Подстрелю-ка ее», — говорит Чуваш и вынимает остроконечную стрелу.

В это время птица человеческим голосом произносит: «Не стреляй в меня, Чуваш. Возьми с собой домой, пригожусь при случае».

Чуваш согласился и принес птицу домой. Как стемнело, лег на постель спать. Ночью проснулся от шума-гама. Вскочил и выходит из избы.

Ему навстречу вбегает в избу красивый парень в серебряной одежде, а медная шапка блестит при свете луны. За ним прибежали жители деревни и рассказали, что на деревню совершили нападение разбойники-кыпчаки, хотели отогнать лошадей. А храбрый парень прогнал разбойников.

«Куда делся парень?» — спрашивают односельчане. Чуваш им не отвечает. Заходит в избу и видит: кроме птицы никого нет. Трогает птицу, и она перевоплощается в очень красивую девушку. Догадался Чуваш: кыпчаков отразила она.

«А теперь я стану твоей женой», — молвит девушка. Так и зажили они. Но о ней узнал царь и решил сделать ее своей женой — царицей. Царь направляет своих нукеров к Чувашу, чтобы захватить его жену. Чуваш из лука перестрелял всех нукеров. После этого Чуваш с женой впрягли к избе лошадь, забрали весь свой скот и уехали к морскому берегу.

После смерти Чуваша с женой их детей стали звать чувашами. Так произошел чувашский народ.

464. Как чувашаи пришли к Волге

Чувашаи в древности жили в теплой стране на морском побережье, говорится в одном из легендарных преданий. Со временем их подчинил один царь. Он ежегодно отбирал себе самых красивых чувашских девушек в жены. Жен у него было очень много, но от них детей не было.

Однажды царь заявил: «Как только одна из жен-чувашек родит мне сына, то всем чувашам даю волю и свободу».

Через год жена-чувашка родила сыновей-близнецов. Чувашаи получили свободу.

Их старейшины посоветались и решили:

«Этот царь пока дал нам свободу, но он вскоре может отобрать ее. Пока свободны, переселимся в другое место».

Старейшины родов повели их на новые земли. Но они заблудились и очутились в голой пустыне. Люди изголодались, ослабли. В это время чувашаи заметили, что вместе с ними, особенно не приближаясь к ним и не отдаляясь, идет волк. Чувашаи решили: пусть волк станет нашим племенным вождем, и мы пойдем за ним. Так они шли за ним семьдесят семь светлых дней, семьдесят семь ночей, отдыхая там, где останавливался волк.

На семьдесят седьмой день они вышли на берег большой реки. И волк исчез. Чувашаи стали жить на этой большой реке.

465. О возникновении марийского народа

У Юлы-бога была дочь, молодая и прекрасная, а женихов на небе не было. Там были одни только ангелы.

Юла-бог был работающий, а потому на небе работников не держал. Он делал все сам, а дочь свою посылал пасти скот.

На небе травы нет, а потому скоту надо было спускаться на землю. Бог и спускал его каждый день с неба, а вместе со скотиной спускал и свою дочь. Растворит Бог небо, раскинет войлок, чтобы он доставал до самой земли, и спускает по нему дочь свою и стадо прямо на землю.

Однажды, будучи на земле, небесная девушка встретила с мужчиной. Его звали Мари. Он жил на земле и никак не соглашался идти к Юле-богу, и девушке пришлось остаться с ним на земле. Она вышла за Мари замуж, и от них и появились люди. Это и был народ мари.

466. Про лося

Иисус Христос шел в Петровки* с апостолом Петром и проголодались. Видят они шахата (лося). Апостол Петр совсем было приготовился его зарезать, чтобы потом съесть. Но Господь не благословил ему:

— Теперь, — говорит, — пост.

— Дак ведь он убежит.

— Нет, он потом придет.

И верно, в сам Петров день** пришел к ним шахат и губу на плечо положил. Тут они его и съели.

* Петровки— пост перед Петровым днем (В. И. Даль).

** Петров день — праздник святых апостолов Петра и Павла, 29 июля (В. И. Даль).

467. Христов братец

В одном селе жил мужик, у него был сын — доброй да набожной. Раз отпросился он у отца и отправился на богомолье. Шел-шел и пришел к избушке, а в той избушке стоит старичок на коленях и Богу молится.

Усмотрел его старец и спрашивает: «Кто ты таков и куда путь держишь?» — «Крестьянский сын, иду на богомолье». — «Иди сюда, давай вместе молиться».

Стали они рядом перед святою иконою и долго-долго молились Богу. Окончили молитву; старец и говорит: «Давай теперь побратаемся».

Побратались они; распрощались и пошли всякой своею дорогою.

Только воротился крестьянский сын домой, отец вздумал женить его; сосватал невесту и велит под венец идти.

«Батюшка, — говорит крестьянский сын, — позволь мне весь век свой Богу служить; я жениться не хочу».

Отец и слышать того не хочет: ступай да ступай под венец.

Вот он подумал-подумал и ушел из родительского дому. Идет путем-дорогою, а навстречу ему тот самый старец, с которым он побратался. Взял его за руку и привел к себе в сад. И показалось крестьянскому сыну, что побыл он здесь только три минуточки; а был он в саду не три минуточки, а триста годов. Как воротился в свое село, смотрит — и церковь уже не та, и люди другие. Стал спрашивать у священника: где же прежняя церковь и где такие-то люди?

«Этого я не помню», — говорит священник.

«Где же та невеста, от которой жених из-под венца ушел?»

Справился священник по книгам и рассказывает: «Это уж давным-давно было, назад тому триста лет».

Потом расспросил он крестьянского сына, кто он таков и откуда явился; а как узнал обо всем, велел причетникам обедню служить: «Это, — говорит, — меньшой брат Христов!»

Стала обедня отходить, начал крестьянский сын умалиться; окончилась обедня — и его не стало.

468. Царевич Евстафий

В некотором государстве жил-был царь. У него был младой сын царевич Евстафий; не любил он ни пиров, ни плясок, ни гульбищ, а любил ходить по улицам да водиться с нищими, людьми простыми и убогими, и дарил их деньгами. Крепко рассердился на него царь, повелел вести к виселице и предать лютой смерти. Привели царевича и хотят уже вешать. Вот царевич пал перед отцом на колени и стал просить сроку хоть на три часа. Царь согласился, дал ему сроку на три часа.

Царевич Евстафий пошел тем временем к мастерам и заказал сделать вскорости три сундука: один золотой, другой серебряный, а третий — просто расколоть кряж надвое, выдолбить корытом и прицепить замок. Сделали мастера три сундука и принесли к виселице. Царь с боярами смотрят, что такое будет; а царевич открыл сундуки и показывает: в золотом насыпано полно золота, в серебряном насыпано полно серебра, а в деревянном накладка всякая мерзость. Показал и опять затворил сундуки и запер их накрепко.

Царь еще пуще разгневался и спрашивает у царевича Евстафия: «Что это за насмешку ты делаешь?»

«Государь-батюшка! — говорит царевич. — Ты здесь с боярами, вели оценить сундуки — то, чего они стоят».

Вот бояре серебряный сундук оценили дорого, золотой того дороже, а деревянный и смотреть не хотят. Евстафий-царевич говорит: «Отомкните-ка теперь сундуки, и посмотрите, что в них!». Вот отомкнули золотой сундук, а там змеи, лягушки и всякая срамота; посмотрели серебряный — и здесь тоже; открыли деревянный, а в нем растут древа с плодами и листвиюм, испускают от себя духи сладкие, а посреди стоит церковь с оградкою. Изумился царь и не велел казнить царевича Евстафия.

469. Микола и Касьян

Ехал один раз мужик по осенней дороге. Лошаденка у него плохонькая, насилу воз тянет. И вдруг на дороге

канава. Воз застрял. Мужик и туда и сюда — никак воз не вытаскивается.

И тут идет по той же дороге Касьян-угодник. Не узнал мужик этого святого и к нему с просьбой:

— Почтенный, сделай одолжение: помоги воз вытащить.

— Отстань от меня, — ответил ему святой Касьян. — Не стану я руки свои марать о твой воз, да и сапоги в грязи мне пачкать не пристало...

И пошел прочь от мужика.

Через какое-то время идет по той же дороге угодник Микола. Мужик и этого не узнал да и просит:

— Будь добр, не откажи в помощи.

Микола рукава засучил, взялся вместе с мужиком за повозку, лошаденку понукнул, и втроем они воз вытащили.

Мужик благодарить стал помощника, а тот дальше пошел.

Потом пришли Касьян и Микола к Богу в рай, а они и спрашивает:

— Куда ты, Касьян-угодник, ходил?

— На земле был, — отвечает Касьян.

— А что делал?

— Ничего. Просил было меня мужик помочь ему воз вытащить, да я отказался: не хотел свои руки да сапоги марать.

— А что ты, Микола-угодник, делал, где измазался? — спросил Бог.

— Я тоже на земле был и помог мужику застрявший воз из грязи вытянуть, — отвечал Микола.

И тогда Бог сказал:

— За то, что ты, Касьян, не помог мужику, тебя на земле будут чествовать через три года на четвертый, а тебя, Микола, за то, что ты помог, будут чествовать два раза в год.

470. Каждому по заслугам

Жил в одной деревне крестьянин. Имел он лошаденку, коровенку и более десятины земли.

Накосил он в лесу сена, сгреб, сложил в копну, а по-

том запрѣг лошадь и за ним. Приехал, сено нагрузил — и домой.

По дороге в одной из калужин его телега застряла, и лошадь никак не могла ее сдвинуть с места. Мужик и сам помогал лошади и бил ее, и уговаривал, но ничего не получалось. Смотрит, идет один мужчина. Он обращается к нему:

— Будь добр, милый человек, помоги мне вытащить этот воз.

Тот махнул рукой, ничего не сказал и прошел мимо. Ну, он опять мучился-мучился — ничего не получается. Смотрит, идет второй человек. Он к нему:

— Будь настолько милостив, помоги мне, пожалуйста.

Тот, ни слова не говоря, засучивает рукава, берется за грязное колесо, лошадь дернула, хозяин тут помог, и воз с сеном они из колдобины вытащили. Крестьянин поблагодарил за помощь и благополучно вернулся домой. Вернулся, сложил сено на место, выпряг лошадь. За столом уже, перед обедом, сказал так:

— Господи, накажи того человека, который мне не помог, и сделай так, чтобы он вечно помнил это, а человеку, который помог, сделай что-то хорошее.

Бог услышал и сделал так, что человеку, который не помог, а звали его Касьяном, быть в четыре года один раз именинником — в високосный день, двадцать девятого февраля. А тому человеку, который помог, его звали Николаем, Бог сделал так, чтобы он в году был два раза именинник.

Вот и получилось, что каждому — по заслугам.

471. Про народное пение

Старые люди рассказывали, что будто бы один раз ходили по белу свету Иисус Христос со святым Петром. Вот пришли они в какую-то деревню, а у людей праздник, и чуть ли не в каждой избе пение слышится.

Идут они, значит, по улице: Петр впереди, а Христос немного поотстал у дома, из которого уж больно ладная песня доносилась. Отстал, а потом остановился и слушает, а Петр идет себе и не замечает, что нет спутника-то ря-

дом. Ну, а когда прошел сколько-то и глянул в сторону, где Христос шел и тут же увидел, что его нет. Оглянувшись святой назад и заметил, что стоит Иисус Христос у той избы, откуда славное пение слышалось. Пошел он дальше, а Господь все стоит и стоит. И воротился тут святой к избе, где стоял Христос, и они вместе дослушали бесподобную песню, которую пели крестьяне.

Потом они пошли дальше и поравнялись еще с одной избой, из которой тоже было слышно пение. Петр подошел поближе, чтобы послушать получше, а Иисус Христос не стал задерживаться и последовал дальше. Святой Петр догадался, что это пение Христу неинтересно, и пошел догонять его, а когда догнал, то спросил:

— Почему остановился у избы, где пели народную песню, и прошел мимо поющих духовные стихи?

— В первой избе люди пели народную песню и сохраняли славное благоговение, а тут я слышу духовные стихи и не ощущаю никакого священного трепета. Что это за пение! — сказал Иисус Христос.

472. Илья Пророк и Никола

Давно было; жил-был мужик. Николин день завсегда почитал, а в Ильин нет-нет, да и работать станет; Николе-угоднику и молебен отслужит, и свечку поставит, а про Илью Пророка и думать забыл.

Вот раз как-то идет Илья Пророк с Николой полем этого самого мужика; идут они и смотрят — на ниве зелены стоят такие славные, что душа не нарадуется.

«Вот будет урожай, так урожай! — говорит Никола. — Да и мужик-то, право, хороший, доброй, набожной; Бога помнит и святых знает! К рукам добро достанется...»

«А вот посмотрим, — отвечал Илья, — еще много ли достанется! Как спалю я молнией, как выбью градом все поле, так будет мужик твой правду знать да Ильин день почитать».

Поспорили-поспорили и разошлись в разные стороны. Никола-угодник сейчас к мужику.

«Продай, — говорит, — поскорее ильинскому батьке весь свой хлеб на корню; не то ничего не останется, все градом повыбьет».

Бросился мужик к попу: «Не купишь ли, батюшка, хлеба на корню? Все поле продам; такая нужда в деньгах прилунилась, что вынь да положи! Купи, отец! Задешево отдам».

Торговались-торговались, и столковались. Мужик забрал деньги и пошел домой.

Прошло ни много ни мало времени: собралась, понадвинулась грозная туча, страшным ливнем и градом разразилась над нивою мужика, весь хлеб как ножом срезала — не оставила ни единой былинки.

На другой день идет мимо Илья Пророк с Николою; и говорит Илья: «Посмотри, каково разорил я мужиково поле!» — «Мужиково? Нет, брат! Разорил ты хорошо, только это поле ильинского попа, а не мужиково». — «Как попа?» — «Да так; мужик — с неделю будет как — продал его ильинскому батьке и деньги все сполна получил. То-то, чай, поп по деньгам плачет!»

«Постой же, — сказал Илья Пророк, — я опять поправлю ниву, будет она вдвое лучше прежнего».

Поговорили, пошли всякой своей дорогой. Никола-угодник опять к мужику: «Ступай, — говорит, — к попу, выкупай поле — в убытке не будешь».

Пошел мужик к попу, кланяется и говорит: «Вижу, батюшка, наслал Господь Бог несчастье на тебя — все поле градом выбито, хоть шар покати! Так уж и быть, давай пополам грех: я беру назад свое поле, а тебе на бедность вот половина твоих денег».

Поп обрадовался, и тотчас они по рукам ударили.

Меж тем — откуда что взялось — стало мужиково поле поправляться; от старых корней пошли новые свежие побеги. Дождевые тучи то и дело носят над нивою и поят землю; чудный уродился хлеб — высокой да частой; сорной травы совсем не видать, а колос налился полной-полной, так и гнется к земле. Пригрело солнышко, и созрела рожь — словно золотая стоит в поле. Много нажал мужик снопов, много наклал копен; уж собрался возить да в скирды складывать. На ту пору идет опять

мимо Илья Пророк с Николою. Весело оглядел он все поле и говорит: «Посмотри, Никола, какая благодать! Вот так наградил я попа, по век свой не забудет...» — «Попа?! Нет, брат! Благодать-то велика, да ведь поле это — мужиково, поп тут ни при чем останется». — «Что ты!» — «Правое слово! Как выбило градом всю ниву, мужик пошел к ильинскому батьке и выкупил ее назад за половинную цену».

«Постой же, — сказал Илья Пророк, — я отниму у хлеба всю спорынью: сколько бы ни наклал мужик снопов, больше четверика зараз не вымолотит».

«Плохо дело!» — думает Никола-угодник; сейчас отправился к мужику: «Смотри, — говорит, — как станешь хлеб молотить, больше одного снопа зараз не клади на ток».

Стал мужик молотить: что ни сноп, то и четверик зерна. Все закрома, все клетки набил рожью, а все еще остается много; поставил он новые амбары и насыпал полнехоньки.

Вот идет как-то Илья Пророк с Николою мимо его двора, посмотрел туда-сюда и говорит: «Ишь какие амбары вывел! Что-то насыпать в них станет?»

«Они уже полнехоньки», — отвечает Никола-угодник. — «Да откуда же взял мужик столько хлеба?» — «Эва! У него всякой сноп дал по четверику зерна; как зачал молотить, он все по одному снопу клал на ток».

«Э, брат Никола! — догадался Илья Пророк. — Это все ты мужику пересказываешь». — «Ну, вот выдумал; стану я пересказывать...» — «Как там хочешь, а уж это твое дело! Ну будет же меня мужик помнить!» — «Что ты ему сделаешь?» — «А что сделаю, того тебе не скажу».

«Вот когда беда, так беда приходит!» — думает Никола-угодник, и опять к мужику: «Купи, — говорит, — две свечи, большую да малую, и сделай то-то и то-то».

Вот на другой день идут вместе Илья Пророк и Никола-угодник в виде странников, и попадаетея им навстречу мужик: несет две восковые свечи — одну большую рублевую, а другую копеечную.

«Куда, мужичок, путь держишь?» — спрашивает его Никола-угодник.

«Да вот свечку рублевую поставить Илье Пророку; уж

такой был милостивой ко мне! Градом поле выбило, так он, батюшка, постарался да вдвое лучше прежнего дал урожай». — «А копеечная-то свеча на что?» — «Ну, эта Николе!» — сказал мужик и пошел дальше.

«Вот ты, Илья, говоришь, что я все мужику пересказываю; чай, теперь сам видишь, какая это правда!»

На том дело и покончилось; смиловался Илья Пророк, перестал мужику бедою грозить; а мужик зажил припеваючи и стал с той поры одинаково почитать и Ильин день, и Николин день.

473. Николай Чудотворец

Жил-был в селе богатой мужик. Приходит к нему бедной мужик из того же села, просит муки на квашню.

— А что дашь в заклад?

— Да ничего у меня нет, есть только икона Миколая Чудотворца.

— Ну неси ее! Не отдашь долгу в срок, дак расколю да в печку брошу непременно!

А тут сидел парень из того же села, слушал все это. Приходит домой и говорит матери:

— Мать, непременно надо выкупить Миколая Чудотворца! Тому мужику не на что будет выкупить. Пойду, буду дрова рубить да продавать, че-то заработаю!

Приходит через десять ден (срок-от был этот) к богачу, приносит выкуп.

— Выкупил мужик Николая Чудотворца, что в заклад принес?

— Нет, не выкупил!

— Я выкуплю.

— Давай деньги!

Принес парень икону домой, поставил на божничку. Потом думает, как денежки нажать. А была тогда Нижегородская ярманка. «Поеду товар возить! Лошадь-то хоть плохонька, а все-таки повезет сколько-нибудь!»

Поехал. Немножко проехал, старичок идет путем-дорожкой:

— Молодец, посади меня!

— Повезти-то бы повез, да лошадь больно плохая: не повезет, пожалуй.

— Ну, сколько повезет! Не повезет, дак пешком пойдем.

Посадил; сели, поехали. Лошадь и бежит и бежит — чем дальше, тем лучше.

— Надо покормить лошадь: устала!

Заехали на квартиру ночевать. Надавали корму; она корму не поела, а сыта стала. «Поедем, — говорит, — вперед!» — И так ехали, ехали и до Нижегородской ярманки доехали.

Остановились там где-то, на постоянный двор ли, че ли. Услыхал, что купцы жеребей кидают: кому идти ночевать. Царевна-дочь с ума сошла, умерла, в церкви стоит, кто станет отчитывать, того она и съест, сгрызет. А он искал себе подводу.

— Кто бы нанялся караулить покойницу, я бы дал сто рублей!

— Постой, я дедушки спрошу: может быть, мне можно. Пошли.

— Дедушко! — говорит. — Вот рядят ночевать, дают сто рублей.

— Рядись! Возьми у меня палочку-тросточку, очертись кругом, молитвы читай. Она часов в одиннадцать встанет из гробу, скакать будет в круг; ты, — говорит, — не оглядывайся!..

Петухи пропели. Она опять легла в гроб.

Приходит утром сторож, стучится у двери:

— Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй нас!

А он отвечает:

— Аминь!

Пришли к царю.

— Не съела, — говорит, — отвечает: «аминь».

Выпустили.

Другому очередь пришла в церкви читать. Рядят опять на базаре, дают двести рублей. Приходит парень к дедушке: «Идти ли?»

— Иди! Теперь тебе потруднее будет: она сильнее будет скакать. Возьми мою тросточку, очертись кругом.

Пошел; опять очертился; стоит читает молитвы. Она рвалась, скакала, скакала: все хотела ворваться в круг — от к нему, только что никак не может ворваться. Опять петух пропел, она опять в гроб легла.

Сторож приходит: «Господи Иисусе Христе, сыне Божий...» Объявил царю, что другую ночь ночевал один человек и все живой остается.

Опять очередь, третьему купцу. Тот уж дает триста ему за ночь.

«Эта самая трудная будет тебе ночь! — дал опять тросточку. — Очертись кругом, читай! Она будет скакать, зубами скрежетать; ты стой, не оглядывайся».

Он стал.

Он читает, она за ним стала читать; он Богу молится, она стала молиться. Пропел петух, она осталась тут, никуда не девается. Он вышел из круга, взял ее за руку:

— Ну, теперь живые стали?

Приходит сторож: «Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй нас».

Они оба в один раз «аминь» кричат. Сторож их не выпустил; побежал объявить царю эдакую радость: она жива стала.

Их сейчас к себе он потребовал, парочку. Одели их с ног до головы. Наградил его: дал тройку лошадей, экипаж — все, в подарок, полцарства отсулил ему. Обвенчали, повезли в свою сторону.

Ехавши мимо реки, он говорит:

— Айдайте этга посидим!

А царевна все сидела невеселая, зачумливая. Он взял да ее поперек-то рассек, этот старичок. В ей полно было гаду набито, зверье всяко. Он все промыл; потом вспырынул святой водой, она живая стала. Стала настоящим человеком, веселая и рассудительная, и все как следует.

Не доехавши до дому верст пять ли, десять ли, старичок встал и говорит:

— Ну, детушки, поезжайте! Я не буду уже с вами больше.

Они только плакали, уговаривали; он не согласился:

— Я с вами долго путешествовал! Теперь домой мне надо поспешить!

Подъезжают к деревне ко своей со звоном.

Мать плачет:

— Ох, милой! Он, видно, в беду попал! Суд, видно, едет: последний у нас домишко отберут!

Узнала, что сын едет, обрадовалась:

— Батюшко, седни у меня две радости: Николай Чудотворец нашелся!.. Как ты уехал, пришла я: не стало у меня Николая Чудотворца на божнице. Не стало и не стало! И не знаю, куды делся, кто украл. Прихожу сегодня: Николай Чудотворец на месте, и словно светло у меня стало в избе-то.

Построили они дом. Стали жить-поживать. А тот богач-от задался.

474. Чудотворец Макарий

Было это давным-давно, ну, а если сказать точнее — больше чем четыреста лет тому назад. В тихом посаде древнего города, что к тому времени уже свыше столетия стоял на слиянии Оки с Волгой, в благочестивой семье родился сын. Еще в детские годы, часто бывая в церкви, решил он посвятить себя служению Богу, а в двенадцатилетнем возрасте навсегда покинул отца с матерью, ушел в Печерскую обитель и постригся в монахи. Там-то и удостоен он был имени Макарий, которое будущему чудотворцу предстояло прославить на все Поволжье и за его пределами.

В труде и учении, постах и молитвах прожил этот скромный инок в Печерском монастыре более десяти лет. А потом, когда ему исполнилось уже двадцать пять, Макарий оставил эту обитель и отправился в Луховский монастырь, что находился на месте впадения реки Лух в Волгу. Здесь он близко познакомился с настоятелем сей обители преподобным Тихоном. Молодой и старый монахи много беседовали. В их отношении к делу, скромном поведении и взглядах оказалось так много общего, что они решили нести службу Богу вместе. Для этого они задумали уйти в спокойный край на слиянии рек Луха и Добрицы и основать новый монастырь.

Но из-за вмешательства в их дело недобрых людей замыслу отцов церкви не суждено было сбыться.

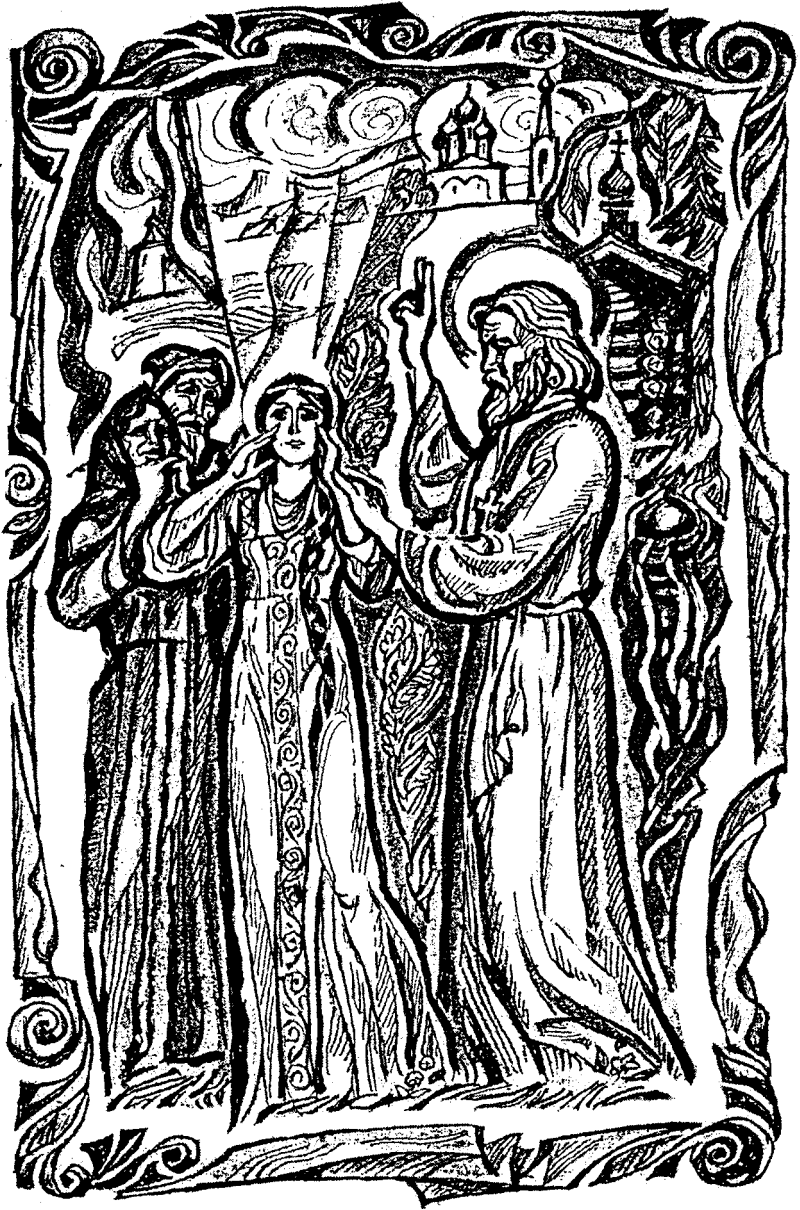
Распростившись с Тихоном, Макарий отправился на Волгу. Легко пройдя немалый путь, он обнаружил удобное для обители место, которое находилось недалеко от Решмы. Тут и соорудил молодой монах-пустынник свою незамысловатую келью, продолжая истово трудиться во имя того дела, которому решил посвятить себя до конца.

А молва человеческая о подвижничестве Макария, о его смирении, непритязательности да простоте, о небывалом умении помочь страждущему постепенно расходится по Костромской земле. К живущему в уединении монаху тянется народ. Среди его посетителей не только те, кто нуждался в духовной поддержке и добром совете, но и люди, которые готовы были разделить с ним созидательные дела. Так рождается ставшая позже известной многим обитель, именуемая Макарьевской пустынью.

Когда многое из задуманного было выполнено, основатель ее потихоньку от братии оставляет плод трудов своих и отправляется искать место для нового монастыря.

Теперь он шел уже по берегу красавицы Волги, любовался ее просторами и внимательно приглядывался к открывавшейся его взору местности. Вот и остался позади древний Городец, потом и его родина Нижний, а за ним и второй дом чудотворца — Печерский монастырь, а он шел и шел, отмеряя нелегкие для старого человека версты. Ведь Макарию было тогда за восемьдесят! Временами он задерживался на своем пути для того, чтобы ободрить встречного путника или помочь больному.

Наконец, когда позади осталось почти двести верст, Макарий вышел к устью лесной и в ту пору совсем незаселенной заволжской реки Керженец. Его очаровало находившееся совсем по соседству с Волгой спокойное и показавшееся таким величественным озеро Желтые Воды. И Макарий решил, что ничего лучше, чем это место, ему не найти, да и сил на дальнейшие поиски у пустынника-чудотворца уже не было. Сняв с уставших плеч котомку, он остановился у озера на ночлег, а потом задержался в полюбившемся ему краю на несколько дней да так там и остался. Приближались холода. Чтобы укрыться от непо-

годы, Макарий выкопал своими руками небольшую пещеру и все свое время посвящал молитвам и добрым делам на пользу людям. Новоявленного пустынножителя, слава о котором распространилась по всей округе, стали посещать жители окрестных селений, что были на берегах Волги и в правобережной стороне и прежде всего из находившегося верстах в пяти за рекой торгового села Лыскова. Приходили к Макарию и монахи. Иные из них пожелали остаться с чудотворцем и, как и их наставник, рыли себе пещеры, становясь членами иноческой братии. И тогда Макарий вместе с ними начал строить деревянный монастырь во имя Живоначальной Троицы.

Вскоре монастырь стал настолько влиятелен в округе, что это начало вызывать тревогу у находившегося по соседству Казанского царства. И тогда, начав свой второй поход на Рязань и Москву, татарский хан повелел своим воинам разрушить Макарьевскую обитель. Кочевники ринулись на монастырь и, расправившись со многими из тех, кто был в нем, Макария и некоторых из его сподвижников взяли в плен. Татары отвели пленников в Казань. Отпущенный через какое-то время Макарий возвратился на Желтые Воды для того, чтобы похоронить павших от рук пришельцев иноков.

Отдав последний долг погибшей братии, чудотворец навсегда оставляет и эту, созданную его заботами обитель и идет подальше от Казанского царства с целью поселиться где-либо в Галичской земле. Сопровождаемый своими учениками, Макарий мужественно перенес трудности дальнего перехода через лесные дебри труднодоступной за-волжской стороны. Они дошли до города Унжи, что был расположен на реке того же названия.

Жители этого небольшого селения торжественно встретили преподобного чудотворца и предложили поселиться у них. Но Макарий с молодых лет стремился к уединению и поэтому спросил у горожан, не знают ли они подходящего для него места. Те показали Макарию красивый возвышенный берег над рекой Унжей, который находился на порядочном расстоянии от города.

Преподобному очень понравился их выбор, и он избрал это место для будущего своего проживания. Немного погодя

там был водружен святой крест, а потом и построена для Макария первая келья. Как и в былые годы неустанно трудясь, помогая людям и проводя время в молитвах, преподобный старец стал тем человеком, который привлек к себе внимание многих. Люди, которые искали спасения своей душе и исцеления недугов, шли к нему.

И вот уже рядом с кельей чудотворца на унженском берегу была построена деревянная обитель, которая получила название Макарьевской новой пустыни, а позднее Макарьевского Унженского монастыря. Тут же в полугоре, по соседству с монастырскими строениями, преподобный Макарий своими руками выкопал колодец. В колодце том появилась святая вода, якобы способная излечивать людей от разных недугов.

За бескорыстную деятельность, истинное подвижничество, нелегкую и смиренную пустынноческую жизнь Макарий был удостоен высшей благодати в чудотворениях. Люди много рассказывали о том, как умел Макарий исцелять всякие болезни и избавлять человека от любых напастей. Говорили, к примеру, что один раз измученные недугами дочери родители привели ее к чудотворцу и рассказали о слепоте девушки и бесовских напастьях на нее. Макарий выслушал отца с матерью, а потом взял в руки святой крест и озаменовал им больную. Девушка тут же прозрела, а вместе с этим и освободилась от мучивших ее нападков дьявола.

Немало добрых дел и сущих чудес, по словам людей, совершил преподобный Макарий Желтоводский и Унженский за свою большую жизнь. А прожил он девяносто пять лет, из которых восемьдесят три года провел в монашестве.

475. Макарий-Притыка

В пятнадцати километрах к югу от Варнавина на берегу Ветлуги стоит село Макарий-Притыка. Название это связано с церковью и народной легендой о Макарии — основателе Макарьевского Желтоводского монастыря на

Волге. А в легенде той говорится, что после разгрома монастыря татарами в 1439 году и взятия в плен его основателя Макария Бог помог ему скрыться от татар. И когда он оказался на свободе, то вышел на Волгу, сел на камень и чудесным образом поплыл сначала вверх по реке от Казани до Макарьева, а потом по Ветлуге. И тут на Ветлуге, в том месте, где теперь стоит село Макарий-Притыка, он остановился, приткнулся к берегу. Потом он вместе со своими учениками преодолел нелегкий путь между реками Ветлугой и Унжей и недалеко от старинного города Унжи основал новый Макарьевский монастырь, который в народе называют Макарием на Унже.

476. Георгиев камень

Один раз Волга возле Городца весной широко разлилась, километров на восемь. Деревни затопило. И вот в деревне Сухаренки люди проснулись. Вчера еще вода далеко была, а сегодня — под окнами!

Страшно им стало.

И вдруг видят они — вдалеке плывет к ним на камне Георгий Победоносец, весь в сиянии.

Видение это исчезло, а камень поднесло к деревне.

Люди поняли — добрый это знак. Камень потрогали, попробовали — тяжелый. Своротили его, потащили в село, в церковь. Священник принял камень.

А ночью чудо случилось.

Люди просыпаются, а вода из деревни далеко ушла. И камень вернулся назад в деревню, на то место, куда его прибило.

Люди изумились, поняли — значит не в соседнее село, а в деревню Сухаренки камень предназначен. Тут его надо хранить и никому нельзя отдавать.

Построили для камня часовню. Туда и поныне ходят молиться.

И говорят, камень этот исцеляет, если кто к нему идет с чистым сердцем.

477. Легенда о святом Варнаве

В давние-давние времена, в веке четырнадцатом, а то и еще раньше, на Красной горе, что известна по всей Ветлуге, поселился одинокий монах по имени Варнава. Место для своей землянки он выбрал на крутом берегу реки, да так, что его жилище было видно издалека. До прихода сюда Варнавы на землях этих никто не проживал, а с тех пор, как он тут поселился, стали постепенно обживать то место и другие люди.

Сам же Варнава родился в Великом Устюге, был там священником в одном из приходов и, как рассказывали, крестил язычников и иноверцев. Но участились набеги на родное селение черемисов, и тогда был вынужден служитель Бога оставить отчий край и поселиться в пустынном месте. Когда Варнава дошел до реки Ветлуги и остановился на выбранном им месте переночевать, то ночью увидел сон: будто он ведет разговор с Богом и тот призывает его остаться на этом месте и основать новую обитель.

Внял божьему гласу Варнава, остался на Ветлуге, построил себе скромное жилище на красивом месте и стал часто молиться.

Вскоре слух о благочестивом старце разнесся далеко по округе. К Варнаве все чаще стали наведываться путники и люди, желавшие получить мудрый совет. Для каждого он находил слово Божье, любому мог дать доброе наставление. Рассказывали, что даже лютые звери, каких в тех краях в былые времена было немало, при Варнаве смирили и никого не трогали.

Варнава жил по соседству с кочевыми племенами и, как и многие священники в ту пору, крестил иноверцев.

Посещали Варнаву и известные служители православной веры. Одно время жил у него достославный чудотворец Макарий. Служил он в основанной им обители, что находилась на берегу Волги и была хорошо известна во многих окрестных селениях.

Говорят, что Варнава благословил Макария на дорогу, когда тот уходил на поселение в леса близ Желтоводского озера, которое находилось недалеко от впадения реки Керженец в Волгу. Там Макарий и основал свою обитель,

там и прославился как чудотворец. С той поры и стал он зваться преподобным Макарием Желтоводским.

А Варнава продолжал праведную и подвижническую жизнь на Ветлуге. Лишения и невзгоды приходилось претерпевать ему столь часто, что трудно их перечислить. Он нередко отказывал себе даже в самом необходимом. И всегда он был верен главному своему завету: никогда не отказывать в помощи тем людям, которые приходили к нему за помощью.

О его кончине в народе говорят по-разному. Одни утверждают, что Варнава тихо почил в глубокой старости, когда ему было уже сто лет. Место, где его похоронили, с тех пор считается святым.

Другие люди рассказывают, что Варнава принял мученическую смерть. Как уже говорилось, он нес христианскую веру кочевникам. И вот однажды святой Варнава отправился к новому пристанищу кочевников и начал разговаривать с ними о Боге. Но темный народ не внял его страстным словам, и, движимые дьяволом, бросились иноверцы к старцу и забросали его камнями. Варнава не стал защищаться, возможно, что он уже знал о близкой смерти.

Вскоре после случившегося добрые люди нашли тело Варнавы, извлекли его из-под груды камней и похоронили в основанном им селении со всеми почестями.

Из того места, где покоится тело святого Варнавы, забил родничок со святой водой, которая помогает ото всех болезней. Находится тот целебный родник посреди большого села, которое было названо в честь святого Варнавы Варнавином.

478. Отец Серафим

Отец Серафим жил в Сарове (это где-то около Нижнего Новгорода), в монастыре. Потом попросил, чтобы дал Господь ему в отдельной келье жить. Срубил келью и жил там. К нему люди ходили. Он с плохого пути на Божий путь наставлял. Ничего не брал за это. Сам халат из холста носил.

Он прозорливый был. Всякий раз хорошо видел, за чем пришли к нему.

Вот один раз явились к нему разбойники. Думали, что у него денег много. Говорят:

— Давай нам денег.

— Денег не беру.

Они не поверили, печку сломали, а потом избили его. Да ничего не нашли, потому не в деньгах он жил.

Они ушли. Он — ползком-ползком — и дополз до монастыря. Там его узнали: «Это наш отец Серафим!» Врача ему хотели позвать, да он говорит:

— Мой врач — Господь.

Уснул он, и ему Мать Пресвятая Богородица явилась, сказала:

— Выздоровеешь.

И разбойников тех нашли, хотели в тюрьму посадить, да отец Серафим сказал:

— Я им прощаю. Все от Бога.

И простил их. Вот он какой был, отец Серафим.

479. Старец Герасим

В деревне Чертиха Ветлужского района более ста лет тому назад жил старец Герасим. Это был умный человек, который мог предсказывать погоду и лечить людей. Однажды в летнюю пору, когда в деревнях шел сенокос, старец Герасим пришел на свой покос, где его сыновья и внуки сгребали сено в копны. Дело было к ночи, сыновья и внуки усталые, измученные сели ужинать.

Тут является отец Герасим и велит сыновьям и внукам быстро метать сено в стога. Сыновьям очень не хотелось метать сено, так как они валились с ног от усталости. Но старшего надо слушаться, и они вместе с отцом стали метать стога. Когда сено было сметано, вдруг пошел проливной дождь. Дождь шел долго, у соседей сгнило все сено. А однажды во время жатвы в жаркий полдень старец Герасим пришел в поле к сыновьям и велел прикрыть все снопы пшеницы. Сосед спросил его, почему он,

вместо того, чтобы быстрее обмолотить снопы, укрывает их. Герасим ответил:

— Поспешишь — людей насмешишь.

Через час пошел дождь с градом, и урожай соседа сильно пострадал, а у старца Герасима пшеница была прикрыта.

Герасим часто бывал за рекой Ветлугой, но никто не видел, как он переправлялся туда. Но однажды вечером один рыбак увидал, что старец Герасим шагает прямо по воде, едва касаясь воды ступнями.

На следующий день рыбак сказал Герасиму:

— А я видел, как ты ходишь по воде.

Герасим ответил:

— Если видел, молчи, а то совсем ничего не будешь видеть.

Долго молчал рыбак, но, видимо, молчание тяготило его душу, и он рассказал об этом своему сыну. Как только он кончил рассказ, мрак закрыл его глаза и он ослеп. И по сей день ходит слепой.

В деревне Сергино у одного мальчика болели глаза. Он совсем ничего не видел. Мать повела его к старцу Герасиму. По пути мать зашла в конце деревни поговорить с подругой. Когда мать привела сына к старцу, он, назвав ее по имени, хотя не знал ее, стал ругать ее за то, что зашла к подруге. Рассердившись, он хотел проводить их с Богом, но, пожалев мальчонку, он помазал глаза ему лампадным маслом.

Подходя к своей деревне, мальчонка воскликнул:

— Мама, я вижу Сергино-то!

С тех пор глаза у мальчонки не болели. Лечил Герасим от всех болезней лампадным маслом. Иногда к нему приходили молодые женщины, говоря, что их бросили мужья и просили дать приворотного зелья. Герасим всегда прогонял их, сурово говоря:

— Ступайте к знахарке.

После смерти старца Герасима к его могиле стали ходить люди из окрестных деревень, чтобы унести с собой горсть земли с могилы старца, так как она, по слухам, имела целебное свойство. Таким образом, могила разрушалась, ибо каждый день несколько больных уносили с собой по горсти земли.

Однажды женщине по имени Матрена из Сергина прини́лся сон. К ней явился старец Герасим и сказал:

— Не берите больше землю с моей могилы. У моего дома в Чертихе стоят три березы. Прямо от этих берез овраг ведет вниз. Дойдешь до поворота, раскопай землю. Под землей есть ключик, который будет вас лечить.

Матрена собрала женщин, привела их к указанному месту, и скоро они раскопали ключик. На этом месте был поставлен крест, куда часто приходят жители окрестных и отдаленных деревень помолиться и набрать святой воды. Однажды к кузнецу в Сергино пришел из Ветлуги купец. Он попросил проводить его на Герасимов ключ. Взяв лопату, кузнец отправился с купцом к ключику. А дело было зимой. Откопав снег, кузнец откопал и ключик. Купец набрал воды в бутылочку и поблагодарил кузнеца.

Кузнец попал как-то весной в Ветлугу и зашел к купцу, чтобы справиться о здоровье его дочери, для которой он брал воду. Купец, узнав его, очень обрадовался и щедро наградил кузнеца.

После этого паломничества на Герасимов ключ усилились, сюда стали носить даже крестить детишек.

480. Отчего медведь стал человека бояться

Дело было так. В старину медведь человека не боялся, ходил с ним вместе. Вот однажды, когда братья Изосим и Савватей строили Соловецкой монастырь, рассердились они на медведя. Была у них соловая лошадь, и возили они на ней камень. Один брат в лесу наваливал их, другой на месте, где строили церкву, сваливал. А лошадь у них была умная и ходила одна. Только стал один брат замечать, что лошадь приходит вся в пене, сильно запыхавшись, и стал попрекать другого брата: что, дескать, много ты кладешь на воз каменьев. А тот спорит, что нет — ведь я немного. Спорили, спорили и решили посмотреть, что это с лошадыю у них делается. И увидели они, что это оттого, что за ней медведь гоняется каждый раз, как она повезет воз. Вот и стали братья просить Николу-угодника, чтобы он проучил медведя.

Согласился Никола, пришел в лес, взял обрубок дерева и стал в него клин колотить. Медведь — как человека еще не боялся — прибежал на стук и говорит:

— Что ты, брат, тут делаешь?

— А видишь, брат, хочу обрубок расколоть, помоги мне, суй тут лапы-то в щель, да и давай раздирать.

Медведь поверил ему, сунул лапы, а Никола клин-то и выколол да и давай его бить. Бьет да приговаривает: «Бойся человеческого взгляду, бойся человеческого стуку!»

Побил да и отпустил. И стал с того время медведь человека бояться.

481. Микола-угодник и охотники

Жили два шабра-охотника, и ходили они за охотой. Идут дремучим лесом, глухою тропочкой; навстречу им старичок, святитель отец Никола. Они его не узнали и за человека считали. И говорит он им:

— Не ходите этой тропочкой, охотнички!

— А что, дедушка?

— Тут, други, через эту тропочку лежит превеликая змея, и нельзя ни пройти, ни проехать.

— Спасибо тебе, дедушка, что нас от смерти отвел!

Дедушка и ушел.

Постояли охотники и подумали, и говорят: «А что нам, какая вещь змея! С нами орудия много. Дерьма-то — не убить змею?»

И пошли. Дошли и видят: превеличающий бугор казны на тропочке, и рассмехнулись друг с дружкой: «Вот он что, старый дурак, нам сказал! Кабы мы не пошли, он бы казну-то взял, а теперь ее нам не прожить».

Сидят и думают, что делать. Один и говорит: «Ступай-ка домой за лошадью: мы ее на себе-то не донесем».

Один караулить остался, а другой за лошадью пошел. Который караулить остался и говорит тому, который домой-то пошел: «Ты зайди, брат, к хозяйке к моей, хлебца кусочек привези!»

Товарищ пошел домой, приходит к своей жене и говорит:

— Тут-то, жена, что нам Бог-то дал!

— Чего дал?

— Превеличающую кучу казны: нам не прожить, да и детям-то будет и внучатам! Ну-ка затопи-ка избу, замеси пресную лепешку на еду и на зелье! Я ему скажу, что его жена ему прислала.

Завернула жена лепешечку на еду и на зелье и спекла сейчас.

Он запрѣг лошадь и поехал.

А товарищ ружье зарядил и думает: «Вот как он придет, я его хлоп — все деньги-то мои, а дома скажу, что не видал его».

Подъезжает к нему товарищ; а он прицелился да хлоп его и убил. Сам подбежал к телеге и прямо в сумку; лепешечки поел и сам умер. И казна тут осталась: съела змея обоих.

482. Чудо на мельнице

Када-то пришел Христос в худой нищенской одежде на мельницу и стал просить у мельника святую милостыньку.

Мельник осерчал: «Ступай, ступай отселева с Богом! Много вас таскается, всех не накормишь!»

Так-таки ничего и не дал.

На ту пору случись — мужичок привез на мельницу смолот небольшой мешок ржи, увидел нищего и сжалился.

— Подь сюды, я тебе дам.

И стал отсыпать ему из мешка хлеб-ат; отсыпал, почитай, с целую мерку, а нищий все свою кису подставляет.

— Что, али еще отсыпать?

— Да, коли будет ваша милость!

— Ну, пожалуй! — Отсыпал еще с мерку, а нищий все-таки подставляет свою кису. Отсыпал ему мужичок и в третий раз, и осталось у него у самого зерна так, самая малость.

«Вот дурак, сколько отдал! — думает мельник. — Да я еще за помол возьму; что ж ему-то останется?» — Ну, хорошо. Взял он у мужика рожь, засыпал и стал молотить; смотрит: уж много прошло времени, а мука все сыпится да сыпится! Что за диво! Всего зерна-то было с четверть, а муки намололось четвертей двадцать, да и еще осталось, что молотить: мука себе все сыпится, да сыпится... Мужик не знал, куды и собирать-то!

483. Рах-разбойник

Один разбойник много душ губил. Стоит раз в лесу, возле мертвого тела (только что убил человека), вдруг ему кто-то и говорит: «Брось это! Нехорошее дело людей убивать!» Обернулся, смотрит: пустынный-старичок стоит.

— Да я, — говорит разбойник, — ничего больше не умею делать.

— Великий грех! Спасай свою душу, пока время! — говорит старичок.

— Да чем же я ее спасу?

— На, вот тебе два замочка! — Взял и продел ему по замочку в уши, а ключи себе взял. — Поди на горы, белых овец там найдешь: паси их. Когда замочки из ушей у тебя выпадут, тогда, значит, ты душу спас.

Разбойник все так и сделал: пошел на горы, нашел там овец и стал их пасти. О худом он вовсе забыл и много лет пас, а замки все в ушах. Вот раз видит он, что едет большой дорогой кулак-купец, и думает себе разбойник: «А что, сколько этот купец из мужиков денег выжал? Все на него жалуются... Рады бы все деревни были, кабы его не было... Хорошо его убить!»

Как подумал, так и сделал: купца зарезал, а деньги, которые с ним были, по всем окрестным деревням раздал. И испугался разбойник, что опять старый грех совершил: человека убил. Глянул себе под ноги, а замочки из ушей выпали, на земле около него лежат!

И подошел к нему старичок и сказал:

— Ты не человека убил, а свой грех!

484. Это случилось в деревне Упрам

Люди рассказывают, что будто бы давным-давно недалеко от деревни Иванбеляк было селение, которое марийцы называли Упрам.

Так вот там и произошло то событие, про которое знают многие в нашей округе.

Говорят, что в глубокой древности молодой человек, достигший свадебного возраста, мог жениться на девушке из своего же рода. На этот раз случилось так. Брат решил жениться на своей же сестре. Сыграли большую свадьбу, *вся деревня весело гуляла на ней.* Участники свадьбы ходили в гости по домам с одного конца до другого конца деревни. И вдруг раздался громоподобный звук: земля, на которой гуляла свадьба, провалилась, и вся деревня была проглочена. А на том месте образовалось бездонное озеро, сейчас тут стало простое трясиное болото. От всей деревни осталось лишь несколько домов, но жители из-за огромного страха переселились в другие деревни. Все говорят, что сам Бог проклял. После этого случая запретили жениться на девушках из своего рода, а начали родниться с совершенно чужими и неизвестными родами.

485. О городе Василе-Сурском и озере Нестияры

Царь Василий, отец Ивана Грозного, не раз выступал походом на казанских татар. Но воевать царь не любил и оставался в Нижнем, посылая свою рать на Казань с воеводами. Они, в угоду царю, и поставили на правом берегу Суры крепость, чтобы защищала от набегов татарских Нижний Новгород и все окрестные города и селения. В 1523 году на высоком сурском склоне поставили каменный кремль о шести башен и с церквями. Прошло тридцать три года, и вот в день большого весеннего престольного праздника оползла гора великая, на которой кремль стоял, да и в реку ушла, и покрыли воды речные все постройки каменные да и церкви со всеми молящимися. Погибли жители города, а души усопших пе-

рenessились в лесную глухомань заволжскую, где в то лето образовалось глубокое озеро, да в нем и поселились.

Говорят, охотники лесные набрали на него как-то в ненастье и назвали Ненастным яром. Позднее озеро стали называть Нестиярами. Лежит озеро круглое да глубокое, до двадцати четырех метров глубиной, в низком глухом месте. И будто на берегу его на закате солнца слышен откуда-то с самого дна звон колокольный и песнопение церковное. Поют ли души васильчан, погибших вместе с кремлем, это уж пусть каждый сам решает. Но многие действительно слышат здесь какие-то звуки в глубине: шум, тонкий свист, завывание, неясный звон, будто тихая песня доносится издалека.

486. Кирилловы горы

Городец, говорили в старину, на Кирилловых горах стоит. Еще эти горы Китежскими звали, потому что Городец раньше называли Китежем малым. Большой-то Китеж в лесах стоял, от татар на дно озера опустился.

А в Кирилловых горах тоже с древних пор чудо было — монастырь подземный. Татары, когда брали Городец, его разрушить не смогли: монахи ушли в свои глубокие пещеры, и земля сомкнулась.

И вот говорили, как плывет по Волге православный человек, пещеры эти открываются, старцы к нему из глубины выходят, благословляют его и просят, чтоб привез он от них привет их братьям в Жигулевские горы. Также было место на Волге святое.

Не успеет человек оглянуться, а уж пещеры те закрылись без следа. И нет перед ним никаких старцев.

487. Легенда о священнике

Вот видишь ли, скажу твоей милости, был один священник беднящий-пребеднящий. Приход ли у него был

больно малый, али как сказать тебе, правду молвить, не знаю, что иное, только, слышь, все молился Богу, кабы знать, в достатке-та быть исправным. Вот он молился, да молился, день и ночь, знать, все молился Николе, знать, как бы справиться. Ан нет! Не дает Бог ему, слышь, счастья.

Вот он пошел из дому, слышь, куды глаза глядят. Вот шел-шел, все шел, слышь, увидал он возле дороги: сидят двое с сумками, знать, присели отдохнуть. Один-ат, видит, молоденький с бородкой, а другой-ат седенький старичок, знаешь, седин-ат был сам Христос, а другой-ат был, слышь, Микола Милостивый. Вот он обрадовался, пошел к ним.

Подошел и говорит им: «Ну, слышь, братцы! Вы, как и я, пешком идете. Кто вы, дескать, таковы?»

Они, знать, ему сказали: «Мы, слышь, ворожецы, знахари, знать, ворожить умеем и лечить». — «Ну, слышь, нельзя ли взять, слышь, вам меня с собой?»

«Пойдем, слышь, — ему говорят, — только смотри, слышишь, все поровну делить». — «Знама была, что поровну».

Вот шли, шли они, шли, устали и зашли, слышь, ночевать в избушку. Поп-ат, слышь, все у себя с вечеру съел, что, знать, была у него сытость.

А у Христа-та, слышь, с Николой Милостивым была лишь одна просвирочка, и ту, слышь, положили они на полочку у образов — до другого дня. Наутро поп, слышь, встал, захотелось ему есть, он взял украдкой ту просвирочку съел. Слышь, ее Христос-ат, слышь, хватился просвирочки, ан ее нет.

«Кто, слышь, мою просвирочку съел?», — говорит попу.

Он, слышь, заперся, не сказал, знать, слышь, не знаю, я не ел ее. Вот так тому делу и быть. Встали, вышли из избушки и пошли опять. Вот они шли-шли и пришли в один город. Вот молоденькой-ат с бородкой, знахарь, знать, и говорит: «В этом городе, у богатова-де барина есть, слышь, больная дочь, никто, слышь, не мог ее излечить, айдате-ка к нему».

Вот пришли они к тому, слышь, барину, стали стучаться у него под окном.

«Пусти-ка нас, мы, слышь, вылечим твою дочь».

Вот пустили, слышь, их. Дал им тот барин дочь свою, знать, лечить. Вот они взяли и отвели ее в баню. Повели в баню и вот Христос-ат всеё её разрезал на части. Разрезал на части её, она не слыхала, не плакала и не кричала. Вот взял её, слышь, все новое, перемыл в трех водах. Перемыл в трех водах и сложил ее вместе по-прежнему, как была. Сложил вместе ее, спрыснул раз, она срослась, спрыснул в другой — она пошевелилась. Спрыснул в третий — она встала. Вот привели ее, знать, к отцу. Привели к отцу, она и говорит: во всем здорова по-прежнему. Вот барин этот их вдоволь, слышь, сыто-насыто накормил и напоил. Поп ел, ел, насилу встал с места, а Христос-ат да Никола Милостивый немножко закусили и сыты. Вот потом барин открыл сундук с деньгами, ну, слышь берите, сколько душе вашей угодно. Христос взял горсточку, да Никола другую, а поп начал совать везде себе и в карманы, и за пазуху, и в суму, и в сапоги [...]

Вот по этим делам пошли они опять в дорогу. Шли-шли и пришли к речке. Христос с Николой Милостивым, знать, разом перешли легохонько, а поп-ат с деньгами шел-шел по воде и начал было тонуть. Вот с другого-то берегу Христос-ат с Николой Милостивым кричат ему, знать, брось, брось деньги, а то утонешь.

«Нет, слышь. Хоть утону, не брошу их».

«Брось, а то умрешь, захлебнешься».

«Нет, слышь, умру, не брошу!» — Знать, им говорит. И кое-как перебрел он с деньгами-то через речку.

Перебрел, и сели все трое на бережок. Сели, Христос-ат и говорит попу: «Давай деньги-то делить».

А поп-ат не дает: «Это мои деньги. Вы что не брали себе больше, я чуть было не утонул с ними, а вы говорили, слышь, брось их».

«А уговор-от», — сказал Христос.

Вот поп стал выкладывать свои деньги все в кучу и Христос с Николой Милостивым сложили свои туда. Вот этим-то делом Христос стал делить деньги и класть на четыре кучки, знать, на четыре доли.

Поп-ат говорит: «Нас трое; кому, слышь, кладешь ты еще?»

«Четвертая доля, слышь, тому, — говорит Христос, — кто мою просвирочку съел».

«Я, слышь, ее съел», — подхватил поп. Вот Христос-ат с Николой Милостивым усмехнулись. «Ну, коли ты мою просвирочку съел, так вот тебе две кучки денег. Да вот и мою возьми себе», — говорит Христос. «И мою кучку», — говорит Никола Милостивый. «Ну теперь у тебя много денег. Ступай домой, а мы пойдем одни».

Вот поп взял все деньги и пошел один. Пошел и думает: «Чем, дескать, мне домой идти, лучше я пойду один лечить. Я теперь сумею, видел я, как лечут».

Вот он шел-шел, пришел в город и просится к одному богатому купцу, знать, узнал, что у него есть дочь больная и никто не мог излечить. Вот просится к нему: «Пустите, слышь, меня, я вашу дочь больную вылечу».

Вот пустили его. Он уверил их, что вылечит. Ну, хорошо! Так тому делу и быть, вылечит так вылечит. Вот выпросил он большой нож вострый и повел больную в баню и начал ее резать на части, знать, видел, как Христос-ат резал. Только ну-ка кричать больная. Кричала, кричала, что есть мочи. «Не кричи, слышь, не кричи, будешь здорова». Вот изрезал ее замертво и начал ее перемывать в трех водах. Перемыл, начал складывать опять, как было, по-прежнему. Она не складывается по-прежнему-то. Вот он мучился-мучился над нею, кое-как сложил. Сложил и sprыснул раз, она не срастается. Sprыснул в другой — толку нет. Sprыснул в третий — без толку!

«Ну, беда моя. Пропал я теперь. Угожу на виселицу, либо в Сибирь, в каторгу. Господи, помоги мне и ты, Никола Милостивый!» — Начал плакать и молиться Богу и Николе Милостивому, чтоб послали ему опять знахарей. Вот видит в окошко, что идут к нему в баню те знахари — молоденький с бородкой и седенький старичок. Вот как обрадовался! Бух им в ноги.

«Батюшки мои! Вот я по-вашему взялся лечить, да не выходит».

А эти знахари опять были Христос и Никола Милостивый. Вошли и усмехнулись. Усмехнулись и говорят: «Ты больно скоро выучился лечить-то».

Вот Христос взял всю ее и по частям перемыл. Пере-

мыл и сложил. Сложил по-прежнему, как была. Спрыснул раз, она срослась, спрыснул в другой — она пошевелилась, спрыснул в третий — она встала.

Вот поп-ат перекрестился.

«Ну слава тебе, Господи! Уж вот как рад, сказать нельзя!»

«Возьми, — сказал Христос, — отведи ее теперь к отцу. Да смотри, больше не лечи, — крепко-накрепко наказал ему, — а не то пропадешь».

Вот знахари те — Христос и Никола Милостивый пошли со двора, а поп повел ее к отцу.

«Вот, я ее излечил».

Дочь сказала отцу, что она здорова теперь по-прежнему. Купец ну-ка его кормить, уговаривать, чтоб остался у него.

«Нет, не останусь».

Вот он ему денег дал вдоволь, лошадь с повозкой, а поп поехал прямо домой и дал себе зарок, что лечить больше не станет.

488. Про охотника

Один стрелец ходил с ружьем и много настреливал, а другой мужик из того же села ходит, ходит, а приносит самую малость. Вот он встретил первого стрельца и спрашивает: «Что это ты всегда с дичью, а я нет? Научи меня!»

«Изволь, — говорит, — штука простая: когда причащаться будешь, так не глотай его, а принеси домой за щекой».

Тот пошел к причастию и принес. «Ну, теперь что?»

«А вот, — говорит, — что! — Взял бурав, просверлил дыру, положил в нее кусочек причастья и сказал: — Возьми ружье и выстрели в это место!»

Стрелец взял ружье, приложился; только что хотел выпалить и видит: стоит перед ним сама мать Пресвятая Богородица и говорит: «Сын мой, что ты делаешь? Неужели же ты в меня стрелять будешь?»

У того и руки и ноги затряслись, и ружье из рук выпало. Пошел он после того в монастырь грех свой замаливать.

489. Тараташ

Около села Актукова на высоком берегу речки лежит древний камень. Присмотришься к нему — он как изваяние, как человек — с головой, с руками — они скрещены на груди.

Старики говорили — это ребенок был. Он вел себя плохо, старших обижал. И вот однажды мать в сердцах его прокляла. И он тут же стал камнем.

У нас исстари говорилось детям: «Веди себя хорошо, а то станешь Тараташем!»

К камню этому татары ходят молиться. Это считается священное место.

Придет человек, помолится на Мекку, оставит под камнем деньги. Случается, нищие, неимущие люди приходят к Тараташу — они эти деньги могут взять, только должны Аллаху помолиться за добрых людей.

Камень этот особенный. Лежит он на склоне и под собственным весом медленно опускается к реке. Когда он дойдет до самой воды, будет ахырзаман — кончится у нас время.

490. Село Успенское Макарьевской округи

Когда и как основано село Успенское — неизвестно. Известно только, что при царе Алексее Михайловиче построена была в нем церковь деревянная во имя Успения Божьей Матери (1658).

...Когда церковь, построенная при царе Алексее Михайловиче, пришла в ветхость, как прихожанам села Успенского, так и священноцерковнослужителям продали остатки развалин церкви, то несчастье последовало с теми, кто первыми начали ломать церковь. Один скончался на другой день, прочие в оставшихся которые скончались дня через два или неделю. Таким образом, она опять стоит невредимую.

В то же время икона Божьей Матери вместе с прочими иконами вынесена была в другую церковь, и сия икона

на другой день явилась опять на старое место, то же самое повторялось до тех пор, пока торговавшие церковь уехали без всякого успеха. На ту же самую икону, немного спустя времени, упала восковая свеча и прожгла до половины дерево. Тогда священноцерковнослужители, из которых трое и теперь находятся в живых, вздумали ее починить, и приискали уже мастера, но тот, явившись в церковь, на другой день увидел ее невредимою.

491. Сила молитвы

Купец все останавливался у одного и того же мужика, не боялся класть и считать при нем деньги, и шкатулку с ними без опаски с собой возил. Вот мужик однажды соблазнился и надумал с сыновьями его убить.

А купец на то время проснулся и стал их молить, чтобы дали ему время перед Богом в грехах раскаяться. Ну, те дали — он стал на колени перед иконами, начал молиться, — вдруг стук в окно: «Эй, товарищ, собирайся поскорей». Убийцы задрожали — у купца никакого товарища не было. Стали просить купца остаться, дескать, мы это в шутку. Но купец не остался, забрал шкатулку и вышел из дома, глядит — а никого нет. Поблагодарил Бога и убрался добру-поздорову.

492. Как мордву крестили

Крестили-то нас при Иване Грозном, как он с Казанью войну вел.

Во что мы раньше верили, уж этого никто не скажет точно. Говорили — в лес ходили молиться деревьям. Кланялись им и говорили: «Вот, мол, мы пришли молиться двое за двоих...»

А тут конные понаехали. Крестить начали, указ такой вышел, что мордва должна быть вся крещеная.

У нас тут, за селом Вечкусовом, речка есть малень-

кая, Туборга. Вот в эту речку, в это болото всех загоняли кнутами. Едут на конях, кнутами хлещут, кричат — гонят... И поп тут рядом едет.

А народу-то страшно. Слезы, крик стоит!

И люди уже в воде, кресты на них поп вешает. А мы-то, мордва, боимся: «Вай-вай, куриную ногу повесили на шею-то, вай-вай!»

Вот что старики рассказывали.

493. Дятлы спасают православного

Название Дятловых гор, на которых строился древний Нижний Новгород, говорят будто бы, еще вот откуда пошло. На этих холмах басурманы якобы хотели сжечь одного непокорного русского, взятого в плен. Разожгли они костер и бросили в него несчастного.

И тут появились дятлы и, пожалев, решили помочь бедняге. Метнулись дятлы целой стаей к Волге, коснулись крыльями воды и вылили ее, капля за каплей, на пламя. То и погасло, а в результате был спасен православный.

494. Солдат и Смерть

Жил да был один солдат, и зажился он долго на свете, попросту сказать — чужой век стал заедать. Сверстники его понемногу отправляются на тот свет, а солдат себе и ухом не ведет, знай себе таскается из города в город, из места в место. А по правде сказать — не солгать: Смерть давно на него зубы точила. Вот приходит Смерть к Богу и просит у него позволения взять солдата: долго-де зажился на свете, пора-де ему и честь знать, пора и умирать! Позволил Бог Смерти взять солдата.

Смерть слетела с небес с такую радостью, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Остановилась у избушки солдата и стучится.

«Кто тут?»

«Я».

«Кто ты?»

«Смерть».

«А-а! Зачем пожаловала? Я умирать-то не хочу».

Смерть рассказала солдату все как следует.

«А-а! Если уж Бог велел, так другое дело! Против воли Божией нельзя идти. Тащи гроб! Солдат на казенный счет всегда умирает. Ну, поворачивайся, беззубая!»

Смерть притащила гроб и поставила посреди избы.

«Ну, служивый, ложись; когда-нибудь надо же умирать».

«Не растабаривай! Знаю я вашего брата, не надуешь. Ложись-ка прежде сама».

«Как сама?»

«Да так. Я без артикула ничего не привык делать; что начальство прикажет: фрунт, что ли, там али другое что — то и делаешь. Уж так привык, сударка моя! Не переучиваться же мне: старенок стал!»

Смерть поморщилась и полезла в гроб. Только что расположилась она в гробу как следует — солдат возьми да и захлопни гроб-то крышкой, завязал веревкой и бросил в море. И долго-долго носилась Смерть по волнам, пока не разбило бурей гроб, в котором она лежала.

Первым делом Смерти, как только она получила свободу, опять была просьба к Богу, чтоб позволил ей взять солдата. Бог дал позволение. Снова пришла Смерть к солдатской избушке и стучится в двери.

Солдат узнал свою прежнюю гостью и спрашивает:

«Что нужно?»

«Да я за тобой, дружище! Теперь не вывернешься».

«А врешь, старая чертовка! Не верю я тебе. Пойдем вместе к Богу».

«Пойдем».

«Подожди, мундир натяну».

Отправились в путь. Дошли до Бога. Смерть хотела было идти вперед, да солдат не пустил:

«Ну куда ты лезешь?! Как смеешь ты без мундира... идти?! Я пойду вперед, а ты жди!»

Вот воротился солдат от Бога.

«Что, служивый, правду я сказала?» — спрашивает Смерть.

«Врешь, солгала немного. Бог велел тебе прежде еще леса подстригать да горы ровнять; а потом и за меня приниматься».

И солдат отправился на зимние квартиры вольным шагом, а Смерть осталась в страшном горе. Шутка ли! Разве мала работа — леса подстригать да горы ровнять? И много-много лет трудилась Смерть за этой работой, а солдат жил себе да жил.

Наконец и в третий раз пришла за солдатом Смерть, и нечем ему было отговориться: пошел солдат в ад. Пришел и видит, что народу многое множество. Он то толчком, то бочком, а где и ружье наперевес — и добрался до самого Сатаны. Посмотрел на Сатану и побрел искать в аду уголка, где бы ему расположиться. Вот и нашел; тотчас наколотил в стену гвоздей, развесил амуницию и закурил трубку. Не стало в аду прохода от солдата; не пускает никого мимо своего добра: «Не ходить! Вишь, казенные вещи лежат; а ты, может, на руку нечист. Здесь всякого народу много!» Велят ему черти воду носить, а солдат говорит: «Я двадцать пять лет Богу и великому государю служил, да воды не носил; а вы с чего это вздумали... Убирайтесь-ка к своему дедушке!» Не стало чертям житья от солдата; хоть бы выжить его из ада, так нейдет: «Мне, — говорит, — и здесь хорошо!»

Вот черти и придумали штуку: натянули свинячнюю кожу, и только улегся солдат спать — как забили тревогу. Солдат вскочил да бежать; а черти сейчас за ним двери и притворили, да так себе обрадовались, что надули солдата!.. И с той поры таскался солдат из города в город, и долго еще жил на белом свете, — да вот как-то на прошлой неделе только помер.

495. Смерть праведного и грешного

Один старец просил у Бога, чтоб допустил его увидеть, как умирают праведники. Вот явился к нему ангел и говорит: «Ступай в такое-то село и увидишь, как умирают праведники». Пошел старец; приходит в село

и просится в один дом ночевать. Хозяева ему отвечают: «Мы бы рады пустить тебя, старичок, да родитель у нас болен, при смерти лежит». Больной услышал эти речи и приказал детям впустить странника. Старец вошел в избу и расположился на ночлег. А больной созвал своих сыновей и снох, сделал им родительское наставление, дал свое последнее на веки нерушимое благословение и простился со всеми. И в ту же ночь пришла к нему Смерть с ангелами: вынули душу праведную, положили на золотую тарелку, запели «Иже херувимы» и понесли в рай. Никто того не мог видеть; видел только один старец. Дождался он похорон праведника, отслужил панихиду и возвратился домой, благодаря Господа, что сподобил его видеть святую кончину.

После того просил старец у Бога, чтоб допустил его увидеть, как умирают грешники; и был глас свыше: «Иди в такое-то село и увидишь, как умирают грешники». Старец пошел в то самое село и выпросился переночевать у трех братьев. Вот хозяева воротились с молотьбы в избу и принялись всяк за свое дело, начали пустое болтать да песни петь; и невидимо им пришла Смерть с молотком в руках и ударила одного брата в голову. «Ой, голова болит!.. Ой, смерть моя...» — закричал он и тут же помер. Старец дождался похорон грешника и воротился домой, благодаря Господа, что сподобил его видеть смерть праведного и грешного.

496. Правитель Темень

Прошло то благодатное время, когда чувашки под покровительством Теменя, великого полководца и премудрого правителя, пользовались всеми благами природы. Темень был муж великой силы, владевший всей премудростью... При нем чувашей не смел обидеть ни один лютейший враг. Ободренные и воодушевляемые примером своего полководца, они нападали на какого угодно неприятеля, бросались на какую угодно опасность. Даже и женщины чувашские тогда были обучены военному искусству, носили,

как и мужчины, военные доспехи и шлемы и сражались наравне с мужчинами, в воспоминание чего и в настоящее время носят шлемообразные головные уборы.

Темень владел непостижимыми тайнами, стоял он без всякого вреда под дождем вражеских стрел и копий. Прекрасный правитель был Темень, отечески заботился о чувашах, с охотой умиротворял враждующих и судил справедливо. И было тогда у чувашей всего вдоволь: и скота, и хлеба, и меда.

Но человек не вечен, пришло время умирать и Темению. Перед смертью он собрал чувашей и говорит им:

«Друзья, братья и сестры! Благодарите Бога, доволен пожил я с вами, старался всячески о вашем благополучии, не жалея ни сил, ни здоровья. Пришло теперь время мне оставить вас и отойти в иной мир; живите вы дружно и мирно, вместо же меня изберите хабреца, готового за вас на все опасности».

Чуваши стали плакать и умолять Темения не покидать их. В утешение им он сказал:

«Совсем я не покидаю вас; наступят для вас дни страдания и нужды, тогда вы обратитесь ко мне, и я избавлю вас».

В одно прекрасное время чувашаи, порядочно выпившие медвяного кваса, заспорили о том, явится Темень или нет. Одни говорили, что во дни невзгод Темень явится, другие — нет. Неблагодарные предложили сделать опыт. Предложение было принято, и опыт сделан. Вот чувашаи вышли и давай кричать: «Темень, спасай нас, погибаем!»

О диво, о ужас! С горы съезжает Темень со своей свитой: как лунь седой, высокий, широкоплечий, на сивом коне. Подъехал к спорившим чувашам, посмотрел кругом и не увидел никакой опасности для них.

Тогда в пылу негодования за напрасное беспокойство он гневно сказал чувашам:

«За то, что вы меня тревожили напрасно, вы будете просить и умолять вечно, но тщетно: более к вам я не явлюсь».

Сказав это, он скрылся. И теперь чувашаи призывают Темения в своих молитвах, приносят ему жертву, но все напрасно.

497. Как лошадь простила обиду

Дядя с племянником часто ездили по своим делам вместе. Дядя, как постарше, всегда, как пойдет племянник лошади овса давать, и скажет ему: «Дай заодно овса-то и моей лошади!»

Тот возьмет да и вывалит овес-от своей, а дядиной даст самую малость, а если дядя сам даст, так и то он тайком от него выгребет своей. Изморил он лошадь вовсе, силы у нее не стало.

Вот один раз стал он у ней корм-то из-под рыла выгребать, она взяла и сфыркнула на него. И стал он с того времени не наедаться: напала на него несыть — ест, ест, а все голоден. Мучился он, мучился и придумал повиниться дяде-то:

«Вот, — говорит, — дядя, я все не наедаюсь».

«А что, — говорит, — с тобой сделалось?»

«А оттого, что у твоей лошади овес выгребал — она на меня сфыркнула».

Дядя и говорит ему:

«Ну, брат, коли так, дело это не мое, проси прощенья у лошади».

Он и ушел в конюшню и стал на колени. Она и бегаёт круг него, так копытом зашибить и ладит, однако не трогает. Бегала, бегала — все успокоиться не может. Весь навоз взрыла — ну все-таки в конце концов сфыркнула опять на него — простила его значит. И стал он опять по-старому.

498. Откуда медведи пошли

Жил-был злой помещик, у него была жена тоже злая. Они всячески у крестьян денег добивались, казнили их. Крестьяне боялись их пуще огня, бегали, как увидят их. А им все мало было.

Вот помещик и говорит жене: «Жена, а жена! А как бы нам сделать, чтобы мужики нас еще больше боялись и денег больше давали?»

А жена и говорит ему: «Давай сделаемся зверьми, каких люди еще не видывали».

Вот и сделались медведями. Хорошо. Живут в лесу. Вот и пошел туда один мужик за ягодами, да и увидал их. Испужался очень, бросил коробицу, бежит в деревню:

«Так и так, — говорит, — православные, видел в лесу каких-то зверей; ходят на задних лапах, малину сосут».

Мужики испужались. Уговорились идти в лес, всей деревней посмотреть, каки таки звери есть. Пошли. И видят, медведи залезли на дерево, а там борть была; к меду, значит, они подбирались. Как увидели тут их крестьяне, так и назвали их — медведями: мед, значит, ведают.

499. Про помещика Цветкова

Во времена крепостного права в деревне Елкино, что в Моргаушском районе Чувашской республики находится, жил помещик Цветков. Жестокий был человек, зверь-человек. Опоздает крестьянин на работу — избьет, припоздавшую на поле старушку хватит тростью по спине так, что навек оставит горбатой. Во время сенокоса стоял на лугу и проверял, чтобы бабы мужикам обед без мяса несли.

Найдет во щах мясо — все выльет! Когда крепостные девушки орехи собирали, каждой рот открывал, проверял, не едят ли его орехи. А если кто подумает про него плохо, наутро подойдет к тому и спросит: «Ты что вчера думал обо мне?» — да и велит всыпать пятнадцать розг. Женится крестьянин, помещик Цветков в первую ночь берет к себе его жену, утром только отпустит ее.

Терпели-терпели мужики своего барина, да незадолго до «свободы», то есть отмены крепостного права, и убили его. Встретили один раз его на дороге в лесу, домой тогда помещик-то ехал, стащили на землю и начали бить. Били-били, никак убить не могут. Тогда помещик и сказал: «Все равно не убьете. Передняя ось от тарантаса на сарае у меня лежит. Ею только и можно меня убить». Побежали мужики, принесли ось и убили помещика.

Хотели после этого домой идти, да кругом вода.

Надо прощения у покойника просить, решили крестьяне. Попросили прощения — не стало воды. Пришли домой. Только станут есть — кровь на всем выступает.

Пришлось признаться, что помещика убили. Шесть человек на каторгу пожизненно отправили. А барыня еще долго жила, седая вся. Боялись ее крестьяне.

500. Бывали и такие «чудеса»

Люди рассказывают, что раньше много разных чудес творилось на Светлом озере. Говорят, вода из озера исцеляет от хвори, а те, кто проползал вокруг него сколько-то раз, от грехов своих тяжких вроде бы могли совсем избавиться.

Но не всем будто бы помощь шла от Светлого озера.

Говорят, что один раз какая-то женщина сильно нагрешила и пришла к озеру замаливать свои грехи.

Пришла, да только попробовала, но почему-то не поползла вокруг озера, как это делали тогда некоторые старухи.

Ну, люди, конечно, увидели, что она не ползет, да и спрашивают: чего, мол, не замаливаешь грехи-то, что не ползешь, не делаешь, как другие делают?

А она и говорит, что не может:

— Только подойду к озеру, так сразу вижу, как кругом змеи ползают и, главное, все вокруг меня норовят.

Видно по всему, что много нагрешила. Какое уж тут «замаливание!»

501. Про рыбину

Рассказывают, будто в Светлом озере живет какая-то рыбина. Был такой случай: пришли на берег Светлояра двое мужчин с мальчиком лет трех. Сами пошли купаться, а сына одного из мужчин на берегу оставили.

Искупались, возвращаются на берег, а мальчика нет. Всюду искали: и в лесу, и в кустах. Стали сетями в воде ловить. Как ни закинут, все сети пустые.

Тогда отец сел на берегу и стал ждать, хотелось ему узнать, куда сын девался. Несколько дней и ночей просидел. И вот в одну ночь подплывает к берегу рыба великая. Пасть разинула и его съесть хотела. Он перепугался, бросился бежать со всех ног.

Убежал он от рыбыны, а потом сказал всем, дескать, я знаю теперь, кто моего сына съел.

А еще говорят, что два года назад нырял в Светлое озеро водолаз. Нырнул глубоко, а потом и кричит всем из-под воды:

— Тащите скорей!..

Все тут удивились и начали тащить.

Вытащили водолаза на берег, а он без памяти.

Отнесли его в больницу, уж и не знаю, отходили или нет.

Наверное, и ему великая рыба привиделась.

502. О чудесной западенке

У матери один сын был. Вот и пришла она вместе с ним в святое место на Светлояр со своими заботами. Пришла и уж больно плакала да молилась Богу.

Вот раз стоят они, молятся на берегу озера, и открылась перед ними земля как западенка. И там, за западенкой, все в белом стоят со свечами и молятся.

Мальчик заглянул туда и говорит матери:

— Пойдем, хорошо там...

И ступил на лесенку, а мать ему:

— Тятя нас ждать будет...

И он там остался. А мать-то по ночам все ходила на это место, молилась. И вот опять открылась западенка, и он стоит на лесенке, говорит:

— Мама, не плачь, здесь райская жизнь... Умирать буду, скажусь...

Раньше-то ведь видели люди.

503. Пещера

Давно уже это было, лет сорок назад. Есть у нас на селе столетний старик. Лапоть прозывается. Промышлял он больше охотой и пошел в лес за дичью да и заблудился. Никогда с ним допрежь такой беды не случилось: идет туда, идет сюда, а лесу и конца-краю нет. Три дня бродит; харчи все вышли, да и пороху не стало; сутки уже без хлеба, а дороги все не найдет. На четвертый день к ночи видит он: стоит гора, а в горе пещера с широкими воротами. Возле ворот большой камень. Упал старик на этот камень и заснул — шибко, значит, умаючись был.

Много ли, мало ли спал, только проснулся он к ночи, протер глаза, осмотрелся и пошел в пещеру — нет ли тут какой ни на есть живой души. Только видит: стоят бочки, много их стоит везде, куда ни глянешь. Походил он промеж них, покликнул, нет никого. Подошел к одной бочке, открыл и обмер: бочка полна золота. Он к другой, третьей — везде золото. Только отошел от него маленько страх-то, он думает: «Наберу я себе этого золота и пойду».

Стал он, эта, набирать себе золота и в картуз, и в карманы, и в полы, только вдруг кто-то хватить его за плечи.

«Стой, — говорит, — старина. Зачем мое золото берешь?» Лапоть содрогнулся, сотворил трижды крестное знамение, глядит: стоит перед ним седой-преседой старик, борода по пояс белая, стоит и креста не боится.

«Не пугайся, — говорит, — меня, не трону: я Стенька Разин. Берегу, брат, я это золото про православных христиан и разделю им его, когда наступит время. Возьми себе сколько нужно, а остальное поклади опять в бочку: будет на твой век и малого».

Поклал Лапоть в бочку золото, оставил себе всего две пригоршни, поклонился старику в ноги и пошел.

«Укажи, — говорит, — дорогу, куда мне идти».

«Иди, — говорит Стенька, — вот в эту сторону, а дорогу сам найди: указывать не буду. Как придешь домой, расскажи, что видел и слышал... Хотели меня бояре

московские казнить, да не пришлось им. С той поры живу я здесь, проклятый православной церковью».

Два дня шел Лапоть лесом, вышел наконец в поле, а там и до дому недалеко. С той поры живет он себе с достатком. Много было охотников добраться до пещеры, много их ходило, много их искало, только никто не нашел.

504. Чертово городище

На одном из притоков Волги реке Каме стоит город Елабуга. Недалеко от него есть место, которое тамошние жители называют Чертовым городищем. Там, на берегу, есть высокая и голая скала. Вот про нее-то и рассказывают старые люди.

Давным-давно на той скале, на самой ее вершине, появилась каланча. Она выросла у больших камней и была круглая и высокая. Ее, эту каланчу, было видно издали. Но появившаяся вдруг каланча оказалась недостроенной: верхушки у нее так до сих пор и нет... Говорят, что появилась она ночью и что выстроила ее какая-то нечистая сила, вроде бы черти. Но, ставя эту каланчу, они будто бы не успели достроить ее до двенадцати часов. Запели тут, мол, первые петухи — черти и пропали. И больше с той поры не появлялись. Так и осталась каланча та недостроенной.

Вот потому, говорят, и прозвали это место Чертовым городищем.

505. Стерляжий царь

В народе говорят, что стерляжий царь живет в реке Сура. В стародавнюю пору поселился он в этой реке и уходит никуда не желает.

Устроище стерляжьего царя находится в глубокой яме на самом дне Суры.

Убрано оно дорогими самоцветными камнями да жемчугом.

Там же и жена его живет — водяная русалка.

В ясные лунные ночи выходит она на песчаный берег, садится на камень и золотым гребнем свои зеленые, как тина, волосы расчесывает.

С ней и сударь-то — стерляжий царь — выплывает.

Он и тут, знай свое, ершится, хвостом по воде похлопывает да о белу ногу ее трется.

А если кто из рыбаков увидит эту ночную картину, то хоть совсем лов бросай; ни одной стерлядки ему уж больше не попадетя, ша!

506. Вот раз плывет шляпа по Волге...

Вот раз плывет шляпа по Волге. Бурлаки было нагнулись с плота и хотели взять шляпу, но лоцман их остановил и сказал:

— Шляпу не берите, а то будет худо.

Не послушались бурлаки лоцмана, подняли шляпу из воды. Не успели ее вынуть, как в это время из-под нее человек вышел и сказал:

— Что вам от меня нужно? Хочешь, я посуду потоплю! Ты зачем велел им шляпу поднять? — сказал человек из-под шляпы лоцману. — Я иду, — говорит он, — прямо по Волге, как по земле, до самой Астрахани и смотрю за порядками, а вы мне мешаєте идти! Ну, ладно, подлецы, — говорит человек, — жалею только лоцмана, а то бы потопил посуду. Вы виноваты, — сказал человек бурлакам (а их было 90 человек). — Ни хозяин, ни лоцман, а только вы виноваты в этом!

И спустился человек в воду, шляпа накрыла его голову и пошел он опять по дну Волги, как пешком по земле.

Только шляпу его стало видать по воде, и она поплыла вниз по Волге до самой Астрахани.

507. Про купца, который нищих не принимал

Жил-был купец, и хоть нищим подавал, а ночевать к себе не пускал. Рядом с его домом жила бедная старушка; прозвали ее «грехом» за то, должно быть, что очень она греха боялась. И всегда нищие находили у ней приют на ночь. Вот однажды пришли к нему просить милостыню два старика нищенских, а на ночь ушли они к старухе и, уходя, зовут его к себе в гости. Вот и надумал он к ним съездить.

А жена его говорит: «Что это ты к таким лишешникам в гости поедешь?»

«А ну, все равно, хоть проедусь».

И поехал по той дороге, которую указали ему старцы. Приехал, видит — хорошая изба — что это? Неужели они в таком доме живут? А они уже вышли, встречают его. Накормили, напоили, упросили остаться ночевать. Отвели его в особую комнату и заперли. И вот ночью видится ему, что ползет на него всякой гад — змеи, ужи, лягухи, с руки скинет, смотрит — на ноге уж сидит, с ноги скинет, а на то место уж десяток по руке ползет. И промаялся всю ночь.

Утром рассказал им, они его давай угощать да угощать и дотянули до вечера и упросили-таки опять ночевать. Делать нечего, остался, авось не будет больше худо сниться. Нет, на другую ночь ровно еще хуже. На третий день опять его угощают, он уж — нет, мне надо домой. Они его не отпускают и уж силой удержали. И увидел он в третью ночь так хорошо, что и описать нельзя.

Утром рассказал старцам и говорит:

«Не пожалел бы всего своего имения, кабы мне на том свете такая жизнь».

Они ему и говорят:

«То, что видел ты в первую и вторую ночь, то будет на том свете тебе и твоей жене, а что в третью, то той старушке, что нищих к себе принимает, не гнушается».

508. В богатстве правды нет

Жил-был плотник один; добрый был человек, все раздавал нищим. Пойдет, что выработает, и отдаст им: «Нате, дескать, мне не нужно». Вот ладно. Святые отцы и просят у Господа:

«Дай, — говорят, — Господи, плотнику богатство».

Не знали, вишь, они, что будет, а Бог ведь все это знает, от него не сукроешься. Ладно. Сидит плотник на бревне; тук да тук — ан хватъ, деньги и посыпались из бревна-то. Он сейчас подобрал их, богатым сделался... В Москву сейчас, товаров разных накупил, торговать стал; ну, и вестимо, дом себе такой смахал, что, пожалуй, и у нас в Орлове не отыщешь.

Только и приходят к нему святые отцы. А у него у ворот-то стоят, чтобы нищих никого не пропускать. Святые отцы прошли все-таки: еще бы, Божья сила тоже.

Вот, ладно. Они тут к крестьянину одному, что богачу прислугал:

«Пустите, — говорят, — нас переночевать; так и так, люди странные, издалека зашли».

«Нет, — говорит, — наш господин не любит нищих, взашей вас прогонит. А вот коли хотите, ложитесь здесь, в хлеве, со свиньями».

Встали как святые отцы наутро да и взмолились Господу:

«Господи, — говорят, — отними у него богатство».

Ну, и отнял Бог, послушал их. Он опять в плотники пошел, милостив опять стал к нищей братии и так и прожил весь век.

509. Дорога диких гусей

Старики рассказывали, откуда взялась Небесная дорога диких гусей — Млечный Путь. В древние времена стали надвигаться лютые холода. И дикие гуси тысячами полетели от них в теплые полуденные земли. Их настигали мороз и темнота.

Некоторые гуси от долгого полета уставали и отбивались от своей стаи. Чтобы они не пропали, сильные гуси выщипывали в полете свой белый пух и оставляли на пути. Из него и образовалась дорога диких гусей — Млечный Путь. Отставшие гуси находили по этому пуху дорогу в полуденные земли, вслед за своими стаями.

И до сих пор с древних времен гуси летят в теплые края по тому оставленному следу.

510. Медведь — это проклятый человек

Одна женщина жала рожь в поле около леса. Не заметила она за работой, как подошел к ней медведь.

Он лег около нее и лижет свою лапу. Женщина видит, что в лапе заноза торчит. Поняла она, что он за помощью пришел, занозу просит вытащить.

Уж сама не помнила со страху, как вытащила занозу. Медведь встал, поклонился ей как человек и ушел в лес. На следующий день снова он появился — принес женщине улей, полный меду. Положил на краю поля, опять поклонился и ушел.

Медведи — это бывшие люди. В старину, как проклянут человека, так он и обернется медведем, и об этом они до сих пор не забыли.

511. Почему видна девушка на Луне

Вот что мне об этом рассказывали. Давным-давно жили муж и жена. У них была дочь. Жена умерла. Муж женился на другой. Мачеха стала падчерицу сильно обижать. Один раз ночью послала за водой на дальний родник. Она со страху заплакала. А потом посмотрела на Луну и перестала. Луна ей улыбалась. Пока девушка глядела на нее, Луна успела пересчитать ее ресницы и спустила вниз шелковые качели. Девушка обрадовалась и села на эти качели, даже запела. Пела и качалась. И так кача-

лась и поднималась вверх на самую Луну. До сих пор ее там, на Луне, видно с ведрами и коромыслом.

Раньше говорили: не заглядывайтесь на Луну — она пересчитает ваши ресницы и притянет к себе.

512. Каменные богатыри

Между речками Гремяг и Перелаз недалеко от Городца среди белого песка много камней-голышей побросано. И среди них валуны торчат. То осколки скандинавских гор, занесенные сюда ледником.

Но легенда иное толкует про эти каменные громады: это богатыри, побив силу татарскую, похвалились здесь бой держать с самой силой небесной.

И за гордыню свою были обращены в камни. Промеж этих камней тут и Божьи клады зарыты под ними.

Господь Бог посылает ангелов небесных и велит им осколок солнца отщепить и вложить в громовую тучу. И усмирить каменных богатырей, которые все еще хотят побороться с небесной силою. Оттого и громовые разряды в тех местах очень сильные.

**Словарь
устаревших, диалектных и иных
малопонятных слов,
встречающихся в текстах**

Аншпуг — деревянный брус, используемый в качестве рычага для подъема и переворачивания тяжестей, вага.

Бекеша — мужское пальто старинного покроя со сборками в талии.

Било — металлическая доска, в которую ударяют (бьют) для подачи различных сигналов.

Бортник — человек, занимающийся сбором меда диких ичел.

Бортъ — (от слова борт) — дерево с дуплом, где водятся пчелы.

Булат — стальной клинок, меч.

Бурачок — кузовок, небольшой короб, тусок.

Буртасы — средневековый поволжский финно-угорский этнос.

Ватага — группа людей, толпа, шайка, артель, временно объединенных для совместных действий.

Верес — можжевелник.

Вериги — кандалы, цепи, оковы.

Веща (змея) — замороженная, заколдованная.

Ворог — враг, недруг, неприятель, злоумышленник, нечистая сила.

Ворожец — колдун, знахарь.

Вызывные (книги) — «вызывающие, служащие для вызова» (В. И. Даль).

Глаголемые — сказываемые, называемые или именуемые.

Глушица — застойная гавань, залив, глухой рукав реки, старица.

Гольтепа — бедняки.

Голянщина — крупный щепной товар.

Горлинка — небольшая лесная птица семейства голубей.

Духмяный — запашистый.

Еретик — вероотступник, здесь: в значении «колдун».

Жолнер, жалонер — солдат, поставленный для обозначения линии движения войска, линейный.

Забадуший — забавный.

Зеленя — молодая поросль.

Зело — весьма, очень, сильно, крепко, дюже, больно, много.

Зипун — крестьянская верхняя одежда на холодное время года.

Золотой, золотник — золотая монета, червонец.
Инда, индо — так что, до того, что.
Капище — идолище, языческий храм, место служения чему-нибудь.
Карда — ограда из жердей (у чувашей и мордвы).
Кереметь, киреметь — место жертвоприношений и объект поклонения у ряда поволжских народов.
Киса — сума, мешок.
Кокорные (баржи) — деревянные суда, детали корпусов которых тесали из комлей — корневой и нижней части стволов деревьев.
Колодники — узники, арестанты, заключенные.
Конаться — биться, считаться, тягаться, метать жребий.
Корзно — верхняя одежда, плащ.
Корчага — большой глиняный сосуд для хранения жидкости и различных припасов.
Кошма — войлок, сваленный из шерсти. Здесь: в значении «подстилка».
Ладья — большая лодка, суденышко, речное судно.
Лбище — «гористый, обрубистый, крутоярный мыс» (В. И. Даль).
Лишошники — бедные, ненужные люди.
Лодки-великовражки — легкие, с высоко поднятым носом гребные суда, которые, по словам волгарей, начали строить в с. Великий Враг.
Лопоть — старая, поношенная одежда.
Лоцман — на Волге — человек, управляющий судном, знающий лодию, в прежние времена ему вверялось хозяйское судно и он «получал плату вдвое больше бурлака» (В. И. Даль).
Марсовой — матрос, служба которого проходила у вершины мачты парусного судна.
Мирское — общее, людское.
Молеельцики — участники моления.
Молян, моляна — место моления.
Мукорь — подставка в виде обрубка дерева.
Мурза — феодал у татар.
Наговоренный — здесь: заговоренный.
Наслух — по слухам.
Начетчик — церковный чтец.
Обретаться — находиться, пребывать, жить.
Огненные стрельцы — воины, владеющие огнестрельным оружием.
Плотогон — рабочий, занимающийся сплавом леса по воде.
Послушник — прислужник в монастыре, готовящийся стать монахом.
Посуда (посудина) — небольшое деревянное судно, лодка.

Поярковая (шапка) — изделие, изготовленное из шерсти от первой стрижки молодой овцы.

Причт (церковный) — духовенство и церковнослужители одного прихода.

Раскошелиться — пойти на издержки, расходы, перестать скупиться.

Ратники — воины, бойцы, рядовые государственного ополчения.

Рель — два столба с перекладиной, виселица.

Сей — этот.

Семерик — семь пудов, т. е. 112 кг.

Сокма — береговая бурлацкая тропя.

Соловая (лошадь) — желтоватая, со светлыми хвостом и гривой.

Стан (разбойничий) — «пристанище, притон, приют в лесах, в вертепах» (В. И. Даль).

Страшливые (люди) — пугливые, боязливые, робкие.

Сусло — полуфабрикат для изготовления кваса или пива.

Толмач — переводчик, толкователь.

Томилиха — вероятно, от слова «томить» — «мучить, маять, изнурять, истощать, налагая непосильное бремя» (В. И. Даль).

Трухменцы — туркмены.

Тын — деревянный, сплошной забор, городьба, частокол.

Устроище — здесь: сооружение для жилья.

Хлебницы — те, кто печет и продает хлеб.

Хоромы — здесь: жилье, деревянные строения.

Чалан — крестьянский верхний кафтан, род поддевки, стеганка.

Чекушка — здесь: в значении «большая деревянная колотушка или долбня» (В. И. Даль).

Чернокнижник — колдун, волхв, знахарь.

Четверик — мера, содержащая в себе четыре какие-нибудь единицы.

Шабры — соседи, собраты, пайщики.

Шишка — главный среди артели, ватаги бурлаков.

Шкай — верховное божество мордвы.

Шкалик — кабачная мера объема вина, равная 0,06 литра.

Шкивяк — в прошлом судно, приводимое в движение с помощью шкива.

Штоф — старая русская мера объема вина, равная 1/10 ведра.

Шыртли — чувашская колбаса из мяса медведя.

Щепной (товар) — деревянный резной, токарной работы товар (чашки, ложки, игрушки и проч.).

Экономия — здесь: собственное хозяйство.

Янбед — жрец.

Ясак — здесь: сторожевой и опознавательный клич, знак, пароль.

Словарь
географических названий,
упоминаемых в текстах

- Айдарово* — деревня в Мариинско-Посадском районе Чувашии.
- Актуково* — деревня в Краснооктябрьском районе Нижегородской области.
- Алатырь* — город в Чувашии в 200 км к юго-западу от Чебоксар, основан в 1780 г., стоит при впадении реки Алатырь в Суру. Районный центр.
- Алатырь* — река, левый приток Суры в Нижегородской области, Мордовии и Чувашии. Длина — 296 км.
- Алманчиково* — деревня в Батыревском районе Чувашии.
- Алтунино* — село в Вачском районе Нижегородской области.
- Андреевка* — село в Большеигнатовском районе Мордовии.
- Аниш-крышки* — деревня в Ибресинском районе Чувашии.
- Анненка* — деревня в Воскресенском районе Нижегородской области на левом берегу Ветлуги.
- Антоновка* — село в Куйбышевском районе Татарстана, стоит на реке Бездна.
- Арабоси* — деревня в Урмарском районе Чувашии.
- Аргаши* — село в Инзенском районе Ульяновской области.
- Ардатов* — рабочий поселок на юге Нижегородской области в 160 км от Н. Новгорода. Основан в XVI в. В 1779—1928 гг. был уездным городом. Районный центр.
- Арзамас* — город на юге Нижегородской области в 110 км от Н. Новгорода на реке Теше. Основан в 1576 г. Культурный центр, богатый памятниками архитектуры XVIII—XIX вв., имеющий ряд музеев, театры, два вуза, многочисленные достопримечательности. Промышленный центр и железнодорожный узел. Центр района.
- Аря* — небольшая река, левый приток Свияги в Зеленодольском районе Татарстана и Урмарском районе Чувашии.
- Астрахань* — город, центр Астраханской области. Крупный промышленный и культурный центр в низовье Волги, основан в XIII в. Имеет богатую историю и много достопримечательностей.
- Атай* — деревня в Красночетайском районе Чувашии.
- Ашкельдино* — деревня в Тонкинском районе Нижегородской области.

Баевка — деревня, вошедшая в состав Московского района Н. Новгорода.

Байглычево — село в Батыревском районе Чувашии.

Балахна — город в Нижегородской обл. в 35 км от Н. Новгорода на правом берегу Волги. Известен с 1536 г. В городе — развитая целлюлозно-бумажная промышленность, много памятников архитектуры. Районный центр.

Балахна — деревня в Перевозском районе Нижегородской области.

Бармино — село в Лысковском районе Нижегородской области на правом берегу Волги.

Барышники — деревня в Шарангском районе Нижегородской области.

Батырево — село в Чувашии. Районный центр в 134 км к югу от Чебоксар.

Бежаново — деревня в Вачском районе Нижегородской области.

Безводное — село в Кстовском районе Нижегородской области на правом берегу Волги.

Белавка — село в Воротынском районе Нижегородской области.

Бельшево — село в Ветлужском районе Нижегородской области.

Бешенцево — деревня, вошедшая в состав Нижнего Новгорода, прилегающая к нему с юга.

Билляр — один из важнейших городов Волжской Болгарии, находившийся на территории современного Татарстана, в Закамье.

Бовырино — деревня в Воскресенском районе Нижегородской области.

Богдашкино — село в Тетюшском районе Татарстана.

Богородск — город в Нижегородской области в 40 км к юго-западу от Н. Новгорода. Известен с XVI в. Центр кожевенного производства. Районный центр.

Богородское — село в Камско-Устьинском районе Татарстана.

Болдасево — село в Ичалковском районе Мордовии.

Б. Болдино — село в Нижегородской области в 240 км к юго-востоку от Н. Новгорода. Принадлежало А. С. Пушкину. Здесь создан музей-заповедник поэта. Районный центр.

Б. Ельня — село в Кстовском районе Нижегородской области.

Б. и М. Маресево — деревни в Чамзинском районе Мордовии.

Б. Мурашкино — рабочий поселок в Нижегородской области в 90 км к юго-востоку. Расположено на реке Сундовик. Известно с XIV века. Имеет памятники истории и краеведческий музей. Районный центр.

Б. и М. Непряхино — деревни в Уренском районе Нижегородской области.

Б. и М. Пристань — деревни в Шахунском районе Нижегородской области.

Б. и М. Селки — марийские село и деревня в Тоншаевском районе Нижегородской области.

Б. и М. Содомово — село и деревня в Тонкинском районе Нижегородской области.

Б. и М. Сундырь — село и деревня в Ядринском районе Чувашии.

Б. и М. Череватово — село и деревня в Дивеевском районе Нижегородской области.

Була — река, левый приток Свияги в Татарстане и Чувашии.

Бурнаковка — деревня, вошедшая в состав Н. Новгорода (Московский район).

Буслаево — деревня в Воскресенском районе Нижегородской области.

Вад — река, левый приток Пьяны в Вадском районе Нижегородской области.

Вад — село в Нижегородской области в 104 км к югу от Н. Новгорода. Известно с XVII в. Районный центр.

Вазуза — река, правый приток Волги в Смоленской и Тверской областях. Длина 162 км.

Вареж — село в Павловском районе Нижегородской области на правом берегу Оки.

Варнавино — рабочий поселок в Нижегородской области в 165 км к северу от Н. Новгорода на правом берегу Ветлуги. Существует с XV в. В 1779—1926 гг. был уездным городом. Районный центр.

Васильевское — село в Юринском районе Марий Эл.

Васильсурск — рабочий поселок в Воротыньском районе Нижегородской области в 150 км к востоку от Н. Новгорода на правом берегу Волги при впадении Суры. Основан на месте марийской столицы Цепеля в 1523 г. До 1925 г. был уездным городом.

Варя — деревня, вошедшая в состав Московского района Н. Новгорода и железнодорожная станция.

Вая — река, левый приток Усты в Нижегородской и Кировской областях.

Великая — река, левый приток Кудьмы в Богородском районе Нижегородской области.

Великий Враг — село в Кстовском районе Нижегородской области на правом берегу Волги.

Вертяново — в прошлом село, ныне часть села Дивеево Нижегородской области.

Верхнее Талызино — село в Сеченовском районе Нижегородской области.

Верхний Услон — село, районный центр в Татарстане, стоит на правом берегу Волги в 11 км от Казани.

Верхняя Верея (Гибловка) — село в Выксунском районе Нижегородской области.

Ветлуга — город в Нижегородской области в 230 км к северу от Н. Новгорода. Известен с 1636 г. Имеет памятники архитектуры и богатый музей. Стоит на правом берегу реки Ветлуги. Районный центр.

Ветлуга — река, левый приток Волги в Кировской, Костромской, Нижегородской областях и Марий Эл. Длина — 889 км. Судоходна. На Ветлуге стоят города Шарья и Ветлуга, при ее впадении в Волгу — Козьмодемьянск.

Вечкусово — село в Шатковском районе Нижегородской области.

Вичкинза — река на юге Нижегородской области, правый приток Сатиса. На ней стоит село Дивеево.

Владимир — город, центр Владимирской области, один из древнейших городов Центральной России, имеет богатую историю и множество достопримечательностей.

Владимирское — село в Воскресенском районе Нижегородской области близ озера Светлояр.

Вознесенское — село в Урмарском районе Чувашии.

Вороваткино — деревня, существовавшая в Шахунском районе Нижегородской области.

Воротынец — рабочий поселок в Нижегородской области в 145 км к востоку от Н. Новгорода. Районный центр.

Галич — город в Костромской области в 121 км к северу от Костромы. Основан в 1159 г. Районный центр.

Галкино — деревня в Сокольском районе Нижегородской области.

Гари — село в Ардатовском районе Нижегородской области.

Глазов — город в Удмуртии в 150 км к северу от Ижевска. Образован в 1779 году. Промышленный и культурный центр. Районный центр.

Горбатов — город в Павловском районе Нижегородской области на правом берегу Оки, недалеко от устья Клязьмы в 45 км от города Павлово. Известен с XVI в.

Городец — город в Нижегородской области на левом берегу Волги в 75 км от Н. Новгорода к северо-западу. Известен с 1152 г. Имеет памятники истории и архитектуры и богатый музей. Центр Городецкой росписи и резьбы по дереву. Районный центр.

Городище — деревня в Воскресенском районе Нижегородской области.

Горушка — деревня в Даниловском районе Ярославской области.

Давыдово — село в Вацком районе Нижегородской области.

Дальнее Константиново — рабочий поселок в Нижегородской области в 75 км к югу от Н. Новгорода. Известно с XIV в. Районный центр.

Данилов — город в Ярославской области в 69 км к северу от Ярославля. Образован в 1777 г. Районный центр.

Девичьи Горы — село в Большеболдинском районе Нижегородской области.

Дзержинск — город в Нижегородской области, один из крупнейших центров химической промышленности. Стоит в 35 км от Н. Новгорода к западу на левом берегу Оки.

Дивеево — село на юге Нижегородской области в 160 км от Н. Новгорода. Стоит на реке Вичкинзе. Известно благодаря монастырю, где покоятся мощи Серафима Саровского. Районный центр.

Днепр — река, одна из крупнейших в Европе, течет в России и на Украине, впадает в Черное море.

Дон — река, одна из крупнейших в Европе, течет на юге России, впадает в Азовское море.

Досчатое — рабочий поселок в Выксунском районе Нижегородской области.

Дрюково — село в Борском районе Нижегородской области.

Дрязга — река, левый приток Волги в Городецком районе Нижегородской области.

Дуденево — село в Богородском районе Нижегородской области на правом берегу Оки.

Дьяково — деревня в Вацком районе Нижегородской области.

Дятловы горы — высокий правый берег Волги и Оки в районе Нижнего Новгорода.

Елабуга — город в Татарстане на правом берегу Камы в 215 км к востоку от Казани. Основан в 1780 г. Промышленный и культурный центр. Районный центр.

Елкино — деревня в Моргаушском районе Чувашии.

Елховка — деревня в Тонкинском районе Нижегородской области.

Жайск — село в Вацком районе Нижегородской области на правом берегу Оки.

Железница — река, небольшой правый приток Волги в Нижегородской области, впадающий в Балахне.

Желнино — рабочий поселок в составе Дзержинска Нижегородской области. Стоит на левом берегу Оки.

Журелейка — село в Ардатовском районе Нижегородской области.

Звягино — деревня в Вачском районе Нижегородской области.

Золотово — деревня в Борском районе Нижегородской области.

Золотое — село в Красноармейском районе Саратовской области на правом берегу Волги.

Зубова Поляна — рабочий поселок в Мордовии в 200 км от Саранска на юго-запад. Районный центр.

Зуево — деревня в Борском районе Нижегородской области.

Иванбеляк — деревня в Кокшамарском районе Марий Эл.

Иванцево — мордовское село в Лукояновском районе Нижегородской области. Известно с XVI в.

Илиндик (Илимдиг) — река, правый приток Серези в Нижегородской области.

Иловля — река, левый приток Дона в Волгоградской области.

Ильина Гора — село в Ядринском районе Чувашии.

Ильмень — озеро в Новгородской области. Площадь — 982 кв. км. Глубина до 10 м. Из Ильменя вытекает река Волхов.

Ичелей — село в Ичалковском районе Мордовии.

Исменцы — деревня в Звениговском районе Марий Эл.

Ичалки — село в Перевозском районе Нижегородской области на реке Пьяне. Известно с XVI века.

Ическер-Атаево — деревня в Урмарском районе Чувашии.

Йошкар-Ола (до 1919 г. — Царевококшайск. В 1919—1927 гг. — Краснококшайск) — город, столица Марий Эл. Стоит на реке М. Кокшаге. Основан в 1584 г. Имеет богатую историю и многочисленные достопримечательности.

Кавказ — поселок в Первомайском районе Нижегородской области.

Кавлей — деревня в Ардатовском районе Нижегородской области.

Кадницы — село в Кстовском районе Нижегородской области на правом берегу Волги.

Казанка — река, левый приток Волги в Татарстане, впадает в Волгу в Казани.

Казань — город, столица Татарстана. Стоит на левом берегу Волги при впадении в нее Казанки. Один из крупнейших волжских городов с населением свыше миллиона жителей. Основан в XIII в. Имеет богатую историю и многочисленные достопримечательности.

Казнево — деревня в Меленковском районе Владимирской области на левом берегу Оки.

Кама — река, крупнейший левый приток Волги. Длина — 1805 км, площадь бассейна — 507 тыс. кв. км. Течет по Кировской, Пермской областям, Удмуртии, Татарстану. На Каме стоят крупные города: Березники, Пермь, Сарапул, Чистополь, Набережные Челны, Нижнекамск.

Каменка — русская деревня в Чамзинском районе Мордовии.

Камское Устье — рабочий поселок в Татарстане на правом берегу Волги. Районный центр.

Камышин — город в Волгоградской области на правом берегу Волги в 200 км к северу от Волгограда. Промышленный и культурный центр. Образован в 1780 г. Районный центр.

Канаш — город в Чувашии, в 85 км к югу от Чебоксар. Образован в 1925 г. Железнодорожный узел. Районный центр.

Карамышево — село в Козловском районе Чувашии.

Каранино — деревня в Сенгилеевском районе Ульяновской области.

Карпуниха — село в Уренском районе Нижегородской области.

Карсун — рабочий поселок в Ульяновской области в 100 км к западу от Ульяновска. Районный центр.

Касимов — город в Рязанской области на левом берегу Оки в 170 км от Рязани к северо-востоку. Известен с XIII в. как Городец Мещерский. Имеется музей, много архитектурных памятников. Районный центр.

Катунки — рабочий поселок в Чкаловском районе Нижегородской области на правом берегу Волги.

Кекино — село в Воротыньском районе Нижегородской области.

Келя — река, левый приток Пьяны в Перевозском районе Нижегородской области.

Кендя — село в Ичалковском районе Мордовии.

Кеньшево — село в Бутурлинском районе Нижегородской области.

Керженец — река, левый приток Волги в Нижегородской области. Длина — 290 км. Известна как место, где по берегам скрывались от властей старообрядцы.

Кизер — деревня в Уржумском районе Кировской области.

Кинер — деревня в Козловском районе Чувашии.

Кинешма — город в Ивановской области в 95 км к северу от Ивана на правом берегу Волги. Известна с 1502 г. Промышленный центр. Районный центр.

Кирилловы горы — левый высокий берег Волги в городе Городце Нижегородской области.

Кистеневка — деревня в Большеболдинском районе Нижегородской области.

Клин — село в Вачском районе Нижегородской области.

Кодочиги — деревня в Тоншаевском районе Нижегородской области.

Кожары — деревня в Красноармейском районе Чувашии.

Козловка — деревня в Кстовском районе Нижегородской области.

Козьмодемьянск — город в Марий Эл на правом берегу Волги в 150 км от Йошкар-Олы. Возник в 1583 г. Имеются музеи, памятники архитектуры. Центр Горномарийского района.

М. и Б. Кокшага — левые притоки Волги, текущие по территории Марий-Эл. На М. Кокшаге стоит Йошкар-Ола.

Кокшайск — село в Марий Эл, подчинено Йошкар-Оле, в 58 км от нее к югу на левом берегу Волги.

Кокшамары — село в Звениговском районе Марий Эл.

Колодливое — озеро в Выксунском районе Нижегородской области в пойме Оки.

Колотуха — деревня в Большемурашкинском районе Нижегородской области.

Костино — деревня в Павловском районе Нижегородской области.

Кострома — город, центр Костромской области, стоит на Волге. Основан в 1213 г. Имеет богатую историю и много достопримечательностей.

Крапивка — мордовская деревня в Лукояновском районе Нижегородской области.

Красновидово — село в Камско-Устьинском районе Татарстана на правом берегу Волги.

Красногорский — рабочий поселок в Звениговском районе Марий Эл.

Краснослободск — город в Мордовии в 107 км к западу от Саранска на реке Мокше. Основан в 1627 г. Районный центр.

Красные Четаи — село в Чувашии, в 117 км к юго-западу от Чебоксар. Районный центр.

Красный Яр — поселок в Воскресенском районе Нижегородской области на левом берегу Ветлуги.

Кротково — деревня в Сенгилеевском районе Ульяновской области.

Кстово — город в Нижегородской области в 25 км от Н. Новгорода на правом берегу Волги. Центр нефтехимической промышленности. Известен с XIV в. Районный центр.

Кубня — деревня в Комсомольском районе Чувашии.

Кубня — река, левый приток Свияги в Чувашии и Татарстане.

Кугеево — село в Мариинско-Посадском районе Чувашии.

Кудеярово — село в Лукояновском районе Нижегородской области, примыкающее с юга к городу Лукоянову.

Кудьма — река, правый приток Волги в Нижегородской области. Длина 144 км. На Кудьме стоит город Кстово.

Кулебаки — город в Нижегородской области в 190 км к юго-западу от Н. Новгорода. Известен с 1791 г. Центр металлургической промышленности. Районный центр.

Курмыш — село в Пильнинском районе Нижегородской области на левом берегу Суры. Основано в 1372 г. В XVIII — нач. XX вв. было уездным городом.

Кученяево — село в Ардатовском районе Мордовии.

Ленинская Слобода — рабочий поселок в Кстовском районе Нижегородской области на правом берегу Волги.

Линда — река, левый приток Волги в Нижегородской области. Длина — 122 км.

Лобачи — деревня в Воскресенском районе Нижегородской области.

Лукоянов — город в Нижегородской области в 170 км к югу от Н. Новгорода у истоков реки Теши. Известен с XVI в. Районный центр.

Лучинник — заповедная роща, входящая в музей-заповедник А. С. Пушкина в Б. Болдине.

Лысково — город в Нижегородской области в 90 км к востоку от Н. Новгорода при впадении Сундовика в Волгу. Известно с 1410 г. Районный центр.

Ляхово — деревня, вошедшая в состав Н. Новгорода на его южной окраине.

М. Кукушум — деревня в Ибресинском районе Чувашии.

М. Толкай — деревня в Похвистневском районе Самарской области.

Макарий — село в Варнавинском районе Нижегородской области.

Макарьев — город в Костромской области на правом берегу реки Унжи в 184 км к востоку от Костромы. Образован в 1778 г. Районный центр.

Макарьево — рабочий поселок в Лысковском районе Нижегородской области. Основан в начале XVII в., был местом проведения Макарьевской ярмарки, являлся уездным городом. Сохранились архитектурные памятники, в т. ч. Макарьевский Желтоводский монастырь.

Малмыж — город в Кировской области на берегу Вятки в 300 км к югу от Кирова. Основан в 1780 г. Районный центр.

Мариинский Посад — город в Чувашии в 36 км от Чебоксар на правом берегу Волги. Основан в 1856 г. Районный центр.

Мари-Отары — деревня в Звениговском районе Марий Эл.

Меньшиково — деревня в Арзамасском районе Нижегородской области.

Михайловское — село в Воротынском районе Нижегородской области на левом берегу Волги.

Михеевка — село в Ардатовском районе Нижегородской области.

Мокша — река, правый приток Оки в Мордовии, Пензенской, Нижегородской и Рязанской областях. Судоходна. Длина — 656 км. На Мокше стоят города Краснослободск и Темников.

Мурзаево — деревня в Козловском районе Чувашии.

Муром — город во Владимирской области на левом берегу Оки. Древнейший город России, известен с 862 г. Имеет много архитектурных и исторических памятников, музеев. Крупный промышленный центр и железнодорожный узел. Районный центр.

Мухоедово — деревня в Дальнеконстантиновском районе Нижегородской области.

Натальино — село в Навашином районе Нижегородской области.

Невадьево — деревня в Вачском районе Нижегородской области.

Нелидовка — река, левый приток Ветлуги в Варнавинском районе Нижегородской области.

Нестиары — село в Воскресенском районе Нижегородской области.

Нестияр — озеро близ села Нестиары Воскресенского района Нижегородской области.

Нижарово — деревня в Янтиковском районе Чувашии.

Нижний Новгород — (в 1932—1990 гг. — Горький) — город, центр Нижегородской области, стоящий при слиянии Оки и Волги. Основан в 1221 г. Третий по величине город в России, имеющий богатую историю и многочисленные достопримечательности.

Нижняя Сарафаниха — деревня в Краснобаковском районе Нижегородской области.

Низовка — село в Ардатовском районе Мордовии.

Никитин Завод — деревня в Тонкинском районе Нижегородской области.

Николо-Погост — село в Городецком районе Нижегородской области близ левого берега Волги.

Новородионовка — деревня в Козловском районе Чувашии.

Новоселки — мордовская деревня в Лукояновском районе Нижегородской области.

Нужна — река, правый приток Ветлуги в Костромской и Нижегородской областях.

Оболкино — деревня в Большемурашкинском районе Нижегородской области.

Овечкино — деревня в Вачском районе Нижегородской области.

Ожгибловка — село в Пильнинском районе Нижегородской области.

Оза — река, правый приток Пьяны в Бутурлинском районе Нижегородской области.

Ока — река, крупнейший правый приток Волги, впадающий в Н. Новгороде. Длина — 1500 км, площадь водосбора — 245 тыс. кв. км. Течет по Орловской, Тульской, Калужской, Московской, Рязанской, Владимирской и Нижегородской областям. Судходна. На Оке стоят крупные города Калуга, Коломна, Рязань, Муром, Павлово, Дзержинск.

Осовец — река, левый приток Оки в Володарском районе Нижегородской области.

Павлово — город в Нижегородской области в 75 км к юго-западу от Н. Новгорода на правом берегу Оки. Центр металлообработки и автомобилестроения. Имеет памятники истории и богатый музей. Известно с XIV века. Районный центр.

Панзелка — поселок в Лукояновском районе Нижегородской области.

Панино — село в Сосновском районе Нижегородской области.

Пановы горы — высокий левый берег Волги близ города Городца Нижегородской области.

Параша — речка в Н.Новгороде, приток Волги.

Первое Чурашево — село Мариинско-Посадского района Чувашии. Другие неофициальные названия — Урхас-Кушка, Кошка.

Первомайск — город в Нижегородской области в 180 км к югу от Н. Новгорода. Образован в 1951 г. из основанного в середине XIX в. заводского села Ташино. Районный центр.

Перевоз — рабочий поселок в Нижегородской области на реке Пьяне в 130 км к юго-востоку от Н. Новгорода. В 1779—1929 гг. — уездный город. Районный центр.

Перволоки — село в Сызранском районе Самарской области в междуречье Волги (правый берег) и Усы.

Перемиловские горы — высокий правый берег Оки в Вачском районе Нижегородской области.

Петряево — деревня в Уренском районе Нижегородской области.

Петушиха — деревня в Воскресенском районе Нижегородской области.

Пилесево — село Атяшевского района Мордовии.

Пильна — рабочий поселок в Нижегородской области в 200 км к юго-

востоку от Н. Новгорода недалеко от впадения Пьяны в Суру. Известна с XVIII в. Районный центр.

Писарево — село в Ардатовском районе Нижегородской области.

Пичингуши — мордовское село в Лукояновском районе Нижегородской области.

Пичурино — село в Мариинско-Посадском районе Чувашии.

Плёт — город в Фурмановском районе Ивановской области на правом берегу Волги. Образован в 1925 г.

Площаниха — деревня в Воскресенском районе Нижегородской области.

Пойка — река, левый приток Тешы в Лукояновском районе Нижегородской области.

Полдеревка — деревня в Выксунском районе Нижегородской области.

Полевые Буртасы — деревня в Урмарском районе Чувашии.

Полупочинки — деревня в Дивеевском районе Нижегородской области.

Поляна — деревня в Вачском районе Нижегородской области.

Помары — рабочий поселок в Волжском районе Марий Эл.

Помра — село в Дальнеконстантиновском районе Нижегородской области.

Попово — деревня в Борском районе Нижегородской области.

Потанино — деревня в Краснобаковском районе Нижегородской области.

Потьма — рабочий поселок в Zubово-Полянском районе Мордовии.

Поя — село в Лукояновском районе Нижегородской области.

Пролей Каша — село в Тетюшском районе Татарстана.

Промзино — старое название рабочего поселка Сурское (см. ниже).

Пурех — село в Чкаловском районе Нижегородской области.

Пустынь — село в Арзамасском районе Нижегородской области.

Путьково — деревня в Борском районе Нижегородской области.

Пьяна — река, левый приток Суры на юго-востоке Нижегородской области, длина — 436 км. Необычна своей извилистостью.

Рав — древнее мордовское название р. Волги.

Работки — село в Кстовском районе Нижегородской области на правом берегу Волги. Известно с XVI в.

Радушино — деревня в Вадском районе Нижегородской области.

Разина С. им. — рабочий поселок в Лукояновском районе Нижегородской области.

Разнежье — село в Воротынском районе Нижегородской области на берегу Волги.

Раскаты — деревня в Воскресенском районе Нижегородской области на правом берегу Ветлуги.

Раскильдино — деревня в Красночетайском районе Чувашии.

Ратово — село в Сеченовском районе Нижегородской области.

Рахма — река, правый приток Волги в Нижнем Новгороде.

Решетиха — рабочий поселок в Володарском районе Нижегородской области. Центр сетевязальной промышленности. Известен с начала XIX в.

Решма — село в Кинешемском районе Ивановской области на правом берегу Волги.

Ржавка — деревня в Кстовском районе Нижегородской области.

Рудка — река, левый приток Волги в Нижегородской области и Марий Эл.

Рудомучаж — деревня в Шарангском районе Нижегородской области у истока реки Рудки.

Русская Луговая — деревня в Волжском районе Марий Эл.

Рыбинск (1946—1957 — Щербаков, 1984—1990 — Андропов) — город в Ярославской области на правом берегу Волги, крупный промышленный и культурный центр. В 82 км к северо-западу от Ярославля. Известен с XII в. Имеет много достопримечательностей. Районный центр.

Самара — река, левый приток Волги в Оренбургской и Самарской областях. Длина — 594 км. На Самаре стоят города Бузулук и Самара.

Санахта — река, правый приток Волги в Чкаловском районе Нижегородской области.

Санихта — река, правый приток Керженца в Семеновском районе Нижегородской области.

Саратов — город, центр Саратовской области, стоит на правом берегу Волги. Основан в 1590 г. Крупный культурный и промышленный центр. Имеет богатую историю и много достопримечательностей.

Саров — город в Нижегородской области в 170 км к югу от Н. Новгорода на реке Сатис. Образован в 1946 г. В прошлом был известен Саровским монастырем, где жил Серафим Саровский. В Сарове — Российский Федеральный ядерный центр (до 1995 года именовался Арзамас-16).

Светлояр — озеро в Воскресенском районе Нижегородской области близ села Владимирского, памятник природы, глубина до 36 м. С озером связана легенда о граде Китеже.

Свеча — река, левый приток М. Какши в Шахунском районе Нижегородской области.

Свияга — река, правый приток Волги в Ульяновской области и Татарстане. На Свияге стоит город Ульяновск.

Сейма — железнодорожная станция в городе Володарске Нижегородской области.

Селигер — озеро в верховье Волги в Тверской области. Площадь — 270 кв. км. Глубина — до 24 м. На Селигере стоит город Осташков.

Семенов — город в Нижегородской области, в 70 км к северу от Н. Новгорода, образован в 1779 г. Один из центров деревообработки и хохломской росписи. Имеется богатый музей. Районный центр.

Сенгилей — город в Ульяновской области в 72 км к югу от Ульяновска на правом берегу Волги. Образован в 1943 г. Районный центр.

Сенда — деревня в Уржумском районе Кировской области.

Сергач — город в Нижегородской области в 150 км к юго-востоку от Н. Новгорода недалеко от реки Пьяны. Имеет богатый музей. Районный центр.

Сергино — деревня в Ветлужском районе Нижегородской области.

Ситниково — деревня в Борском районе Нижегородской области.

Сиянье — деревня в Краснобаковском районе Нижегородской области.

Скрипники — деревня в Похвистневском районе Самарской области.

Слепые — деревня в Дивеевском районе Нижегородской области.

Слопинец — деревня в Кстовском районе Нижегородской области.

Слуда — высокий правый берег Оки в Н. Новгороде.

Смирново — село в Дивеевском районе Нижегородской области.

Сноведь — село в Выксунском районе Нижегородской области, в прошлом известно как центр художественного литья.

Сокольское — рабочий поселок в Нижегородской области в 150 км к северо-западу от Н. Новгорода на левом берегу Волги. Районный центр.

Соловьево — деревня в Вачском районе Нижегородской области.

Сормово — историческое ядро Сормовского района Н. Новгорода, село, известное с XVI в.

Сосновка — деревня в Вадском районе Нижегородской области.

Соткино — деревня в Краснобаковском районе Нижегородской области.

Стан — деревня в Кстовском районе Нижегородской области.

Стародевичье — село в Ельниковском районе Мордовии.

Ст. Чамзино — село в Большеигнатовском районе Мордовии.

Стексово — село в Ардатовском районе Нижегородской области.

Степанкино — село в Звениговском районе Марий Эл.

Стрелецкое — село в Ядринском районе Чувашии.

Сугуты — село в Батыревском районе Чувашии.

Суздаль — город во Владимирской области в 35 км к северу от Владимира, один из древнейших в Центральной России, в средние века столица княжества. Имеет богатую историю, множество достопримечательностей, музеев, центр туризма. Районный центр.

Сура — река, правый приток Волги в Пензенской, Ульяновской, Нижегородской областях, Мордовии и Чувашии. Длина — 840 км. Судходозна. На Суре стоят города Пенза, Алатырь, Шумерля и Ядрин.

Сурское — рабочий поселок в Ульяновской области в 120 км к западу от Ульяновска на Суре. Районный центр. Старое название — Промзино, Промзино Городище.

Сухаренки — деревня в Городецком районе Нижегородской области.

Сява — рабочий поселок в Шахунском районе Нижегородской области, центр лесохимии. Возник в 1920-х гг.

Таур — озеро, памятник природы в Марий Эл близ Йошкар-Олы.

Тамболес — деревня в Выксунском районе Нижегородской области.

Тарасиха — деревня в Семеновском районе Нижегородской области.

Тарка — река, правый приток Оки в Павловском районе Нижегородской области.

Тарталей — село в Бутурлинском районе Нижегородской области.

Татинец — село в Кстовском районе Нижегородской области.

Тверь (в 1931—1990 гг. — Калинин) — город, центр Тверской области, стоящий в верховье Волги при впадении в нее Тверцы. Известен с XII в. Имеет богатую историю и многочисленные достопримечательности.

Тейково — город в Ивановской области в 34 км к западу от Иванова. Образован в 1918 г. из фабричного села. Районный центр.

Текун — озеро на севере Сокольского района Нижегородской области.

Темников — город в Мордовии на реке Мокше в 158 км от Саранска на северо-запад. Основан в 1536 г. Имеются архитектурные и исторические памятники, музей. Районный центр.

Теньки — село в Камско-Устьинском районе Татарстана на правом берегу Волги.

Теплухино — деревня в Воскресенском районе Нижегородской области.

Тетюши — город в Татарстане на правом берегу Волги в 180 км к югу от Казани. Основан в 1578 г. Районный центр.

Теша — река, правый приток Оки на юге Нижегородской области. Длина — 311 км. На Теше стоят города Лукоянов и Арзамас.

Тобурданово — село в Канашском районе Чувашии.

Толстобино — деревня в Кстовском районе Нижегородской области.

Тольский Майдан — село в Лукояновском районе Нижегородской области.

Томилиха — деревня в Воскресенском районе Нижегородской области.

Тонкино — рабочий поселок в Нижегородской области в 250 км к северо-востоку от Н. Новгорода, в Заветлужье. Районный центр.

Тоншаево — рабочий поселок в Нижегородской области в 290 км к северо-востоку от Н. Новгорода, в Заветлужье. Районный центр.

Топан — деревня в Воскресенском районе Нижегородской области.

Тораево — деревня в Красночетайском районе Чувашии.

Третье Поле — деревня в Вацком районе Нижегородской области.

Троица — село в Богородском районе Нижегородской области.

Троицкое — село в Воскресенском районе Нижегородской области.

Троицкое Первое — село в Вадском районе Нижегородской области.

Тужа — река, правый приток Оки в Вацком районе Нижегородской области.

Убеevo — деревня в Красноармейском районе Чувашии.

Узола — река, левый приток Волги на западе Нижегородской области.

Ульище — деревня в Кулебакском районе Нижегородской области.

Ульяново — село в Лукояновском районе Нижегородской области, примыкающее к городу Лукоянову с северо-запада.

Ульяновск (до 1924 г. — Симбирск), — город, центр Ульяновской области, стоит на Волге. Основан в 1648 г. Имеет многочисленные достопримечательности и богатую историю.

Унжа — река, левый приток Волги в Костромской и Нижегородской областях. Судходна. Длина — 426 км. На Унже стоят города Макарьев, Мантурово, Кологрив.

Ураково — деревня в Мариинско-Посадском районе Чувашии.

Урень — город в Нижегородской области в 190 км к северу от Н. Новгорода. Известен с XVIII в. Стоит на реке Усте. Районный центр.

Уржумка — река, правый приток Вятки в Кировской области. На ней стоит город Уржум.

Урмандеево — деревня в Аксубаевском районе Татарстана.

Урюм — село в Тетюшском районе Татарстана.

Уса — река, правый приток Волги в Самарской области, впадающий в Жигулях.

Уста — река, левый приток Ветлуги в Нижегородской и Кировской областях. На Усте стоит город Урень.

Уткино — деревня в Шахунском районе Нижегородской области.

Ухра — река, левый приток Волги на севере Ярославской области.

Фокино — село в Воротынском районе Нижегородской области на правом берегу Волги.

Хмелевицы — село в Шахунском районе Нижегородской области.

Ходары — деревня в Красночетайском районе Чувашии.

Хомбуть-Батырево — деревня в Ибресинском районе Чувашии.

Хорамалы — деревня в Ибресинском районе Чувашии.

Хоршеваши — село в Красночетайском районе Чувашии.

Хохониха — деревня в Ветлужском районе Нижегородской области.

Царёвщина — село в Сызранском районе Самарской области.

Цивильск — город в Чувашии в 40 км к юго-востоку от Чебоксар. Основан в 1584 г. Районный центр.

Чебаково — село в Ядринском районе Чувашии на правом берегу Суры.

Чебоксары — город, столица Чувашии, стоит на правом берегу Волги. Основан в 1469 г. Имеет многочисленные достопримечательности и богатую историю.

Черепово — деревня в Городецком районе Нижегородской области.

Черновское — село в Большеболдинском районе Нижегородской области.

Черномуж — марийская деревня в Шарангском районе Нижегородской области.

Чернышха — деревня в Кстовском районе Нижегородской области.

Чиганары — село в Ядринском районе Чувашии.

Чкаловск — город в Нижегородской области на правом берегу Волги в 95 км от Н. Новгорода к северо-западу. Образован из села Василева Слобода, известного с XII в. Родина В. П. Чкалова. Имеется его мемориальный музей. Районный центр.

Чувакская Сорма — село в Ядринском районе Чувашии.

Чугунка — река, правый приток Волги на востоке Нижегородской области.

Чугуны — село в Воротынском районе Нижегородской области.

Чудка — река, правый приток Узолы в Нижегородской области.

Чукалы — село в Ардатовском районе Мордовии.

Чулково — село в Вацком районе Нижегородской области на правом берегу Оки.

Чупалейка — село в Выксунском районе Нижегородской области.

Чутеево — село в Янтиковском районе Чувашии.

Чухово — деревня в Чкаловском районе Нижегородской области.

Шадрино — деревня в Воскресенском районе Нижегородской области неподалеку от озера Светлояр.

Шахунья — город в Нижегородской области в 250 км к северо-востоку от Н. Новгорода, в Заветлужье. Образован в 1943 году. Районный центр.

Шевелино — деревня в Воскресенском районе Нижегородской области.

Шелокша — село в Кстовском районе Нижегородской области.

Шерша — река, правый приток Б. Кутры в Вацком районе Нижегородской области.

Шиморское — рабочий поселок в Выксунском районе Нижегородской области на правом берегу Оки.

Шинерпоси — деревня в Чебоксарском районе Чувашии.

Шокино — село в Воротынском районе Нижегородской области.

Шомохта — река, левый приток Унжи в Нижегородской области.

Штанаши — село в Красночетайском районе Чувашии.

Шуда — река, правый приток Ветлуги на севере Нижегородской области.

Шумерля — город в Чувашии в 112 км к юго-западу от Чебоксар на правом берегу Суры. Образован в 1937 г. Районный центр.

Шумилово — село в Первомайском районе Нижегородской области.

Щедровка — село в Вадском районе Нижегородской области.

Щербинки — деревня, вошедшая в состав Н. Новгорода на его южной окраине.

Эрнеслу — озеро в Урмарском районе Чувашии.

Юркино — деревня в Кстовском районе Нижегородской области.

Юрково — деревня в Сокольском районе Нижегородской области.

Юрвец — город в Ивановской области в 180 км к северо-востоку от Иванова на правом берегу Волги при впадении Унжи. Имеет исторические памятники и музей. Районный центр.

Ягубовка — село в Бутурлинском районе Нижегородской области.

Ядрин — город в Чувашии в 79 км к западу от Чебоксар на левом берегу Суры. Основан в 1590 г. Районный центр.

Языково — рабочий поселок в Карсунском районе Ульяновской области.

Яманово — деревня в Канашском районе Чувашии.

Яранск — город в Кировской области в 230 км к югу от Кирова. Известен с 1584 г. Стоит на реке Ярань. Районный центр.

Ярославль — город, центр Ярославской области, стоящий при впадении в Волгу Которосли. Впервые упоминается около 1071 г. Имеет богатую историю и многочисленные достопримечательности.

Примечания

Ставя перед собой задачу хотя бы кратко проинформировать читателя о публикуемых в книге произведениях устного народного творчества, мы ограничиваем приводимые здесь сведения немногими данными об исполнителях и собирателях преданий и легенд Поволжья, а также об источниках текстов, заимствованных из сборников, периодических изданий и хранилищ фольклорных материалов. В сообщениях об исполнителях называются лишь фамилии, инициалы, а также возраст и место записи, а о собирателях указываются их фамилии, инициалы и даты фиксации. О материалах, которые берутся из опубликованных источников или из рукописных фондов, даются названия изданий и годы их выпуска, а об архивных материалах — учреждения, где они хранятся.

В примечаниях к публикуемым произведениям используются некоторые сокращения. Так, названия республик Поволжья обозначаются:

Марий Эл — «Р. М.»,
Татарстан — «Р. Т.»,
Чувашия — «Р. Ч.»;

слова:

город — «г.»,
губерния — «губ.»,
район — «р.»,
уезд — «у.»,
поселок «п.»,
рабочий поселок — «р. п.»,
село — «с.»,
деревня — «д.»,
книга — «кн.»,
сборник — «сб.»,
газета — «газ.»;

словосочетания:

текст записан — «зап.»,
год рождения — «г. р.».

Знак [...] обозначает пропуск части текста. Места записи произведений даются по тем названиям, которые были приняты в момент фиксации.

Вместо полного названия источников публикуемых текстов, взятых из повторяющихся сборников, даются приведенные ниже сокращенные обозначения:

Акимова и Архангельская — *Песни, сказки, частушки Саратовского Поволжья*. Сост. Акимова Т. М., Архангельская В. К. — Саратов, 1989.

Андреев — Андреев Н. *Иллюстрированный путеводитель по Волге и ее притокам Оке и Каме*. — М., б/д.

Аристов — Аристов Н. Я. «*Предания о кладах*». Записки имп. Русского географического общества по отделению этнографии. Т. 1. — СПб., 1867.

Архив ВГО — *Архив Всесоюзного географического общества*.

Афанасьев — *Народные русские легенды А. Н. Афанасьева*. — Новосибирск, 1990.

Геологические путешествия — Кулинич Г. С., Фридман Б. И. *Геологические путешествия по Горьковской области*. — Горький, 1990.

Гациский — *Нижегородка. Путеводитель и указатель по Нижнему Новгороду и Нижегородской ярмарке. Изд. дополненное и исправленное Гациского А. С.* — Нижний Новгород, 1877.

Димитриев — Димитриев В. Д. *Чувашские исторические предания*. — Чебоксары, 1993.

Заветлужье — *Заветлужье. Фольклорно-краеведческий сборник*. Сост. Морохин Н. В. — Н. Новгород, 1994.

Заря-Заряница — *Заря Заряница. Песни, частушки, народные драмы, сказки, предания, сказы и устные рассказы Горьковской области*. Сост. Морохин В. Н. — Горький, 1982.

Комовская — *Предания и сказки Горьковской области*. Сост. Комовская Н. Д. — Горький, 1951.

Короленко — Короленко В. Г. *Собр. соч. в 10-ти т.* — М., 1955, т. 9.

Кузменко — *Жемчужины Жигулей. Легенды, сказы, предания*. Сост. Кузменко С. — Куйбышев, 1982.

Легенды и предания мордвы. — *Легенды и предания мордвы*. Сост. Л. В. Седова. — Саранск, 1982.

Лащилин — Лащилин В. С. *Одолень-трава*. — Волгоград, 1979.

Лозанова — *Песни и сказания о Разине и Пугачеве*. Сост. Лозанова А. И. — М.-Л., 1935.

Мамакин — *Великорусские народные легенды, сообщенные Мамакиным Ив. // Живая старина, 1890. Вып. 2.*

Марийский фольклор — *Марийский фольклор. Мифы, легенды, предания*. Сост. Акцорин В. А. — Йошкар-Ола, 1991.

Мельников — Мельников А. П. *К трехсотлетию Смутного времени*. — М., 1911.

Мельников-Печерский — Мельников П. И. (А. Печерский). *ПСС*. — СПб., 1909, Т. 7.

Морохин — *Нижегородские предания и легенды. Сост. Морохин В. Н. — Горький, 1971.*

Ниж. губ. вед. — *Нижегородские губернские ведомости.*

Нижегородская старина — *Мельников А. П. Нижегородская старина. — Н. Новгород, 1992.*

Ниж. пр. — *Нижегородская правда.*

Русская старина — *Садовников Д. Н. Народные рассказы про старину // Русская старина. 1876.*

Садовников — *Сказки и предания Самарского края. Собр. и зап. Садовниковым Д. Н. — СПб., 1884.*

Седова — *Земля была б без них мертва... Предания и устные рассказы. Сост. Седова Л. В. — Саранск, 1991.*

Сутырин — *Сутырин Н. По родной земле (Предания и легенды глухих уездов) // Русская старина. 1916.*

Труды КНОИМК — *Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Вып. 8. — Кострома, 1917. Вып. 29. — Кострома, 1923.*

Труды СУАК — *Труды Саратовской ученой архивной комиссии.*

Храмцовский — *Храмцовский Н. Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода. Ч. 1. — Н. Новгород, 1857.*

Шустов — *Легенды и предания земли Нижегородской. Сост. М. П. Шустов. — Н. Новгород, 2001.*

Якушкин — *Якушкин П. И. Путевые письма // Якушкин П. И. Сочинения. — М., 1986.*

Об освоении поволжских земель и происхождении названий селений

1. КАК ЗАЧИНАЛСЯ НИЖНИЙ НОВГОРОД

Гациский, с. 28—27.

2. О ЦАРЕ ТЮШТЯНЕ

Легенды и предания мордвы, с. 51—55.

3. ДЯТЛОВЫ ГОРЫ

Мельников-Печерский, с. 416.

4. ИБРАГИМОВ ГОРОДОК

Храмцовский, с. 3—4.

5. ТВЕРЬ

Зап. от Овчинникова П. Г., 1884 г. р., в р. п. Октябрьский Горьковской обл. Морохиным В. Н. в 1965 году.

6. ЯРОСЛАВЛЬ

Зап. от Дерешковой Л. Н., 1919 г. р., в г. Макарьеве Костромской обл. Морохиным В. Н. в 1965 году.

7. КАЗАНЬ

Зап. от Биккиниева Г. Х., 1908 г. р., в с. Теньки Камско-Устьинского р. Р. Т. Морохиным В. Н. и Скворцовой Н. Н. в 1967 году.

8. О КАЗАНИ

Димитриев, с. 57.

9. ПРО КАЗАНЬ

Димитриев, с. 57—58.

10. ЙОШКАР-ОЛА

Зап. от Канышева Н. С., 1918 г. р., в р. л. Мочалище Р. М. Казаковой Л. Н. и Либиной В. В. в 1977 году.

11. ЧЕБОКСАРЫ

Зап. от Александровой Н. С., 1955 г. р., в с. Чутеево Янтиковского р. Р. Ч. Шаровой А. П. в 1976 году.

12. СИМБИРСК

Зап. от Сиротина К. Е., 1928 г. р., в р. п. Сурское Ульяновской обл. Морохиным В. Н. в 1978 году.

13. АРДАТОВ

Мельников-Печерский, с. 515—516.

14. АРЗАМАС

Мельников-Печерский, с. 518—519.

15. БАЛАХНА

Андреев, с. 98—99.

16. ДИВЕЕВО

Зап. Артемов Н. В. Взято из альбома «История района» Дивеевской районной библиотеки Нижегородской области.

17. КСТОВО

Ниж. пр., 1991, № 292.

18. КУЛЕБАКИ

Заря-Заряница, с. 154—155.

19. ЛУКОЯНОВ

Зап. от Кашиной Г. И., 1930 г. р., в г. Лукоянове Горьковской обл. Морохиным Н. В. 1987 году.

20. ЛЫСКОВО

Ниж. губ. вед., 1861, № 52.

21. МАРИИНСКИЙ ПОСАД

Зап. от Егошина Н. С., 1907 г. р., в г. Мариинский Посад Р. Ч. Бричкиной В. Д., Балычевой Л. А. и Сосульниковой В. С. в 1967 году.

22. ПАВЛОВО

Морохин, с. 103—104.

23. ПИЛЬНА

Зап. от Новиковой А. С., 1930 г. р., в р. п. Пильна Горьковской обл. Морохиным Н. В. в 1988 году.

24. СЕРГАЧ

Ниж. губ. вед., 1863, № 1.

25. СОКОЛЬСКОЕ

Зап. от Кожухина Н. В., 1950 г. р., в р. п. Сокольское Нижегородской обл. Морохиным Н. В., Харловым А. В., Ляпаевой О. Н. в 1994 году.

26. ТЕЙКОВО

Зап. от Роженцовой З. Д., 1928 г. р., в г. Тейково Ивановской обл. Чучайкиной И. А. в 1995 году.

27. ТОНКИНО

Зап. от Чащиной М. И., 1901 г. р., в р. п. Тонкино Горьковской обл. Морохиным В. Н. в 1965 году.

28. ЧУТЕЕВО

Зап. от Петровой Р. Н., 1919 г. р., в с. Чутеево Янтиковского р. Р. Ч. Шаровой А. П. в 1978 году.

29. ШАХУНЬЯ

Заря-Заряница, с. 157—158.

30. ЯДРИН

Сутырин, с.80.

31. АННЕНКА

Зап. от Беленовой Т. Я., 1900 г. р., в д. Бахарево Воскресенского р. Горьковской обл. Смирновой Н. Н. в 1976 году.

32. АРАБОСИ

Димитриев, с. 60—61.

33. АШКЕЛЬДИНО

Зап. от Жуйкова П. М., 1908 г. р., в р. п. Тонкино Горьковской обл. Кузьминой И. Л. в 1972 году.

34. БАЙГЛЫЧЕВО

Димитриев, с. 171.

35. БАТЫРЕВО

Димитриев, с. 53.

36. БЕЗВОДНОЕ

Морохин, с. 112—113.

37. БЕЛЬШЕВО

Зап. от Рыжова Л. И., 1911 г. р., в г. Ветлуге Нижегородской обл. Стародубцевой О. А. в 1992 году.

38. БОЛЬШОЕ И МАЛОЕ НЕПРЯХИНО

Зап. от Молчанова Л. А., 1914 г. р., в г. Шахунья Горьковской обл. Морохиным Н. В. в 1985 году.

39. БУРНАКОВКА

Зап. от Овчинникова П. Г., 1884 г. р., в р. п. Октябрьский Борского р. Горьковской обл. Морохиным В. Н. в 1965 году.

40. ВАРЕЖ

Заря-Заряница, с. 155.

41. ВАСИЛЬСУРСК

Зап. от Черепанова Е. А., 1919 г. р., в с. Красный Оселок Лысковского р. Нижегородской обл. Морохиным В. Н. в 1994 году.

42. ВОЛЧЬЯ ДОЛИНА

Зап. от Першиной А. Я., 1919 г. р., в д. Стрелецкое Ядринского р. Р. Ч. Беганцевой Л. В. и Болдиной О. И. в 1975 году.

43. ГИБЛОВКА

Зап. от Мошкова И. Ф., 1908 г. р., в с. Верхняя Верея Выксунского р. Горьковской обл. Морохиным Н. В. в 1985 году.

44. ГОРБАТОВ

Зап. от Завируцева С. П., 1906 г. р., в г. Горбатове Горьковской обл. Морохиным Н. В. в 1989 году.

45. ГОРУШКА

Зап. от Смирнова В. А., 1911 г. р., в г. Ярославле Кузьминой Е. В. в 1991 году.

46. ЖЕЛНИНО

Зап. от Маловой Е. И., 1925 г. р., в г. Дзержинске Горьковской обл. Рубцовой С. А. в 1991 году.

47. ЖУРЕЛЕЙКА

Зап. от Надуевой А. А. в с. Журелейка Ардатовского р. Горьковской обл. Головкиной О. М. в 1980 году.

48. ДУДИН МОНАСТЫРЬ

Морохин, с. 95.

49. ЗОЛОТОВО

Зап. от Смирновой М. А., 1973 г. р., в д. Овечкино Борского р. Нижегородской обл. Морохиным Н. В. в 1991 году.

50. ИЧАЛКИ

Зап. от Зюзина В. Ф. в с. Большие Кемары Перевозского р. Горьковской обл. Резапкиной Г. И. в 1979 году.

51. КАВКАЗ

Зап. от Клюева Н. Ф., 1915 г. р., в г. Первомайске Нижегородской обл. Морохиным Н. В. и Павловым Д. Г. в 1993 году.

52. КАДНИЦЫ

Зап. от Тарелкина С. Д., 1892 г. р., в р. п. Ленинская Слобода Горьковской обл. Морохиным В. Н. в 1965 году.

53. КАМАЕВО ПОЛЕ

Димитриев, с. 184—186.

54. КАРПУНИХА И ПЕТРЯЕВО

Зап. от Шарова П. А., 1920 г. р., в п. Ударник Краснобаковского р. Горьковской обл. Шаровой А. П. в 1969 году.

55. КАТУНКИ

Зап. от Персидского В. А., 1932 г. р., в г. Чкаловске Нижегородской обл. Морохиным Н. В. и Павловым Д. Г. в 1993 году.

56. КЛИН

Зап. от Занозина М. А., 1906 г. р., в с. Клин Вачского р. Горьковской обл. Морохиным Н. В. в 1985 году.

57. КОСТИНО

Зап. от Рябинина Н. П., 1896 г. р., в с. Жайск Вачского р. Горьковской обл. Морохиным В. Н. в 1969 году.

58. КОДОЧИГИ

Зап. от Лоскутовой М. М., 1893 г. р., в р. п. Тоншаево Горьковской обл. Шаровой А. П. в 1975 году.

59. КОЛОТУХА

Зап. от Урусова В. Н., 1939 г. р., в р. п. Б. Мурашкино Нижегородской обл. Морохиным Н. В. и Павловым Д. Г. в 1992 году.

60. КРАПИВКИ

Зап. от Поскина О. Д., 1950 г. р., в с. Пичингуши Лукояновского р. Нижегородской обл. Морохиным Н. В. и Бакулиным А. М. в 1993 году.

61. КУБНЯ

Димитриев, с. 181.

62. КУГЕЕВО, АЙДАРОВО, ПИЧУРИНО

Димитриев, с. 30—31.

63. КУДЕЯРОВО

Зап. от Поха А. И., 1909 г. р., в г. Лукоянове Горьковской обл. Ляпаевой О. Н. и Генке Ю. Н. в 1987 году.

64. ЛОВАЧИ

Зап. от Авдеева А. Н., 1905 г. р., в д. Шадрине Воскресенского р. Горьковской обл. Морохиным В. Н. в 1982 году.

65. МАЛОЕ И БОЛЬШОЕ МАРЕСЕВО

Седова, с. 19—20.

66. МУХОЕДОВО

Зап. от Петрова П. В., 1920 г. р., в с. Вад Горьковской обл. Морохиным Н. В. в 1984 году.

67. НЕВАДЬЕВО

Зап. от Воробьева В. А., 1937 г. р., в р. п. Вача Горьковской обл. Лукиной Н. П. в 1989 году.

68. НЕСТИАРЫ

Зап. от Плехановой А. К. в с. Нестиары Воскресенского р. Горьковской обл. Федоровым Н. И. в 1977 году.

69. НИКИТИН ЗАВОД

Зап. от Левашова А. С., 1904 г. р., в с. Полянское Тонкинское р. Горьковской обл. Елькиной Л. А. в 1968 году.

70. ПИЛЕСЕВО

Седова, с. 15—16.

71. ПОЛЕВЫЕ БУРТАСЫ

Димитриев, с. 169—170.

72. ПРО БЫКА

Димитриев, с. 268—269.

73. ПОЛУПОЧИНКИ

Зап. от Карпушова В. И., 1920 г. р., в с. Дивеево Нижегородской обл. Морохиным Н. В. и Павловым Д. Г. в 1993 году.

74. РАБОТКИ

Заря-Заряница, с. 149.

75. РАДУШИНО

Зап. от Петрова П. В., 1920 г. р., в с. Вад Горьковской обл. Морохиным Н. В. в 1984 году.

76. РАСКАТЫ

Зап. от Скипидаровой А. А., 1970 г. р., в д. Песочное Воскресенского р. Нижегородской обл. Морохиным Н. В. в 1990 году.

77. РАЗНЕЖЬЕ

Заря-Заряница, с. 152.

78. РЖАВКА

Зап. от Дельновой С. С., 1929 г. р., в д. Ржавка Кстовского р. Нижегородской обл. Волковой Ю. В. в 1994 году.

79. ПЕРЕВОЛОКИ

Зап. от Рябова И. А., 1886 г. р., в с. Безводное Кстовского р. Горьковской обл. Белкиной Г. П. в 1965 году.

80. СЕЛКИ

Заветлужье, с. 83.

81. СЕМЬ БРАТЬЕВ

Димитриев, с. 31—32.

82. СЕРМЯНАНГЕР

Марийский фольклор, с. 168—169.

83. СИЯНЬЕ

Зап. от Молчанова Л. А., 1915 г. р., в г. Шахунья Горьковской обл. Морохиным Н. В. в 1985 году.

84. СЛЕПЫЕ

Зап. от Карпушова В. И., 1920 г. р., в с. Дивеево Нижегородской обл. Морохиным Н. В. и Павловым Д. Г. в 1993 году.

85. СОДОМОВО

Заря-Заряница, с. 148.

86. СОТКИНО

Заря-Заряница, с. 154.

87. СПОР

Димитриев, с. 197—198.

88. СТЕКСОВО

Зап. от Лопатина И. И. в с. Писарево Ардатовского р. Горьковской обл. Морохиным Н. В. в 1982 году.

89. СТЕПАНКИНО

Зап. от Бодрова М. А. в с. Кокшамары Звениговского р. Р. М. Бричкиной В. В. и Сосульниковой В. С. в 1967 году.

90. СТРЕЛЕЦКОЕ

Зап. от Чернышова Ф. А. в д. Стрелецкое Ядринского р. Р. Ч. Беганцевой Л. В. и Болдиной О. И. в 1976 году.

91. ТАРАСИХА

Горьковский рабочий. — 1938. № 178, 5 августа.

92. ТАШИНО

Зап. от Клюева Н. Ф., 1915 г. р., в г. Первомайске Нижегородской обл. Морохиным Н. В. и Павловым Д. Г. в 1993 году.

93. ТОЛЬСКИЙ МАЙДАН

Зап. от Савлева М. А., 1937 г. р., в г. Лукоянове Нижегородской обл. Морохиным Н. В. и Павловым Д. Г. в 1992 году.

94. ТРЕТЬЕ ПОЛЕ

Зап. от Прохоровой З. П., 1920 г. р., в д. Третье Поле Вацского р. Нижегородской обл. Морохиным Н. В. в 1985 году.

95. ТРОИЦА

Зап. от Першиной А. Я. в д. Стрелецкое Ядринского р. Р. Ч. Беганцевой Л. В. и Болдиной О. И. в 1976 году.

96. УБЕЕВО И КОЖАРЫ

Димитриев, с. 61—62.

97. УРЦА

Зап. от Бурлакова М. В., 1935 г. р., в с. Семилово Выксунского р. Горьковской обл. Морохиным Н. В. в 1985 году.

98. ЧЕРЕПОВО

Зап. от Ермаковой Л. А., 1970 г. р., в г. Городце Нижегородской обл. Морохиным Н. В. в 1990 году.

99. ЧИГАНАРЫ

Зап. от Рыбиной А. Ф., 1900 г. р., в с. Чиганары Ядринского р. Р. Ч. Беловой О. А. и Оноховой О. В. в 1976 году.

100. ЧУГУНЫ

Заря-Заряница, с. 158.

101. ЧУДКА

Зап. от Климовой Л. А., 1941 г. р., в г. Городце Нижегородской обл. Морохиным Н. В. и Павловым Д. Г. в 1992 году.

102. ЧЕРНОВСКОЕ

Заря-Заряница, с. 162—163.

103. ЧУЛКОВО

Зап. от Брызгаловой О. Ф., 1923 г. р., в с. Чулково Вацского р. Горьковской обл. Морохиным Н. В. и Окользиным А. А. в 1985 году.

104. ЧУКАЛЫ, АЛОВО, КУЧЕНЯЕВО

Седова, с. 12—13.

105. ЧУХОВО

Зап. от Персидского В. А., 1932 г. р., в г. Чкаловске Нижегородской обл. Морохиным Н. В. и Павловым Д. Г. в 1993 году.

106. ШУТИЛОВО

Заря-Заряница, с. 157—158.

107. ЯМАНОВО

Зап. от Павлова Н. П., 1921 г. р., в д. Яманово Канашского р. Р. Ч. Морохиным В. Н. в 1977 году.

108. ЯЩЕРИНО

Зап. от Губанова Н. А., 1934 г. р., в д. Ящерино Мариинскопосадского р. Р. Ч. Климешовым П. И. в 1966 году.

**О событиях местной истории и борьбе
с внешними врагами**

109. ПРО ТЕМИР-ХАНА

Димитриев, с. 53—54.

110. ТИМУР

Димитриев, с. 56.

111. ПАДЕНИЕ ВИЛЯРА

Димитриев, с. 56.

112. МОРДОВСКИЕ КОСТИ

Мельников-Печерский, с. 420.

113. БАТЬЕВА ДОРОГА

Зап. от Сказкина (Лебедева) М. А., 1883 г. р., в д. Малое Климово Уренского р. Горьковской обл. Морохиным В. Н. в 1963 году.

114. МАЛЫЙ КИТЕЖ И КАТУНКИ

Ниж. пр., 1991, № 240.

115. НАРЧАТКА

Седова, с. 9—10.

116. О СВЕТЛОЯРЕ

Зап. от Шарова П. А., 1920 г. р., в п. Ударник Краснобаковского р. Горьковской обл. Шаровой А. П. в 1969 году.

117. ПРО ГРАД КИТЕЖ

Зап. от Муравьева В. И., 1893 г. р., в с. Владимирское Воскресенского р. Горьковской обл. Морохиным В. Н. в 1982 году.

118. О ГРАДЕ КИТЕЖЕ

Зап. от Хлопушина Н. И., 1929 г. р., в с. Владимирское Воскресенского р. Горьковской обл. Морохиным Н. В. и Худайбердиевым Д. Д. в 1982 году.

119. ГОРОДЕЦКИЕ ПРЕДАНИЯ

Из статьи Устинова Г. Село Городец // Русский экскурсант, 1915, № 6, с. 342—345.

120. РУСЛАНУШКА

Заря Заряница, с. 146.

121. ВЕТЛУГА
Морохин, с. 151—155.
122. ПРИ ТАТАРСКОМ ИГЕ
Заря-Заряница, с. 146—147.
123. О ДЕВУШКЕ ИРГЕ
Заря-Заряница, с. 153—154.
124. ПЬЯНСКОЕ ПОРАЖЕНИЕ
Мельников, с. 25—26.
125. ПОМОЩЬ ПЛЕННЫХ ЛИТОВЦЕВ В ОБОРОНЕ
НИЖНЕГО НОВГОРОДА
Храмцовский, с. 45—47.
126. НЯГА
Димитриев, с. 67.
127. АНЧИК
Димитриев, с. 84—85.
128. САРЫЙ
Димитриев, с. 85—86.
129. ОЗЕРО ЭЛЬ-КЮЛЬ
Димитриев, с. 64—65.
130. ЛЯХОВО
Мельников-Печерский, с. 423—424.
131. ЛЫСКОВСКИЙ ЦАРЕВИЧ
Из кн.: Монастырский С. Иллюстрированный спутник по Волге в трех частях. — Казань, 1884, с. 75—76.
132. КАК БУЛАТ БАТР И ПУГАЧЕВ КАЗАНЬ ВЗЯЛИ
Зап. от Биккиниева Г. Х., 1908 г. р., в с. Теньки Камско-Устьинского р. Р. Т. Скворцовой Н. Н. в 1967 году.
133. ДЕЛО ОСОКИНОЙ
Андреев, с. 116—122.
134. ДАРЬИНО.
Орловский А. А. На Стрелке далекой. — Н. Новгород, 1991, с. 18—19.

О ремеслах, промыслах и мастеровых людях

135. КАМЕННЫЕ КАРАВАИ
Геологические путешествия, с. 173.
136. КАК В ПАВЛОВЕ РЕМЕСЛО ЗАВЕЛОСЬ
Короленко, с. 14—15.
137. ПАВЛОВСКИЕ УМЕЛЬЦЫ
Морохин, с. 108—111.
138. ПУРЕШАНЕ
Зап. от Персидского В. А., 1932 г. р., в г. Чкаловске Нижегородской обл. Морохиным Н. В. и Павловым Д. Г. в 1993 году.

139. ХОХЛОМА

Морохин, с. 117—119.

140. НАШЕ РЕМЕСЛО

Зап. от Сухарева Ю. В., 1929 г. р., в д. Хрящи Ковернинского р. Горьковской обл. Морохиным Н. В. в 1987 году.

141. МАСТЕР-ЧАРОДЕЙ

Морохин, с. 73—74.

142. О СТРОИТЕЛЕ СТРОГАНОВСКОЙ ЦЕРКВИ

Из рукописи Усова Н. А. «Старый Нижний Новгород в легендах и преданиях». — Горький, 1947.

143. ГОРОДЕЦКИЕ МАСТЕРА

Морохин, с. 121—122.

144. КОПЬЕВ

Комовская, с. 49—50.

145. ВОДОХОД КУЛИВИНА

Зап. от Овчинникова П. Г., 1884 г. р., в р. п. Октябрьский Горьковской обл. Морохиным В. Н. в 1965 году.

О богатырях

146. ЖИВОЙ КАМЕНЬ

В кн.: Марийский край — земля Онара. — М., 1992, с. 19—21.

147. КОНАР

Димитриев, с. 67—68.

148. СИЛАЧ БАЛДАСЬ

Седова, с. 10—12.

149. КОВШ

Лащилин, с. 11—12.

150. АЛМУШ-БАТЫР И ЯППАР

Димитриев, с. 40—41.

151. ПОЧЕМУ ТАТАРЫ НЕ ВЗЯЛИ НИЖНИЙ

Морохин, с. 37—38.

152. КОРОМЫСЛОВА БАШНЯ

Мельников-Печерский, с. 517—518.

153. ПРЕДАНИЯ О ТАТАРКЕ

Труды КНОИМК. Вып. 8. — 1917, с. 29—32.

154. УЛП И СУВЭДЕЙ

Димитриев, с. 49—50.

155. МОСТ АЗАМАТА

Димитриев, с. 24.

156. ЗЕМЛЯНОЙ МОСТ БОГАТЫРЯ

Зап. от Кушакова С. М. в г. Звенигово Р. М. Бричкиной В. Н. в 1967 году.

157. БОГАТЫРЬ СУРЕЧ
Димитриев, с. 24.
158. ИВАН ЗАИКИН
Седова, с. 48—49.
159. ФАДЕЙ ШАМОНИН
Седова, с. 42—44.
160. БОГАТЫРЬ УРЕМ
Димитриев, с. 372.
161. САВРУШ
Димитриев, с. 51.
162. МЯЧИН
Комовская, с. 51—52.
163. ПРО НИКИТУШКУ ЛОМОВА
Садовников, с. 381—382.
164. СОКОЛ
Кузменко, с. 131.
165. РОЩИН И ЧУДАКОВ
Комовская, с. 60.
166. БОГАТЫРША
Димитриев, с. 293.
167. ДЕВУШКА-БОГАТЫРЬ
Марийский фольклор, с. 174—175.
168. БОЙ КАЗАЧКИ С БОГАТЫРЕМ
Садовников, с. 379—380.
169. ПАДЕНИЕ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ
Димитриев, с. 51—52.
170. КАК ЗЕМЛЯ СПАСЛА РУССКОГО БОГАТЫРЯ
Зап. от Игнатова В. В., 1945 г. р., в д. Шереметьево Воротынского р.
Нижегородской обл. Морохиным Н. В. и Харловым А. В. в 1996 году.

Про разбойников

171. КРУТОЙ
Зап. от Чернобровцева И. А., 1919 г. р., в р. п. Решетиха Нижегородской обл. Богачевым И. В. в 1994 году.
172. О РАЗБОЙНИКАХ
Ниж. губ. вед., 1861, 23 декабря.
173. БАРМИНО
Зап. от Дурновой Л. А., 1895 г. р., в с. Бармино Лысковского р. Горьковской обл. Морохиным В. Н. в 1965 году.
174. ЛЯЛЯ
Зап. от Шалобанова И. Ф. в п. Нижник Варнавинского р. Горьковской обл. Большаковой Т. И. в 1971 году.

175. ЛЯЛИНЫ ГОРЫ

Морохин, с. 195—196.

176. САВВИН БОР

Морохин, с. 160—163.

177. ГАЛАНЬКИНА ГОРА

Зап. от Бударина А. П., 1890 г. р., в Юринском р. Р. М. Горшенковым Г. Н. в 1966 году.

178. ЩЕДРОВКА

Зап. от Сентюрин И. Г., 1915 г. р., в с. Щедровка Вадского р. Горьковской обл. Морохиным Н. В. в 1984 году.

179. ПОП СОРОКА

Шустов, с. 75.

180. ПАРАША

Зап. Кравцовой Л. А. в г. Балахна Горьковской обл. в 1963 году.

181. ПРО КАТЕРИНУ-РАЗБОЙНИЦУ

Зап. от Терещинкова Л. А., 1886 г. р., в г. Звенигово Р. М. Бричкиной В. В., Морохиным В. Н., Сосульниковой В. С. в 1967 году.

182. ПРО РАЗБОЙНИЧЬЕГО АТАМАНА

Зап. от Шелмаковой Л. А., 1883 г. р., в р. п. Языково Ульяновской обл. Морохиным В. Н. и Осьмаковой А. И. в 1973 году.

183. ОБ УДАЛЫХ СЕСТРАХ-РАЗБОЙНИЦАХ

ПАРАШКЕ И УЛЯШКЕ

Заря-Заряница, с. 158—159.

184. ЛЮБОВЬ КУДЕЯРА

Зап. от Амбарова А. А., 1888 г. р., в р. п. Макарьево Горьковской обл. Морохиным В. Н. в 1965 году.

185. ШИХРАНЫ

Зап. от Петровой Р. Н., 1949 г. р., в с. Чутеево Янтиковского р. Р. Ч. Шаровой А. П. в 1976 году.

186. ГУСЕВЫ С РЕКИ ТАРКИ

Зап. от Рябинина И. П., 1896 г. р., в с. Жайск Вацкого р. Горьковской обл. Морохиным В. Н. в 1969 году.

187. ПРО ЧУБАРОВА

Зап. от Кирилловой А. П., 1906 г. р., в д. Ваганьково Борского р. Горьковской обл. Балычевой Л. А. и Орловым П. М. в 1966 году.

188. УТЕС ДВУХ БРАТЬЕВ-АТАМАНОВ

Зап. от Блинова А. П., в с. Работки Кстовского р. Горьковской обл. Морохиным В. Н. в 1977 году.

189. В ЖИГУЛЯХ

Из статьи Садовникова Д. Н. «Жигули и Усолье на Волге» // Беседа, 1872, № 11, с. 54—55.

190. НАТАЛЬИНО

Зап. от Фоминой А. В., 1912 г. р., в г. Горьком Морохиным В. Н. в 1978 году.

191. ГОРА РОМАНИХА

Архив ВГО. Фонд Райковского В., 1854 год.

192. СТАН

Архив ВГО. Фонд Райковского В., 1854 год.

193. КУРНОСОВО БОЛОТО

Зап. от Галкина Н. А., 1899 г. р., в с. Большое Болдино Горьковской обл. Матвеевой Н. А. в 1970 году.

194. ПРО РОЩИНА И АТАМАНА

Комовская, с. 58.

195. РАЗБОЙНИК ИЗ ЮРКОВА

Зап. от Шилова А. А., 1890 г. р., в д. Галкино Сокольского р. Ивановской обл. Слягиной Г. Б. в 1979 году.

О местных жителей и известных исторических лицах

196. ВОЦАРЕНИЕ ИВАНА ГРОЗНОГО

Из статьи Садовникова Д. Н. «Народные рассказы про старину» // Русская старина, 1876, № 2.

197. ПОХОД ИВАНА ГРОЗНОГО

Зап. от Маресьевой М. П., 1906 г. р., в п. Новый Мир Вадского р. Горьковской обл. Морохиным Н. В. в 1984 году.

198. ПРЕДАНИЕ О ПОХОДЕ ИВАНА ГРОЗНОГО

Архив ВГО.

199. ПОМОЩЬ ЦАРЮ

Димитриев, с. 101—102.

200. КОЖВАШИ

Димитриев, с. 88.

201. КАК ВЗЯЛИ СУНДЫРЬ

Димитриев, с. 90—91.

202. КАК ВЗЯЛИ КАЗАНЬ-ГОРОД

Димитриев, с. 103—104.

203. ПАДЕНИЕ КАЗАНИ

Димитриев, с. 108.

204. МАРИЙСКИЙ БОГАТЫРЬ И ИВАН ГРОЗНЫЙ

Марийский фольклор, с. 258—260.

205. О ЧУВАШСКОМ ГУСЛЯРЕ

Димитриев, с. 106.

206. СТАРОДЕВИЧЬЕ

Седова, с. 17.

207. О КРЕЩЕНИИ

Димитриев, с. 285.

208. ДАР ЕРМАКА

Лацилин, с. 8—11.

209. ЕРМАК И ЕРМАКОВЦЫ
Якушкин, с. 315—316.
210. НАКАЗАНИЕ ВОЛГИ
Из статьи Аристово Н. Я. «Русские народные предания об исторических лицах и событиях» // Труды третьего археологического съезда в России. Зап. от Климова И. Киев, 1878, т. 1, с. 339.
211. О ДЕВИЧЬИХ ГОРАХ
1. Мельников, с. 56—57; 2. Зап. от Охотникова Е. Н., 1885 г. р., в с. Девичьи Горы Большеболдинского р. Горьковской обл. Зелениной Л. В. в 1970 году; 3. Зап. от Сорокиной А. М., 1913 г. р., там же Шороховой Г. И. в 1966 году.
212. РАТОВО
Заря-Заряница, с. 153.
213. ВОРОТЫНЕЦ
Морохин, с. 90—91.
214. МОНАХИНЯ-АТАМАНША
Зап. Блиновым А. П. в с. Работки Кстовского р. Горьковской обл. в 1977 году. Исполнитель не указан.
215. ПЕТР ПЕРВЫЙ В ВАСИЛЬСУРСКЕ
Зап. от Малова М. В., 1899 г. р., в р. п. Васильсурск Горьковской обл. Морохиным В. Н. в 1965 году.
216. О ПЕТРЕ ПЕРВОМ
Садовников, с. 371—372.
217. ПЕТР ВЕЛИКИЙ РЕШИЛ
Марийский фольклор, с. 262.
218. О ВАСИЛИИ РОЩИНЕ
Морохин, с. 166—167.
219. ПРО РОЩИНА
Зап. от Короткова И. А., 1899 г. р., в д. Тамболес Выксунского р. Горьковской обл. Морохиным В. Н. в 1972 году.
220. СМЕРТЬ РОЩИНА
Комовская, с. 62—63.
221. МЕДВЕЖИЙ ПАРАД
Зап. от Громова В. А., 1918 г. р., в г. Сергаче Горьковской обл. Морохиным Н. В. в 1989 году.
222. ЧЕРНОЕ СЕЛО
Заря-Заряница, с. 156—157.
223. ЛУЧИННИК
Заря-Заряница, с. 159—160.
224. ПУШКИНСКИЙ КОЛОКОЛ
Зап. от Брошицкого А. Н., 1901 г. р., в с. Большое Болдино Горьковской обл. Матвеевой Н. А. в 1970 году.
225. ЕРМОЛАЕВ КОЛОДЕЦ
Зап. от Воробьева В. А., 1937 г. р., в р. п. Вача Горьковской обл. Лукиной Н. П. в 1989 году.

226. НЕСТЕРКИН ПРУД

Зап. от Воробьева В. А., 1937 г. р., в р. п. Ваца Горьковской обл. Лукиной Н. П. в 1989 году.

О народных заступниках

227. УРАКОВО

Зап. от Максимова А. М., 1891 г. р., в с. Кокшайск Звениговского р. Р. М. Морохиным В. Н. в 1967 году.

228. УРАК И СТЕНЬКА

Труды СУАК. Зап. от лоцмана на Волге.

229. ТЕНЬКИ — ПРИСТАНИЩЕ РАЗИНЦЕВ

Зап. от Солдатовой Е. В., 1886 г. р., в с. Теньки Камско-Устьинского р. Р. Т. Вайгачевой Л. И. и Морохиным В. Н. в 1967 году.

230. ПРЕДАНИЕ О СТЕПАНЕ РАЗИНЕ

Архив ВГО. Зап. Юрловым В. П. в 1866—1867 гг. в Симбирской губ.

231. О СТЕПАНЕ РАЗИНЕ

Зап. от Ивановой А. П., 1899 г. р., в п. Красный Яр Воскресенского р. Горьковской обл. Шаровой А. П. в 1975 году.

232. НАРОД О СТЕПАНЕ РАЗИНЕ

Лозанова, № 35.

233. РАЗИНЦЫ ВОЗЛЕ ЧЕБОКСАР

Димитриев, с. 308—309.

234. СТЕПАН РАЗИН В МАКАРЬЕВЕ

Морохин, с. 179—182.

235. РАЗИНЦЫ ПОД НИЖНИМ НОВГОРОДОМ

Морохин, с. 182—183.

236. РАЗИНЦЫ НА НИЖЕГОРОДСКОЙ ЗЕМЛЕ

Из кн.: Гациский А. С. Нижегородский летописец. Н. Новгород, 1886.

237. В ВЕРХОВЬЯХ КЕРЖЕНЦА

Зап. от Ракова В. А., 1929 г. р., в д. Успенский Выселок Ковернинского р. Горьковской обл. Морохиным Н. В. в 1987 году.

238. МОРДВА О СТЕПАНЕ РАЗИНЕ

Седова, с. 21.

239. ВО ВРЕМЯ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ

Зап. от Сулова А. П., 1892 г. р., в г. Павлово Горьковской обл. Поповой Г. М. в 1965 году.

240. ТЕПЛЫЕ ОСТРОВА

Морохин, с. 177—178.

241. ПОДАРОК РАЗИНА

Димитриев, с. 302.

242. ПУТЬ ЧЕРЕЗ ПЕРЕВОЛОКУ

Лащилин, с. 13—14.

243. ВОЛШЕВНЫЙ ПЛАТОЧЕК

Зап. от Соскова П. И. в с. Аскулы. Из кн.: Степан Разин на Волге. — Куйбышев, 1939.

244. ТРУБКА РАЗИНА

Зап. от Максимова А. П., 1891 г. р., в с. Кокшайск Звениговского р. Р. М. Морохиным В. Н. в 1967 году.

245. ЗИМОВЬЕ СТЕНЬКИ РАЗИНА

Зап. от Барбина И. И. в с. Жигули Куйбышевской обл. в 1935 году.

246. РАЗИН НАСЛАЛ ЗМЕЯ

Зап. в Петровском у. Саратовской губ. Из сб.: Труды второго областного Тверского археологического съезда 1903 года. — Тверь, 1906.

247. РАЗИН-ЕРЕТИК

Якушкин, с. 318—319.

248. МАРИНА-БЕЗБОЖНИЦА И СТЕНЬКА РАЗИН

Мамакин, с. 139.

249. ПРО СТЕПАНА РАЗИНА

Зап. от Будариной А. М., 1904 г. р., в Юринском р. Р. М. Горшенковым Г. Н. в 1966 году.

250. УТЕС СТЕНЬКИ РАЗИНА

Зап. от Зимина Н. П., 1897 г. р., в р. п. Куйбышевский Затон Р. Т. Морохиным В. Н. и Рязановой Н. И. в 1967 году.

251. АТАМАН ВОЛГИ

Зап. в р. п. Васильсурск Горьковской обл. Из кн.: Боровик В. Н., Мирер С. И. Сказки. — Горький, с. 314—315.

252. РАЗИН И КОЛДУНЬЯ

Зап. от Кирилловой А. П., 1906 г. р., в д. Ваганьково Борского р. Горьковской обл. Балычевой Л. А. и Орловым П. М. в 1966 году.

253. БОЖИЙ ГОРОДОК

Короленко, с. 400—405.

254. РАЗИНСКАЯ СВРУЯ

Зап. от Воробьева В. А., 1937 г. р., в р. п. Вача Горьковской обл. Лукиной Н. П. в 1989 году.

255. ПЕРЕПРАВА ПУГАЧЕВА

Зап. от Максимова А. М., 1891 г. р., в с. Кокшайск Звениговского р. Р. М. Морохиным В. Н. в 1967 году.

256. ДУБ ПУГАЧЕВА

Зап. от Глазкова С. П., 1918 г. р., в с. Исменцы Звениговского р. Р. М. Липовецким А. А. в 1967 году.

257. ШЕМЕКЕЙ — ВОИН ПУГАЧЕВА

Димитриев, с. 327.

258. ПЕЛЬМЕНИ

Димитриев, с. 338—339.

259. РАССОХА

Зап. от Захаровой О. И. в с. Шокино Воротынского р. Горьковской обл. Фроловой М. М. в 1967 году.

260. ЕМЕЛЬЯН ПУГАЧЕВ В ЯДРИНЕ
Сутырин, с. 77—80.
261. НЕОБЫЧНЫЕ ЖЕРЕБЕИ И КАРТЕЧЬ
Лацилин, с. 16—17.
262. ПУГАЧЕВ В САРАТОВЕ
Зап. от старой пирожницы Вахромеевны в г. Саратове. Опубл. Николаев А. в «Саратовских губернских ведомостях», 1860, № 25.
263. ПРО ПУГАЧЕВА
Из кн.: Песни и сказания о Разине и Пугачеве. — М.-Л., 1935, с. 193.
264. ПУГАЧЕВЦЫ В ЛУКОЯНОВЕ
Зап. от Кашиной Г. И., 1930 г. р., в г. Лукоянове Горьковской обл. Морохиным Н. В. в 1987 году.
265. ХОРШЕВАШИ
Димитриев, с. 331.
266. ПУГАЧЕВСКИЕ ДОРОГИ
Седова, с. 26—27.
267. РАСПЛАТА ПУГАЧЕВА С КУПЦОМ
Димитриев, с. 334.
268. ПРО ПУГАЧА
Садовников, № 115.
269. КРАСНОСЛОБОДСК
Седова, с. 25—26.
270. ГЕНЕРАЛ ПУГАЧЕВА
Димитриев, с. 345.
271. ПУГАЧЕВ В АРЗАМАСЕ
Заря-Заряница, с. 167.
272. БУЛАТ ПУГАЧЕВА
Кузменко, с. 146—147.
273. ГОРЬКАЯ СМЕРТЬ
Русская старина, с. 172.
274. АРИСТОВ ОБРАГ
Морохин, с. 208—209.
275. РЕЛЬСКОЕ ОЗЕРО
Морохин, с. 209—210.
276. ПУГАЧ И САЛТЫЧИХА
Мамакин, с. 140.
277. КАК СЫН РОДИТЕЛЕЙ СПАС
Мельников, с. 42.
278. ПРО АНТОНА ПЕТРОВА
Зап. от Сидоровой А. И., 1902 г. р., в с. Антоновка Куйбышевского р. Р. Т. Морохиным Н. В. и Худайбердиевым Д. Д. в 1979 году.

О кладях и магической силе земли и сокровищ

279. ХУДОЯРОВ ГОРОДОК

Садовников, с. 325—326.

280. О КЛАДАХ И КУРГАНАХ

Архив ВГО. Фонд Маликова Н. 1855 год.

281. БРАТЫНСКОЕ ОЗЕРО

Зап. от Малова М. В., 1899 г. р., в р. п. Васильсурск Горьковской обл. Орловым П. М. в 1965 году.

282. МОГИЛА КНЯЗЯ БОЛТУША

Из статьи Худякова М. А. «Из фольклора Нижегородского края» // Советская этнография. 1931, № 3—4.

283. ПРИСТАНЬ

Зап. от Молчанова Л. А., 1915 г. р., в г. Шахунья Горьковской обл. Морохиным Н. В. в 1985 году.

284. СОЛОВЕЦКИЕ РАЗБОЙНИКИ

Зап. от Скородумова В. И., 1914 г. р., в с. Верховское Шахунского района Горьковской обл. в 1985 г. Ермолаевым Ю. А.

285. КЛАД РАЗИНЦЕВ

Зап. от Новашина М. Н., 1906 г. р., в с. Чупалейка Выксунского р. Горьковской обл. Немудровой Г. А. и Пазюк Л. Я. в 1972 году.

286. РАЗИНСКИЙ КАМЕНЬ

Зап. от Кашиной Г. И., 1930 г. р., в г. Лукоянове Горьковской обл. Морохиным Н. В. в 1987 году.

287. ДАРЫ СТЕПАНА РАЗИНА

Аристов, с. 715.

288. РАЗИНСКИЙ КЛАД

Аристов, с. 732—733.

289 ТРУБКА СТЕНЬКИ РАЗИНА

Лозанова, с. 170.

290. РАЗИНЦЫ НА СУРЕ

Зап. от Баринаова Р. А., 1933 г. р., в с. Курмыш Пильнинского р. Горьковской обл. Морохиным Н. В. в 1990 году.

291. СЕНИНА РАМЕНЬ

Зап. от Рябова Л. Н., 1930 г. р., в р. п. Сява Горьковской обл. Морохиным Н. В. в 1990 году.

292. НА ГОРЕ ЛЕПЕШКЕ

Зап. Емельяновым М. А. Из кн.: Степан Разин на Волге. Куйбышев, 1939.

293. ПРЕДАНИЕ О СТЕПАНЕ РАЗИНЕ

Архив ВГО. Зап. Орловым В. П. в 1866—1867 гг.

294. О КЛАДЕ ВАСИЛИЯ РОЩИНА

Зап. от Карпова И. Г. в с. Верхняя Веряя Выксунского р. Горьковской обл. Комовской Н. Д. в 1937 году.

295. КЛАД

Комовская, с. 64—65.

296. О КЛАДАХ

Зап. от Кирилловой К. И., 1907 г. р., в с. Успенское Воскресенского р. Горьковской обл. Смолиным В. Ю. в 1976 году.

297. О КЛАДАХ МАКАРЬЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ

Зап. от Черемухина С. Н., 1913 г. р., в д. Сосновка Большемурашкинского р. Горьковской обл. Оганиным А. Т. в 1973 году.

298. КЛАД МАХОНА

Зап. от Воробьева В. А., 1937 г. р., в р. п. Вача Горьковской обл. Лукиной Н. П. в 1989 году.

299. ПОДАРОК СТАРИКА

Димитриев, с. 351.

300. ЗАКОЛДОВАННЫЙ КЛАД

Зап. от Солдатовой Е. В., 1886 г. р., в с. Теньки Камско-Устьинского р. Р. Т. Вайгачевой Л. И. и Морохиным В. Н. в 1967 году.

301. ПРО КЛАД

Зап. от Авдеева А. Н., 1905 г. р., в д. Шадрино Воскресенского р. Горьковской обл. Шаровой А. П. в 1974 году.

302. СОБАКА ОБРАТИЛАСЬ В ЗОЛОТО

Садовников, с. 363.

303. КЛАД НЕ ДАЛСЯ

Садовников, с. 364.

304. КЛАД ДАВАЛСЯ

Садовников, с. 362.

305. НЕ СУМЕЛ ВЗЯТЬ КЛАД

Садовников, с. 365.

306. ТАЙНОЕ ПОДЗЕМЕЛЬЕ

Зап. Мельникова П. И. Из кв.: Богатыри с горы Могутовой. — М., Профиздат, 1963.

307. КЛАДЫ ПУГАЧЕВА

Димитриев, с. 341—342.

Топонимические предания

308. СЕЛИГЕР И ИЛЬМЕНЬ

Ниж. пр., 1990, № 140.

309. ВОЛГА И КАМА

Садовников, с. 383.

310. САМАРА

Зап. Добролюбова Н. А. Из кн.: В. Ф. Егоров Н. А. Добролюбов — собиратель и исследователь народного творчества Нижегородской губернии. — Горький, 1956, с. 93.

311. ВАЗУЗА И ВОЛГА

Зап. в Тверской губ. Из кн.: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в 3-х тт., т 1. — М., 1984, с. 112.

312. О ДНЕПРЕ, ВОЛГЕ И ЗАПАДНОЙ ДВИНЕ

Из кн.: Афанасьев А. Н. Живая вода и вещее слово. — М., 1988, с. 404.

313. ВОЛЖСКИЕ ПОРОГИ

Зап. от Лисичкиной В. И., 1939 г. р., в г. Костроме Кузьминой Е. Б. в 1992 году.

314. ШУТКИ ИЛИСТОЙ КУДЬМЫ

Ниж. пр., 1991, № 232.

315. ВОЛЖСКАЯ КОСА

Ниж. пр., 1991, № 232.

316. РЕКА ВЕТЛУГА

Заря-Заряница, с. 160—162.

317. СУРА

Ниж. пр., 1991, № 232.

318. РЕЧКИ ПЬЯНА И ВАД

Зап. Добролюбова Н. А. Из кн.: В. Ф. Егоров Н. А. Добролюбов — собиратель и исследователь народного творчества Нижегородской губернии. — Горький, 1956, с. 93.

319. ЛИНДА

Зап от Овчинникова П. Г., 1884 г. р., в р. п. Октябрьский Горьковской обл. Морохиным В. Н. в 1965 году.

320. ЖЕЛЯ

Зап. от Козлова Н. А., 1897 г. р., в с. Сунеево Перевозского р. Горьковской обл. Ивановой И. В. и Окуновой Л. В. в 1979 году.

321. РЕЧКА ТУЖА

Зап. от Воробьева В. А., 1937 г. р., в р. п. Вача Горьковской обл. Лукиной Н. П. в 1989 году.

322. СЕРГАЧКА

Ниж. губ. вед., 1863, № 26.

323. ДРЯЗГА

Зап. от Колесова И. К., 1891 г. р., в р. п. Ленинская Слобода Горьковской обл. Морохиным В. Н. в 1965 году.

324. ОЗА

Зап. от Воронова П. П., 1912 г. р., в с. Тарталей Бутурлинского р. Горьковской обл. Морохиным В. Н. в 1980 году.

325. КОКШАГА

Зап. от Мальцевой Л. А., 1942 г. р., в г. Звенигово Р. М. Андреевой Н. Н. в 1967 году.

326. РЕЧКА ИЛИНДИК

Зап. от Кербенева И. И., 1940 г. р., в д. Ефаново Вачского р. Горьковской обл. Сысоевым А. В. в 1966 году.

327. МОЧКАУШКА

Зап. от Павлова И. П., 1906 г. р., в д. Ойкасы Ядринского р. Р. Ч. Шаровой А. П. в 1976 году.

328. СВЕЧА

Зап. от Копысовой Т. Я. в г. Шахунья Горьковской обл. Модиной Г. Г. в 1980 году.

329. ТОМИЛИХА

Зап. от Старостина И. Ф. в д. Шевелино Воскресенского р. Горьковской обл. Горбачевой Н. И. в 1976 году.

330. УЗОЛА

Зап. от Климовой Л. А., 1941 г. р., в г. Городце Нижегородской обл. Морохиным Н. В. и Павловым Д. Г. в 1992 году.

331. ЕЛХОВКА

Зап. от Левашова А. С., 1904 г. р., в с. Полянское Тонкинского р. Горьковской обл. Елкиной Л. А. в 1968 году.

332. ПЕШИК ЧИРМА

Зап. от Александрова З. А., 1904 г. р., в д. Малый Сундырь Ядринского р. Р. Ч. Беловой О. В. и Оноховой О. А. в 1976 году.

333. РУДКА

Зап. от Петуниной Т. В., 1954 г. р., в р. п. Шаранга Нижегородской обл. Морохиным Н. В. и Павловым Д. Г. в 1991 году.

334. ЛЕГЕНДА О РЕКЕ ВЕЛИКОЙ

Морохин, с. 132—134.

335. КЕРЖЕНЕЦ

Зап. от Козина П. Ф. 1891 г. р., в с. Чугуны Воротынского р. Горьковской обл. Зубченковой Е. Ф., Казанцевой Н. В. и Морохиным В. Н. в 1969 году.

336. РЕЧКА ПОЧАЙНА

Ниж. пр., 1991, № 140.

337. РЕКА ПЬЯНА

Зап. от Маловой В. И., 1925 г. р., в с. Борнуково Бутурлинского р. Горьковской обл. Морохиным Н. В. в 1980 году.

338. ПЬЯНА-РЕКА

Геологические путешествия, с. 162.

339. РЕЧКА ОСОВЕЦ

Зап. от Склянина В. В., 1917 г. р., в р. п. Решетиха Нижегородской обл. Богачевым И. В. в 1994 году.

340. РЕКА ЯХТА

Зап. от Смирнова И. М., 1897 г. р., в р. п. Тонкино Горьковской обл. Кузьминой Л. Н. в 1972 году.

341. САДКО БЛАГОДАРИТ ВОЛГУ

Ниж. пр., 1991, № 140.

342. КУДЬМА

Морохин, с. 135—150.

343. ТЕКУН-ОЗЕРО

Зап. от Кожухина Н. В., 1950 г. р., в р. п. Сокольское Нижегородской обл. Морохиным Н. В., Харловым А. В., Ляпаевой О. Н. в 1994 году.

344. ПУСТЫНСКИЕ ОЗЕРА

Зап. от Беляковой С. Г., 1923 г. р., в с. Пустынь Арзамасского р. Горьковской обл. Морохиным Н. В. в 1986 году.

345. ОЗЕРО НЕСТИЯР

Зап. от Плехановой А. К. в с. Нестиары Воскресенского р. Горьковской обл. Федоровым Н. И. в 1977 году.

346. ЛЕВЯЖЬЕ ОЗЕРО

Зап. от Дружинина И. Ф., 1916 г. р., в д. Томилиха Воскресенского р. Горьковской обл. Бульчевой В. Г. в 1976 году.

347. ОЗЕРО ЭРНЕСЛУ

Димитриев, с. 52.

348. АННЕНСКОЕ ОЗЕРО

Зап. от Малова М. В., 1899 г. р., в р. п. Васильсурск Горьковской обл. Орловым П. М. в 1965 году.

349. ОЗЕРО КОТЮРЕВО

Зап. от Карбенева И. И., 1947 г. р., в с. Давыдково Сосновского р. Горьковской обл. Чилиной Н. Н. в 1973 году.

350. ТИХОЕ ОЗЕРО

Зап. от Егошина Н. С., 1907 г. р., в с. Кокшамары Звениговского р. Р. М. Бричкиной В. Д. и Сосульниковой В. С. в 1967 году.

351. ОЗЕРО ГОРЮН

Зап. от Чернобровцева И. А., 1919 г. р., в р. п. Решетиха Нижегородской обл. Богачевым И. В. в 1994 году.

352. ОЗЕРО РАЗИНА

Седова, с. 22.

353. КАЗАЧЬЯ ЗАПРУДА

Димитриев, с. 303—304.

354. СВЯТОЕ ОЗЕРО

Зап. от Кузнецова И. Г., 1886 г. р., в с. Безводное Кстовского р. Горьковской обл. Морохиным В. Н. в 1965 году.

355. КОЛОДЛИВОЕ ОЗЕРО

Зап. от Короткова И. А., 1899 г. р., в д. Тамболес Выксунского р. Горьковской обл. Морохиным В. Н. в 1972 году.

356. СОЛЕНОЕ ОЗЕРО

Зап. от Егошина Н. С., 1907 г. р., в с. Кокшамары Звениговского р. Р. М. Бричкиной В. Д. и Сосульниковой В. С. в 1967 году.

357. ОЗЕРО ТАИР

Зап. от Васильева В. В., 1933 г. р., в г. Волжске Р. М. Андреевой Н. Н. в 1967 году.

358. КРАСНОЕ БОЛОТО

Зап. от Морозовой Н. М. в с. Кокшамары Звениговского р. Р. М. Кушаковым С. В. в 1960-х годах.

359. МУЧНОЕ БОЛОТО

Зап. от Романова А. И. в с. Кокшамары Звениговского р. Р. М. Романовой З. А. в 1965 году.

360. КОЗЛОВО БОЛОТО

Зап. от Старостиной О. И., 1911 г. р., в д. Шевелино Воскресенского р. Горьковской обл. Бульковой В. Г. в 1976 году.

361. ЧЕРТОВО БОЛОТО

Зап. от Палагиной Л. А., 1905 г. р., в Д. Марьино Воскресенского р. Горьковской обл. Смирновой Н. Н. в 1975 году.

362. ОВРАГ У ОЗЕРА СВЕТЛОЯР

Зап. от Кондриной А. И., 1907 г. р., в с. Владимирское Воскресенского р. Горьковской обл. Мариновой Е. В. и Литинской А. Д. в 1982 году.

363. КЛАДОВЫЕ ОВРАГИ

Седова, с. 22—23.

364. ГОЛОДАЕВ ЛОГ

Ниж. пр., 1991, № 140.

365. ОВРАГ СТЕПАНА РАЗИНА

Зап. от Калынова Г. И., 1906 г. р., в п. им. Калинина Борского р. Горьковской обл. Кривенцовой Г. П. и Поповой Г. М. в 1966 году.

366. ПАШИН ОВРАГ

Зап. от Бабенышева П. С., 1911 г. р., в р. п. Ардатове Горьковской обл. Султановой Т. Ч. в 1980 году.

367. ОВРАГ КАВЛЕЙ

Зап. от Ереминой А. И., 1911 г. р., в с. Нуча Ардатовского р. Горьковской обл. Ютаниной О. В. в 1980 году.

368. ОВРАГ ИЛЬМОНА

Зап. от Муравьева Р. А. в с. Кокшамары Звениговского р. Р. М. Урлиным В. А. в 1967 году.

369. СУДАРЕВ ОВРАГ

Зап. от Зимина Н. П., 1897 г. р., в р. п. Куйбышевский Затон Камско-Устьинского р. Р. Т. Морохиным В. Н. в 1967 году.

370. ОВРАГ ШПРЕЛЕ-ВАР

Зап. от Александра З. А., 1904 г. р., в с. Полянское Тонкинского р. Горьковской обл. Селезневой Г. Д. в 1972 году.

371. ЛОЖБИНА САВТЕВИ

Димитриев, с. 42—43.

372. КАМЕНЬ-КОНЬ И КАМЕНЬ-ЖЕРЕБЕНОК

Геологические путешествия, с. 179—181.

373. КУРГАНЫ УДМУРТСКОГО БОГАТЫРЯ

Марийский фольклор, с. 142.

374. ПЕРЕМИЛОВСКИЕ ГОРЫ

Зап. от Воробьева В. А., 1937 г. р., в р. п. Вача Горьковской обл. Лукиной Н. П. в 1989 году.

375. ГОРА ДИНА

Зап. от Рябинина И. П., 1896 г. р., в с. Жайск Вацкого р. Горьковской обл. Морохиным В. Н. в 1969 году.

376. БАРАНЬЯ ГОРА

Из кн.: Исаков В. У истоков Волги. М., 1988, с. 18—19.

377. ОЛЕНИНА ГОРА

Зап. от Заточаева В. А., 1919 г. р., в с. Пилекшево Перевозского р. Горьковской обл. Горяченковым С. А. в 1979 году.

378. КАЗАЧИЙ БУГОР

Зап. от Максимова А. М., 1891 г. р., в с. Кокшайск Звениговского р. Р. М. Морохиным В. Н. в 1967 году.

379. ИЛЬИНА ГОРА

Зап. от Шаламагиной П. Д., 1898 г. р., в с. Ильина Гора Ядринского р. Р. Ч. Шаровой А. П. в 1976 году.

380. ХОЛМ ЧЕГЕРЧИК

Димитриев, с. 53.

381. ГОРА ГОРОДСКАЯ

Зап. от Сидорова Я. С. в д. Курукнуры Медведевского р. Р. М. Кушаковым С. М. в 1927 году.

382. МИРОШКИНА ГОРА

Зап. от Тумакова Н. Г., 1893 г. р., в р. п. Красные Баки Горьковской обл. Шаровой А. П. в 1976 году.

383. БАБЬЯ ГОРА

Зап. от Тумакова Н. Г., 1893 г. р., в р. п. Красные Баки Горьковской обл. Шаровой А. П. в 1976 году.

384. МАРИШКИНА ГОРА

Из кн.: Исаков В. У истоков Волги. М., 1988, с. 22—23.

385. ГОРА СЕМИ БРАТЬЕВ

Зап. от Калынова Г. И., 1906 г. р., в п. им. Калинина Борского р. Горьковской обл. Кривенцовой Г. П. в 1966 году.

386. ОЛЕНЬЯ ГОРА

Ниж. пр., 1991, № 140.

387. СТЕНЬКИН ОСТРОВ

Зап. от Блинова А. П., 1895 г. р., в с. Работки Кстовского р. Горьковской обл. Морохиным В. Н. в 1967 году.

388. БУГОР СТЕПАНА РАЗИНА

Зап. в приволжских селах Зайковским В. В.; Акимова Т. М. и Архангельская В. К., с. 219.

389. УТЕСЫ НАД ВОЛГОЙ

Кузменко, с. 47—48. Зап. от Бушуева П. Н. Поповым В. И.

390. КУРГАН ФИЛИНЯТНИК

Зап. от Завирущева С. П., 1906 г. р., в г. Горбатове Горьковской обл. Морохиным Н. В. в 1989 году.

391. ЧЕЛНОВАЯ ГОРА

Зап. от Завирущева С. П., 1906 г. р., в г. Горбатове Горьковской обл. Морохиным Н. В. в 1989 году.

392. ПАНОВЫ И КИРИЛЛОВЫ ГОРЫ

Зап. от Климовой З. А., 1941 г. р., в г. Городце Нижегородской обл. Морохиным Н. В. и Павловым Д. Г. в 1992 году.

393. ГРИВЫ

Зап. от Логинова Д. И., 1894 г. р., в с. Ильина Гора Ядринского р. Р. Ч. Шаровой А. П. в 1976 году.

394. ГОРА ПАТЫР ЙОЛ.

Акдорин, 1991, с. 138. Текст «Патыр Йол Курык» переведен с марийского Морохиным Н. В. при работе над книгой «Легенды и предания Волги-реки».

395. ДУРМАН-ГОРА

Зап. от Калынова Г. И., 1906 г. р., в п. им. Калинина Борского р. Горьковской обл. Кривенцовой Г. П. и Поповой Г. М. в 1966 году.

396. САРИОН КУРГАН

Зап. от старожилов-волжан голландским путешественником Стрейсом Я. Я. в 1669 году. Из кн.: Стрейс Я. Я. Три путешествия. М., 1935.

397. ЦАРЕВ КУРГАН

Зап. от Зимина Н. П., 1897 г. р., в р. п. Куйбышевский Затон Р. Т. Морохиным В. Н. и Рязановой Н. И. в 1967 году.

398. ГОРА СТОЛБИЧИ

Зап. от Зимина Н. П., 1897 г. р., в р. п. Куйбышевский Затон Р. Т. Морохиным В. Н. и Рязановой Н. И. в 1967 году.

399. ТУКАСЫ

Зап. от Кириллова А. К., 1912 г. р., в д. Тукасы Ядринского р. Р. Ч. Шаровой А. П. в 1975 году.

400. СУВОРОВА МОГИЛА

Зап. от Котковой Л. А., 1952 г. р., в с. Тюмерево Янтиковского р. Р. Ч. Шаровой А. П. в 1975 году.

401. ДЕВУШКИНА ГОРА

Зап. от Зимина Н. П., 1897 г. р., в р. п. Куйбышевский Затон Р. Т. Морохиным В. Н. и Рязановой Н. И. в 1967 году.

402. ГОРА ВЕНКИ

Зап. от Махавкиной Т. В. в с. Инкино Бутурлинского р. Горьковской обл. Порошенковой В. Ю. и Ялышевой С. Н. в 1980 году.

403. ПРЯНИЧНАЯ ГОРА

Садовников, с. 383.

404. ДВА БРАТА

Ниж. пр., 1991, № 140.

405. ЖИГУЛЬ И СОКОЛ

Ниж. пр., 1991, № 140.

406. ЗВЯГИНО

Зап. от Першиной А. Я., 1906 г. р., в д. Стрелецкое Ядринского р. Р. Ч. Беганцева Л. В. и Болдиной О. И. в 1976 году.

407. ВЕЛИКИЙ ВРАГ

Зап. от Кузнецова И. Г., 1886 г. р., в с. Безводное Кстовского р. Горьковской обл. Горшенковым Г. Н. в 1965 году.

408. КИНЕШМА

Зап. от Тумакова Н. Г., 1893 г. р., в р. п. Красные Баки Горьковской обл. Шаровой А. П. в 1970 году.

409. РЕШМА

Зап. от Тумакова Н. Г., 1893 г. р., в р. п. Красные Баки Горьковской обл. Шаровой А. П. в 1970 году.

410. КИСТЕНЕВКА

Зап. от Галкина Н. А., 1896 г. р., в с. Большое Болдино Горьковской. Пашиной Н. А. в 1970 году.

411. УЙКАССЫ

Зап. от Кирилловой А. К., 1912 г. р., в д. Тукасы Ядринского р. Р. Ч. Шаровой А. П. в 1976 году.

412. БУСЛАЕВО

Зап. от Туманова Н. Г., 1893 г. р., в р. п. Красные Баки Горьковской обл. Шаровой А. П. в 1970 году.

413. ПОЛЕ СЕМЕРЫХ

Димитриев, с. 348—349.

414. КУРГАНЫ ПУГАЧЕВЦЕВ

Димитриев, с. 339—340.

415. ТЕТЮШИ

Зап. от Биккиниева Г. Х., 1908 г. р., в с. Теньки Камско-Устьинского р. Р. Т. Морохиным В. Н. в 1967 году.

416. УТКИНО

Зап. от Долгих В. С., 1950 г. р., в р. п. Сява Горьковской обл. Морохиным Н. В. и Харловым А. В. в 1990 году.

417. КЕНДЯ

Седова, с. 13—15.

418. ШОКИНО, ФОКИНО, КЕКИНО

Зап. от Чистякова А. Н. в Ядринском р. Р. Ч. Королевой Е. А. в 1976 году.

419. ФОКИНО

Зап. от Амбарова А. А., 1888 г. р., в р. п. Макарьево Лысковского р. Горьковской обл. Морохиным В. Н. в 1965 году.

420. ОБОЛКИНО

Зап. от Урусова В. Н., 1939 г. р., в р. п. Большое Мурашкино Нижегородской обл. Морохиным Н. В. и Павловым Д. Г. в 1992 году.

421. ПОЙКА

Зап. от Кашиной Г. И., 1930 г. р., в г. Лукоянове Горьковской обл. Морохиным Н. В. в 1987 году.

422. КРАСНЫЙ ОСЕЛОК

Зап. от Черепанова Е. А., 1919 г. р. в г. Н. Новгороде Морохиным В. Н. в 1994 году.

423. ПРОЛЕЙ КАША

Зап. от Куркова Г. И., 1905 г. р., в с. Пролей Каша Тетюшского р. Р. Т. Гусевой В. М. в 1967 году.

424. ГАРИ

Зап. от Сидоркиной А. Г. в с. Кудлей Ардатовского р. Горьковской обл. Печенициной М. Г. в 1980 году.

425. ГРЕБНИ

Зап. от Биккиниева Г. Х., 1908 г. р., в с. Теньки Камско-Устьинского р. Р. Т. Морохиным В. Н. в 1967 году.

426. КРАСНОВИДОВО

Зап. от Перегиной Е. Ф., 1933 г. р., в с. Красновидово Камско-Устьинского р. Р. Т. Скворцовой Н. Н. в 1967 году.

427. КРЯЖЕВА СЕЧЬ

Зап. от Воробьева В. А., 1937 г. р., в р. п. Ваца Горьковской обл. Лукиной Н. П. в 1989 году.

428. ТАРТАЛЕЙ

Зап. от Воронова П. П., 1912 г. р., в с. Тарталей Бутурлинского р. Горьковской обл. Морохиным Н. В. в 1980 году.

429. МИХЕЕВКА

Зап. от Перепеловой Е. М. в с. Михеевка Ардатовского р. Горьковской обл. Опыхтиным Н. Г. в 1980 году.

430. ВАД

Зап. от Петрова П. В., 1920 г. р., в с. Вад Горьковской обл. Морохиным Н. В. в 1984 году.

431. ЧЕРНОМУЖ

Зап. от Барышниковой В. Т., 1918 г. р., в д. Барышники Шарангского р. Нижегородской обл. Илявиной Н. Г. и Фировой А. Г. в 1991 году.

432. ЧЕРТОВКА

Зап. от Туманова Н. Г., 1893 г. р., в р. п. Красные Баки Горьковской обл. Шаровой А. П. в 1970 году.

433. ДУМНАЯ ДОРОГА

Зап. от Трегубова Ф. О., 1896 г. р., в с. Кокшайск Звениговского р. Р. М. Бричкиной В. Д. и Сосульниковой В. С. в 1967 году.

434. ГРЯЗУНЬЯ

Зап. от Бурякова Н. Н., 1900 г. р., в г. Горьком Федоровым Н. И. в 1975 году.

435. ДВА КУРГАНА
Зап. от Петрова П. В., 1920 г. р., в с. Вад Горьковской обл. Морохиным Н. В. в 1984 году.
436. МАРОВОЕ ПОЛЕ
Зап. от Козлова Д. Е., 1910 г. р., в с. Якубовка Бутурлинского р. Горьковской обл. Бороздиной О. В. и Блиновой М. О. в 1980 году.
437. МЕДВЕДИХА
Зап. от Бурякова Н. И., 1900 г. р., в г. Горьком Федоровым Н. И. в 1975 году.
438. РУСАЛКИН КАМЕНЬ
Зап. от Гориной Е. И., 1918 г. р., в с. Белавка Воротынского р. Горьковской обл. Мацаевой Л. И. в 1974 году.
439. ПРОКЛЯТИЕ НИЖНЕГО НОВГОРОДА
Ниж. губ. вед., 1861, № 23.
440. ТАТАРСКИЙ КОЛОДЕЦ
Зап. от Воробьева В. А., 1937 г. р., в р. п. Вача Горьковской обл. Лукиной Н. П. в 1989 году.
441. КОБЫЛЯНСКИЙ ОМУТ
Заветлужье, с. 85.
442. МЕЛАНЬЮШКИН КОЛОДЕЦ
Зап. от Евлампиевой Е. Е., 1920 г. р., в с. Помра Дальнеконстантиновского р. Нижегородской обл. Морохиным Н. В. в 1992 году.
443. БАРАНОВ КЛЮЧ
Усов, с. 125—126.
444. ПРО МАРКОВУ ЛОДКУ
Зап. от Харитоновой Е. Т., 1911 г. р., в р. п. Новоспасское Ульяновской обл. Синьковой О. Г. и Свидовской Н. К. в 1975 году.
445. ГРЕМЯЧИЙ КЛЮЧ
Усов Н. А. Старый Нижний Новгород в преданиях и легендах. — Горький, 1947.
446. ПОЧАЙНА
Мельников-Печерский, с. 512.
447. ПРО КУМУ
Морохин, с. 55—56.
448. ОШАРА
Из кн.: Милотворский И. А. Нижний Новгород, его прошлое и настоящее. — Н. Новгород, 1911, с. 88.
449. ЗАМАНИХА
Зап. от Сулова А. П., 1892 г. р., в г. Павлово Горьковской обл. Нефедовым И. А. в 1967 году.
450. КОРМЕЖКА
Заветлужье, с. 56.
451. МАЛКОВ ПОЧИНОК
Заветлужье, с. 56.

452. КРАСНАЯ ГОРКА

Зап. от Дуреевой А. С., 1921 г. р., в г. Горьком Поликарповой И. Ю. в 1990 году.

463. КУЛЁВЫ ЯМЫ

Зап. от Козлова И. А., 1887 г. р., в с. Сунеево Перевозского р. Горьковской обл. Ивановой И. В. в 1979 году.

454. ПЛОЩАНИХА

Зап. от Тумакова Н. Г., 1893 г. р., в р. п. Красные Баки Горьковской обл. Шаровой А. П. в 1970 году.

455. КИНДЯКОВКА

Андреев, с. 183—184.

О Боге, святых, чудесах и разных событиях

456. КАК ЗЕМЛЯ СОТВОРЕНА БЫЛА

Зап. от Амбарова А. А., 1888 г. р., в р. п. Макарьево Горьковской обл. Морохиным В. Н. в 1965 году.

457. ЛЕГЕНДА О СОТВОРЕНИИ МИРА

Зап. от Панкова В. М., 1922 г. р., в р. п. Варнавино Нижегородской обл. Царевой Н. В. в 1992 году.

458. ПРО ЧЕЛОВЕКА И СОБАКУ

Зап. от Щелетова в Казанской губ. Соловьевым Е. Т. В 1876 году. Архив ВГО.

459. ПРО ТО, ОТКУДА СОЛНЦЕ ВЗЯЛОСЬ

Зап. от Угловой А. П., 1925 г. р., в р. п. Тумботино Горьковской обл. Ундаловым А. А. в 1977 году.

460. «ПИТЬ! ПИТЬ!»

Из кн.: Терещенко А. В. Быт русского народа. — СПб., 1848, т. 5, с. 47.

461. ПРО РОЖЬ

Зап. от Тумакова Н. Г., 1893 г. р., в р. п. Красные Баки Горьковской обл. Куликовой Л. П. и Михайловым М. И. в 1968 году.

462. ЛЕГЕНДА О ПРОИСХОЖДЕНИИ ДРЕВЛЯН,

КРИВИЧЕЙ, ПОЛЯН, СЕВЕРЯН И РУСОВ

Из кн.: Русские веды. — М., 1992, с. 149—150.

463. О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЧУВАШСКОГО НАРОДА

Димитриев, с. 26—27.

464. КАК ЧУВАШИ ПРИШЛИ К ВОЛГЕ

Димитриев, с. 25—26.

465. О ВОЗНИКНОВЕНИИ МАРИЙСКОГО НАРОДА

Зап. от Соловьевой Р. С., 1929 г. р., в с. Кокшамары Звениговского р. Р. М. Морохиным В. Н. в 1967 году.

466. ПРО ЛОСЯ

Труды КНОИМК. Вып. 29, с. 9.

467. ХРИСТОВ БРАТЕЦ
Афанасьев, с. 62.
468. ЦАРЕВИЧ ЕВСТАФИЙ
Афанасьев, с. 130—131.
469. МИКОЛА И КАСЬЯН
Зап. от Лобышевой А. Ф., 1910 г. р., в с. Учуево-Майдан Починковского р. Горьковской обл. Морохиным В. Н. в 1977 году.
470. КАЖДОМУ ПО ЗАСЛУГАМ
Зап. от Скворцова П. С., 1906 г. р., в р. п. Мочалище Р. М. Купряхиной В. М., Либиной В. К. и Шустовым М. П. в 1977 году.
471. ПРО НАРОДНОЕ ПЕНИЕ
Зап. от Амбарова А. А., 1888 г. р., в р. п. Макарьево Горьковской обл. Морохиным В. Н. в 1965 году.
472. ИЛЬЯ ПРОРОК И НИКОЛА
Афанасьев, с. 73—75.
473. НИКОЛАЙ ЧУДОТВОРЕЦ
Зап. от Ложкиной Е. В. в с. Сосновка Сарапульского у. Вятской губ. Из кн.: Великорусские сказки Вятской губернии. Сборник Зеленина Д. К. Пг., 1915, с. 403—406.
474. ЧУДОТВОРЕЦ МАКАРИЙ
Зап. от Амбарова А. А., 1888 г. р., в р. п. Макарьево Горьковской обл. Морохиным В. Н. в 1965 году.
475. МАКАРИЙ-ПРИТЫКА
Зап. от Тумакова Н. Г., 1893 г. р., в р. п. Красные Баки Горьковской обл. Шаровой А. П. в 1970 году.
476. ГЕОРГИЕВ КАМЕНЬ
Зап. от Климовой Л. А., 1941 г. р., в г. Городце Нижегородской обл. Морохиным Н. В. и Павловым Д. Г. в 1992 году.
477. ЛЕГЕНДА О СВЯТОМ ВАРНАВЕ
Зап. от Панкова В. М., 1922 г. р., в р. п. Варнавино Нижегородской обл. Царевой Н. В. в 1992 году.
478. ОТЕЦ СЕРАФИМ
Зап. от Новиковой А. М., 1901 г. р., в д. Красный Яр Воскресенского р. Горьковской обл. Живровой А. Д. в 1974 году.
479. СТАРЕЦ ГЕРАСИМ
Зап. от Тюленева Н. В., 1901 г. р., в д. Верхняя Слудка Ветлужского р. Горьковской обл. Комковой Е. И. в 1971 году.
480. ОТЧЕГО МЕДВЕДЬ СТАЛ ЧЕЛОВЕКА БОЯТЬСЯ
Труды КНОИМК. Вып. 29, с. 7.
481. МИКОЛА-УГОДНИК И ОХОТНИКИ
Садовников, с. 268—269.
482. ЧУДО НА МЕЛЬНИЦЕ
Афанасьев, с. 34.

483. РАХ-РАЗБОЙНИК
Садовников, с. 300—301. Зап. от Иванова И. Д. в с. Новиковка
Ставропольского у. Самарской губ.
484. ЭТО СЛУЧИЛОСЬ В ДЕРЕВНЕ УПРАМ
Марийский фольклор, с. 137.
485. О ГОРОДЕ ВАСИЛЕ-СУРСКОМ И ОЗЕРЕ НЕСТИЯРЫ
Геологические путешествия, с. 167—168.
486. КИРИЛЛОВЫ ГОРЫ
Зап. от Климовой Л. А., 1941 г. р., в г. Городце Нижегородской об-
ласти Морохиным Н. В. и Павловым Д. Г. в 1992 году.
487. ЛЕГЕНДА О СВЯЩЕННИКЕ
Зап. в Чистопольском у. Казанской губ. в 1850 году. Архив ВГО.
488. ПРО ОХОТНИКА
Садовников, с. 380—381.
489. ТАРАТАШ
Зап. от Мусина Н. М., 1924 г. р., в с. Уразовка Краснооктябрьского р.
Нижегородской обл. Морохиным Н. В. и Гришиным М. А. в 1994 году.
490. СЕЛО УСПЕНСКОЕ МАКАРЬЕВСКОЙ ОКРУГИ
Архив ВГО.
491. СИЛА МОЛИТВЫ
Труды КНОИМК. Вып. 29, с. 10.
492. КАК МОРДВУ КРЕСТИЛИ
Зап. от Шеменевой А. Ф., 1905 г. р., в с. Вечкусово Шатковского р. Ниже-
городской обл. Морохиным Н. В., Павловым Д. Г., Харловым А. В.,
Ляпаевой О. Н. в 1993 году.
493. ДЯТЛЫ СПАСАЮТ ПРАВОСЛАВНОГО
Ниж. пр., 1991, № 140.
494. СОЛДАТ И СМЕРТЬ
Афанасьев, с. 100—102.
495. СМЕРТЬ ПРАВЕДНОГО И ГРЕШНОГО
Афанасьев, с. 137—138.
496. ПРАВИТЕЛЬ ТЕМЕНЬ
Димитриев, с. 34—35.
497. КАК ЛОШАДЬ ПРОСТИЛА ОБИДУ
Труды КНОИМК. Вып. 29, с. 8.
498. ОТКУДА МЕДВЕДИ ПОШЛИ
Зап. в г. Орлове Вятской губ. Из кн.: Сборник великорусских ска-
зок Архива Русского географического общества. — Пг., 1917.
499. ПРО ПОМЕЩИКА ЦВЕТКОВА
Зап. от Артемьева С. Г., 1889 г. р., в д. Сергеевка Моргаушского р.
Р. Ч. Кочкиным В. А. в 1966 году.
500. БЫВАЛИ И ТАКИЕ «ЧУДЕСА»
Зап. от Шапкиной Е. И., 1917 г. р., в с. Владимирском у озера Свет-
лояр Воскресенского р. Горьковской обл. Морохиным В. Н. в 1974 году.

501. ПРО РЫВИНУ

Зап. от Ершовой К. Я., 1905 г. р., в д. Шадрино Воскресенского р. Горьковской обл. Морохиным Н. В. в 1975 году.

502. О ЧУДЕСНОЙ ЗАПАДЕНКЕ

Зап. от Потаниных, в с. Владимирское Воскресенского р. Горьковской обл. Хомчук Н. И. в 1971 году.

503. ПЕЩЕРА

Кузменко, с. 132—133.

504. ЧЕРТОВО ГОРОДИЩЕ

Зап. от Майорова Ф. С., 1895 г. р., в г. Лысково Горьковской обл. Паниным А. Ф. в 1965 году.

505. СТЕРЛЯЖИЙ ЦАРЬ

Морохин, с. 155—156.

506. ВОТ РАЗ ПЛЫВЕТ ШЛЯПА ПО ВОЛГЕ...

Из кн.: Волжский фольклор. Сост. Сидельников В. М. и Крупянская В. Ю. — М., 1937, с. 65.

507. ПРО КУПЦА, КОТОРЫЙ НИЩИХ НЕ ПРИНИМАЛ

Труды КНОИМК. Вып. 29, с. 9.

508. В БОГАТСТВЕ ПРАВДЫ НЕТ

Зап. в д. Торопово Орловского уезда Вятской губ. Из кн.: Сборник великорусских сказок Архива Русского географического общества. — Пг., 1917.

509. ДОРОГА ДИКИХ ГУСЕЙ

Марийский фольклор, с. 55. Перевод с лугового марийского Н. В. Морохина.

510. МЕДВЕДЬ — ЭТО ПРОКЛЯТЫЙ ЧЕЛОВЕК

Легенды и предания мордвы, с. 28.

511. ПОЧЕМУ ВИДНА ДЕВУШКА НА ЛУНЕ

Марийский фольклор, с. 39. Перевод с лугового марийского Н. В. Морохина.

512. КАМЕННЫЕ БОГАТЫРИ

Шустов, с. 25—26.

Оглавление

Предисловие	6	28. Чутеево	50
Легенды и предания Волги-реки	12	29. Шахунья	—
Об освоении поволжских земель и происхождении названий селений		30. Ядрин	51
1. Как зачинался Нижний Новгород..	27	31. Анненка	—
2. О царе Тюштяне	—	32. Арабоси	52
3. Дятловы горы	32	33. Ашкельдино	—
4. Ибрагимов городок	33	34. Байглычево	53
5. Тверь	85	35. Батырево	—
6. Ярославль	—	36. Безводное	—
7. Казань	36	37. Бельшево	54
8. О Казани	37	38. Большое и Малое Непряхино ..	55
9. Про Казань	38	39. Бурнаковка	—
10. Йошкар-Ола	39	40. Варез	56
11. Чебоксары	—	41. Васильсурск	—
12. Симбирск	40	42. Волчья Долина	57
13. Ардатов	41	43. Гибловка	58
14. Арзамас	—	44. Горбатов	—
15. Балахна	42	45. Горушка	—
16. Дивеево	43	46. Желнино	59
17. Кстово	—	47. Журелейка	60
18. Кулебаки	44	48. Дудин монастырь	—
19. Лукоянов	—	49. Золотово	62
20. Лысково	45	50. Ичалки	—
21. Маринский Посад	—	51. Кавказ	63
22. Павлово	—	52. Кадницы	—
23. Пильна	46	53. Камаево поле	64
24. Сергач	—	54. Карпуниха и Петряево	66
25. Сокольское	48	55. Катунки	67
26. Тейково	—	56. Клин	68
27. Тонкино	49	57. Костино	—
		58. Кодочиги	—
		59. Колотуха	69
		60. Крапивки	—
		61. Кубня	70

132. Как Булат Батр и Пугачев
Казань взяли 131
133. Дело Осокиной 132
134. Дарьино 136

О ремеслах, промыслах и мастеровых людях

135. Каменные караваи 139
136. Как в Павлове ремесло
завелось 140
137. Павловские умельцы 141
138. Пурешане 142
139. Хохлома —
140. Наше ремесло 144
141. Мастер-чародей 146
142. О строителе Строгановской
церкви 147
143. Городецкие мастера —
144. Копьев 148
145. Водоход Кулибина 150

О богатырях

146. Живой Камень 153
147. Конар 155
148. Силач Балдась —
149. Ковш 156
150. Алмуш-батыр и Яппар ... 157
151. Почему татары не взяли
Нижний 159
152. Коромыслова башня —
153. Предания о Татарке 162
154. Улл и Субздей 166
155. Мост Азамата 167
156. Земляной мост богатыря .. —
157. Богатырь Суреч 168
158. Иван Заикин 169

159. Фадей Шамонин 170
160. Богатырь Урем 171
161. Савруш —
162. Мячин 172
163. Про Никитушку Ломова...173
164. Сокол 176
165. Роцин и Чудаков —
166. Богатырша 177
167. Девушка-богатырь —
168. Бой казачки с богатырем..178
169. Падение Волжской Булгарии..179
170. Как земля спасла русского
богатыря 180

Про разбойников

171. Крутой 183
172. О разбойниках 184
173. Бармино —
174. Ляля 186
175. Лялины горы 189
176. Саввин бор 190
177. Галанькина гора 192
178. Щедровка —
179. Поп Сорока 193
180. Параша —
181. Про Катерину-разбойницу..198
182. Про разбойничьего атамана .. —
183. Об удалых сестрах-разбойницах
Парашке и Уляшке 199
184. Любовь Кудеяра 200
185. Шихраны 201
186. Гусевы с реки Тарки 202
187. Про Чубарова —
188. Утес двух братьев-атаманов ..203
189. В Жигулях 204
190. Натальино 205
191. Гора Романиха 206

192. Стан —
 193. Курносово болото —
 194. Про Рощина и атамана ... 207
 195. Разбойник из Юркова —

223. Лучинник —
 224. Пушкинский колокол ... 238
 225. Ермолаев колодец —
 226. Нестеркин пруд..... 240

О местных жителях и известных исторических лицах

196. Воцарение Ивана Грозного 211
 197. Поход Ивана Грозного —
 198. Предание о походе Ивана Грозного 212
 199. Помощь царю 214
 200. Кожваши 215
 201. Как взяли Сундырь —
 202. Как взяли Казань-город . 216
 203. Падение Казани 217
 204. Марийский богатырь и Иван Грозный —
 205. О чувашском гусляре 219
 206. Стародевичье 220
 207. О крещении —
 208. Дар Ермака 221
 209. Ермак и ермаковцы 222
 210. Наказание Волги 223
 211. О Девичьих Горах 224
 212. Ратово 227
 213. Воротынец —
 214. Монахиня-атаманша 228
 215. Петр Первый в Васильурске 230
 216. О Петре Первом —
 217. Петр Великий решил 231
 218. О Василии Рощине —
 219. Про Рощина 233
 220. Смерть Рощина 234
 221. Медвежий парад 236
 222. Черное село..... 237

О народных заступниках

227. Ураково 243
 228. Урак и Стенька 244
 229. Теньки — пристанище разинцев —
 230. Предание о Степане Разине...245
 231. О Степане Разине —
 232. Народ о Степане Разине...246
 233. Разинцы возле Чебоксар...247
 234. Степан Разин в Макарьеве....—
 235. Разинцы под Нижним Новгородом 250
 236. Разинцы на Нижегородской земле 251
 237. В верховьях Керженца ... 254
 238. Мордва о Степане Разине ... 255
 239. Во время Крестьянской войны —
 240. Теплые острова 256
 241. Подарок Разина 257
 242. Путь через Переволоку —
 243. Волшебный платочек 259
 244. Трубка Разина —
 245. Зимовье Стеньки Разина 263
 246. Разин наслал змея —
 247. Разин-еретик 264
 248. Марина-безбожница и Стенька Разин —
 249. Про Степана Разина 265
 250. Утес Стеньки Разина 266
 251. Атаман Волги —
 252. Разин и колдунья 267
 253. Божий городок..... 268

254. Разинская сбруя	270	287. Дары Степана Разина	299
255. Переправа Пугачева	—	288. Разинский клад	—
256. Дуб Пугачева	271	289. Трубка Стеньки Разина ..	300
257. Шемякей — воин Пугачева —		290. Разинцы на Суре	—
258. Пельмени	272	291. Сенина Рамень	—
259. Рассоха	—	292. На горе Лепешке	301
260. Емельян Пугачев в Ядрине	273	293. Предание о Степане Разине ..	—
261. Необычные жеребеи и		294. О кладе Василия Рощина..	302
картечь	275	295. Клад	303
262. Пугачев в Саратове	276	296. О кладях	304
263. Про Пугачева	277	297. О кладях Макарьевского	
264. Пугачевцы в Лукоянове...278		монастыря	—
265. Хоршеваши	—	298. Клад Махона	306
266. Пугачевские дороги	279	299. Подарок старика	—
267. Расплата Пугачева с купцом..	—	300. Заколдованный клад	307
268. Про Пугача	280	301. Про клад	308
269. Краснослободск	—	302. Собака обратилась в золото...309	
270. Генерал Пугачева	—	303. Клад не дался	—
271. Пугачев в Арзамасе.....	281	304. Клад давался	311
272. Булат Пугачева	—	305. Не сумел взять клад	312
273. Горькая смерть	282	306. Тайное подземелье	313
274. Аристов овраг	283	307. Клады Пугачева	314
275. Рельское озеро	284		
276. Пугач и Салтычиха	285		
277. Как сын родителей спас...286			
278. Про Антона Петрова	288		

О кладях и магической силе земли и сокровищ

279. Худояров городок	291
280. О кладях и курганах	293
281. Братыньское озеро	295
282. Могила князя Болтуша	—
283. Пристань	296
284. Соловецкие разбойники..	297
285. Клад разинцев	—
286. Разинский камень	298

Топонимические предания

308. Селигер и Ильмень	317
309. Волга и Кама	—
310. Самара	318
311. Вазуза и Волга	—
312. О Днепре, Волге и	
Западной Двине	319
313. Волжские пороги	—
314. Шутки илистой Кудьмы...320	
315. Волжская коса	321
316. Река Ветлуга	322
317. Сура	323
318. Речки Пьяна и Вад	324
319. Линда	325

320. Келя	—	358. Красное болото	—
321. Речка Тужа	—	359. Мучное болото	365
322. Сергачка	326	360. Козлово болото	—
323. Дрязга	—	361. Чертово болото	366
324. Оза	327	362. Овраг у озера Светлояр	—
325. Кокшага	—	363. Кладовые овраги	—
326. Речка Илиндик	328	364. Голодаев лог	367
327. Мочкаушка	330	365. Овраг Степана Разина	—
328. Свеча	—	366. Пашин овраг	368
329. Томилиха	331	367. Овраг Кавлей	—
330. Узола	—	368. Овраг Ильмона	—
331. Елховка	—	369. Сударев овраг	369
332. Пешик Чирма	332	370. Овраг Шпреле-вар	—
333. Рудка	—	371. Ложбина Савтеби	370
334. Легенда о реке Великой...333		372. Камень-конь и камень-жеребенок	—
335. Керженец	335	373. Курганы удмуртского богатыря	372
336. Речка Почайна	—	374. Перемиловские горы	373
337. Река Пьяна	338	375. Гора Дина	—
338. Пьяна-река	339	376. Баранья Гора	374
339. Речка Осовец	—	377. Оленина гора	375
340. Река Яхта	340	378. Казачий бугор	—
341. Садко благодарит Волгу ...	—	379. Ильина Гора	376
342. Кудьма	341	380. Холм Чегерчик	—
343. Текун-озеро	353	381. Гора Городская	377
344. Пустыньские озера	354	382. Мирошкина гора	378
345. Озеро Нестияр	355	383. Бабья гора	379
346. Лебяжье озеро	357	384. Маришкина гора	380
347. Озеро Эрнеслу	—	385. Гора Семи братьев	—
348. Анненское озеро	358	386. Оленья гора	381
349. Озеро Котюрево	—	387. Стенькин остров	—
350. Тихое озеро	359	388. Бугор Степана Разина	382
351. Озеро Горюн	361	389. Утесы над Волгой	383
352. Озеро Разина	362	390. Курган Филинятник	384
353. Казачья запруда	—	391. Челновая гора	—
354. Святое озеро	363	392. Пановы и Кирилловы горы ...	—
355. Колодливое озеро	—	393. Гривы	385
356. Соленое озеро	364		
357. Озеро Таир	—		

463. О происхождении чувашского народа 430
464. Как чувашаи пришли к Волге 431
465. О возникновении марийского народа 432
466. Про лося —
467. Христов братец 433
468. Царевич Евстафий 434
469. Микола и Касьян —
470. Каждому по заслугам 435
471. Про народное пение 436
472. Илья Пророк и Никола .. 437
473. Николай Чудотворец 440
474. Чудотворец Макарий 443
475. Макарий-Притыка 447
476. Георгиев камень 448
477. Легенда о святом Варнаве ... 449
478. Отец Серафим 450
479. Старец Герасим 451
480. Отчего медведь стал человека бояться 453
481. Микола-угодник и охотники .. 454
482. Чудо на мельнице 455
483. Рах-разбойник 456
484. Это случилось в деревне Упрам 457
485. О городе Василе-Сурском и озере Нестяры —
486. Кирилловы горы 458
487. Легенда о священнике —
488. Про охотника 462
489. Тараташ 463
490. Село Успенское Макарьевской округи —
491. Сила молитвы 464
492. Как мордву крестили —
493. Дятлы спасают православного 465
494. Солдат и Смерть —
495. Смерть праведного и грешного 467
496. Правитель Темень 468
497. Как лошадь простила обиду 470
498. Откуда медведи пошли —
499. Про помещика Цветкова .. 471
500. Бывали и такие «чудеса» 472
501. Про рыбину —
502. О чудесной западенке 473
503. Пещера 474
504. Чертово городище 475
505. Стерляжий царь —
506. Вот раз плывет шляпа по Волге 476
507. Про купца, который нищих не принимал 477
508. В богатстве правды нет .. 478
509. Дорога диких гусей —
510. Медведь — это проклятый человек 479
511. Почему видна девушка на Луне —
512. Каменные богатыри 480
- Словарь устаревших, диалектных и иных малопонятных слов, встречающихся в текстах ... 481**
- Словарь географических названий, упоминаемых в текстах 484**
- Примечания 502**

Легенды и предания Волги-реки

Составитель **В. Морохин**

Художник **В. Любимов**

Макет **Г. Щеглов**

Подписано к печати 1.11.2002. Формат 60×84 1/16. Гарнитура «Школьная».

Печать офсетная. Усл.-печ.л. 31,62. Уч.-изд.л. 26,5.

Тираж 5000 экз. Заказ 4290030

Издательство «Книги»

603057, Нижний Новгород, ул. Бекетова, 24/2

Лицензия ИД № 05080 от 18.06.2001

Отпечатано с готовых диапозитивов в ФГУИПП «Нижеполиграф»

603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32

